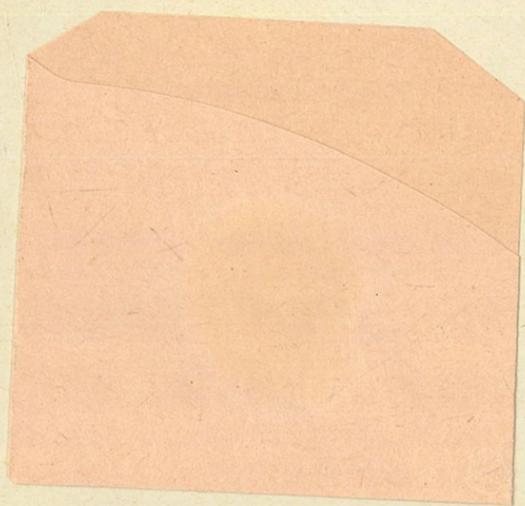

05 Черокинский
вешник
1888 апрель.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1888

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1888 г.

	СТР.
I. Р. П. Гаевскій. (Некрологъ).	I—IV
II. Аракчеевскій сынокъ. Гл. XIII—XIX. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса.	5
III. Изъ семейной хроники. Гл. XIII и XIV. (Продолженіе). Л. Н. Павлицева.	35
IV. Встрѣчи на жизненномъ пути. III. Александръ Андреевичъ Ивановъ. П. М. Ковалевскаго.	60
V. Лакейская столица. Гл. VIII—XIV. (Окончаніе). С. Н. Терцигорова.	75
VI. Императоръ Николай I и прусскій дворъ. Гл. V и VI. (Окончаніе). С. С. Татищева.	104
VII. Воспоминанія М. А. Бретчмера. Гл. V и VI. (Продолженіе).	125
VIII. Значеніе Малой Азій для Россіи. А. В. Елисѣева.	142
IX. Дневникъ Н. А. Полевого. (Окончаніе).	163
X. Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время. Гл. VIII и IX. (Продолженіе). П. П.	184
<p>Иллюстраціи: Пульчинелло, 1685. — Майе, по рис. Ксавье (карикатура Карла X). — Готье-Гаргилль. — Толстый Гильомъ. — Тюрюпэнъ. — Докторъ (арлекинады). — Гильо-Горжю. — Капитанъ Матаморъ. Бригелль. — Жакманъ-Жадд. — Гандолэнъ. — Стентерелло. — Таборэнъ. — Театръ Таборэна и Мондора на Новомъ мосту. — Жокриссъ. — Шодрюкъ-Дюкло въ Палэ-Ройялѣ. — Шуть. — Кавалеръ ордена Дураковъ, въ г. Клэвъ. Мать Дураковъ въ Дижонѣ (рѣзное на деревѣ изображеніе). — Шутовской жезлъ Матери Дураковъ. — Жезлъ Общества Матери Дураковъ. — Штандартъ Общества Матери Дураковъ. — Мать Дураковъ (предсѣдатель Общества Дураковъ). — Колесница Матери Дураковъ, по рисунку Дю-тиллио. — Шуть, по рисунку Кальо.</p>	
XI. Критика и библиографія: Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I. (1688—1701). Спб. 1888. П. П. — Викентій Лауеро; Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574, 1578 гг., и его неизданныя донесенія кардиналу Кожскому, статья секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику Римской курии, въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ, по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ архивѣ и изданныя Федоромъ Вержбовскимъ, проф. Императорскаго Варшавскаго университета. Варшава. 1887. А. Н. — Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Издавъ подъ редакціей О. Ф. Миллера. Рисунки К. А. Газенкампа. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1888. С. — Топографія Оренбургской губерніи. Сочиненіе П. И. Рычкова 1762 г. Оренбургъ. 1888. Б.	211
XII. Заграничныя историческія новости.	222
XIII. Смѣсь: Девятисотлѣтіе крещенія Руси. — Отчетъ литературно-драматическаго Общества за 1886—1887 годъ. — Юбилей О. У. Солицева. — Некрологи: Е. А. Петерсона, А. Т. Трофимова, В. Н. Майнова, Н. В. Каировой, Е. С. Федорова-Чмыхова.	231
XIV. Замѣтки и поправки: Поправка къ «Семейной хроникѣ» г. Павлицева. Д. Бо-родина. — Къ воспоминаніямъ г-жи Яковлевой.	237
XV. Периодическія изданія и книжное дѣло въ Россіи въ 1887 году. Л. Н. Павленкова.	240

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Виктора Павловича Гаевского. 2) Ганзейцы. Историческій романъ Оскара Гекёра. Съ иллюстраціями. Гл. XVI—XXIII. (Продолженіе, съ двумя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXII

Ma 139

05
190

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XXXII

1888

NA

200192

ЗВРЕНУ 1961 р.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА
ВІСТІВКА

ІСТОРИКО-ІНТЕРНАЦІОНАЛЬНИЙ ЖУРНАЛ

Т О М 8 К Н 1

1888

№ 1 1981 р.

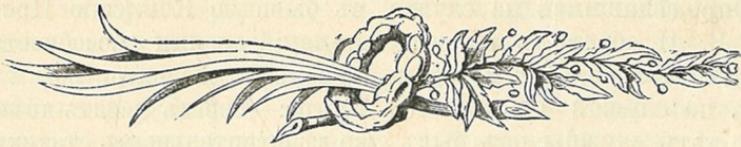
БІБЛІОТЕКА АН СРСР
Державна бібліотека

1888

ВИКТОРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАЕВСКІЙ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 26 МАРТА 1888 Г.

В. П. ГАЕВСКИЙ.

(Некрологъ).

2-го марта, въ 6 часовъ вечера, послѣ долгихъ и тяжелыхъ страданій, скончался Викторъ Павловичъ Гаевскій — одинъ изъ учредителей «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», много разъ бывшій предсѣдателемъ этого Общества, извѣстный знатокъ Пушкинскаго періода нашей литературы, другъ Тургенева, Некрасова, Григоровича, Полонскаго и всей плеяды нашихъ лучшихъ писателей блестящаго періода 60-хъ годовъ. Покойный В. П. Гаевскій, при жизни пользовавшійся почетною извѣстностью въ выдающихся петербургскихъ литературныхъ и художественныхъ кружкахъ, былъ въ то же время весьма почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ и вполне заслуживаетъ того, чтобы мы помянули его здѣсь добрымъ словомъ.

Покойный родился 22-го января 1826 года, въ С.-Петербурѣ, гдѣ его отецъ, Павелъ Ивановичъ Гаевскій (человѣкъ умный и образованный), служилъ по министерству народнаго просвѣщенія и долгое время былъ директоромъ департамента при Уваровѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Получивъ хорошую домашнюю подготовку, Викторъ Павловичъ поступилъ сначала въ Ларинскую гимназію, гдѣ и пробылъ до IV класса; а изъ этого класса, за отличіе (какъ это водилось прежде) былъ переведенъ на казенный счетъ въ Императорскій Александровскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, въ 1845 году.

Опредѣлившись на службу въ бывшую Комиссію Прошеній, В. П. обратилъ на себя вниманіе своими способностями и замѣчательною въ молодомъ челоуѣкѣ дѣловитостію, и пошелъ по службѣ чрезвычайно быстро:—черезъ десять-двѣнадцать лѣтъ службы онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Всѣ пророчили ему блестящую служебную карьеру, и она дѣйствительно ему предстояла въ будущемъ; но... судьба рѣшила иначе, и указала Виктору Павловичу иную дорогу.

По выходѣ изъ лица, онъ страстно предался занятіямъ литературнымъ и имъ посвящалъ все свободное отъ службы время. При отличномъ знаніи иностранныхъ языковъ, постоянно работая надъ пополненіемъ своего образованія, Викторъ Павловичъ ревностно слѣдилъ за современною европейскою литературою и сильно увлекался тѣми общественными идеалами Запада, на которыхъ воспитались и выросли наши русскіе люди сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ. Принадлежа къ кружку «Современника», отъ времени до времени онъ помѣщалъ въ немъ свои литературные и критическіе опыты и, между прочимъ, напечаталъ свои прекрасныя статьи о Дельвигѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину. Дѣятельно работая въ журналѣ, Викторъ Павловичъ вполне раздѣлялъ и тѣ увлеченія кружка, которыя привели журналъ къ печальной развязкѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Вѣря въ возможность быстрого перерожденія Россіи при помощи пересаженныхъ на русскую почву западныхъ учреждений и общественнаго устройства, Викторъ Павловичъ увлекался и дѣятельностью Герцена, и былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что произведенія вольной лондонской типографіи должны были принести огромную пользу молодой, нарождающейся Россіи. На этомъ основаніи онъ, наравнѣ съ множествомъ другихъ своихъ современниковъ, вошелъ въ сношенія съ Герценомъ, переписывался съ нимъ и помѣщалъ на страницахъ его журнала статьи и литературные матерьялы.

Когда, въ началѣ 60-хъ годовъ, началась извѣстная реакція и русское общество, послѣ урока, даннаго ему поляками, стало нѣсколько трезвѣе относиться къ современной жизни—для Виктора Павловича наступило горькое разочарованіе. По сдѣланному на него доносу, Викторъ Павловичъ былъ привлеченъ къ отвѣту, и хотя доносъ оказался несправедливымъ, но сношенія съ Герценомъ (очевидность которыхъ была несомнѣнна) настолько повредили Гаевскому, что онъ долженъ былъ оста-

вить службу и обратиться къ частной дѣятельности. Онъ перенесъ этотъ тяжелый ударъ съ замѣчательною твердостью, и какъ разъ въ то время, когда у насъ введены были въ дѣйствіе новые судебные уставы и открыты окружные суды—Гаевскій выступилъ въ рядахъ небольшого кружка нашихъ первыхъ адвокатовъ, имѣвшихъ мало общаго съ послѣдующимъ поколѣніемъ этого сословія.

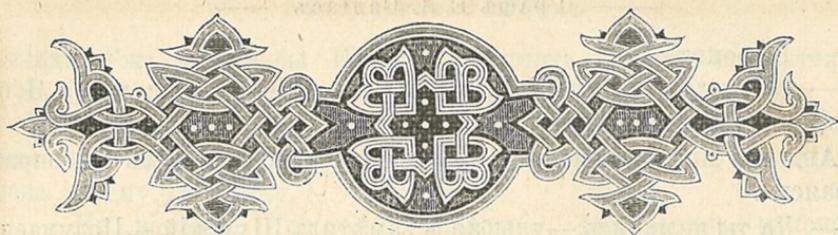
Занимаясь адвокатурою въ теченіе двадцати лѣтъ, Гаевскій счумѣлъ составить себѣ извѣстность человѣка, который ни за что не покривитъ душою и ни за какія деньги не приметъ на себя защиту грязнаго дѣла. Но адвокатура была для него неболѣе, какъ обязанностью, службою, неизбѣжнымъ заработкомъ... Всѣ досуги свои Гаевскій продолжалъ съ любовью посвящать искусству, литературѣ и библіографическимъ работамъ по Пушкинскому періоду, который онъ зналъ превосходно, по которому всю жизнь собиралъ матерьялы и готовился современемъ издать обширную монографію. Но досуги были рѣдки и кратки при необходимости посвящать все свое время адвокатурѣ — и это препятствовало литературнымъ работамъ Гаевского. Только уже покинувъ адвокатскую дѣятельность и заработавъ себѣ возможность спокойно трудиться въ свѣжей и бодрой старости, Гаевскій снова вернулся къ своимъ любимымъ занятіямъ, принялъ на себя редакцію отдѣла «лицейскихъ стихотвореній» Пушкина въ изданіи Литературнаго фонда и сталъ помѣщать нѣкоторыя литературныя работы въ «Вѣстникѣ Европы».

Но ни отдохнуть, ни поработать на досугѣ надъ любимымъ отдѣломъ литературы ему уже не пришлось... Грозный недугъ, давно овладѣвшій тѣломъ, начиналъ овладѣвать и духомъ этого человѣка, обладавшаго желѣзною волею и очень сурово относившагося къ себѣ. Въ октябрѣ 1887 года, Гаевскій окончательно слегъ въ постель—и никакія усилія медицинскихъ знаменитостей, слишкомъ поздно призванныхъ на помощь, уже не могли его спасти. Въ бреду онъ еще говорилъ женѣ: «Давай заниматься библіографіей! Я ее собиралъ двадцать лѣтъ... Ты не найдешь въ ней ни одной ошибки!..» Мысль все еще обрацалась къ любимымъ неоконченнымъ трудамъ, когда тѣло уже отказывалось служить... Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ женѣ отвезти въ Публичную Библіотеку сундучекъ, въ который сложилъ всѣ свои литературныя работы, замѣтки и выписки, а наверху положилъ свой весьма обширный дневникъ. Къ сундучку приложено

было письмо, въ которомъ онъ просилъ начальство Библиотеки вскрыть его дневникъ и записки не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти.

Двѣ недѣли спустя, онъ скончался, оплакиваемый многими, какъ честный и видный представитель того поколѣнія русскихъ западниковъ, которое страдало крупными недостатками, но за то и отличалось такими достоинствами, которыя — увы! — не повторяются въ нарождающемся литературномъ поколѣніи. Отличительною чертою русскихъ людей этого поколѣнія, кромѣ утонченной образованности, любви къ литературѣ, къ искусству и ко всему изящному, была чрезвычайная отзывчивость на всѣ явленія общественной жизни, на всѣ проявленія гражданственности. Покойный Викторъ Павловичъ былъ однимъ изъ весьма энергическихъ представителей этого поколѣнія и, не смотря на очень тяжелую работу, которая отнимала у него большую часть времени, онъ никогда не отказывался отъ службы на пользу общества и отдавался ей съ большимъ самоотверженіемъ, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ. Въ особенности, въ званіи предсѣдателя Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, онъ неоднократно оказывалъ этому учрежденію незабвенныя услуги, и оставилъ видный, неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ Общества. Онъ умѣлъ дѣлать добро незамѣтно, стараясь казаться сухимъ и холоднымъ, и не рассчитывая ни на чью благодарность... Миръ его праху!

АРАКЧЕЕВСКИЙ СЫНОКЪ ¹⁾.

ХІІІ.

ДѢЙСТВОВАТЬ! Не унывать! Дерзость всемогуща!..

Она его еще не любить... Она не стала бы лгать... Она сказала... «Не знаю, не думаю». Это искренно, правдиво, прелестно сказано! Она быть может способна полюбить его. Но теперь еще не любить. Меня не любить и говорить, что не может любить... Теперь?! Да. Увидимъ, что будетъ, когда я возьму ее... Но надо дѣйствовать...

Вотъ что думалъ и бормоталъ Шумскій, ворочаясь домой. Едва только вступилъ онъ въ свою квартиру, какъ приказалъ позвать мамку къ себѣ въ спальню.

— Ну, Авдотья... то бишь Дотюшка. Совсѣмъ пора тебѣ орудовать. Иди къ Пашутѣ въ гости. Скажись, что пріѣзжая изъ Грузина и тебя къ ней пустятъ. Готова ли ты свое-это... страшное слово-то говорить...

— Чтожь... На то видно воля Божья!—вздыхнула Авдотья. — Думала во вѣки никогда не сказывать. А вотъ стало быть надо... Вѣдь, сказываете, вся жисть твоя отъ барышни этой въ тоску обратилась. А все сказываете отъ Пашуты зависить. Ну, а на Пашуту я только одно слово знаю... Ничѣмъ ее другимъ не возьмешь... Стало быть, что же мнѣ-то дѣлать... Волей неволей—а мое это слово выронить надо...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 521.

— Выронить?!

— Вѣстимо... Душу выкладывать на ладонь—опасливо... Я бы во вѣки не стала... Твой указъ...

Авдотья произнесла это не весело, вздыхая и какъ бы оправдываясь...

— Да ты не винись,—улыбаясь замѣтилъ Шумскій.—Подумаешь со стороны, что я тебя оуждаю... Ей Богу!.. И хорошее дѣло, что у тебя есть на Пашуту такая острастка. А то бы чистая бѣда была. Смерть чистая была бы мнѣ.

— Вѣрю. Я не винюся, а такъ стало быть...

— Сегодня передъ вечеромъ и отправляйся къ своей фокусницѣ. Помни, что ты г. Андреева не знаешь. А про графа, про Грузино и про флигель-адъютанта Шумскаго говори барышнѣ, что хочешь. Пашуткѣ скажешь, что это мое послѣднее слово. Или она будетъ мнѣ слугой, или Настасья Ѳедоровна немедля вытребуешь ее въ Грузино. Если же она тогда въ отместку, уходя и прощаясь съ баронессой, откроетъ ей кто я такой, то пойдетъ въ Сибирь на поселеніе. Если исполнить всѣ мои приказанія, то получить вольную. Впрочемъ, она, каналья, все это давно знаетъ... И ломается!—прибавилъ Шумскій почти печально.

Въ сумерки Авдотья нѣсколько волнуясь собралась и въ сопровожденіи Копчика поѣхала на Васильевскій островъ.

За послѣдніе два дня Копчикъ ходилъ пасмурный, глядѣлъ на привязную мамку изъ подлобья. Онъ будто чуялъ, что названая мать его сестры Пашуты пріѣхала въ Петербургъ ей на горе, а не на радость.

Лакей сторяча предложившій Авдотѣ Лукьяновнѣ повидаться тайно отъ барина съ Пашутой—тотчасъ же раскаялся. Женщина не просила его объ этомъ, вслѣдствіе запрещенья своего питомца, а Копчикъ не повторялъ предложенья и молчалъ, ибо начиналъ бояться мамки.

Малый зналъ, что Авдотья любить его сестру какъ родную дочь, что Пашута тоже привязана къ ней всѣмъ сердцемъ, какъ къ своей спасительницѣ и второй матери.

«Но давненько объ онѣ не видѣлись», думалъ Васька. «Много воды утекло... Да и любви всякой предѣлъ бываетъ»... Кромѣ того, Васька видѣлъ и зналъ, что какъ бы Авдотья Лукьяновна ни любила Пашуту, все-таки ей ея питомецъ-баринъ много дороже. Ему она и Пашуту предасть.

Теперь же ей приходилось—Васька зналъ и понималъ это хорошо—выбирать между пріемышемъ и питомцемъ. На чью сторону склонится женщина—было ясно заранѣе.

«Что-то изъ всего этого выйдетъ? Помилуй Богъ мою Пашутку!»—думалъ Васька, провожая женщину въ домъ барона Нейд-

пильда. Ужъ лучше бы Пашутѣ уступить нашему затѣвателю... А то пропасть можетъ...

И Васька вплоть до дома барона молчалъ какъ убитый. Авдотья тоже была задумчива, изрѣдка вздыхала тяжело и не сказала ни слова своему спутнику.

— Ну, вотъ-съ, Авдотья Лукьяновна... выговорилъ, наконецъ, Копчикъ, указывая на домъ.—Приѣхали. Увидите вы не ту Пашуту, что знавали... Жаль мнѣ нельзя съ вами!

И молодой малый презрительно улынулся при мысли, что онъ, изрѣдка бывающій тайно у сестры въ гостяхъ, теперь не можетъ войти въ домъ, такъ какъ баринъ это узнаетъ отъ мамки. Просить ее позволить ему войти съ ней къ Пашутѣ и ничего не сказывать барину—напрасный трудъ.

Такимъ образомъ, Авдотья случайно съ перваго шага въ Петербургѣ становилась какъ бы во враждебныя отношенія съ нимъ, Васькой, и съ его сестрой.

Женщина вошла во дворъ дома, а Копчикъ вернулся обратно и доложилъ барину, что доставилъ мамку.

Вечеромъ квартира Шумскаго была противъ обыкновенія совершенно темна, а людямъ было велѣно отказывать всѣмъ, кто бы ни приѣхалъ.

Самъ хозяинъ сидѣлъ одинъ въ спальнѣ, въ халатѣ, не раздражительный и угрюмый какъ бывало часто за послѣднее время, а просто задумчивый и печальный.

Его пылкая натура будто начинала уступать гнету обстоятельствъ, дерзость и самонадѣянность временно уступили мѣсто тихой грусти.

— Что дѣлать?! Что?!—безъ конца повторялъ онъ и мысленно и вслухъ.—Храбриться можно, да толку мало.

Изрѣдка онъ прислушивался къ шуму на улицѣ и въ домѣ, какъ бы ожидая кого-то... Дѣйствительно, онъ нетерпѣливо ждалъ съ часу на часъ пріятеля Квашнина, за которымъ послалъ Копчика. За чѣмъ онъ звалъ пріятеля, онъ самъ не зналъ. Казалось просто затѣмъ, чтобы поговорить откровенно, душу отвести и пожалуй посоветоваться.

Наконецъ, раздались шаги въ сосѣдней комнатѣ. Шумскій всталъ на встрѣчу, но никто не входилъ.

— Кто тамъ? Квашнинъ, ты? Иди сюда!—крикнулъ онъ громко.

Дверь открылась и появилась маленькая и худенькая фигурка чрезвычайно не казистая на видъ. Затворивъ тихонько дверь, фигурка какъ-то съежилась и поклонилась подобострастно.

— А... Вотъ кто! Ну, что?—холодно произнесъ Шумскій, снова садясь.

Въ комнатѣ появился, уже нѣсколько дней отсутствовавшій, Лепорелло Шванскій.

— Приѣхаль-съ, Михаилъ Андреевичъ, — доложилъ Шванскій улыбаясь.

— Неужели?

— Да-съ... Приѣхаль сейчасъ.

— Вижу. Не слѣпой. Привезъ?

— Привезъ-съ?

— Не обманъ?

— Какъ можно-съ. Я съ тѣмъ бралъ, что если обманъ, то мы подь судъ отдадимъ, въ Сибирь сошлемъ.

— У кого досталь...

— Ъздилъ за сто тридцать три версты-съ отъ Новгорода-съ. Около Старой Руссы сказали мнѣ-съ... Живеть человѣкъ такой, не то знахарь, не то колдунъ. Во всей губерніи ему почетъ... Да и бояться его всеѣ страсть какъ... Вотъ я изъ Руссы, сказавшись подьячимъ изъ Москвы...

— Ну, ладно... Перестань... Это не любопытно. Давай сюда...

Шванскій растегнулъ сюртукъ, бережно досталь изъ бокового кармана что-то небольшое въ бумажкѣ и подаль молодому человѣку.

— Что такое?

— Пузыречекъ-съ...

Шумскій развернулъ бумагу и, вынувъ маленькую скляницу съ мутно желтой жидкостью, сталъ смотрѣть на нее...

— Ну, а если это ядовито?—пробормоталь онъ какъ бы самъ себѣ...

— Какъ можно-съ,—усмѣхнулся Шнанскій. — Онъ сказываль, божился предъ образами, что самое пустое средство. Только пріятный сонъ даетъ. И очень крѣпкій. Хотъ, говорить, пори человѣка розгами—не проснетя ранѣе положеннаго срока.

— Какого срока? Насколько часовъ дѣйствуетъ.

— На двѣнадцать-съ.

— Все это выпить? Заразъ?

— Нѣтъ. Тутъ на три раза. По ложечкѣ. Въ водѣ или въ чаѣ принимать. А все если дать сразу, то, говорить, будетъ человѣкъ сутокъ двое безъ просыпу и безъ всякого дыханія валяться, на подобіе мертваго. Даже весь похолодѣеть, и посинѣеть. Очень онъ просилъ всего не давать заразъ.

— Очень?—расхохотался вдругъ Шумскій.

— Да-съ.

— Просиль?

— Да-съ...

— Ахъ, мерзавцы!.. Чѣмъ торгуютъ... А?.. Сколько же ты заплатилъ.

— Сто рублей-съ.

Но голосу Шванскаго можно было догадаться, что онъ лжетъ

Какъ ни хитеръ и ни подлъ былъ онъ, но голосъ его лгать не умѣлъ.

— Ну, Богъ съ тобой... Рублей 75 нажилъ...

— Ей Богу-съ... Михаилъ Андреевичъ... Помилуйте.

— Не помилую. Но и не жалѣю. А вотъ что ты мнѣ скажи: Если это ядовито?.. А?

— Онъ мнѣ божился... Только пріятный сонъ-съ.

— Божился? Вотъ доказательство хорошее нашель дуракъ. Да ты-то развѣ сейчасъ не побожился, что сто рублей отдалъ. Вотъ что, другъ, Иванъ Андреевичъ, я еще слава Богу съ ума не сходилъ, чтобы не опробовавши эту дрянъ—дать выпить женщинѣ, которую обожаю... Стало бытъ, найди мнѣ на комъ испробовать.

— Мудрено-съ. На комъ же?

— Да ты скажи, крѣпко вѣришь ты, что это средство безопасное и хорошее, только крѣпкій да еще пріятный сонъ даетъ. Вѣришь ты самъ-то?!

— Вѣрю-съ. Вѣстимо... Совершенно-съ.

— Всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумніемъ?..

— Точно такъ-съ.

— Ну такъ и вышей ложечку...

— То-ись это какъ же-съ?..

И Шванскій разинулъ ротъ.

— Въ чаѣ или въ кофеѣ. Въ чемъ тебѣ пріятнѣе.

— Я то-ись не объ этомъ... А какже помилуйте я вдругъ пить буду... Зачѣмъ же-съ.

— Ради пробы, другъ сердечный.

— Что вы, Михаилъ Андреевичъ, шутите?!.. Ну, а на грѣхъ, если...

— А-а? — проораль Шумскій на весь домъ. — На грѣхъ, если подохну, молъ! Да! То-то, голубчикъ. Такъ снадобье-то для баронессы—ничего. Только пріятный сонъ дастъ. А ты подохнуть можешь...

Шванскій кисло улыбаясь развелъ руками.

— Ну, убирайся. Я и безъ тебя найду на комъ испробовать.

Шванскій вышелъ, бережно затворилъ за собой дверь и, двигаясь въ другой комнатѣ ощупью въ темнотѣ, покачалъ головой и проормоталъ:

— Самъ на себѣ испробовалъ бы. Чего вѣришь? А то вишь я розыщи, я привези, да я же и пей всякую пакость.

— Какую пакость пить? — раздался голосъ въ противоположныхъ дверяхъ.

Это былъ Копчикъ.

— Ахъ, это ты, Василій,—встрепенулся Шванскій.—Я такъ про себя. Ты откуда?..

— Ъздилъ по приказу,—рѣзко отозвался Копчикъ.

— Къ кому?

— Вамъ-то что же... Дѣло поручено было.

И Копчикъ, пройдя мимо Шваньскаго, вошелъ къ барину.

— Ну?— встрѣтилъ его Шумскій.

— Не могутъ быть. Хворають. Просятъ, если нужно, васъ самихъ пожаловать.

— Что у него?..

— Грудь заложило, сказывали,—усмѣхнулся Васька.—А люди говорятъ, что у нихъ одна ихняя барыня была днемъ и они очень шибоко повздорили. Она въ Петра Сергѣевича шандаломъ пустила и ушибла ихъ въ лицо. Можетъ отъ того и не ѣдутъ.

— О-го... Рожу разбила.

— Да-съ. На лбу синякъ малость видать. Шишка.

— И здоровая?!

— Средственная-съ.

Шумскій усмѣхнулся и, бросивъ трубку, снялъ халатъ и началъ одѣваться. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже на улицѣ и, взявъ перваго попавшагося на встрѣчу извозчика, приказалъ ѣхать въ Галерную.

XIV.

Квашнинъ жилъ въ небольшомъ домикѣ въ самомъ концѣ Галерной. Напрасно пріятели убѣждали его переѣхать ближе къ Невскому или къ казармамъ полка. Квашнинъ увѣрялъ, что ему жаль бросить квартиру ради очень порядочнаго садика, въ которомъ онъ постоянно копался, ухаживая за цвѣтами.

Въ дѣйствительности причины были совершенно другія, извѣстныя лишь немногимъ и хорошо извѣстныя Шумскому.

Преображенецъ Петръ Сергѣевичъ Квашнинъ былъ добрый, скромный, на видъ простоватый, но очень не глупый малый, золотой человѣкъ какъ товарищъ, исполнительный и примѣрный офицеръ, любимецъ начальства, товарищей и солдатъ.

У Квашнина не было на свѣтѣ ни единого врага, да и быть не могло при его мягкости во всемъ, какъ въ словѣ и въ движеніи, такъ и въ поведеніи, въ обращеніи со всѣми.

Онъ былъ высокій, стройный и красивый блондинъ на видѣ лѣтъ 25-ти, но собственно уже лѣтъ на десять старше Шумскаго.

Въ личности Квашнина было два совершенно разныхъ человѣка. Одинъ былъ порядливый и усердный служака, первый на ученьи, смотряхъ и парадахъ, отличный фронтовикъ и хорошій стрѣлокъ. Кромѣ того, онъ былъ «ученый» офицеръ, знавшій какъ «Отче нашъ» такія книжки, какъ «Ротное ученье», писавшій самъ уже нѣсколько лѣтъ маленькое сочиненіе подъ названьемъ «Значеніе карѣ въ бою, со временъ Карла XII и до нашего времени». Къ

этому сочиненію товарищи его относились, однако, очень жестоко-сердо. Однажды на заглавномъ листѣ, чисто переписанной рукописи, Квашнинъ нашель заглавіе зачеркнутымъ и надпись: «Злоключенья квашнинскаго карё отъ праотца Адама и до будущаго пришествія Мессіи».

Такъ какъ это сочиненіе писалось офицеромъ уже лѣтъ шесть и конца писанія онъ самъ не предвидѣль, то добродушно сносилъ всѣ шутки и прибаутки товарищей.

Но помимо службы, тамъ, гдѣ кончался, такъ сказать, преобразенецъ-офицеръ и гдѣ начиналась частная жизнь молодого чело-вѣка,—все было оригинально. Если по службѣ Квашнинъ копировалъ нѣкоторыхъ фронтовиковъ-солдафоновъ, выпедшихъ въ люди и даже въ сановники шагистикой и ружейными приёмами, то въ частной жизни онъ не копировалъ никого. Если онъ, быть можетъ, и началъ съ подражательства, то давно опередилъ и далеко оставилъ за собой оригиналь и пересталъ быть копіей съ кого-либо.

Квашнинъ былъ, какъ его звали товарищи, «любовныхъ дѣль мастеромъ», но не такимъ, какіе могли быть въ царствованіе Екатерины Великой и не такими, которые могли явиться впоследствии въ видѣ Печориныхъ.

У Квашнина бывало за разъ по три и по четыре «предмета», и всѣ эти предметы чередовались быстро. Все свободное отъ службы время онъ посвящалъ поискамъ красивыхъ женщинъ изъ какой бы то ни было среды, ухаживанью за ними и стараньямъ достигнуть цѣли, т. е. побѣдить и вписать въ число своихъ метрессъ. Не проходило недѣли, чтобы у Квашнина не появлялось новой знакомки, барыни, мѣщанки, горничной, русской, нѣмки, шведки. Не проходило недѣли, чтобъ онъ не разошелся съ какой-либо прежней побѣдой...

По вечерамъ онъ никого изъ товарищей къ себѣ не пускалъ, такъ какъ вечера предназначались для его «подругъ» и посвящались дамскому обществу... Часто случалось, и это особенно забавляло его, что у него случайно встрѣчались соперницы, сами того не подозрѣвая. Каждая въ свою очередь считала себя предметомъ красиваго преобразенца, а собесѣдницу свою просто гостьей или родственницей офицера. Когда обманъ обнаруживался—случались шумные разговоры, бывали иногда и легкія стычки, въ которыхъ примирителю тоже доставалось.

Ближайшимъ товарищамъ Квашнина было хорошо извѣстно одно сраженіе, происшедшее въ квартирѣ офицера съ годъ назадъ. У Квашнина съѣхались, совершенно случайно, три «предмета»—ревельская бѣлобрысая нѣмочка, цыганка изъ Московскаго хора гостившаго въ Петербургѣ, и сосѣдка по квартирѣ, молоденькая дьяконица... Квашнинъ сплеховалъ, гости поняли, что онъ всѣ три не простые гости... Нѣмочка осторожно спаслась бѣг-

ствомъ, но цыганка, шустрая, и молодець на всѣ руки, сочла долгомъ удовлетворить свое оскорбленное самолюбіе, а дьяконица храбро встрѣтила врага. И не смотря на краснорѣчивыя увѣщанія Квашнина, произошло такое побоище, что пришлось послѣ него отремонтировать квартиру, исправить мебель, стекла въ рамахъ и купить новую чайную посуду...

Но главная бѣда—огласка—случилась по другой причинѣ.

Къ довершенію всѣхъ золъ, дьяконица, ушедшая домой въ плачевномъ видѣ, не сѣмѣла или не смогла скрыть отъ мужа этого своего несчастнаго вида и объяснила мужу все происшедшее съ ней совершенно иначе. На другой же день отецъ дьяконъ отправился къ командиру полка, обвиняя господина поручика Квашнина въ томъ, что онъ встрѣтилъ его жену на улицѣ и, будучи не въ трезвомъ видѣ, исколотилъ ее безъ всякаго повода.

Разумѣется, дѣло окончилось благополучно, такъ какъ Квашнину пришлось покаяться въ истинной правдѣ.

Главная характерная черта въ поведеніяхъ этого Невскаго Донъ-Жуана своего времени заключалась въ томъ, что всѣ его предметы не только ничего ему не стоили деньгами, но всѣ бывали имъ же обложены податями и налогами.

У офицера не было почти никакого состоянія, а денегъ бывало всегда довольно. Кромѣ того, почти все, что онъ имѣлъ въ квартирѣ, явилось и являлось въ видѣ подарковъ и подношеній «вѣрному другу» отъ побѣжденной имъ прелестницы.

Не говоря уже объ массѣ вышитыхъ подушекъ, вязаныхъ одѣялъ, шитыхъ туфель, трубокъ и кисетовъ, халатовъ, ермолокъ, галстуковъ,—все бѣлье своеобразнаго Донъ-Жуана никогда не бывало куплено, а всегда шилось «дорогими ручками». Счета портного и сапожника, равно магазинъ офицерскихъ вещей, иногда и булочникъ,—все уплачивалось тѣми изъ жертвъ неотразимаго покорителя сердець, у которыхъ были средства. Наконецъ, даже квартира Квашнина уплачивалась домохозяйкѣ-вдовѣ сердечной привязанностью, а не деньгами.

Въ этомъ отношеніи Квашнинъ былъ лишь подражателемъ молодежи иной поры, боярской, временъ Екатерины Великой. Тогда молоденькіе и небогатые офицеры гвардіи открыто хвастались существованьемъ насчетъ своихъ покровительницъ. Это было въ обычаѣ. Теперь нравы измѣнились и хотя было еще почти тоже, но уже нѣсколько скрывалось отъ постороннихъ, если не отъ товарищей.

Разумѣется, Квашнинъ ни разу не былъ ни влюбленъ, ни даже просто заинтересованъ кѣмъ-либо. Все это было или шалостью, ради забавы, или необходимостью, ради прямой выгоды.

Но одновременно, и уже съ незапамятныхъ временъ, Квашнинъ носилъ на груди, не снимая и никогда не скрывая ни отъ кого,

иногда надѣвая даже поверхъ халата, большой золотой медальонъ съ чернымъ эмальированнымъ крестомъ.

Въ одной половинѣ медальона были русые волосы, а въ другой—акварельный портретъ молодой женщины не очень красивой, но съ «томнымъ» взглядомъ.

Квашнинъ говорилъ друзьямъ серьезнымъ голосомъ:

— Эта одна была для меня все!

И всегда самъ подшучивая надъ всѣми своими предметами, Квашнинъ насчетъ этого медальона шутокъ не любилъ, становился мраченъ, глядѣлъ обиженно на неосторожного шутника и даже иногда прекращалъ за это знакомство.

— Шутите надо всѣмъ! Я и самъ не прочь пошутить,—говорилъ онъ.—А «это» оставьте! Это другое совсѣмъ. «Оно» вотъ гдѣ!..—показывалъ онъ на сердце.—Все это тутъ кровью написано... И теперь еще вспомнить тяжело. А говорить объ этомъ еще тяжелѣе.

И случалось Квашнинъ измѣнялся въ лицѣ говоря «объ ней». Товарищи смутно знали кой-что, знали, что «она» была полька, варшавянка, что она бѣжала отъ мужа, и кончила романически,—утопилась... И ежегодно аккуратно, 4-го мая, Квашнинъ ходилъ въ церковь, заказывалъ обѣдню за упокой Маріи, молился горячо и затѣмъ весь день проводилъ дома, никого не видя, кромѣ самыхъ близкихъ друзей.

Роковое квашнинское 4-е мая было извѣстно не только въ преображенскомъ полку, но и въ другихъ полкахъ. Предполагали, конечно, всѣ, что именно въ этотъ день варшавянка Марія покончила свои счеты съ жизнью. Самъ же Квашнинъ объ этомъ никогда ни единымъ словомъ не обмолвился.

У образцовъ въ кюотѣ висѣлъ шелковый розовый платочекъ. И хотя Квашнинъ тоже никогда не сказалъ никому, что это за платокъ, но всѣ товарищи тоже знали, или передавали другъ другу общую догадку, что это платокъ утопленницы, найденный на мѣстѣ ея насильственной смерти.

Таинственная и трагическая исторія прошлаго Квашнина, медальонъ и платочекъ, 4-е мая и заупокойная обѣдня, сдержанность и обидчивость молодого офицера по отношенію къ этому грустному воспоминанію,—все это было давно и очень многимъ извѣстно, но смутно, по догадкамъ, и въ противурѣчивыхъ подробностяхъ.

Была лишь одна личность на свѣтѣ, знавшая близко и хорошо всю исторію варшавянки Маріи. Это была старшая сестра Квашнина, замужняя женщина уже лѣтъ сорока и мать многочисленнаго семейства, которая пріѣзжала изъ провинціи разъ въ годъ повидаться и погостить мѣсяцъ у брата. Она одна знала всю правду. И ей, каждый почти разъ, Квашнинъ говорилъ, показывая на медальонъ или на платокъ:

— Смотри, Аннушка, не проговорись кому изъ товарищей объ этомъ.

— Будь спокоенъ. Я же не забыла и не безумная какая,—отвѣчала сестра добродушно.

— Это, Аннушка, для меня великая тайна ото всѣхъ... Ты меня зарѣжешь безъ ножа.

— Знаю. Знаю. Будь покоенъ.

Но тайна, которую знали они двое, братъ съ сестрой, была особая, не та, о которой догадывались товарищи-офицеры.

Сестра Квашнина знала, что медальонъ этотъ купленъ братомъ на ея глазахъ при распродажѣ выморочнаго имущества послѣ нѣкоей одиноко-умершей помѣщицы изъ губернскаго города. Чей былъ этотъ портретъ русой женщины, конечно, никто не зналъ. Равнымъ образомъ, откуда былъ платочекъ, повѣшенный теперь въ кіотѣ, ни Квашнинъ, ни сестра, хорошо не помнили. Кажется, это была находка Квашнина при развѣздѣ съ какого-то бала, которая вдругъ стала драгоценностью.

А тайна все-таки была! И не простая!.. Тайна характера добродушнаго, правдиваго и честнаго во всякомъ словѣ Квашнина. Считая ни во что, свои, чуть не ежедневныя, побѣды, относясь совершенно равнодушно или шутивно ко всѣмъ живымъ женщинамъ, которыя въ него влюблялись, иногда очень серьезно, онъ обожалъ, лелѣялъ, боготворилъ одну женщину, никогда для него не жившую, призракъ, предъ которымъ онъ привыкъ на словахъ, а затѣмъ и мысленно, преклоняться. Его кумиромъ была утопившаяся варшавянка Марія, которая была выдумана и никогда на свѣтѣ не существовала.

Портретъ и волосы принадлежали кумиру-призраку, уже болѣе десяти лѣтъ живущему въ воображеніи офицера. Однако, этотъ призракъ становился для него въ силу привычки какъ бы фактомъ прошлаго, и онъ, казалось, иногда уже почти вѣрилъ самъ въ свое измышленье.

Всякій, кто узналъ бы правду про Марію, медальонъ и платочекъ въ кіотѣ—объяснилъ бы дѣло просто—глупымъ хвастовствомъ, часто встрѣчаемымъ въ мужчинахъ. Но это сужденіе было бы полной ошибкой. Надо было искать объясненіе гораздо глубже...

Почему же Квашнинъ не хвастался сотнями побѣдъ и подсмѣивался надъ ними. Въ числѣ этихъ женщинъ были двѣ, жизнь которыхъ была, дѣйствительно, отравлена имъ, какъ говорится, разбита.

Года два назадъ, одна еще молодая женщина, покинутая имъ въ то время, когда она надѣялась на бракъ съ нимъ, отъ неожиданнаго удара вдругъ заболѣла и долго была при смерти. Другая, послѣ большихъ усилій снова сойтись съ Квашнинымъ и полной неудачи, съ горя постриглась въ монахини около Москвы.

Квашнинъ все это тщательно скрывалъ отъ товарищей и не находилъ возможнымъ или нужнымъ хвастаться этимъ, а наоборотъ мысленно подшучивалъ надъ «новой монашкой своего издѣлія».

Почему же онъ хвасталъ предъ товарищами измышленной варшавянокъ Маріей, грѣшилъ, заказывая по ней заупокойныя обѣдни и носилъ, не снимая ни днемъ, ни ночью, портретъ и волосы какой-то невѣдомой женщины. Кого же онъ обожалъ въ ней? Женщину отвлеченную! Понятіе о женщинѣ?.. «Многое есть на свѣтѣ, другъ Горацио, чего и не снилось мудрецамъ».

XV.

— Никакой пташки не спугнулъ я? Не помѣшалъ?—говорилъ Шумскій, входя въ квартиру пріятеля.

— Помилуй, тебя жду!—весело отозвался Квашнинъ, встрѣчая гостя.

— Можетъ у тебя собирались чай пить твои какія пріятельницы!—усмѣхнулся Шумскій.

— Нѣтъ. Ужъ были... На вотъ!..

И Квашнинъ, смѣясь, нагнулся, приподнялъ волосы на лбу и показалъ здоровую шишку.

— Шандаломъ!—кратко прибавилъ онъ.

— Были и били!—сострилъ Шумскій.—Ну, не въ первый разъ. До свадьбы заживетъ! А я хотѣлъ тебя повидать ради дѣла. Совѣта попросить.

— Чтобы ему не послѣдовать,—усмѣхнулся Квашнинъ.—Чтожь изволь. Я все-таки добрый совѣтъ другу дамъ.

Шумскій усѣлся на диванъ; хозяинъ опустился тоже на кресло и придвинулся ближе. Послѣ недолгой паузы, Шумскій заговорилъ просто, тихо, но какимъ-то неестественно-спокойнымъ голосомъ. Онъ сталъ рассказывать все то, чего еще пріятель не зналъ. Онъ объявилъ о прибытіи мамки, о доставленномъ Шваньскимъ снадобѣй отъ знахаря и, наконецъ, передалъ почти подробно свое роковое объясненіе съ возлюбленной.

Послѣ всего, Шумскій кратко объявилъ про свое, принятое безповоротно, рѣшеніе, и, наконецъ, смолкъ и вздохнулъ.

— Опоить дурманомъ, пролѣзть тайкомъ въ домъ и воровски взять?—проговорилъ Квашнинъ, оттягивая слова.—Все та же затѣя, что и прежде сказывалъ мнѣ. Такъ ли другъ? Три преступленія вмѣстѣ, въ одномъ.

Шумскій пожалъ плечами, какъ бы говоря: «разумѣется! понятно!»

Наступило молчанье.

Квашнинъ всталъ и заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ былъ видимо взволнованъ.

— И это рѣшеное дѣло. Безповоротное?—спросилъ онъ, останавливаясь предъ сидящимъ другомъ.

— На дняхъ будетъ сдѣлано!—равнодушно отозвался Шумскій, закуривая трубку, которую взялъ съ подстановки.

— Да вѣдь это безуміе...

— Можетъ быть. Но вѣдь я безъ ума и люблю...

— Слышалъ еще въ прошлый разъ. Ну, а если узнается и откроется, что ты былъ...

— Былъ не Шумскій, а Андреевъ. Ищи въ Питерѣ Андреева, а Шумскій уѣдетъ въ Грузино. Я на дняхъ назначенъ состоять при особѣ графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ и могу безвыѣздно жить въ Грузинѣ хоть сто лѣтъ.

— А если узнается именно, что это дѣло Шумскаго. Это вѣдь лишеніе флигель-адъютантскаго званія и ссылка въ гарнизонъ какой-нибудь. А то и хуже... Разжалованье въ солдаты!

— Пускай...

— Потеря всего. Положенья, честнаго имени, наконецъ, потеря... возможности жить въ обществѣ и въ столицѣ. Ты умрешь съ тоски въ какой-нибудь трущобѣ...

— Ахъ, милый другъ. Пойми, что мнѣ на все наплевать. У меня одно желаніе и одно мечтанье, чтобы женщина, которую я полюбилъ, была моею. Цѣной всего остального.

— Да вѣдь это гадость!—вдругъ закричалъ Квашнинъ, какъ бы не утерпѣвъ. — Вѣдь это преступленіе и гадкое, мерзкое...

— Разумѣется, — тихо отозвался Шумскій.

— И тебѣ все равно... У тебя хватаетъ на него духу.

— Стало быть.

— Ты дурной человѣкъ, Михаилъ Андреевичъ.

— Отвратительный... по вашему! — усмѣхнулся Шумскій. — Да, по вашему, а не по моему... Пойми ты, что я то, что я есть... Убить, зарѣзать кого, я не могу. Украсть даже не могу... Духу не хватаетъ. А эдакое дѣло мнѣ ничего... Совѣсть молчитъ... Вотъ и разсуди.

— Нужды не было! — тихо произнесъ Квашнинъ. — А будетъ нужда, зарѣжешь и украдешь. Это все одно и то же. Ты тутъ крадешь честь и этимъ убиваешь дѣвушку. Можетъ быть, она... съ ума сойдетъ, зачахнетъ, умретъ, а то съ собой покончить... То же убійство...

— Она спать будетъ!.. — рѣзко и грубовато выговорилъ Шумскій. — Проснется и ничего знать не будетъ...

Квашнинъ закрылъ лицо руками и выговорилъ:

— Охъ, гадко!.. Охъ, какъ гадко!.. Не дурачишь ли ты меня? Мнѣ что-то и не вѣрится. Ужъ очень богомерзко. Дурачишь что ли?

Шумскій молчалъ...

Квашнинъ сѣлъ снова и въ комнатѣ водворилась мертвая тишина.

— Что же тебѣ отъ меня нужно. Какого совѣта?—выговорилъ, наконецъ, Квашнинъ другимъ голосомъ, сухо и почти неприязненно.

— Да собственно ничего... Сказать хотѣлъ!.. А совѣтъ твой я вѣстимо исполнять не стану... Да это и не совѣтъ, сказать чело-вѣку не дѣлай, молъ, того, что рѣшилъ сдѣлать. Это, молъ, погубленіе себя. Знаю! Потеря своего положенія! Знаю. Дурной поступокъ. Знаю. Противузаконіе. Знаю... Ну, чтожъ мнѣ удавиться что ли. Застрѣлиться. Такъ я лучше это послѣ сдѣлаю. Это всегда усдѣть можно.

— Женись!—вдругъ воскликнулъ Квашнинъ.—Вѣдь она дво-рянка. Кто они такіе я не знаю. Ты фамиліи ихъ не сказываешь, но ты сказывалъ, она на придворныхъ балахъ бываетъ... Семья, стало быть, изъ высшаго круга! Такъ женись...

— Хотѣлъ...

— Ну, а теперь... Расхотѣлъ чтоль... Опомнись! Что ты!

— Она за меня не пойдетъ,—рѣзко выговорилъ Шумскій.— Отецъ не захочетъ отдать, да и сама она любить другого. Почти любить. Что? Молчишь? Видишь иного исхода нѣтъ. Одинъ исходъ.

— Преступленье законовъ. Хорошъ исходъ!

— Вашихъ...

— Какихъ это нашихъ... Про тебя они, стало быть, не писаны. Или всѣ писаны про другихъ.

— Конечно, не про меня. Я ихъ не признаю. Ихъ вы сочинили. Вы люди-человѣки, такіе же какъ и я. Это не Божескіе законы.

— Какъ не Божескіе. Что ты! Это заповѣди «Не укради! Не прелюбы сотвори!» Еще Моисеевы заповѣди!—вскрикнулъ Квашнинъ.

— То-то Моисеевы!—спокойно отозвался Шумскій.

— Господомъ Богомъ данныя ему.

— Ладно!.. Меня при этомъ не было. А съ чужихъ словъ пѣть я не охотникъ.

— Что ты, Михаилъ Андреевичъ... Такъ ты бы ужъ свои заповѣди или законы сочинилъ, новые...

— Я и сочинилъ!—усмѣхнулся Шумскій.—Первая моя заповѣдь: Добродѣтель есть мать всѣхъ пороковъ. Законъ писанъ умницей для дураковъ. Faites ce que je dis, et ne faites pas ce que je fais. Надо, братецъ мой, Петръ Сергѣевичъ, больше мыслями раскидывать, во всякой вещи до корня доходить, все глупое и негодное къ чорту отбрасывать. Надо жить на свой образецъ, а не такъ какъ тебѣ дурень какой сказываетъ... На свѣтѣ одно вѣрно: рожденіе, мученіе и смерть... Остальное люди выдумали...

— Такъ вѣдь эдакъ все стало быть... все... все...—Квашнинъ развелъ руками и залпулся на мгновенье.—Эдакъ у тебя все къ чорту пойдетъ... Все пустяки, да тринъ-трава, чтѣ ни есть на свѣтѣ. Это Вольтеровщина, да только не на словахъ, а на дѣлѣ. Госпо-

200/192

динъ Вольтеръ писалъ всякое такое въ книжкахъ, а самъ-то жилъ законно и порядливо, и кончилъ-то жизнь не въ крѣпости и не въ ссылке, а въ собственномъ богатомъ домѣ, говорятъ, чуть не во дворцѣ. А ты по его писаніямъ дѣйствовать хочешь. Ну и пропадешь. Чтожъ больше-то?

— И пропаду... Мнѣ себя не жалъ. Мнѣ все въ ней. Хочу я ее... Она мнѣ — все... А все остальное — ничего.

— Ну, такъ пропадай... Чтожъ я скажу. Видно тебѣ такъ на роду написано. Баловала, баловала тебя судьба. Дала тебѣ все какъ есть! И фигуру, и деньги, и важное положеніе, и отличья, и все... все... Тебѣ мало всего этого... Подай чего нельзя. Такъ видно и случиться долженствовало... По крайности всѣ твои завистники перестанутъ тебѣ завидовать, когда услышатъ, какъ ты кончилъ.

— Ну, а если все обойдется счастливо! Тогда что скажешь?— вдругъ вымолвилъ Шумскій веселѣе и даже улыбаясь.

— Скажу: счастливъ твой Богъ. Подивлюся. Но все-таки скажу, что ты...

— Что...

— Что ты не хорошо поступилъ, т. е. извини, подло, мерзко. Не подворянски, а похолопски.

— А твоя Марія изъ-за чего утопилась? Варшавянка?— произнесъ вдругъ Шумскій.—А позавчерашній годъ та, что постриглась въ монастырь...

— Это совсѣмъ иное дѣло. Я шутилъ, а она полюбила сильнѣй, думала женюся... Ну и пошла въ монастырь. Но я ее не дурманомъ и не силой...

— А Марія вотъ эта, что вѣкъ на груди носишь...

— Это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ, какъ честный человѣкъ говорю, я былъ ни при чемъ. Это не примѣръ. Вотъ тебѣ честное слово, не примѣръ. Тутъ не было преступленья законовъ.

— Заладилъ! Законъ — пугало огородное для воробьевъ, — раздражительно и капризно заговорилъ Шумскій. — Нельзя жить по законамъ, если жить съ ними нельзя. Хороши всѣ эти законы тогда, когда въ нихъ человѣку нужды нѣтъ. Исполняй законъ, если онъ не становится у тебя поперекъ дороги, а который душишь, давить, мертвить, жить не даетъ — чортъ съ нимъ, по боку его, въ дребезги его. И его, и все, и всѣхъ, что помѣха! Зачѣмъ я на свѣтъ родился. Мучиться, что ли, какъ всѣ. Нѣтъ, братъ, шалишь. Не за этимъ. А затѣмъ, чтобы братъ и взять все, что захочется!

— Да если всѣ эдакъ заговорятъ, то вѣдь міръ-то Божій кверху ногами станетъ!

— Всѣ такъ не могутъ заговорить, на десятокъ людей всегда есть девять остолоповъ, которые съ охотой рады, какъ волю, подъ всякое ярмо шеи подставлять. А еслибы этотъ міръ и перевернулся кверху ногами, то почему ты рѣшилъ, что тогда будетъ хуже. Я

думаю наоборотъ. Хуже того, какъ теперь живетъ людямъ—нельзя ничего и выдумать. А все отчего? Отъ выдумокъ людскихъ. Сами они себя связали по рукамъ и ногамъ всякими путами. А умный человѣкъ, зная, что всякій законъ, обычай, правило, и все эдакое мѣняются совершенно чуть не съ каждымъ столѣтьемъ—не можетъ уважать всѣ эти перчатки людскія...

— Перчатки?—повторилъ Квашнинъ, думая, что ослышался.

— Вѣстимо дѣло: перчатки... Даже вѣры и религіи человѣчскія перчатки. Придетъ такое время, что и религіи никакихъ не будетъ. Придетъ!

— Да вѣдь и Антихристъ тоже придетъ!—вымолвилъ Квашнинъ, хотя смутно повималъ то, что говорилъ Шумскій.

— Антихристъ,—усмѣхнулся Шумскій.—Конечно, онъ придетъ. Но придетъ не какъ врагъ людской, а какъ просвѣтитель народовъ, какъ истинный законодатель разумныхъ и не стѣснительныхъ законовъ, которые можно будетъ исполнять не становясь отъ этого несчастнымъ!—проговорилъ Шумскій оживясь.

— Вотъ надымилъ-то!—произнесъ тихо Квашнинъ.—Вѣдь это хуже еще Вольтеровщины! Это какое-то масонство. Ты масонъ что ли, Михаилъ Андреевичъ.

— Избави Богъ!—разсмѣялся Шумскій презрительно.

— Да порешь ты масонскую ахинею!

— Похоже...

— Похоже... Да. Они богоотступники.

— Нѣтъ, Петръ Сергѣевичъ. Я не масонъ. Масоны — дурни. Глупѣе ихъ нѣтъ! Они говорятъ надо всѣхъ людей любить какъ братьевъ. А я всѣмъ сердцемъ мать свою презираю и отца ненавижу... Сестерь и братьевъ не имѣлъ, а еслибы имѣлъ, то чую тоже не любилъ бы. Я никого никогда не любилъ и теперь никого не люблю, кромѣ «ея». Но себя я еще больше чѣмъ ее — люблю. Оттого я ею для себя и пожертвую. Все это просто, и ничего проще нѣтъ, какъ дважды два—четыре. Прощай. Домой пора. Мамка моя Авдотья ждетъ меня съ свѣжими вѣстями отъ баронессы Нейдшильдъ!

— Какъ?! Что?!—вскричала Квашнинъ, вскакивая со стула.

— Ну да. Вотъ кто! Знай!

Шумскій вышелъ въ переднюю, а Квашнинъ остался на мѣстѣ, какъ вкопанный!

XVI.

Въ тотъ же самый вечеръ въ домѣ барона Нейдшильда было темно и тихо.

Баронъ съ дочерью былъ въ гостяхъ. Только въ крайнемъ окнѣ дома виднѣлся свѣтъ, такъ какъ тутъ была комната любимой горничной баронессы. А у нея уже давно была дорогая гостья, которую она всячески угостила.

Въ тѣ самыя минуты когда Шумскій сидѣлъ у друга, Авдотья Лукьяновна, сытно поѣвъ и напившись чаю, сидѣла у приѣмыша, дивилась на свою Пашуту.

Когда мамка вошла въ домъ барона, то, не называя себя, велѣла доложить барышницей горничной, что къ ней пришла одна женщина повидаться.

Вскорѣ къ Авдотѣ въ переднюю вышла какая-то барышня и, въ полусумракѣ комнаты остановясь на порогѣ, холодно спросила:

— Кто ты такая?.. Откуда?

— Къ Прасковѣ я...

— Отъ кого? Что тебѣ нужно?

И въ то же мгновенье барышня эта присмотрѣвшись къ приходшей ахнула и всплеснула руками.

— Авдотья Лукьяновна! Господи! Какими судьбами?!

Но Авдотья въ полусумракѣ, да еще отъ природы близорукая— не узнала все-таки, кто къ ней бросился на шею, только голосъ кинувшейся къ ней барышни былъ положительно очень знакомъ.

— Да я же вѣдь Пашута. Богъ съ вами. Подумаешь, вы годъ не видали меня.

Но Авдотья въ себя не могла прійти и стояла вытаращивъ глаза.

Изъ Грузина еще очень недавно уѣхала горничная Прасковья, черноволосая, румяная, пригожая лицомъ съ гладко зачесанными назадъ волосами и съ длинной косой, ходившая въ ситцевыхъ платьяхъ, которыхъ было у нея три. Одно пестрое будничное, другое темно-сѣрое и третье розовое для праздниковъ.

А теперь предъ мамкой стояла барышня въ шелковомъ голубомъ платьѣ и въ какой-то мантильи. Волосы были обрѣзаны и рассыпались правильными локонами кругомъ головы. Въ ухахъ блестяли серьги, на рукѣ сіялъ браслетъ... Это была не пригожая горничная, а красавица барышня, генеральская дочка или что-либо подобное... Даже букли и локоны ея пахнуціе душистой помадой показались Авдотѣ много чернѣе, глаза ея много больше и быстрѣе, ростъ много выше, стройнѣе... Весь видъ другой...

— Да чтожь это?— выговорила, наконецъ, мамка и чуть не прибавила:—Наше мѣсто свято.

Но эта барышня уже давно повисла на шеѣ Авдотьи и цѣловала ее...

Затѣмъ она расплакалась и молча потащила свою названную мать за руку чрезъ всѣ комнаты.

Усадивъ Авдотью на диванчикъ, она стала предъ ней на колѣни и выговорила:

— Прежде всего, Авдотья Лукьяновна, говорите: на горе или на радость вижу я васъ. Хорошую вѣсточку или дурную привезли вы.

— Не пойму я тебя,—отозвалась женщина.

— Неужели вы за мной, волочить меня въ Грузино...

— Нѣтъ. Меня выписалъ Михайлъ Андреевичъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ... Вотъ все по порядку... Погоди. Дай себя оглядѣть. Чтожъ это ты? Вѣдь ты совсѣмъ... Богъ тебя знаетъ... Тебя и признать нельзя. Барышня какъ есть...

Пашута улыбулась, но не весело.

— Стало хорошо живется. Любить тебя твоя... баронесса чтоль... Одѣваетъ... Холить...

— Баронесса во мнѣ души не чаеъ. А я ее боготворю. На нее молиться можно. Она святая какъ есть...

— Ну-у?.. Что ты грѣшишь-то...

— Такой другой на свѣтѣ нѣтъ, Авдотья Лукьяновна. Увидите, узнаете, сами тоже скажете.

— Зачѣмъ же ты обстрижена-то. Не въ наказанье.

Пашута разсмѣялась.

— Это въ Грузинѣ Настасья наша стрижетъ дѣвушекъ ради посрамленья ихъ. А баронесса меня остригла ради того, что ей такъ нравится и мнѣ больше къ лицу. Красивѣе, говоритъ. У меня цѣлый шкафъ платьевъ. Смотрите. А вотъ комодъ. Полонъ бѣлья... А вещей-то, вещей—все мое вѣдь. Все...

— Да развѣ это твое все...

— Это моя горница.

— Твоя? Я чаяла мы въ ея горницѣ сидимъ эта? Твоя! И все это твое... Ну-у!..

Авдотья Лукьяновна развела руками.

Разспросивъ любимицу еще подробнѣе, женщина узнала, что баронесса, вѣроятно, дѣйствительно обожаеъ свою горничную, потому что обращается съ ней скорѣе какъ съ сестрой нежели съ прислугой. Она уже выучила Пашуту читать и писать порусски, хотя русскій языкъ ей и самой не родной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая Пашута уже очень изрядно выучилась говорить и на родномъ языкѣ своей барышни.

— Это по чухонскому-то?—ахнула Авдотья.

Похваставъ своей барышней и ея привязанностью, затѣмъ своимъ имуществомъ и новыми познаньями, Пашута еще болѣе удивила Авдотью своей властью въ домѣ. Желая угостить названную мать, Пашута приказала подать къ себѣ въ горницу цѣлый «господскій» обѣдъ. Авдотья дивовалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ и покушала не спѣша и плотно. Затѣмъ, женщина и дѣвушка сѣли за самоваръ и Пашута снова начала рассказывать про свое житье-бытье. Она передала Авдотѣ, что могла бы быть безмѣрно счастлива и на всю жизнь, а между тѣмъ, плачетъ всякій день. Причина была простая. Баронъ писалъ графу Аракчееву, что желалъ бы выку-

пить на волю дѣвушку дочери, но графъ даже не отвѣтилъ. Чрезъ брата своего Василя она знала, что Настасья Ѳедоровна писала сыну объ этомъ, говоря, что графъ не желаетъ ее отпустить на волю. вмѣстѣ съ тѣмъ, молодой баринъ, поставивъ ее на мѣсто къ баронессѣ, имѣлъ свои тайные виды и теперь ей одно остается — опять топиться какъ въ дѣтствѣ.

Пашута, сидя противъ Авдотьи, начала плакать. Она достала изъ кармана платочекъ съ красивымъ вензелемъ и утирала имъ слезы. И вензель замѣтила Авдотья, и опять невольно выговорила:

— Барышня какъ есть!

Дѣйствительно, никто бы не повѣрилъ, что эта молодая дѣвушка, простая дворовая, ходившая въ ситцевыхъ платьяхъ еще недавно. Смуглый цвѣтъ лица, почти южнаго типа, черные какъ смоль волосы, круто завитые въ мелкія колечки. Тонкія прямыя брови и поникіе черные глаза. Даже сухой овалъ лица, носъ съ горбиной и острый подбородокъ — все заставляло Пашуту смахивать не на русскую дѣвушку. А ея изысканный туалетъ, хорошо сшитое дорогое платье, плотно облегавшее красивыя формы полного тѣла, прибавляли обману. Это могла быть гувернантка французенка, итальянка, но никакъ не русская дворовая дѣвушка изъ-подъ Новгорода.

Одно только выдавало бы Пашуту опытному глазу. Красноватыя кисти рукъ, шероховатая кожа ихъ, и толстыя, короткіе пальцы. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ платья виднѣлись очень большія ступни ногъ, плоскія и широкія, которыя, казалось невольно, едва умѣщаются въ башмакахъ. На такихъ ногахъ и новая обувь кажется сношенной и разбитой.

Но эти красноватыя руки и толстыя ступни выкупались стройностью тѣла, легкостью и мягкостью всѣхъ движеній и, наконецъ, дѣйствительно красивымъ профилемъ съ блестящими умными глазами, съ живостью во всѣхъ чертахъ лица и почти дерзостью въ улыбкѣ тонкихъ губъ.

Если Пашута и прежде казалась пригожей въ своемъ пестромъ ситцевомъ платьишкѣ и считалась въ Грузинѣ самой красивой изъ всѣхъ, то теперь, конечно, она могла по праву назваться красавицей.

Баронъ однажды въ бесѣдѣ съ Шумскимъ, сравнивъ Пашуту съ красивымъ чертенкомъ — былъ только отчасти не правъ. Дѣвушка была нѣсколько полна для такого лестнаго наименованія.

XVII.

Было уже поздно, а женщина не собиралась домой. Умная Авдотья, выпытавъ и прослушавъ внимательно все, что ей передала ея любимица, снова глядѣла на нее во всѣ глаза и путалась мысленно... Эта Пашута, помимо лица и фигуры, какъ-то измѣнилась

и въ иномъ отношеніи. А въ чемъ, Авдотья не могла уловить и догадаться. Говорить ли дѣвушка стала иначе, выражаться и произносить слова, или держится она иначе, ходитъ и сидитъ не такъ какъ въ Грузинѣ... А давно ли?.. Давно ли она оттуда уѣхала?.. Да и говорить-то она все дѣло. Права она, а Мишенька ея не правъ выходить. Краснѣ говоритъ.

— Чудно! Диву дашься, хочешь не хочешь... произнесла, наконецъ, Авдотья въ полголоса и прибавила громче.—Вонъ оно что, Пашута, въ столицѣ да въ ходѣ пожить... Добрѣтъ человѣкъ... Вотъ какъ сытый, да отскобленный скребницей конь не ходитъ шагомъ, а все въ прискакъ, труситъ, да ноги поджимаетъ. У насъ на графскомъ конномъ заводѣ такъ-то. Я завсегда дивовалась на этихъ коней. Вотъ и ты Пашута эдакъ же... Отчистили тебя. Отхолили. Ну играть бы тебѣ. А ты вотъ плакать третій разъ принимаешься!

— Вы стало быть, Авдотья Лукьяновна, ничего не знаете или на свой ладъ все понимаете. Зачѣмъ меня Михаилъ Андреевичъ сюда выписалъ и къ баронессѣ опредѣлилъ. А теперь зачѣмъ васъ выписалъ тоже. Зачѣмъ онъ сюда подъ прозвищемъ маляра Андреева ходитъ. Что онъ замыслилъ, а мнѣ приказываетъ помогать себѣ. Знаете вы все или ничего не знаете?!

— Знаю. За этимъ я и привезена сюда, чтобы тебя глупую усовѣстить. Тебя мой Мишенька облагодѣтельствовалъ, а ты вотъ благо дворянкой одѣлась, грубіанствовать стала и его не слушаешься, противничаешь...

— Ахъ, Авдотья Лукьяновна!—воскликнула Пашута отчаянно.—Да вы поймите, могу ли я предать какъ Гуда какой мою барышню, которая меня любить такъ, какъ ни вы, никто другой никогда не любили.

И Пашута сразу рѣшилась все прямо открыть женщинѣ, безъ утайки. Дѣвушка горячо, страстно и съ малѣйшими подробностями передала Авдотѣ всѣ свои прежнія совѣщанія съ Шумскимъ, ихъ уговоръ, его обѣщанья и, наконецъ, его требованье участвовать въ преступномъ замыслѣ.

— Посудите сами, могу ли я мою барышню съ головой предать и погубить. Могу ли я ему въ срамномъ и преступномъ дѣлѣ помогать и губить баронессу за всю ея ласку, любовь и благодѣянія. Сатана этого не сдѣлалъ бы, если бы его тѣмъ добромъ взяли, какимъ баронесса меня взяла и къ себѣ приворожила.

Авдотья нѣсколько разъ принималась нерѣшительно уговаривать любимицу повиноваться во всемъ приказаніямъ своего питомца, но вдругъ подъ вліяніемъ страстныхъ и убѣдительныхъ рѣчей Пашуты—сама начала сомнѣваться и путаться, наконецъ, совѣмъ сбита съ толку, она глубоко вздохнула и заплакала.

— Чтожъ тутъ дѣлать-то! — выговорила она, утирая кулакомъ набѣгавшія слезы.

Женщинѣ почудилось, что она съ питомцемъ своимъ и съ Пашутой попала какъ бы въ какой-то омутъ, въ которомъ ни оставаться, ни выбратся благополучно нельзя. Ей приходилось совѣтывать или приказывать дѣвушкамъ идти на всякое безсовѣстное и грѣшное... Или же, ставъ на сторону Пашуты, измѣнить своему питомцу.

Между тѣмъ, время прошло много и среди паузы наступившей въ ихъ горькой бесѣдѣ, среди полной тишины въ комнатахъ, раздался звонокъ у подъѣзда и рѣзко огласилъ весь домъ.

Авдотья вздрогнула всѣмъ тѣломъ и невольно вскочила.

— Господа, — сказала Пашута. — Вотъ сейчасъ увидите моего ангела. Ужъ, именно ангела и душой, да и видомъ.

Авдотья, все еще не исполнившая собственно самаго главнаго, зачѣмъ пришла на свиданіе — засуетилась и не знала что дѣлать, оставаться еще немного или уходить тотчасъ.

— Я уйду лучше. А завтра приду опять и мы съ тобой потолкуемъ порядкомъ. Я тебѣ скажу. Я все тебѣ скажу!.. Можетъ тогда ты переѣмнишь мысли свои и послушаешься Михаила-то Андреевича. А теперь я лучше уйду.

— Нѣтъ. Нѣтъ! Какъ можно! — воскликнула Пашута. — Все-таки посмотрите на нее. Увидите какая она. А завтра съ утра приходите. Опять поговоримъ... Какъ мнѣ себя упасти... Я сейчасъ. Обождите.

Пашута вышла изъ горницы... Авдотья стала прислушиваться въ растворенную дверь и до нея долетѣлъ мужской голосъ слегка хрипливый, но мѣрный и мягкій. Слово рѣчи она не понимала... Затѣмъ ближе, въ сосѣдней комнатѣ послышался другой голосъ и онъ показался Авдотѣ какимъ-то особеннымъ.

«Поетъ — говорить!» — подумала женщина. — «Не вижу, а вотъ чую что эта она самая, Пашутина барбанеса... Какъ сладко говорить. Тихая, добрая... Видать, что ну вотъ совсѣмъ добрѣющая»...

Послышалось шуршанье платья по ковру, дверь отворилась совсѣмъ и на порогъ появилась бѣлая фигура. Авдотья невольно попятилась и отъ чувства уваженія къ хозяйкѣ дома и отъ иного чувства, которое сразу овладѣло женщиной какъ бы врасплохъ.

«Чтожъ это, Господи Батюшка», чуть не прошептала Авдотья вслухъ, раскрывая глаза, раскрывая и ротъ отъ удивленія.

Въ комнату вошла Ева и остановилась у дверей, глядя на женщину. Она что-то сказала, но Авдотья не слышала вся обратившись въ зрѣніе.

Эта Пашутина барышня, носившая такое странное наименованіе, какого Авдотья еще ни разу не слыхала — была и впрямь не простая барышня. А именно, что-то особое, чѣдное.

— Впрямь барбанеса! — мысленно повторяла женщина, оглядывая вошедшую.

Предъ ней стояла высокая и стройная женщина вся въ бѣломъ платьѣ изъ серебристой ткани, съ обнаженными плечами и руками такой бѣлизны, какой Авдотья никогда не видывала и не предполагала даже возможной. Большіе голубые глаза подъ свѣтлыми серебрящимися бровями, глянули ей прямо будто въ душу. Даже жутко ей стало отъ этихъ глазъ. А голова вся въ сіяньи! Вотъ какъ лики пишутъ на образахъ. Сіянье это отъ свѣтло-сѣроватыхъ серебряныхъ волосъ, что гладко приглажены на головѣ. Вся эта диковинная барышня съ головы до ногъ будто та серебряная царевна, которую Иванушка-дурачекъ въ Серебряномъ Царствѣ повстрѣчалъ. Сама бѣла какъ снѣгъ, а платье и волосы свѣтятся, искрятся и сіяютъ.

— Господи Иисусе. Вонъ что такое барбанесой-то быть. Однако, Авдотья, женщина не глупая, скоро сообразила, что предъ ней свѣтло-бѣлокурая и очень красивая барышня въ богатомъ серебристомъ платьѣ, что этотъ туалетъ очень искусно придуманный, къ ней чрезвычайно идетъ. И не только Авдотья, а часомъ ранѣе цѣлое блестящее общество приходило въ восторгъ отъ красавицы баронессы Евы.

Женщина быстро оправилась, а когда увидѣла и услышала Пашуту, то совсѣмъ пришла въ себя.

— Хороша моя барышня? Видали вы много такихъ! — весело старалась произнести Пашута, но въ голосѣ ея еще были слезы.

— Я очень рада васъ видѣть,—заговорила Ева.—Пашута васъ любить и часто мнѣ объ васъ говорила. Вы у насъ остановились?

— Нѣтъ.

— Жаль. Такъ приходите чаще къ Пашутѣ.—И нѣсколько медленная, мягко звучная рѣчь баронессы съ особымъ акцентомъ тоже удивила Авдотью. Не случалось еще ей слышать такой голосъ и такую рѣчь. Баронесса тихо вышла, и Авдотья показалось, что въ горницѣ сразу стало темнѣе, точно будто дѣвушка освѣщала ее собой. Благодаря серебристому искрящимуся платью—оно было отчасти и правдой.

— Вотъ отъ какой барышни зачахъ мой Мишенька!—подумала Авдотья.—Да... Розыскалъ! Поди-ко, найди другую такую. Да. Тяжко ему. Понятное дѣло, что молодецъ отъ эдакой ума рѣшиться можетъ.

Авдотья глубоко взволновалась. Все въ ней было настолько смущено подъ вліяніемъ впечатлѣнія произведеннаго баронессой, что она почти не сознавая, что дѣлаетъ, разсѣяннo простилась съ пришедшей къ ней Пашутой. Выйдя изъ дому барона, какъ бы слегка опьяненная, она тихо шла и качала головой.

— Красавица. Заморское диво. Наши русскія такими не бываютъ. Волосики-то сѣрые, а не сѣдые какъ у старухъ. А сама-то бѣла, бѣла. Вонъ онъ какую выискалъ себѣ въ любовь. Чтожъ те-

перь тутъ дѣлать. Дѣлать-то что?! Пропадать! Или Пашутъ или Мишенькѣ.. А грѣхъ-то? Вѣдь грѣхъ онъ задумалъ?! Омуть. Одно слово омутъ. Карабкаешься и пуце вязнешь!..

XVIII.

Вернувшись домой, Шумскій съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія мамки отъ Пашуты и не понималъ отчего она запаздываетъ. Усѣвшись въ спальнѣ, конечно, въ халатѣ и съ трубкой—какъ бывало всегда, Шумскій началъ было снова обдумывать и передумать въ тысячный разъ, все ту же свою дикую и опасную затѣю.

— Нѣтъ. Будетъ! Голова трещить!—воскликнулъ онъ.—Надо развлечься. А то эдакъ съ ума спятишь.

Развлечься—былъ одинъ лишь способъ, ѣхать къ кому-либо изъ пріятелей и поигравъ въ карты, выпиться. Но подобное время препровожденіе стало теперь ему окончательно противно и гадко. Ѣхать въ гости въ порядочный домъ, на вечеръ—было невозможно. Онъ такъ разошелся съ разными семействами, гдѣ бывалъ прежде, что теперь не могъ появиться внезапно какъ снѣгъ на голову.

— Почитать что-нибудь? Есть тутъ гдѣ-то новый альманахъ. Говорятъ стихи въ немъ не дурны. Да вѣдь ихъ на полчаса чтенія хватить.

Но вдругъ Шумскій ахнулъ, вспомнивъ, что у него есть одно рукописное французское сочиненіе, ходившее по рукамъ въ городѣ въ нѣсколькихъ копіяхъ. Когда-то онъ началъ читать его, но встрѣтивъ въ церкви Еву—бросилъ и забылъ, какъ и многое другое.

Шумскій сталъ всюду искать и шарить и, наконецъ, на подоконникѣ подъ кучей «Сенатскихъ Вѣдомостей» нашель тетрадь. Рукопись была озаглавлена: «La science d'aimer, et l'art de plaire». Хотя сочиненіе было написано изящнымъ французскимъ языкомъ, но сочинитель былъ русскій, скрывшійся подъ псевдонимомъ Prince Nevsky.

Въ столицѣ было извѣстно, что авторъ русскій князь Темниковскаго происхожденія по отцу и балтїецъ по матери. Это былъ пожилой уже дипломатъ, долго состоявшій въ качествѣ *attaché* при посольствахъ во Франціи и въ Австріи, человѣкъ очень образованный и остроумный, страстный поклонникъ и побѣдитель прекраснаго пола. Въ то же время онъ считался большимъ другомъ извѣстнаго вѣнскаго посла князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, тоже знаменитаго «beau и mangeur de coeur». Многие увѣряли, но безъ малѣйшаго, конечно, основанія, что сочиненіе это написано самимъ княземъ Разумовскимъ.

Авторъ очень остроумно развивалъ и доказывалъ тезисъ, что истинно прекрасная женщина, поэтичная и неотрозимо плѣнительная для мужчинъ, должна непременно имѣть основной чертой сво-

его нравственнаго облика—малый разумъ, даже неразуміе, по просту сказать, должна быть—дурой.

Идеальная женственность и твердый умъ — это огонь и вода. Одно другое исключаетъ или уничтожаетъ. Женщина рождается исключительно для любви. А при возникновеніи любви, сердце женское всегда вскипятитъ разумъ и доведетъ до окончательнаго испаренія. Или разумъ, руководя женской природой въ дѣлѣ любви, заглушитъ чудный и теплый пламень ея сердца и останется одна гарь и одинъ чадъ.

Всѣ чудныя женщины въ исторіи всѣхъ народовъ, прославившіяся любовью—были женщины простыя, недалновидныя, легкомысленныя, пагубно не осмотрительныя, довѣрчивыя, безхитростныя и слѣдовательно—глупыя. Ихъ судьба была почти всегда трагическая. А вѣнецъ мученицы во имя любви и ореолъ жертвы своей любви—всегда были женщинѣ лучшимъ украшеніемъ и много вышпали ее въ глазахъ современниковъ и потомства.

Всѣ женщины въ великихъ созданіяхъ гениальныхъ поэтовъ всего міра и всѣхъ временъ—воплощеніе плѣнительнаго неразумія. Онѣ восхищаютъ и увлекаютъ людей своей дѣтской наивностью и ангельской простотой... Не даромъ русская пословица гласитъ: гдѣ просто—тамъ ангеловъ со сто, гдѣ мудрено—тамъ ни одного. Возможность походить на ангела, есть преимущество женщины предъ мужчиной. А умныхъ ангеловъ—былъ только одинъ, да и тотъ пересталъ имъ быть и низвергнутый сталъ синонимомъ уродства нравственнаго и физическаго.

Кто были, каково жили и какъ кончили свое земное поприще, дѣйствительныя или воображаемыя, въ исторіи или въ фантазіи поэтовъ, всѣ чудныя женщины...

Начиная сочиненіе съ наивной и простоватой Леды, побѣжденной лебедемъ и ея дочери Елены Прекрасной, смутившей весь современный ей міръ, своимъ легкомысліемъ, авторъ чрезъ всѣ вѣка доходилъ до XIX столѣтія. Разсказавъ подробно исторію многихъ женщинъ въ родѣ Маріи Стюартъ, онъ кончалъ разсказомъ объ одной плѣнительной женщинѣ, которая во дни императрицы Екатерины, смутила всю столицу своей красотой, неразуміемъ и трагическимъ концомъ.

Переходя къ такимъ идеальнымъ и чарующимъ женскимъ обликамъ какъ Шекспировскія Офелія, Юлія и Дездемона, Маргарита Гетевская, и т. п. авторъ спрашивалъ: есть ли хотя малая доля разума и разсудительности въ ихъ поведеніи?.. Можно ли было поступить наивнѣе и поэтому безразсуднѣе, т. е. глупѣе... А между тѣмъ, заставъ поэтъ каждое изъ этихъ свѣтлыхъ созданій дѣйствовать умно, дальновидно, хитро или холодно расцетливо, что же случилось бы съ ними, что осталось бы отъ волшебной прелести ихъ очаровательныхъ образовъ.

Самый цѣнный камень въ коронѣ женщины, властительницы нашей—наивность!..

Что бы стоило Дедемонѣ искусно и тонко обмануть и провести Яго и предать съ головой кровожадному мавру.

Что бы стоило Маргаритѣ предложить Фаусту дожидаться возвращенія ея брата съ войны и сдѣлать ей формальное предложеніе руки и сердца, при чемъ даже пожалуй пригласить въ шафера своего друга, г. Мефистофеля...

Все бы кончилось посрамленіемъ сатаны, богомольная жена Фауста замолила бы его грѣхъ и спасла его душу.

Но Маргарита—супруга и мать многочисленнаго семейства—не Маргарита.

А опрометчивость Маріи Стюартъ, стоившая ей жизни. А почти всѣ жены Генриха VIII и Іоанна Грознаго, уступавшія или погибавшія какъ ягнята, наивно покорно безъ малѣйшей хитрости, безъ тѣни борьбы, безъ всякой простой попытки на бѣгство и спасеніе себя.

Не разуміе и женственность синонимы. Всѣ замѣчательныя красавицы были всѣ простоваты. А всѣ женщины, извѣстныя своимъ умомъ, были не красивы или дурны. И чѣмъ умнѣе, тѣмъ дурнѣе. Если и были умныя женщины, которыхъ современники прославили какъ красавицъ—то это плодъ лжи или плодъ лести уму, или самообманъ, потому что мужчины, ищущіе или цѣнящіе въ женщинѣ умъ, не судьи въ красотѣ.

Было много замѣчательныхъ красавицъ, слывшихъ очень умными и это понятная ложь потому, что мужчины въ награду за красоту несутъ дань обожанія и боготворенія, а нѣтъ того свойства, которымъ бы человекъ охотно не одарилъ своего божества. Даже каменнымъ идоламъ приписывалось всемогущество.

Одинъ великій человекъ, геній прошлаго столѣтія, сдѣлавъ замѣчательное для человечества открытіе въ области науки, явившееся плодомъ его ума и многолѣтнихъ трудовъ, клялся, что все было сдѣлано не имъ, а совершенно случайно, его горничной, замѣчательно красивой дѣвушкой.

Венера, богиня красоты, самая популярная изъ обитательницъ Олимпа, долго боготворимая на землѣ и особенно почитаемая людьми до сихъ поръ, отличалась чрезвычайной наивностью и простоватостью. Иначе невозможно объяснить многіе ея легкомысленныя поступки и мило предосудительное поведеніе, приводившее въ соблазнъ весь сонмъ олимпійскихъ боговъ, которые сами были не безъ грѣха.

Plus en finis — говорилъ авторъ: воплощеніемъ идеальной женщины было бы то существо, которое сочетало бы въ себѣ красоту лица и тѣла, отсутствіе мыслительной способности и наивно нѣжное сердце.

Шумскій читаль долго и внимательно, затѣмъ бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить взадъ и впередъ по своей комнатѣ...

— Какъ это диковинно!—произнесъ онъ въ полголоса.— Именно теперь попалось мнѣ это сочиненіе. Теперь, когда я какъ дуракъ будто попрекаю себя въ томъ, что влюбился страстно въ куклу... Да, она кукла. По просту сказать, она дура. Свѣтская и благовоспитанная дѣвушка, умѣющая очень умно говорить глупости. Или умѣющая отвѣчать иногда такъ, что вдругъ покажется сдуру и умной.

И онъ вспомнилъ, какъ Ева сказала ему:

«Нѣтъ. Я васъ не понимаю. Еслибъ я васъ поняла, то я бы сейчасъ вышла изъ горницы».

— Это очень мило, будто даже умно... А это свѣтскій фортель, что называютъ французы «жаргонъ» благовоспитаннаго общества. Да, Ева дура, красавица и дура... И да здравствуютъ всѣ красавицы-дуры и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!.. А мнѣ, должно быть, стыдно самого себя, что я удивлялся-было, какъ могъ влюбиться въ куклу. Влюбляются люди испоконъ вѣку въ красоту, а не въ умъ... Этакъ можно бы пойти еще дальше, влюбляться въ свойства ума. Начать женщину обожать за необыкновенную память, за быстрое соображеніе, за остроуміе и чортъ знаетъ еще за что... За математическія способности!.. Нѣтъ! Богиня красоты и любви была дура. Въ наукѣ мифологіи,—какъ сказывалъ мнѣ этотъ шутъ гороховый фонъ-Энзе,—все имѣетъ свое особое значеніе. Если Венера была самая красивая изъ богинь, но и самая простоватая и легкомысленная, то, стало быть, такъ и быть слѣдуетъ. Всякая красавица будь глупа, а умная будь дурнорожа. Только одно еще я бы отъ себя прибавилъ. Въ сотвореніи міра есть ошибка большая, маху далъ Творецъ. Надо бы сотворить мужчину и красавицу женщину, а не красивую женщину сдѣлать третьимъ существомъ, безъ пола. Такъ себѣ, ни то ни сѣ... Существо годное только для сравненія, чтобы женщина около него еще красивѣе казалась. Какъ день хорошъ—тѣмъ, что ночь есть.

XIX.

Перебирая всякій вздоръ, который лѣзъ ему въ голову, подъ влияніемъ прочтеннаго сочиненія, Шумскій, однако, нетерпѣливо поглядывалъ на часы и начиналъ уже тревожиться. Былъ почти уже часъ ночи, а мамка еще не воротилась отъ Нейдшильдовъ.

Шумскій кликнулъ лакея.

— Эй! Копчикъ! Авдотья вернулась!

Малый прибѣжалъ на зовъ барина сонный, но опрометью, и заявилъ, что женщины еще нѣтъ.

— Чтожъ это такое?

— Не могу знать-сь.

— Не можетъ она тамъ сидѣть до этихъ поръ. Они спать ложатся до полуночи.

— Не заплуталась ли Авдотья Лукьяновна въ городѣ. Въ первый разъ очутившись въ Петербургѣ, могла сбиться.

— Да ты ей дорогу-то велѣлъ запомнить...

— Какъ же-сь. Ъхали, я ей все показывалъ, — солгалъ Копчикъ. — Гдѣ какой куда поворотъ, гдѣ домъ какой особый, гдѣ церковь... Для памяти...

Прошелъ еще цѣлый часъ въ ожиданіи и Шумскій началъ уже усмѣхаться. Приключеніе съ мамкой его невольно забавляло.

— Копчикъ! — крикнулъ онъ опять лакея. — Что ты скажешь? А? Ну, какъ мамку-то въ Питерѣ ограбили да ухлопали? Вотъ штука-то будетъ!..

И Шумскій невольно расхохотался звонкимъ смѣхомъ. Копчикъ улынулся ради приличія, но самъ тоже невольно думалъ:

— Хорошь ты! Неча сказать. А она еще его обожаетъ, какъ андела какого.

— Ухлопалъ ее непременно какой-нибудь жуликъ ночной. Вотъ будетъ оказія-то... Какъ въ романахъ описуется... Приключеніе неожиданное ради развязки исторіи.

Копчикъ снова ушелъ къ себѣ въ уголь, легъ зѣвая на ларь и сталъ размышлять о томъ, «какія господа бываютъ свиньи безжалостныя».

Черезъ нѣсколько минутъ наружная дверь со двора растворилась и въ прихожей послышался шорохъ и шаги.

Копчикъ привсталъ и окликнулъ.

— Я... Я... — отозвался голосъ Авдотьи.

Копчикъ выскочилъ въ прихожую...

— Что съ вами. Гдѣ вы пропали. Второй часъ.

— Я верстъ двадцать, оглашенный человекъ, исходила. А то и всѣ двадцать пять.

— Заплутались?

— Нѣтъ! Гуляла! Вѣстимо, запуталась. Оттуда пошла какъ слѣдуетъ. И рѣчку вашу прошла по мосту, какъ слѣдуетъ.

— Какую рѣчку... Неву...

— Вѣстимо... Ну, и пошла прямо, ища васъ... И пришла въ Лавру...

— Невскую Лавру!! Съ Васильевского-то острова?

— А отгута назадъ. Шла, шла, шла. И говорятъ мнѣ въ Коломну я пришла. Все не туда!..

— Ахтительно. Вамъ бы ужъ оттуда на Охту... Ради любопытствія. Чтожъ вы не спрашивали дорогу-то у прохожихъ.

— Опрашивала, кто попадался... Да не знаю, какъ улицу-то назвать. Куда мнѣ идти-то не знаю! Понялъ? Оглашенный чело-

вѣкъ! Вѣдь не дура же я. А вы дураки! Иванъ Андреичъ привезъ, а ты вывезъ. Да и пустили! А гдѣ вы живете, какъ званье мѣсту — никто изъ васъ мнѣ не сказалъ. Такъ бы и осталась на улицѣ до утра. Да и днемъ бы не знала, куда идти. Просто хотъ домой въ Новгородъ иди пѣшкомъ. Спасибо, попался солдатъ, да спросилъ, у кого живу. Я сказала. Онъ Михаила Андреевича знаетъ. Нашъ былъ, говорить, антилерець. Ну, и провель прямо сюда... Да, ужъ оглашенные вы оба съ Иваномъ-то Андреичемъ.

И Авдотья, сильно угрюмая и раздраженная, усѣлась на стуль, не снимая своей кацавейки и платка съ головы.

— Ноги-то гудуть! Просто гудуть! — вымолвила она сердито. — Оглашенные. Одинъ привезъ въ домъ, а другой вывезъ изъ дому. И хотъ бы слово сказали, какъ званье вашему жительствоу. Прокаженные! Ей-Богу!

Шумскій выпелъ на голосъ мамки и, узнавъ въ чемъ дѣло, не разсмѣялся, а разсердился тоже на Копчика.

Если убійство мамки жуликами показалось ему забавнымъ, то плутанье ея было слишкомъ простымъ и не любопытнымъ случаемъ, который только замедлилъ полученіе вѣстей о Пашутѣ и баронессѣ.

Шумскій позвалъ женщину къ себѣ въ спальню и сталъ спрашивать. Авдотья, все еще угрюмая, а отчасти сильно утомленная, отвѣчала кратко и глядѣла сонными глазами.

— Ну, до завтра... Ты теперь загонялась очень, — вымолвилъ Шумскій. — Завтра все расскажешь. А теперь скажи только, будетъ Пашута тебя слушаться... Рада была тебѣ очень...

— Еще бы не радой быть.

— Будетъ слушаться...

— Будетъ... — выговорила Авдотья, чувствуя, что лжетъ отъ усталости и готовая на всякую хитрость, только бы отпустили ее спать...

— Пашута какова показалаась тебѣ. Барышня?

— Барышня...

— Баронессу не видала?

— Видѣла.

— Видѣла! Близко?

— Близко.

— Хороша она. А?

— Охъ, Михаилъ Андреевичъ. Смерть моя! — воскликнула Авдотья. — Отпусти меня. Завтра я вамъ все... Всю подноготную выложу. Умаялась. Не могу. Все во мнѣ такъ и гудѣтъ, будто колокольный трезвонъ въ нутрѣ.. Все помовається и трясется.

— Ну, иди, Богъ съ тобой.

Авдотья прошла въ гардеробную, гдѣ ей было назначено спать баринномъ-питомцемъ и, какъ дѣлала всякую ночь, разослала на полу

свою шубку, а вмѣсто подушки положила узель... Ей вспомнилась ея постель въ Грүзинѣ и она вздохнула.

— Чтобы ему придти глянуть, какъ мамка спить по-собачьи. Э-эхъ, молодые люди. Все по себѣ старыхъ мѣряютъ. А старыя кости на полу ноютъ да жалатся.. Хоть бы кваску дали испить. Въ горлѣ пересохло.

И ворча себѣ подъ носъ, мамка улеглась на полъ и тотчасъ же захрапѣла на весь домъ.

Но не прошло полныхъ четырехъ часовъ времени, какъ въ квартирѣ Шумскаго снова задвигалось.

Около шести часовъ утра кто-то стучалъ въ дверь задняго крыльца. Копчикъ проснулся, удивился и, бранясь себѣ подъ носъ, пошелъ отворять... Впустивъ въ домъ ранняго посѣтителя въ солдатской формѣ, и переговоривъ, малый побѣждалъ будить барина безъ всякаго опасенія, какъ бывало всегда.

— Михайль Андреевичъ! Михайль Андреевичъ! — храбро и громко повторилъ онъ разъ съ десятокъ, покуда Шумскій не пришелъ въ себя.

— Что такое?—воскликнулъ тотъ отчасти тревожно, понявъ съ первой секунды пробужденья, что Васька не станетъ и не смѣетъ его будить безъ важнаго повода.

— Михайль Андреевичъ. Вѣстовой прискакалъ. Графъ пріѣхали и требуютъ васъ къ себѣ, къ восьми часамъ. Во дворецъ прямо...

— Это еще что за новости?

Васька молчалъ.

— Вѣстовой? И приказалъ тебѣ меня будить?

— Точно такъ-съ.

— А который часъ?

— Должно, шесть, седьмой...

— Чтожъ они тамъ бѣлены объѣлись? Черти.

Копчикъ двинулся-было изъ горницы, но баринъ остановилъ его и приказалъ разбудить себя черезъ часъ.

Лакей вышелъ, а Шумскій заворчалъ.

— Дуболомъ! Самъ встаетъ съ пѣтухами и другимъ спать не даетъ! Стало быть, въ ночь пріѣхалъ. И почему же во дворецъ? Говорилъ, что больше тамъ останавливаться не будетъ. Все новости и все глупости. Дуболомъ!

Шумскій сталъ стараться заснуть, но именно эти старанья и легкая досада—прогнали сонъ окончательно...

Полежавъ полчаса съ открытыми глазами, онъ крикнулъ лакея.

— Трубку!..— И Шумскій прибавилъ тише: — Черти!

Но слово это было сказано во множественномъ числѣ ради присутствія Васьки, который, однако, хотя и не зналъ грамматики, но, разумѣется, отлично понималъ, что слово это сказано не правильно.

Чрезъ полчаса, молодой человекъ былъ уже одѣтъ и принялся за кофе и за третью трубку.

— Позови Авдотью, — приказалъ онъ, совершенно забывъ, который часъ.

— Они еще не просыпались... — замѣтилъ Васька.

— Что ты? Очумѣлъ? А? — крикнулъ Шумскій, и лакей выскочилъ изъ горницы, боясь, что чубукъ доскажетъ у него на головѣ то, чего баринъ не считалъ даже нужнымъ объяснять.

Не скоро Копчикъ добудился мамки. Авдотья, сильно уставшая, долго не приходила въ себя и только мычала бессмысленно.

Наконецъ, понявъ, въ чемъ дѣло, Авдотья поднялась и, оправившись, пришла. Едва только она вошла, какъ увидѣла, что ея питомецъ сильно не въ духѣ.

— Ну, очухалась... Говори, объ чемъ у васъ была вчера бесѣда съ Пашутой, — произнесъ онъ сухо.

Авдотья, стоя у дверей, начала свой рассказъ, изрѣдка прерывая его отчаянными зѣвками, которые скрыть было невозможно. Рассказавъ почти все, Авдотья уже собиралась начать восторженное описаніе «андельскаго лика барбанесы», но Шумскій перебилъ мамку вопросомъ:

— Ну, что же Пашутка твоего страшнаго слова испугалась...

— Какъ то-ись?

— Да вѣдь ты говорила, что у тебя есть на нее страшное слово...

— Я, соколикъ мой, его ей не говорила... И времени не было, и боязно было.

— Что-о? — протянулъ Шумскій, вставая изъ-за столика, гдѣ пилъ кофе.

Авдотья тихо и виновато стала объяснять, почему она свое «страшное слово» Пашутѣ не сказала.

— Да что ты, очумѣла чтоль? — вскрикнулъ Шумскій. — Когдажъ этой канители конецъ будетъ. Что вы всѣ — сговорились что ли меня бѣсить. Да я васъ всѣхъ въ одинъ мѣшокъ, да въ...

Молодой человекъ запнулся и продолжалъ спокойнѣе:

— Ну, слушай, Авдотья. Не блажи и меня не серди! Я вотъ поѣду къ батюшкѣ во дворецъ, и, надо думать, скоро и назадъ буду. Ты напейся чаю, и маршъ къ Пашутѣ. Спать, вели разбудить, не важная барыня. Объяснись съ ней, усовѣсти и прикажи тотчасъ идти сюда за моими приказаніями. Послушается она тебя или не послушается — все равно мнѣ. Я знаю, что съ ней дѣлать. А мнѣ, главное дѣло, конецъ этой канители. Не послушается, то я ее... Ну, это мое дѣло!

— Какъ можно, соколикъ. Она безпремѣнно послушается. Мое слово вѣдь такое... Именно, страшное слово!

— Такъ и говори его! — прокричалъ Шумскій на всю квартиру, снова взбѣсившись сразу...

— Скажу!—чуть слышно, но обидчиво отозвалась Авдотья.

— Страшное, да страшное, да такое, да сякое... А сама съ этими своими словами, какъ дурень съ писаной торбой... Вѣдь ты, прости меня, — чудесница! То бѣгала Богу молилась и у Царя Небеснаго совѣтовъ просила, а теперь опять всякіе сборы пошли... Вѣдь это глупо. Подумаешь, тебѣ приходится въ какомъ преступленьи уголовномъ сознаваться, да каяться, да въ каторгу...

И Шумскій, смотрѣвшій, говоря это, въ лицо своей мамкѣ, невольно запнулся.

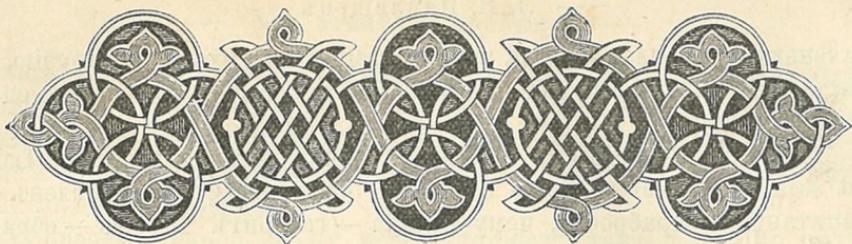
Лицо Авдотьи сильно и сразу измѣнилось и какъ-то потемнѣло.

— Ну, вотъ и здравствуйте! — подумалъ молодой человѣкъ, но тотчасъ двинулся, прибавивъ вслухъ:—Однако, мнѣ пора къ моему... чудеснику.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ¹⁾.

ХІІІ.

Минувшихъ дней очарованье,
Ужель опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Жуковскій.

ЕРГЪЙ Львовичъ и Надежда Осиповна успокоились, наконецъ, получивъ письмо отъ Александра Сергѣевича изъ Тифлиса, куда онъ заѣзжалъ на обратномъ пути въ Петербургъ.

«Слава Богу»,—пишетъ бабка изъ Тригорскаго,— «томленія мои объ Александрѣ, милая моя и добрая Ольга, кончились: посылаю тебѣ копію письма, которое онъ переслалъ мнѣ черезъ Дадіана. Дадіанъ приѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ, и отправилъ письмо твоего брата сюда. Въ Зуево ²⁾ Дадіанъ не завернулъ, а завернуть ему ничего не стоило, такъ какъ онъ не скоро поѣдетъ назадъ; разстояніе отъ Петербурга къ намъ небольшое. Помнишь его матушку, нашу кузину, какъ она тебя

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 538.

²⁾ Михайловское тожъ.

маленькую любила, а когда вышла замужъ и уѣхала въ Грузію, съ тѣхъ поръ не писала. Богъ съ ней (*Que le bon Dieu la conserve en sa Sainte garde!*)

«Пишетъ мнѣ Розенъ о Леонѣ; Лелька живъ и здоровъ (*Lolka est sain et sauf et se porte comme le pont neuf*); представленъ въ капитаны за храбрость, чему Сашка — говоритъ Розенъ — обрадовался не меньше Леона. Вѣдь Александръ Лелькой очарованъ (*Alexandre est entiché de Lolka*).

«Розенъ, сообщая о моемъ младшемъ (*mon cadet*), не говоритъ ни слова о «Тифлисской газетѣ», напечатавшей что-то объ Александрѣ ¹⁾. А изъ письма Сашки увидишь, что взятіемъ Эрзерума кампанія далеко не оканчивается. Сердце сжимается, какъ подумаю о Лелькѣ: рассказываютъ, будто бы его полкъ опять былъ въ дѣлѣ. Жду не дождусь моихъ бѣдныхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ Александра увижу раньше».

«Прибавляю къ письму мамѣ», — пишетъ Сергѣй Львовичъ, — «что Леонъ не только будетъ на дняхъ капитаномъ, но не смотря на теперешній свой маленькій чинъ, получилъ уже два мѣсяца тому назадъ, — чтобы ты думала — Анну на шею за храбрость. Вотъ ужъ правду говорятъ русскіе: малъ золотникъ да дорогъ, а меня, родного отца, не нашелъ нужнымъ порадовать. Экій шутъ! (*En voilà un bouffon!*) Но и Александръ отличается: тоже видѣлъ, какъ Эрзерумъ брали; вѣроятно вдохновился и музой въ придачу (*de pair et compagnie*). Воображаю его верхомъ при саблѣ, во фракѣ и боливарѣ на головѣ. Тоже оригиналь порядочный (*un franc original*). О Сашѣ я сильно беспокоился до полученія письма, да и теперь беспокоюсь, потому что видѣлъ сегодня во снѣ, будто бы онъ женится; рассказалъ я мой сонъ Никитѣ, (камердинеру, автору баллады о «Соловѣй разбойникѣ», о которомъ уже упомянуто мною) — а этотъ старый хрѣнь (*ce vieux raifort*): «Батюшка, ясное солнышко ты Сергѣй Львовичъ! Сонъ вѣдь твой не къ ладу!» Знаешь манеру нашего Никитки утѣшать!

«Не можешь ли растолковать этотъ сонъ? Вѣдь ты у меня на-

¹⁾ Тифлисская газета отъ 28 іюня 1829 г. въ № 29 напечатала: «Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ недолго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ позволенія находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ, и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ «Кавказскаго плѣнника», въ Крыму «Бахчисарайскій фонтанъ», въ Бессарабіи «Цыганъ», во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины «Онѣгина». Теперь публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани».

стоящая Сивилла! Сердце все изныло въ разлукѣ съ Александромъ, Леономъ, и тобою, мой ангелъ!» «Мы не греки и не римляне, какъ пишетъ гдѣ-то Карамзинъ—кажется въ «Ильѣ Муромцѣ»—и мнѣ очень желательно быть увѣреннымъ въ томъ, что мои дѣти дѣйствительно здоровы.

«Впрочемъ, скоро увижу моего старшаго, такъ какъ по газетамъ, «Александръ Пушкинъ проѣхалъ въ Астрахань черезъ Кавказъ». А тамъ, надѣюсь, и мой младшій (mon cadet) пріѣдетъ въ отпускъ.

«Кстати: вообрази, Ольга, стѣны гостепріимнаго Тригорскаго огласились пѣсней Земфиры изъ «Цыганъ» Сашки: «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня»!! Пѣсню поютъ и у Осиповой, и у Креницыныхъ, а музыку сочинилъ самъ Веніаминъ Петровичъ¹⁾. Выходитъ очень хорошо. А еще скажу, что всѣ очарованы всякими стихами Александра; всѣ учатъ ихъ наизусть, даже восьмилѣтній Темировъ. Еще того лучше: рыжій цирюльникъ, горькій пьяница Прохоръ—его ты видѣла, — его же беретъ всегда на охоту Веніаминъ Петровичъ подымать подстрѣленную дичь,—вообрази себѣ, и тотъ, вынимая изъ ягдташа, и показывая охотникамъ тетеревей, рябчиковъ, дикихъ утокъ, куропатокъ и дроздовъ—запѣлъ публикѣ изъ «Братьевъ-разбойниковъ»:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
«Племень, нарѣчій, состояній»...

.

О той же популярности Александра Сергѣевича, Сергѣй Львовичъ, въ другомъ письмѣ къ моей матери, рассказываетъ:

«...Ганнибалы пріютили къ себѣ въ качествѣ судомойки 14-ти или 15-тилѣтнюю Глашку, дочь,—извини за выраженіе (*passé moi l'expression*)— свинопаса Гаврюшки изъ Опочки. Кругла она какъ шарикъ, носитъ толстую красную рожу съ плоскимъ носомъ и калмыцкими глазами (*elle porte une grosse trogne rouge avec un nez épaté, et des yeux salmouks*), и не совсѣмъ чистоплотна. Представь себѣ, Ольга: это сверхъестественное созданіе (*cette créature surnaturelle*) выучила наизусть съ начала до конца «Вахчисарайскій фонтанъ», а вчера мы всѣ хотали до упаду: Веніаминъ Петровичъ вызвалъ ее изъ кухни насъ потѣшать декламаціей изъ «Евгенія Онѣгина». Глашка встала въ третью позицію, и закричала во все горло (*à gorge déployée*):

«Толпою нимфъ окружена
«Стоитъ Истомина; она
«Одной ногой касаясь пола (Глашка встаетъ на ципочки),
«Другою медленно кружить (Глашка поворачивается).
«И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
«Летитъ какъ пухъ изъ усть Эола»...

¹⁾ Ганнибалъ, сынъ Петра Ибрагимовича.

«Глашка тутъ прыгаетъ, кружится, дѣлаетъ на воздухѣ какое-то антраша, и падаетъ невзначай на полъ. Расквасивъ себѣ носъ, громко реветъ, и опрометью въ кухню. Ей стыдно, всѣ хохочутъ).

«Вотъ тебѣ Ольга и нацарапалъ я картину, въ расчетѣ, что ты если не посмѣешься, то на худой конецъ улыбнешься»...

Дѣдъ мой и бабка любили дѣтей, но любили ихъ «по своему», эгоистически, лишь бы дѣти находились недалеко отъ нихъ. Александръ Сергѣевичъ, никогда не принимая ихъ нѣжныя письма за чистую монету, отвѣчалъ на посланія родителей очень рѣдко и отнюдь съ ними не откровенничалъ; отлучки же его, о которыхъ предупредить родителей не видѣлъ надобности, были всегда для Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны сюрпризами, какъ напирмѣръ и внезапная его поѣздка въ 1833 году въ Оренбургскій край, съ цѣлю собирать матеріалы для исторіи Пугачевского бунта.

Ольга Сергѣевна относилась не такъ философски, какъ ея братъ, къ письменнымъ изліяніямъ дѣда и бабки; эти изліянія,—исполненные повидимому самыхъ восторженныхъ чувствъ родительской любви, и къ тому же построенныя по всѣмъ правиламъ французской стилистики,—трогали мать мою до слезъ.

Но—на повѣрку—если бы чувства Надежды Осиповны дѣйствительно согласовались съ ея изящнымъ мелкимъ французскимъ почеркомъ, то почему эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная креолка, распинаясь въ звонкихъ фраззахъ, ни разу—вплоть до 1834 года—не упоминаетъ ни въ одной строчкѣ объ отцѣ моемъ, совершенно не заботясь обрадовать большую дочь, требовавшую утѣшенія? А радость могла выльбчить Ольгу Сергѣевну гораздо вѣрнѣе латинской кухни докторовъ. Кромѣ того, является по малой мѣрѣ страннымъ и малодушіе въ этомъ отношеніи моего дѣда; отецъ мой сказалъ довольно мѣтко въ письмѣ къ Луизѣ Матвѣевнѣ, что Сергѣй Львовичъ обрѣтается у своей жены «подъ пантуфлей»; и въ самомъ дѣлѣ: Сергѣй Львовичъ, въ своихъ письмахъ къ дочери, упоминаетъ о зятѣ два или три раза—да и то вскользь. Вѣроятно Надежда Осиповна наложила на своего супруга интердиктъ. Посланія стариковъ къ моей матери писались на листахъ весьма почтеннаго размѣра, и на этихъ листахъ послѣ строкъ бабки начинаются непосредственно строки дѣда, и наоборотъ; по всему видно, что жена запрещала мужу,—точно такъ же какъ и Александру Сергѣевичу—заикаться о зятѣ.

Привожу еще слѣдующія выдержки изъ ея писемъ къ моей матери:

«Вотъ мы и въ Тригорскомъ»,—пишетъ бабка отъ 10-го іюля того же 1829 года,—«и слава Богу: пробудемъ въ деревнѣ до сентября, пока ты, мой ангелъ Ольга, въ Ораніенбаумѣ.

«Поѣздка наша не обошлась безъ непріятностей: папа (такъ бабка

всегда называла своего мужа) разстался на вѣки, недалеко отъ Новоржева, съ своей лорнеткой, безъ которой зги не видить, а гдѣ такую здѣсь купишь? Кромѣ того, папа, не знаю какимъ образомъ, растерялъ три ночныхъ колпака, а въ придачу (*par dessus le marché*) и свою дорожную, которую, клянется всѣми большими своими богами (*en jurant tous ses grands dieux*), засунулъ будто бы въ боковой карманъ. Да, впрочемъ, и я не лучше его: совершенно забыла напомнить Мариторнѣ ¹⁾ Грушеѣ положить въ чемоданъ башмаки, которые подарилъ мнѣ, уѣзжая на Кавказъ, Александръ, а Грушка разиня (*cette bégueule de Грушка*) тому и рада, лишь бы намъ насолить. Я ее бранить, а она знать не знаю, были ли у васъ башмаки, сударыня, или не были. Какова! что съ нея послѣ этого возьмешь? Все-таки я очень рада подышать чистымъ воздухомъ и любоваться очаровательными видами Тригорскаго, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, всякая скамеечка, всякая бесѣдочка, всякій кусточекъ! А давно, давно ли, Боже мой, мы были вмѣстѣ? О тебѣ, Леонъ и Александръ не могу вспоминать безъ слезъ. Гдѣ-то они, мои милыя дѣти? Сашку видѣлъ Дадіанъ въ Тифлисѣ, и говорить, что онъ очень худъ и желтъ; не боленъ ли? а что съ Лелькой—про то, Боже сохрани,—не сегодня-завтра узнають пули турецкія. Боже, Боже мой! но никто какъ Богъ! По крайней мѣрѣ, меня утѣшаетъ мысль, что ты не дышешь вреднымъ петербургскимъ зловоннымъ воздухомъ, и надѣнешся купаться въ морѣ, хотя это море и не море, и не мать, а лужа ²⁾ (*quoique cette mer n'est ni mer ni mère mais une mârre*).

«Береги себя, особенно во время купанья. Очень рада, что Шерингъ къ тебѣ въ Ораніенбаумъ пріѣзжаетъ слѣдить за лѣченіемъ. Видно Александръ нагналъ на него страха. Да благословить тебя Богъ, и не сомнѣвайся въ моемъ материнскомъ, любящемъ тебя сердцѣ. Твое здоровье—мое здоровье, твое счастье—мое счастье.

«Завтра день твоихъ именинъ. Какъ мнѣ горько, что не могу въ этотъ день прижать тебя къ моему сердцу!»

«Новость, что Адрианоуполь занятъ Дибичемъ», — пишетъ Надежда Осиповна въ сентябрѣ того же года, — «возвела бы меня, какъ истую русскую патриотку на седьмое небо (*m'aurait transportée au septième ciel*), если бы получила другую, еще болѣе радостную новость о твоёмъ выздоровленіи. Мысль, что страждешь, не даетъ мнѣ покоя, отравляетъ мнѣ жизнь, а твои послѣднія письма, ангелъ Ольга, огорчили меня какъ нельзя болѣе. Сердце мое отъ нихъ раздирается (*j'en ai le coeur navré*). Но зачѣмъ предаешься мрач-

¹⁾ Мариторна — воспѣтая Сервантесомъ въ *Донъ-Кихотѣ* далеко некрасивая служанка гостинницы, куда заѣхалъ странствующій рыцарь «печального образа».

Л. П.

²⁾ Тутъ игра словъ, утрачивающая значеніе въ русскомъ переводѣ. Л. П.

нымъ предчувствіямъ? Не прибавится отъ нихъ здоровье, а убавится. Не отчаявайся, ради Бога, вооружись терпѣніемъ и слушай Шеринга.

«Александръ, наконецъ, удостоилъ насъ письмомъ; обнадеживаетъ насъ своимъ прїѣздомъ; о тебѣ же говоритъ, что твоя болѣзнь, о которой онъ рассказывалъ какому-то армянину-доктору, совсѣмъ не происходитъ отъ разстройства печени, а отъ нервовъ; отъ нихъ и головокруженія. Сашка пишетъ, что если застанетъ тебя не поправившейся, то приведетъ еще одного доктора, его знакомаго, который только нервами и занимается; фамиліи его не называетъ. А пока Александръ совѣтуетъ тебѣ спокойствіе; это самое главное».

Дѣйствительно, Ольга Сергѣевна не чувствовала до октября улучшенія; она воображала себѣ, что ея болѣзни и конца не будетъ, не видя никакого благополучнаго исхода ужасныхъ головокруженій.

— «Хорошо моей матери», — сказала она Николаю Ивановичу, по полученіи приведеннаго мной письма, — «совѣтывать мнѣ бросить черныя мысли! «Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу», гласитъ пословица; спокойствіе не продается, не покупается. Гораздо лучше, вмѣсто совѣтовъ, послать тебѣ хоть поклонъ. Я бы обрадовалась, и мнѣ сдѣлалось бы отъ этого не въ примѣръ легче»...

Старики Пушкины пробыли въ деревнѣ до глубокой осени, все не заботясь о благоустройствѣ имѣнія: дѣдъ занялся усердно чтеніемъ; едва ли не въ сотый разъ, Мольера и Вольтера, и сочиненіемъ эпитафіи въ честь кончившей тогда жизненный путь древней своей собаки Руслана, о чемъ скажу ниже, а бабка — свиданіями съ сосѣдями, сообщеніемъ и собираніемъ всевозможныхъ новостей, бостономъ, писаніемъ вышеприведенныхъ, яко бы искреннихъ посланій, — вотъ и все.

Правда, Сергѣй Львовичъ упоминаетъ въ этомъ году о хозяйствѣ, но упоминаетъ всего лишь одинъ разъ въ письмѣ къ дочери, ограничиваясь рассказомъ, какъ управлявшій тогда имѣніемъ, нѣмецъ Дрейеръ, исправилъ къ прїѣзду владѣльцевъ наружный видъ господскаго дома, украсилъ садъ, выстроилъ новый амбаръ да хлѣвъ, расчистилъ въ саду дорожки, посадилъ цвѣты, привелъ въ порядокъ оранжерею, да остригъ деревья à l'anglaise. Отъ всѣхъ этихъ распоряженій старикъ Пушкинъ былъ въ восторгѣ; но Дрейеръ, заботившійся, повидимому, о внѣшнемъ благообразіи Ганнибаловской вотчины, вскорѣ умеръ; мѣсто его занялъ, въ качествѣ управляющаго нѣкто Р. (фамилія его въ перепискѣ моего отца съ дядей цѣликомъ не обозначена), а его помощникомъ сдѣлался крѣпостной человѣкъ Михайло (фамиліи тоже отецъ не выставилъ), плуть далеко не малой руки. Этотъ Михайло немедленно приступилъ къ систематическому обманыванью и обиранию Сергѣя Львовича, и

прохозяйничалъ, такимъ образомъ, до лѣта 1836 года, когда отецъ мой, разоблачивъ его дѣйствія передъ Александромъ Сергѣевичемъ, смѣнили его¹⁾; но Михайло успѣлъ уже составить себѣ довольно кругленькій капитадецъ. Одинъ изъ сыновей Михайлы Гаврила—прозванный Сергѣемъ Львовичемъ *le beau Gabriel*,—пошелъ по стопамъ своего достойнаго родителя: будучи безотлучнымъ камердинеромъ Сергѣя Львовича, очаровательный Габріель, въ свою очередь, набилъ себѣ мошну и, по кончинѣ моего дѣда, устроился какъ нельзя лучше: снялъ башмачный магазинъ.

Старики Пушкины, какъ сказалъ я выше, пріѣхавъ на лѣто и осень 1829 года въ Тригорское и Михайловское, занялись не благоустройствомъ отчины, а тѣмъ, что имъ приходилось болѣе на руку. Они смотрѣли на жизнь, по-нѣмецкому выраженію *ins Blaue hinein*, не обращая никакого вниманія на практическую ея сторону; челядь задалась цѣлію обирать, обсчитывать, надувать господъ, а господа, съ своей стороны, порѣшили отлучаться по цѣлымъ недѣлямъ искать развлеченій въ обществѣ гостепріимныхъ сосѣдей. Съ образомъ этой послѣдней дѣятельности Пушкиныхъ всего лучше можно познакомиться при чтеніи слѣдующихъ писемъ Сергѣя Львовича и жены его къ моей матери:

«Вотъ уже недѣля, какъ ты не получала отъ насъ извѣстій»,— пишетъ Надежда Осиповна,—«и не удивляйся. Насъ въ Тригорскомъ не было; не было и въ Михайловскомъ. Да что въ Михайловскомъ намъ было дѣлать? Скука невыносимая (*on s'y ennuit à périer*). Итакъ мы рѣшили объѣздить всѣхъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Начали съ Рокотовыхъ. Можешь себѣ представить, какъ этотъ добрый забавникъ Иванъ Матвѣвичъ (*ce bon plaisant Jean fils de Matthieu*) намъ обрадовался! Не зналъ отъ радости, куда насъ посадить, чѣмъ угостить, и что дѣлать съ своей особой, повторяя безпрестанно вѣчную свою поговорку: «*Pardonnez ma franchise*» (простите мою откровенность). Въ этомъ восторгѣ продержали мы его четыре дня, а лучше сказать, онъ насъ продержалъ. Нагрянули къ Рокотовымъ и Шушерины и Креницины, и кузены мои Павелъ и Семенъ Исаковичи». (Ганнибалы). «Добродушный *Jean fils de Matthieu* устроилъ танцы, катанья на лодкѣ, угощалъ насъ до невозможнаго (*il nous a hébergé jusqu'à l'impossible*), и, наконецъ, самъ навязался переслать тебѣ письмо, которое выхватилъ у меня изъ рукъ, а потому боюсь, что до тебя не дойдетъ. Знаешь его разсѣянность: положить письмо въ разорванный карманъ сюртука и обронить; онъ на это вѣдь мастеръ; не даромъ Александръ до сихъ поръ называетъ его *le jeune écervelé*, а какой же онъ

¹⁾ См. приложение къ «Семейной хроникѣ» въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

младенець ¹⁾? Саша не можетъ простить многіе случаи разсѣянности этого вертопраха (*de se volage*) и его болтливости. ²⁾

«Какъ бы ни было, съ Рокотовымъ не соскучишься, а чтобы Jean fils de Matthieu совершенно осчастливить, я его посадила съ собой въ коляску, когда мы вмѣстѣ съ нимъ и со всей компаніей отправились къ Шушеринымъ, опять на четыре дня по ихъ приглашенію. Рокотовъ постоянно твердилъ свое *«excusez ma franchise»*, расточая всевозможныя похвалы Уваровой и Зыбиной, и такъ занялъ меня болтовней, что я и не почувствовала, какъ мы мчались во всю прыть (*ventre à terre*) по дорогѣ очень плохой, рискуя очутиться во рву, къ большому ужасу папѣ; онъ слѣдовалъ за нами въ коляскѣ, а въ прочихъ экипажахъ ѣхали остальные *mesdames* и *messieurs*.

«У Шушериныхъ пробыли,—какъ я и думала,—четыре дня въ весьма любезномъ обществѣ. Приѣхали и Е—на съ дочерью и И—ская съ замужней сестрой, а ихъ дражайшія половины (*leurs chères moitiés*) появились послѣ нихъ уже на другой день, вернувшись съ охоты; въ ожиданіи этихъ господъ, мы все утро и весь день проиграли въ вистъ. Знаешь, люблю карты, но все же не такъ, чтобы сидѣть за ними днемъ, и играть не вставая восемь часовъ сряду. На этотъ разъ вистъ мнѣ совсѣмъ опротивѣлъ.

«Г-жа Е—на крикушка, въ родѣ кузины папаши Чичериной, захотѣла польстить моему материнскому самолюбію и продекламировала мнѣ во все горло стихи Сашки: «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ», ³⁾ да его испанскую «Ночной зефиръ струитъ эфиръ», которую наизусть знаю; мочи нѣтъ какъ надоѣла ⁴⁾, по мѣткому выраженію Александра.

«Вся эта компанія съ утра до вечера кричитъ, шумитъ, пляшетъ и закусуываетъ. Тутъ же вертится черномазый и чернобородый юный эскулапъ, т. е. докторъ Б—дъ; хотя и жидъ, но очень любезенъ и веселъ, а потому видѣть и имѣть его (*le voir et l'avoir*) въ провинціи чрезвычайно пріятно; израильское произношеніе очень къ нему идетъ, а его жена, бѣлокурая полька, тоже вздумала произносить намъ на распѣвъ стихи Мицкевича, не смотря на то, что

¹⁾ Объ Иванѣ Матвѣевичѣ Рокотовѣ А. С. Пушкинъ пишетъ, между прочимъ, своему брату слѣдующее:

«Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непременно. Тутъ я по глупости дѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку (*Noel*). Вѣтранный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость *pour des chansons*». (См. т. VIII, стр. 124, соч. Пушкина, изд. Суворина 1887 г.).

²⁾ Вѣроятно бабка намекаетъ о сообщеніи Осиповой Рокотовымъ писемъ Льва Сергѣевича, о чемъ говоритъ и дядя Александръ. (Тамъ же стр. 123).

³⁾ Подражаніе А. Шенье (съ эпиграфомъ: «*Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire*»). См. т. III, стр. 126, соч. Пушкина, изд. Суворина, 1887 г.

⁴⁾ Эту подчеркнутую фразу бабка написала порусски.

изъ насъ попольски никто ни бельмеса (pas un briu). Впрочемъ, она меня и Александромъ, т. е. отрывкомъ изъ его «Братевъ разбойниковъ» поподчивала, и—тоже надоѣла».

Сергѣй Львовичъ, описывая въ слѣдующемъ своемъ длинномъ посланіи дальнѣйшія странствованія по сосѣдямъ, между прочимъ, рассказываетъ:

«Отъ Шущериныхъ мы съ Рокотовымъ и съ тою же компанією двинулись (nous nous sommes embarqués) къ Креницынымъ на три дня, а потомъ съѣздили къ Темировымъ. Рокотовъ сдѣлался задумчивъ, и о чудо! всего только пятнадцать разъ въ теченіе сутокъ проговорилъ: «Excusez ma franchise!» Недоумѣваю, чтобы это предвѣщало: не свѣта ли преставленіе? Впрочемъ, «мамà»¹⁾ другого мнѣнія, думая, что Jean fils de Matthieu разрѣшаетъ свою трудную задачу (est en train de résoudre son problème difficile), какъ подчинить излюбленному его гомеопатическому лѣченію борзыхъ и шапокъ (ses levriers et ses roquets).

«Вообрази, вся наша компанія назвалась къ намъ на завтра, въ воскресенье, въ числѣ двѣнадцати человекъ. Вотъ безъ ошибки нашествіе двенадцати языкъ²⁾, но право не знаю, какъ расквартировать эту—хотя и не Наполеоновскую—но все же «великую» армію. Нечего дѣлать: переберемся на ночлегъ въ полуразвалившуюся бавю, а домъ отдадимъ въ распоряженіе милыхъ нашихъ друзей. Самъ же я предупреждалъ этихъ messieurs и mesdames или mesdames и messieurs—все равно,—что они очутятся въ положеніи сельдей въ боченкѣ; слушать не хотятъ. Впрочемъ, да будетъ воля неба! (Au reste que la volonté du ciel soit faite)».

«Погода у насъ перемѣнилась»,—пишетъ на другой день бабка,—«дождь льетъ, какъ изъ ведра, и право не знаю, пріѣдутъ ли наши, а все для нихъ приготовлено. Пишу второпяхъ, и скажу, что вчера страшно перепугалась: около дома появилось десять штукъ волковъ; они напали на Прохора и Андрюшку; къ счастью Прохоръ—у него было ружье—отправилъ на тотъ свѣтъ двухъ изъ этихъ господъ (deux de ces messieurs); остальные бросились къ убитымъ, чѣмъ воспользовались наши удалцы и дали тягу. Вчера же взбѣсилась и собака, но и ту Ѳедкѣ удалось застрѣлить».

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ и о четвероногомъ дѣдушкинѣ любимцѣ Русланѣ. Эту собаку подарилъ когда-то Сергѣю Львовичу Александръ Сергѣевичъ, давшій псу первоначальную кличку не «Русланъ», а «Руслѣ», въ честь—какъ онъ выразился—«окаянной памяти» своего тирана, француза-губернера. (см. первую часть этой хроники). Сергѣй же Львовичъ и Надежда Осиповна, продолжая питать почему-то совершенно непонятную

¹⁾ Надежда Осиповна.

²⁾ Подчеркнутыя слова писаны порусски. Л. П.

нѣжность къ давно уже исчезнувшему съ пушкинскаго горизонта самодуру, разсудили превратить собаку «Руслѣ» въ одного изъ героевъ поэмъ дяди. Когда Русланъ околѣлъ отъ дряхлости и непомѣрно изобильнаго корма, Сергѣй Львовичъ слѣдующимъ оригинальнымъ письмомъ сообщилъ моей матери объ этомъ событіи:

«Какъ изобразить тебѣ, моя безцѣнная Ольга, постигшее меня горе? Лишился я друга, и друга такого, какого едва ли найду! Бѣдный, бѣдный мой Русланъ! Не ходитъ болѣе по землѣ, которая,— какъ говорится по латыни—да будетъ надъ нимъ легка! Да, незамѣнимый мой Русланъ! Хотя и былъ онъ лишь безотвѣтнымъ четвероногимъ, но въ моихъ глазахъ стоялъ гораздо выше многихъ и многихъ двуногихъ. (Quoi qu'il n'était rien de plus qu'un quadrupède, mais à mes yeux il était bien au dessus de beaucoup et beaucoup de bipèdes): мой Русланъ не воровалъ, не разбойничалъ, не сплетничалъ, взятокъ не бралъ, интригъ по службѣ не устраивалъ, сплетень и ссоръ не заводилъ. Умеръ отъ долговременной болѣзни, а послѣднее время все спалъ. Я его похоронилъ въ саду, подъ большою березой; тамъ пусть лежитъ себѣ спокойно. Хочу этому вѣрному другу воздвигнуть мавзолей, но боюсь: сейчасъ мои бессмысленные мужланы—вотъ кто настоящія животныя—запишутъ меня въ язычники (Tout de suite mes imbeciles de manants—voilà les vrais animaux—m'inscriront sur la liste des païens). Чтобы меня утѣшить, Веніаминъ Петровичъ, правда, подарилъ мнѣ другую собачку—совершенный портретъ Руслана: ходитъ на заднихъ лапахъ, поноску носить, посягаетъ на цѣлость моихъ панталонъ—особенно же носовыхъ платковъ,—но все же не Русланъ, тысячу разъ не Русланъ. Съ горя сочинилъ я эпитафію пофранцузски и порусски. Вотъ французская:

«Ci-git Rouslan, mon compagnon fidèle,
 «Des vrais amis il fut le vrai modèle,
 «Il m'aima pour moi seul, jamais n'exigea rien,
 «Passe sans t'étonner: Rouslan n'était qu'un chien!

А вотъ и русская:

«Лежитъ здѣсь мой Русланъ, мой другъ, мой вѣрный песь!
 «Былъ честности для всѣхъ разительнымъ примѣромъ,
 «Жилъ только для меня, со смертью же унесъ
 «Всѣ чувства добрыя: онъ не былъ лицемѣромъ,
 «Ни воромъ, пьяницей, развратнымъ тожъ гулякой;
 «И чтожъ мудренаго? былъ только онъ собакой!»

Тоска дѣда по Русланѣ доходила въ самомъ дѣлѣ до смѣшного. Надежда Осиповна жалуется вслѣдъ затѣмъ дочери, что Сергѣй Львовичъ проплакалъ о смерти Руслана двѣ недѣли, не стѣснялся плакать и при гостяхъ, лишился сна, аппетита. «Такъ только—Богъ меня прости и сохрани васъ Онъ на многая лѣта—дѣтей оплакивають»,—писала бабка.

Привожу послѣднія письма стариковъ за 1829 годъ, объ отсутствующихъ сыновьяхъ:

«Слава Богу», — сообщаетъ Сергѣй Львовичъ въ началѣ октября (числа не выставлено), — «могу тебѣ сказать, что оба твои брата здоровы. Хотя до меня дошли свѣдѣнія и запоздалыя, но все же я покойнѣе. Отъ Леона получилъ разомъ два письма.

«Послѣ взятія Эрзерума Лелька опять былъ въ весьма горячемъ дѣлѣ (*Lolka s'est trouvé de nouveau dans une affaire bien chaude*) и, — представь себѣ — когда писалъ мнѣ первое письмо?! Ни болѣе ни менѣе, какъ наканунѣ боя, на барабанѣ, въ ту минуту, когда забывать о письмахъ отнюдь не предосудительно! За то для нашего успокоенія отправилъ намъ второе письмо сейчасъ же послѣ сраженія. Описываетъ весь ходъ боя, и проситъ вынуть часть за его бабу Марью Алексѣвну; тебѣ вѣроятно Леонъ сказывалъ, что передъ опредѣленіемъ на службу онъ видѣлъ тѣнь *grand'maman*. Тѣнь его благословила, а потому и думаетъ, что всякое сраженіе обходится для него благополучно. Говоритъ, что былъ въ жестокомъ огнѣ, и потеря въ людяхъ очень и очень значительна; разумѣется турки кончили тѣмъ, что возложили упованіе на свои ноги (*ils ont filé la venelle*).

«Похвалить долженъ и Александра: онъ также намъ пишетъ; пересылаю его письмо въ копіи — тоже очень запоздалое. Въ перепискѣ онъ и съ Плетневымъ, которому говоритъ, что очарованъ путешествіемъ, рассказывая своему другу всѣ прелести лагернаго быта. Письмо Сашки Плетневъ тоже намъ переслалъ; я хотѣлъ присоединить его къ тебѣ, то есть копію, но не знаю куда засунулъ подлинникъ, который долженъ возвратитъ Петру Александровичу. Сашка развѣзжалъ въ мусульманскомъ краѣ на казацкой лошади съ нагайкой въ рукѣ, а — что еще того лучше — обѣщается Плетневу и намъ очень скоро быть въ сѣверной столицѣ. *Que la volonté du ciel soit faite!*»

Надежда Осиповна, съ своей стороны, на томъ же листѣ прибавляетъ:

«Я въ восторгѣ отъ пріѣзда Александра. Пораскажетъ и обо Львѣ, а кто знаетъ, — не пріѣдутъ ли вмѣстѣ? Очень бы, однако, хотѣла еще разъ ему написать. Но куда? «*That ist the question!*» Александръ, — какъ говоритъ Прасковья Александровна Осипова, — исчезаетъ именно тогда, когда всего меньше ожидаешь. Надѣюсь, на этотъ разъ исчезъ, чтобы съ нами соединиться.

«Свиданіе съ вами, дорогія мои дѣти, исцѣлило бы всѣ наши скорби. Война разлучила насъ съ твоими братьями, а твоя болѣзнь — съ тобою, мой ангелъ! Да соединитъ же насъ прочный миръ, и не менѣе прочное твое здоровье.

«Баронъ Дельвигъ — можешь за меня его обнять — пишетъ твоему папа, что посѣтилъ тебя въ Ораніенбаумѣ; собирается въ Москву

нарочно встрѣтить Леона и Александра; желаю и я туда же вмѣстѣ съ нимъ отправиться, чѣмъ выигралось бы время (*cela serait autant de temps de gagné*). Надо ловить въ нашей гадкой жизни столь рѣдкія, отрадные мгновенія. Прижать къ сердцу Сашку и Лельку составляетъ теперь всю мою мечту. О тебѣ уже и не говорю: ты мой первенецъ (*tu es ma première née*). Боже! какъ мучительна разлука съ вами!»

Впрочемъ, выраженное Надеждой Осиповной желаніе встрѣтить сыновей въ Москвѣ такъ и осталось фразой, пущенной ради придачи письму риторическаго оборота. Изъ писемъ, хранящихся у меня, не видно, приѣхалъ ли въ концѣ 1829 года Левъ Сергѣевичъ. Братъ же его Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ Петербургъ въ первой половинѣ ноября, не заѣзжая въ Михайловское.

XIV.

Только незадолго передъ возвращеніемъ Александра Сергѣевича въ Петербургъ, мои родители возвратились изъ Ораніенбаума въ городъ,—на прежнюю квартиру,—такъ какъ осень 1829 года выдалась теплая и сухая, а свѣжій воздухъ оказался для моей матери гораздо полезнѣе всякихъ микстуръ и докторскихъ посѣщеній: головокруженія случались рѣже—это было главное; съ ихъ уменьшеніемъ появился и сонъ, укрѣпившій нервную систему больной. Въ городѣ она могла уже посѣщать своихъ родителей и знакомыхъ.

Отецъ былъ очень ободренъ такимъ ходомъ исцѣленія, а потому и могъ уже посвящать себя всецѣло служебной дѣятельности и литературнымъ занятіямъ, которыя становились для него сущою потребностью. Продолжая службу въ бывшей иностранной коллегіи по экспедиціи переводовъ, и будучи откомандированъ вице-канцлеромъ Нессельроде въ учрежденную при сенатѣ слѣдственную комиссію надъ поляками,—скомпрометированными въ 1825 году—отецъ весьма удачно выполнилъ возложенное на него порученіе, за что и былъ награжденъ окладомъ годового жалованья. Похвальные же отзывы тогдашнихъ повременныхъ изданій—въ особенности же отзывы «Сѣверной Пчелы» о его прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ романовъ Фонъ-деръ-Фельда (біографическій очеркъ котораго онъ помѣстилъ затѣмъ въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига)—поощрили его къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ.

При свиданіи моей матери съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, она нашла, что онъ очень осунулся, пожелтѣлъ и постарѣлъ такъ, что на видъ ему казалось не 30 лѣтъ, а гораздо больше.

— Александръ!—удивилась она,—что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ. Видно климатъ Кавказа и Турціи для тебя хуже всякаго Петербурга; напрасно ѣздилъ поправляться. А я надѣялась, что по-

полнѣешь, помолодѣешь. А можетъ быть военные походы тебѣ повредили? Здоровъ ли ты, скажи мнѣ!..

— Напрасно тревожишься,—отвѣчалъ дядя,—военные походы мнѣ полезны; чувствую себя какъ нельзя лучше; многое видѣлъ, многое испыталъ, и описаніе принесу тебѣ завтра. Сколько я почерпнулъ истинной поэзіи, сколько испыталъ разныхъ впечатлѣній! Очаровательный край! А на мою худобу и кажущуюся старость не гляди: просто похудѣлъ отъ усталости. Выѣзжая изъ Тифлиса, я съ грустью говорилъ: «прощай волшебный край», а какъ очутился опять въ нашемъ или вашемъ чухонскомъ болотѣ, выругался разумѣется: «петербургской грязи и вони мое нижайшее, чортъ возьми, почтенье»!

Дядя нашель сестру очень поправившейся, и приписалъ это улучшение своей мысли нанять для нея дачу въ Ораніенбаумѣ.

На другой день послѣ первой встрѣчи, Александръ Сергѣевичъ сдержалъ данное сестрѣ слово. Онъ зашелъ къ ней, и принесъ толстую рукопись.

— «Вотъ мои путевыя впечатлѣнія и разказы обо всемъ, что со мной было; прочти ихъ. Зайду за ними послѣ, а теперь читать ихъ и разсуживаться некогда. Прощай!»

Оставленная Пушкинымъ у сестры рукопись была ничто иное, какъ тотъ «Дневникъ», начатый въ Георгіевскѣ, который дядя впоследствии привелъ въ порядокъ, и напечаталъ уже гораздо позднѣе въ «Современникѣ»—именно въ 1836 году,—давъ ему заглавіе: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года».

Ольга Сергѣевна, пораженная изнуреннымъ видомъ брата, вызвала его при слѣдующемъ затѣмъ свиданіи на откровенность.

Привожу ихъ довольно интересную бесѣду, о которой слышалъ отъ нея неоднократно. Мать очень любила повторять ее, и я уже давно записалъ эту бесѣду съ малѣйшими подробностями.

Дядя сознался, что будучи здоровъ физически, страдаетъ морально; по его словамъ, тоска стала одолѣвать его съ той минуты, какъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ обратный путь.

— Пріѣхавъ въ Петербургъ,—говорилъ онъ,—я очутился, какъ будто въ карцерѣ, съ которымъ нѣсколько разъ былъ знакомъ въ лицѣ. Меня что-то давитъ, душитъ, когда засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ. Ѣздить хочу, мѣнять мѣста пребыванія хочу. Не даромъ на дняхъ я сочинилъ:

«Не въ наслѣдственной берлогѣ,
«Не среди отческихъ долинъ,
«На большой мнѣ, звать, дорогѣ
«Умереть Господь судилъ».

— А знаешь что, Ольга,—прибавилъ дядя,—чѣмъ чортъ не шутить? Скажу тебѣ по секрету, видишь что: изѣздилъ я Бессарабію, и Крымъ, и Кавказъ, былъ и въ Турціи. Съѣздить за границу въ

Европу всегда успѣю, а теперь хочу—только не пугайся—провѣдать тотъ страннѣйшій край, гдѣ не только душистый померанецъ, но и чай душистый зрѣеть. *Kennst du das Land?* какъ воспѣваетъ, кажется, Гете. Такой, Ольга, край, что просто мое почтенье; страна чудесъ! Узнаю совершенно иной міръ, посмотрю на совѣтъ другихъ людей; не увижу тамъ ни Красовскихъ, ни Хвостовыхъ, ни какъ его... Каченовскаго,—заключилъ Пушкинъ шутя,—то-то погуляю!

— Ужъ не къ богдыхану ли въ гости? — всплеснула руками Ольга Сергѣевна.

— *Bien touché*—разсмѣялся дядя.

— Да ты не бредишь ли?

— Ничуть. Чего въ Европѣ не видалъ, а въ чухонскомъ болотѣ мнѣ киснуть нечего. Только смотри, не проболтайся папашѣ; расплачется, не утерпитъ, чтобы не пересказать матери, а та протрезвонитъ всякимъ Архаровымъ, Карамзинымъ, да Ноденамъ, и пошла гулять новость по всемъ околоткамъ; тогда и моя *idée lumineuse* (великолѣпная мысль) фью!

Дядя присвиснулъ.

— Да говори же, Александръ, толкомъ. Шутить или говоришь серьезно?

— Разумѣется очень серьезно, и дѣло просто: въ Пекинѣ учреждается русская миссія. Тамъ и отецъ Іакинфъ Бичуринъ ¹⁾. Я его встрѣчалъ здѣсь передъ отъѣздомъ туда; стало быть буду имѣть и знакомаго. Пристроиться же мнѣ къ миссиіи легко: попрошусь у кого слѣдуетъ, и дѣло въ шляпѣ.

— Полно дурачиться, Александръ; пустыя бредни и больше ничего!

— Сама увидишь, что не пустыя бредни.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе не лишенаго интереса разговора между матерью и дядей, упомяну, что Пушкинъ дѣйствительно въ началѣ 1830 года обратился къ Нессельроде съ ходатайствомъ записать его въ число чиновниковъ отправлявшихся въ Китай, но просьба его запоздала: желающихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ дядя предполагалъ, а потому его мечта увидѣть жителей Срединной имперіи такъ и осталась мечтою. Просьбу возвратили назадъ, положивъ резолюцію: «Съ удовольствіемъ опредѣлили бы, но комплектъ лицъ, уже назначенныхъ, полный».

Возвращаясь къ прерванному разговору.

— Какъ себѣ хочешь, Ольга, — продолжалъ Пушкинъ, — здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ не житье, а прозябаніе (*ici je n'existe pas, mais je végète*). Тоска, понимаешь, тоска меня ѣстъ.

— Слушай Александръ! Сознаться въ причинѣ тоски ты самъ не желаешь, а причину-то я вижу насквозь.

¹⁾ Извѣстный ученый и русскій миссіонеръ въ Китаѣ.

— Но...

— Безъ всякихъ «но». Просто-напросто, тебѣ тридцать лѣтъ стукнуло. Человѣкъ для одиночества не созданъ. «Il n'est pas bon que l'homme reste seul»—это и въ Писаніи сказано: не довлѣетъ человѣку единому быти. Скажу безъ обиняковъ: жениться пора, вотъ что!

— Жениться? Боже сохрани и избави! Могу ли я, въ состояніи ли я, осчастливить женщину? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ—ни матеріально, ни нравственно. Если за меня бы и вышли, то, спрашивается, по какимъ причинамъ? По расчету? На это скажу, что карманъ мой очень не великъ. Изъ-за моей литературной извѣстности, ну, положимъ даже, литературной славы? И на это опять-таки скажу, что русскія барышни и вдовушки ставятъ не только стихи, но и прозу ни въ грошъ, а требуютъ состоянія, или, по крайней мѣрѣ, такой служебной карьеры, которая приносила бы прочныя, вещественныя выгоды, а не супъ изъ незабудокъ. Наконецъ, статья можетъ, изъ-за моей наружности? (Тутъ дядя, какъ говорила мнѣ мать, засмѣялся неприятнымъ, принужденнымъ смѣхомъ—*il s'est mis à rire, mais d'un rire désagréable et forcé*), но стоить мнѣ подойти къ зеркалу,—прибавилъ онъ порусски,—самъ увижу чего стою,—извини за глупую острогу, да прочитай мое посланіе въ честь Александры Алексѣевны¹⁾). Не Богъ знаетъ сколько версть отъ орангутанга уѣхаль. Наконецъ, положимъ, найдется несчастная и выйдетъ за меня. (*Enfin mettons: il se trouvera une malheureuse, qui m'épousega*). Но что же я, я то ей принесу? А вотъ что: сердце состарѣвшееся не по лѣтамъ, сердце какъ нельзя болѣе увядшее (*un coeur suranné, un coeur on ne peut plus fâné*), испытавшее много, слишкомъ много... Чувствую, Ольга, я перевалилъ въ полномъ смыслѣ за полдень жизни, а кстати, помнишь мои стихи «Телѣга жизни»?

Тутъ Александръ Сергѣевичъ прочелъ наизусть слѣдующую выдержку:

«Съ утра садимся мы въ телѣгу;
 «Мы рады голову сломать,
 «И, презирая лѣнь и нѣгу,
 «Кричимъ: «пошелъ, не разсуждать!»
 «Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
 «Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
 «И косогоры, и овраги,
 «Кричимъ: «полегче, дуралей...»

¹⁾ То *Dawe esq-r*, посвященное А. А. Олениной, начинается такъ:

«Зачѣмъ твой дивный карандашъ
 «Рисуетъ мой арабскій профиль?
 «Хоть ты вѣкамъ его предашь,
 «Его освищеть Мефистофель.»

— И какъ же рѣшиться на подобный шагъ, или лучше на подобный скачекъ? Тутъ уже не ямщику, а самъ себѣ закричу—«полегче, дуралей», если не захочу разбить себѣ голову, или, какъ говорятъ татары—«Се-кимъ или ке-симъ башка», поговорку, которую я недавно слышалъ.

— Ты все преувеличиваешь, Александръ, и хандрить, а увидишь, женишься раньше, нежели думаешь¹⁾, и какъ еще можешь быть счастливъ!! Вспомни этотъ разговоръ, и запиши мое предсказаніе; ты знаешь, что папа не даромъ прозвалъ меня Сивиллой. А хочешь, скажу тебѣ еще: не можешь до сихъ поръ, не смотря на то, что восхищаешься многими, а всѣ эти восхищенія не истинная любовь, а именно восхищенія, капризы (*des caprices*), не можешь, говорю, забыть твою бѣдную Ризничъ, и будешь по ней, слова нѣтъ, тосковать, пока опять не влюбишься такъ же, какъ и въ нее. Вотъ и все.

Ольга Сергѣевна, какъ говорятъ французы, а *touché le vrai point*. Дядя опѣшилъ.

— Твоя правда,—подтвердилъ онъ послѣ краткаго молчанія.—Никогда мнѣ кажется, я не въ состояннн забыть мою поэтическую любовь къ этой прелестной одесской итальянкѣ... Бѣдная Ризничъ! Никого такъ я не ревновалъ какъ ее, когда въ моемъ присутствіи, что мнѣ было хуже ножа, она кокетничала съ другимъ²⁾, а разъ, если никого такъ сильно не ревновалъ, то и никого такъ сильно не любилъ. Любовь, по моему, измѣряется ревностью. А ревновалъ я ее, быть можетъ, и неосновательно. Никого, никого такъ искренно до сихъ поръ не любилъ...

— Все это, Александръ, прекрасно и хорошо (*tout cela est bel et bon*). Но твоя Ризничъ уѣхала въ чужіе края, а потомъ умерла. Слѣдовательно, любовь твоя—любовь къ привидѣнію, любовь къ мечтѣ, и утратила свой «*raison d'être*»,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, самъ же ты сію секунду открылъ мнѣ слабую сторону твоего аргумента: говоришь «до сихъ поръ никого такъ не любилъ», значить, можно вывести изъ такихъ словъ (*on peut tirer conséquence de ses paroles*), что не отчаяваешься найти другую, которую полюбишь столько же, если не больше. Вотъ, милый другъ мой, до чего ты, наконецъ, договорился!..

Александръ Сергѣевичъ, чувствуя, что и тутъ потерялъ подъ собою почву, опять опѣшилъ, и, какъ всѣ люди нервныя, у которыхъ зачастую не хватаетъ пороку на немедленное возраженіе, особенно когда ихъ задѣваютъ, что называется, за живое, въ первую минуту растерялся и сказалъ, опять помолчавъ немного:

¹⁾ Разговоръ этотъ происходилъ въ декабрѣ 1829 года, слѣдовательно за годъ и два мѣсяца до женитьбы дяди—18 февраля 1831 года.

²⁾ Кто былъ этотъ другой—дядя не называлъ. Имени и фамиліи его соперника не знаю.

— Что тамъ ни говори, сестра, безъ глубокой печали не могу вспоминать о бѣдной Ризничь... ¹⁾.

— Слушай, Александръ. Прежде нежели дѣлать визитъ, китайскому богдыхану или индѣйскому набабу,—все равно,—положи-ка горестъ и печаль въ карманъ (*mets les dans la poche*). Что прошло, то пропало! Будь господиномъ твоихъ порывовъ (*sois maître de tes élans*), не предавайся ни печали, ни гнѣву. Если будешь поддаваться скорби и гнѣву, познакомишься и со спутницей этихъ страстей—нуждой. *La colère enfante la misère* (скорбь рождаетъ нужду). Вспомни молитву, которую слышимъ въ церкви: «О избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды». Вѣрь, никто изъ твоихъ хваленыхъ друзей, въ сущности, большею частію твоихъ бывшихъ партнеровъ на зеленомъ полѣ, и бывшихъ собутыльниковъ (*tes ci-devant compagnons de jeu et de bouteille*) не любятъ тебя такъ какъ я, а потому не сердись, и вѣрь моимъ добрымъ совѣтамъ (*ne te fâche pas, et fie-toi aux bons conseils, que je te donne*).

— Ты, Ольга, мѣтишь въ проповѣдницы, или на худой конецъ (*au pis aller*) въ послѣдовательницы покойной *Madame Campan* ²⁾ (госпожи Кампанъ). Моей тоской никому зла не дѣлаю, а господиномъ моего гнѣва,—радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ,—быть больше не могу. Меня окончательно выводятъ изъ терпѣнья добрые люди, которые именно въ настоящемъ христіанскомъ правилѣ «любить ближняго какъ самаго себя» не смыслятъ не бельмеса (*pas un brin*). Не даютъ эти, такъ называемые «добрые люди», а по моему—шайка злоловъ и завистниковъ,—прохода твоему брату, котораго ты увѣщеваешь. Но я самъ спуску не дамъ, и опять повторяю: или поподчую ихъ подъ горячій часъ плюхами, или посчитаю имъ ребра моей палкой!

Дядя при этомъ возвысилъ голосъ.

— Посмотри-ка лучше, что я вчера написалъ на этихъ животныхъ (*à l'adresse de ces animaux*),—прибавилъ дядя, и, вынувъ изъ кармана листъ бумаги, прочелъ ³⁾:

«О муза пламенной сатиры!
«Приди на мой призывный кличъ!
«Не нужно мнѣ гремящей лиры,

¹⁾ Пушкинъ посвятилъ памяти г-жи Ризничъ два прекрасныя стихотворенія. Одно изъ нихъ начинается такъ:

«Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
«Она томилась, увядала». . . .

А другое:

«Для береговъ отчизны дальней
«Ты покидала край чужой...»

²⁾ Извѣстная французская писательница; скончалась въ 1829 г.

³⁾ Нижеприводимые стихи появились въ свѣтъ черезъ полгода послѣ этого разговора, именно въ 1830 году. (См. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина изданныхъ подъ редакціей Г. Н. Геннади въ 1870 г., т. I, стр. 436).

«Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
 «Не подражателямъ холоднымъ,
 «Не переводчикамъ голоднымъ,
 «И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
 «Готовлю язву эпиграммъ.
 «Миръ вамъ, смиренные поэты,
 «Миръ вамъ, несчастные глупцы!
 «А вы, ребята-подлецы,
 «Впередъ! всю вашу сволочь буду
 «Я мучить казню стыда!
 «А если же кого забуду —
 «Прошу напомнить, господя!
 «О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
 «О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
 «Готовы отъ меня принять
 «Неизгладимую печать!»

Выслушавъ эту жёлчную выходку, Ольга Сергѣевна сказала:

— Не сердись, если замѣчу тебѣ, что эти воинственные стихи пахнутъ именно солдатомъ за версту (*cela sent son soldat d'une lieu*). Что за выраженія: «ребята-подлецы впередъ!» Умилосердись! Ни дать, ни взять, когда на гарнизонномъ ученѣ фельдфебель съ нафабреными усами, причесанный «виски впередъ», кричитъ во все горло: «спасибо ребята-молодцы!» и тутъ же: «Правая, лѣвая, лѣвая, правая, подлецы!» Наконецъ, твое выраженіе сволочь! *Mais quelle est, au nom du ciel, cette expression?* Въ разговорѣ «ребята-подлецы», «сволочь», «дрянь», еще проѣдутъ, но въ печати ругательства не позволительны. Просто поанглійски выходитъ «шокингъ». И подобныя выраженія употребляетъ авторъ «Кавказскаго плѣнника!» Ну, посуди самъ, какъ же это можно?

— Ты несправима, Ольга: проповѣдница à la madame Campan, но стихи, воля твоя, напечатаю.

— Печатай, батюшка! «не мой конь, не мой возъ», —разсердилась въ свою очередь и сказала порусски Ольга Сергѣевна, —но этимъ самъ себя скомпрометируешь, и докажешь, что придаешь, какъ самъ ты же говоришь, «сволочи» значеніе, котораго «сволочь» или «ребята-подлецы» совсѣмъ не заслуживаютъ. Исправишь ли ихъ?—Нисколько. Сволочь сволочью и останется. Приведу тебѣ и поговорку:

«Хоть ты ведро воды на зѳіона лей,
 «Не станетъ онъ бѣлѣй»,

а можетъ выйти и еще хуже. Такъ тебѣ насолать, что жизни радъ не будешь...

— Опять-таки, madame Campan, чистая madame Campan! „*Mais je ne suis pas une bûche de bois, et je saurai décharger ma colère par écrit et par voie de fait sur cette légion de la plus lâche canaille de l'univers, puissent tous les diables l'emporter! Et je le repète: je claquemurerai la bouche à ces insolents!* (Но я не бревно, и съумѣю

выместить мой гнѣвъ и письменно, и дѣйствиємъ, на этомъ легионѣ подлѣйшей каналы вселенной, чтобы ее всѣ черти взяли! Повторяю: замажу глотку нахаламъ!

При такомъ нервномъ возбужденіи брата, Ольга Сергѣевна сочла нужнымъ уступить.

— Ну, полно, — сказала она ему своимъ симпатичнымъ, звучнымъ голосомъ, — умѣрь твои африканскія страсти (*modère tes passions africaines*). Не забудь: тебѣ не девятнадцать, а цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Успокойся, мой бѣдный Александръ!

Она подошла къ нему, поцѣловала крѣпко въ лобъ, и погладила его курчавую голову — обычная ласка моей покойной, незабвенной матери.

Дядя, въ припадкѣ волновавшихъ его самыхъ разнообразныхъ душевныхъ волненій, былъ какъ нельзя болѣе тронутъ и этими немногими словами, и этой безыскусственной, такъ много сказавшей озлобленной душѣ его, лаской, и... заплакалъ, осыпая руку сестры нѣжными поцѣлуями. Потомъ улыбнулся и сказалъ:

— *Eh bien, n'en parlons plus. Que le diable emporte toute cette gasaille!* (Довольно, не будемъ говорить больше. Чортъ поberi всю эту ракалю!) Поговоримъ лучше о твоємъ здоровьѣ.

Переимѣнивъ разговоръ, дядя, между прочимъ, сказалъ моей матери:

— Хотѣлъ привести тебѣ еще одного доктора-спеціалиста по нервамъ, но слишкомъ много поваровъ кушанье портятъ (*trop de cuisiniers gâtent la cuisine*). Держись Молчанова; уважаю его за то, что лѣкарствами не пичкаетъ!..

Разсказавъ затѣмъ кое-что о домашнихъ обстоятельствахъ и о продажѣ своихъ сочиненій, дядя, нѣсколько успокоенный, простился, говоря что очень былъ радъ отвести у сестры душу и излить передъ ней все, что накипѣло въ этой злополучной душѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ описанной мною замѣчательной бесѣды, дядя встрѣтилъ Ольгу Сергѣевну у своихъ родителей (отца моего тамъ, на прежнемъ основаніи не было), и говорилъ ей:

— Ты нашла, милая моя Ольга, неудобными мои выраженія «ребята-подлецы» да «сволочь». Но эти выраженія просѣются сквозь цензурное рѣшето, не сомнѣваюсь; въ нихъ, по моему, ничего нѣтъ неприличнаго. Между тѣмъ, подлость моихъ зоилонъ-завистниковъ дошла уже до того, что они стали приписывать моей дѣвственной музѣ, — какъ я узналъ отъ Дельвига на дняхъ, — именно всякія неприличія; нашлись между «подлецами-ребятами» — извини, это выраженіе тебѣ не нравится, а мнѣ нравится — такіе, которые себѣ позволили злоупотреблять моимъ именемъ, и навязывать мнѣ, что мнѣ и въ голову не приходило. Мнимыя мои сочиненьица (*mes élucubrations postiches*) ходятъ въ рукописяхъ по городу, а что всего хуже — съ моей подписью. Мерзавцы! (*Les coquins!*) Хотятъ

меня уронить передъ людьми достойными всякаго почтенья (estimables sous tous les rapports), да и разсовываютъ, гдѣ только могутъ, сочиненныя не мною, а ими же пошлости. Конечно, ни Дельвигъ, ни Плетневъ, гнуснымъ клеветамъ на мою музу не повѣрятъ; они очень хорошо знаютъ, что я ее не оскверню стихами, которые и канальѣ Баркову не по плечу. Я же не Барковъ, а подавно не маркизъ де Садъ ¹⁾. (Ils savent parfaitement bien, que je ne salirai pas cette muse par des vers, qui ne sont pas même de la taille de cette canaille de Барковъ. Quand à moi, je ne suis pas un Барковъ, et à plus forte raison un marquis de Sade). Ну какъ же послѣ этого не приколотить «ребятъ-подлецовъ» палкой, ну какъ же не надавать имъ плюхъ?

Кстати замѣчу, что Пушкинъ считалъ не только произведенія Баркова, но даже и фамилію сего скальда явленіемъ совершенно неприличнымъ, что и выразилъ въ эпиграммѣ, которую написалъ по случаю просьбы однофамильца знаменитаго порнографа. Этотъ однофамилецъ писалъ водевильныя пьесы, и просилъ Анну Петровну Кернъ ходатайствовать у Пушкина перевести его стихи порусски.

Вотъ эпиграмма:

«Не смѣю вамъ стихи Баркова
«Благопристойно перевести,
«И даже имени такова
«Не смѣю громко произнести».

Сообщеніе моего дяди было сущей правдой: въ Петербургѣ, во время его отлучки, стали ходить ни на чемъ не основанные слухи, будто бы онъ авторъ появившихся тогда многихъ совсѣмъ неудобныхъ поэмъ, называемыхъ теперь порнографическими. Въ описываемое мною время, именно въ 1829 году, лира Баркова и его послѣдователей пользовалась весьма радушнымъ гостеприимствомъ среди недорослей, прожигавшихъ жизнь, и среди дряхлыхъ шалуновъ. Стихи Баркова распѣвались преимущественно подъ пьяную руку на холостыхъ вечеринкахъ, при чемъ любители воображали, что это произведенія Пушкина, и восхваляли ихъ.

Александрѣ Сергѣевичу,—знавшему объ этихъ вакханаліяхъ,—было до крайности непріятно.

— Mon nom est profané par toute cette drogue (мое имя оскверняется всей этой дрянью),—говаривалъ онъ и сестрѣ и моему отцу,—вотъ до чего дошли козни моихъ пріятелей!

¹⁾ Известный безбожникъ и диникъ временъ французской революціи. Консулъ Бонапарте—впослѣдствіи императоръ Наполеонъ,—распорядился съечь публично, на площади, рукою палача, ужасные романы Сада: «Dorothee ou les dangers de la Vertu» и «Juliette, ou la prospérité du vice». Покойный Ф. Ф. Вигель показывалъ мнѣ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ. Откуда онъ его досталъ—этого мнѣ не сказывалъ.

Считаю долгомъ повторить: всѣ занесенные въ мою «Семейную хронику» факты и разговоры основаны на разказахъ и письмахъ моего отца и матери, — Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны Павлищевыхъ, — на разказахъ лицъ, стоявшихъ очень близко къ моимъ обоимъ дядямъ, — Александру и Льву Пушкинымъ, и, наконецъ, на имѣющихся у меня письмахъ дѣда и бабки — Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны. Отъ себя я здѣсь ничего не прибавляю; долготѣнія же мои воспоминанія, которыя я вовсе не думалъ до настоящаго времени предавать гласности, даже и въ извлеченіяхъ, я вель для себя же, слѣдовательно относился къ фактамъ вполне безпристрастно, а не *pro domo sua*.

Сдѣлавъ эту оговорку, замѣчу, что Пушкинъ — опять-таки говорю со словъ моихъ родителей — написалъ только двѣ поэмы и всего не болѣе десятка мелкихъ стихотвореній легкаго содержанія — капля въ морѣ его безчисленныхъ произведеній. Долгъ безпристрастнаго хроникера налагаетъ на меня обязанность, упомянувъ и о нихъ, вывести многихъ изъ заблужденія.

Первую поэму, лишенную, по словамъ его же, Александра Сергѣевича, здраваго смысла, — «Гавриліаду», — онъ сочинилъ, будучи еще очень молодымъ. Вспоминая объ этой, какъ онъ выражался «непростительной глупости», Пушкинъ всегда раскаявался что не уничтожилъ ее, а далъ переписать одному изъ своихъ товарищей — кому именно, не помню; этотъ же товарищъ и пустилъ ее гулять по бѣлому свѣту.

Вторую поэму — «Царь Никита» — дядя считалъ тоже величайшей глупостью.

Наконецъ, къ числу собственно его немногихъ мелкихъ стихотвореній въ легкомъ родѣ относится пародія на пѣсню Беранже: «*T'en souviens tu, disait un capitaine au vétéran, qui mendiait son pain*». (Ты помнишь ли, ахъ ваше благородье! Мусью французъ (такой-то) капитанъ?). Эту шутку — написанную, впрочемъ, не столько въ «порнографическомъ», сколько въ «ругательномъ» вкусѣ, дядя набросалъ 19 октября 1828 года на лицейскомъ праздникѣ, и остался очень ею доволенъ: часто произносилъ ее въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ¹⁾. Вотъ и вся его «порнографія», отъ которой Пушкинъ и не отказывался.

Всѣ же прочія подобныя стихотворенія, приписываемыя, къ сожалѣнію, весьма многими Пушкину, — стихотворенія, нашедшія себѣ мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ якобы его сочиненій, состряпаны другими, между прочимъ, и извѣстная «Первая ночь». Напраслина по этому поводу, взведенная на дядю, нашла себѣ такую вѣру въ тогдашнемъ, а также и въ позднѣйшемъ обществѣ, что даже и нѣкото-

¹⁾ Эта шутка, впрочемъ, напечатана съ пропусками и въ Геннадіевскомъ и въ Суворинскомъ изданіяхъ сочиненій покойнаго дяди.

рые литераторы, усматривая въ распространенной рукописи пушкинскій слогъ, излюбленный размѣръ, игривую манеру, никакъ не уступали моимъ возраженіямъ, что Александръ Сергѣевичъ тутъ не при чемъ; между тѣмъ, мои возраженія основаны на разговорѣ Пушкина съ моимъ отцомъ, во время ихъ послѣдней встрѣчи весною 1836 года, въ Петербургѣ, куда этотъ послѣдній прїѣзжалъ, вытребованный изъ Варшавы умиравшей его тещей, Надеждой Осиповной.

Привожу этотъ разговоръ, сообщенный мнѣ отцомъ.

— Моя фамилія,—заявилъ дядя,—кажется и у васъ, въ Варшавѣ, сдѣлалась притчей во языцѣхъ. «Monsieur Pouchkine у васъ par сі, monsieur Pouchkine у васъ par là.

— Не только въ Варшавѣ, но кажется и во всей Европѣ, Пушкинъ par сі, Пушкинъ par là,—возразилъ отецъ.

— Не въ томъ собственно дѣло,—отвѣчалъ дядя,—а въ томъ, что до меня дошли слухи, будто бы въ варшавскомъ обществѣ военныхъ и гражданскихъ русскихъ чиновниковъ ходитъ по рукамъ рукопись моего мнимаго сочиненія «Первая ночь». Когда вернетесь въ Варшаву, попросите моего милѣйшаго «кунака», Давида Осиповича (такъ называлъ дядя князя Бебутова, съ которымъ сошелся на Кавказѣ),—а у него вѣдь всякій день собирается посмѣяться за обѣдомъ офицерство—оповѣстить всѣмъ и каждому, что воспѣвать «Первую ночь» никогда я и не думалъ; чистосердечіе мое знаете, и вѣрьте, что если бы я эти стихи написалъ, то и не утаивалъ бы.

Я не стану увѣрять, что Пушкинъ былъ святымъ человѣкомъ, но что онъ не былъ особеннымъ поклонникомъ Киприды и Бахуса, въ этомъ я совершенно вѣрю моей матери, передъ которой Александръ Сергѣевичъ нисколько не скрывалъ своихъ шалостей. Кто же лучше ея могъ знать Александра Сергѣевича? По ея словамъ, дядя, будучи и холостымъ, проводилъ свое время почти всегда слѣдующимъ образомъ въ Петербургѣ:

Вставалъ во всякое время года—лѣтомъ и зимой безразлично—очень рано, часовъ въ шесть, самое бѣльшее въ семь часовъ утра; послѣ утренней прогулки и утренняго чая работалъ безъ остановки до часу. Затѣмъ слѣдовалъ легкій завтракъ съ небольшою рюмкой хереса или мадеры, вторичная прогулка, ради моціона, и по возвращеніи—поправки написаннаго утромъ. Послѣ этой второй, по его словамъ особенно трудной работы, слѣдовалъ въ 5 или 6 часовъ обѣдъ у знакомыхъ, или въ клубѣ съ полубутылкой бордо, рѣдко съ бокаломъ шампанскаго «Аи». Вечеромъ, не особенно часто, театръ, и преимущественно дружескія бесѣды съ Ольгою Сергѣевной или съ П. А. Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, порою же съ В. А. Жуковскимъ и Е. А. Баратынскимъ. Связующимъ звеномъ между Пушкинымъ и этими

друзьями, расположеніе которыхъ поэтъ цѣнилъ, была не карточная игра съ солнечнаго заката до утреннихъ пѣтуховъ, не кутежи и вакханалии, а любовь ко всему изящному, ко всему прекрасному, поэтическія вдохновенія, выражавшіяся въ истинномъ, а не въ ложномъ служеніи живому русскому слову, и, наконецъ, тѣ чувства добрыя, которыя Пушкинъ пробуждалъ своей лирой¹⁾.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, инсинуаціи противъ Пушкина, какъ частнаго человѣка, должны бы, мнѣ кажется, навсегда умолкнуть. Прискорбно, что инсинуаціи эти были пущены въ обращеніе даже такими почтенными и заслуженными людьми, какъ графъ М. А. Корфъ, который, руководясь исключительно чувствомъ личной неприязни къ Пушкину, своему бывшему лицейскому товарищу, постарался изобразить его самыми черными красками въ запискѣ, напечатанной въ брошюрѣ князя П. А. Вяземскаго «А. С. Пушкинъ въ 1816—1825 годахъ, по документамъ Остафьевскаго архива». Пристрастное, несправедливое отношеніе Корфа къ моему дядѣ достаточно разоблачено княземъ П. А. Вяземскимъ и Я. К. Гротомъ, а потому считаю излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Высказанная дядей Ольгѣ Сергѣевнѣ досада, что на него взваливаютъ произведенія достойныя Баркова, перепугала мать не на шутку. Не имѣя о Барковѣ и его музѣ ни малѣйшаго, само собою разумѣется, понятія, Ольга Сергѣевна вообразила, что Барковъ какой-то политическій вольнодумецъ, котораго уекли за стихи туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, и что если стихи въ революціонномъ духѣ Баркова приписали Александру Сергѣевичу, то и дядѣ готовится подобная же участь. Успокоивая, по своему обыкновенію, дядю, Ольга Сергѣевна не спросила у него, что такое собственно Барковъ, а сообщила о своемъ безпокойствѣ пріѣхавшему къ ней другу брата, Сергѣю Александровичу Соболевскому. Привожу и эту бесѣду со словъ матери.

— «На Александра опять сплетни и поклѣпы»,—встрѣтила она Соболевскаго. — «Гнусныя поклѣпы. Можетъ кончиться ссылкой!»

Гость въ свою очередь перепугался.

— «Что случилось?»

— «Развѣ вамъ онъ не говорилъ?»

— «Ровно ничего не говорилъ».

— «Такъ я вамъ скажу; вѣроятно отъ васъ скрываетъ. Нашлись подлецы, которые распустили сплетню, будто Александръ Сергѣевичъ сочинилъ стихи во вкусѣ Баркева... Баркова... Вы знаете этого господина? Никогда о немъ не слыхала, въ глаза не видала... не декабристъ ли?»

¹⁾ Стихотвореніе дяди: «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный». О происхожденіи этихъ стиховъ и разговорѣ Пушкина о нихъ съ его сестрою скажу въ своемъ мѣстѣ.

Соболевскій фыркнулъ со смѣху.

— «Что вы о Барковѣ не слыхали—это понятно, потому что фамилія его въ порядочномъ обществѣ не произносятся; что въ глаза его не видали—тоже простая штука: онъ умеръ когда васъ еще и на свѣтѣ не было, а если и были, то не могли его и помнить; наконецъ, въ третьихъ... декабристъ... ой, не могу»...

Сергій Александровичъ еще сильнѣе расхохотался.

Смѣхъ, какъ извѣстно, заразителенъ. Мать тоже разсмѣялась.

— «Да что же онъ такое писалъ? Почему, какъ говорите, даже и въ обществѣ его не вспоминаютъ, да и говорить о немъ запретили?»

— «Все будете знать, скоро состарѣетесь, а теперь успокойтесь. Барковъ никогда не думалъ ни о какихъ революціяхъ, а сочинялъ стихи, оскорбляющіе приличія, понимаете, писалъ скабрѣзости, и писалъ такъ усердно, что самая фамилія его сдѣлалась неприличной».

— «Только-то? ну и слава Богу!»—успокоилась собесѣдница, соznавая, впрочемъ, что тревога и гнѣвъ Александра Сергѣевича совершенно основательны.

— «Разумѣется основательны»,—подтвердилъ Соболевскій,— «если на автора «Евгенія Онѣгина» возводятъ такія клеветы. Знаю, что Александру приписали и мои стихи на Вигеля:

«Въ Петербургѣ ль, въ Пензѣ ль, въ Ригѣ ль,

«Всѣ твердятъ твои друзья:

«Другъ Филипъ Филипычъ Вигель

«Жалкая судьба твоя»...

— «Но и то вашему брату какъ нельзя болѣе было не по сердцу, хотя въ моей сатирѣ нѣтъ ничего неприличнаго. Онъ опасался, что стихи дойдутъ до Вигеля, который къ нему отъ души расположенъ; Александръ тоже очень любитъ Вигеля».

Затѣмъ Соболевскій сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, какъ, узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, и считая неблагороднымъ прятаться за ширмы, онъ, Соболевскій, первый сталъ говорить всѣмъ и каждому, что не Пушкинъ, а онъ воспѣлъ жѣлчнаго Филипа Филіповича.

Сказавъ это, неподражаемый комикъ поцѣловалъ, ради смѣха, свою собственную руку съ обѣихъ сторонъ, и заключилъ бесѣду слѣдующей тирадой:

— «Это я, милѣйшій я, безцѣнный я, виновать, а нисколько не Александръ, и неудивительно, что Александръ разсердился за сатиру на Вигеля. Шалить вашему брату рѣзкими, какъ шалить милѣйшій я, не приходится. Онъ Пушкинъ, онъ долженъ высоко держать свое знамя, а я, какъ меня обозвали, *mylord qu'importe*, пишу что въ голову взбредетъ. Если стануть вашему брату приписывать стихи въ родѣ стиховъ Баркова, онъ сочтетъ это для себя стыдомъ и срамомъ, а припишутъ мнѣ—съ гуся вода. О чемъ тутъ мнѣ

плакать? что же мнѣ отъ этого въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу ровно ничего. Барковъ такъ Барковъ, Соболевскій такъ Соболевскій!.. Экая важность!»!

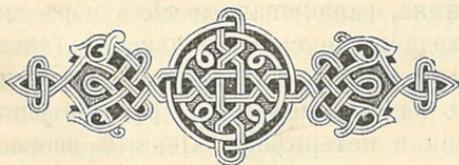
Закончивъ это поученіе, Сергѣй Александровичъ всталъ, возгласилъ, обращаясь самъ къ себѣ, «а теперь ступай-ка домой, милѣйшій я», вторично поцѣловалъ себѣ руку съ обѣихъ сторонъ, отвѣсилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ низкій поклонъ, и вышелъ.

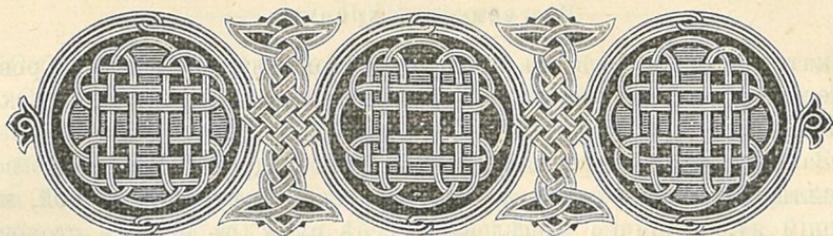
О Сергѣѣ Александровичѣ Соболевскомъ, искреннемъ другѣ обоихъ моихъ дядей и Ольги Сергѣевны, а затѣмъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ конца 1829 года и начала 1830 буду говорить въ слѣдующихъ главахъ воспоминаній. Теперь же ограничусь тѣмъ, что Сергѣй Александровичъ, послѣ приведенной бесѣды, тотчасъ поѣхалъ къ Пушкину, чтобы рассказать ему, какъ Ольга Сергѣевна причислила къ декабристамъ русскаго Рабле.

Александръ Сергѣевичъ, котораго Соболевскій всегда умѣлъ своимъ неподдѣльнымъ юморомъ выводить изъ меланхоліи, привѣтствовалъ, какъ на то Сергѣй Александровичъ и рассчитывалъ, искреннимъ смѣхомъ забавный рассказъ своего друга.

Левъ Павлицевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ¹⁾.

III.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ годахъ, Россія въ первый разъ узнала, изъ знаменитаго письма Гоголя, о существованіи картины Иванова: «Явленіе Христа народу». Перу великаго писателя суждено было вызвать безпримѣрный интересъ къ кисти художника, заявившаго до тѣхъ поръ свою силу превосходною по выразительности (экспрессіи) головою

Магдалины передъ Христомъ. Равнодушное, обыкновенно, къ явленіямъ родного искусства, русское общество вдругъ исполнилось вниманія и нетерпѣнія. Первый вопросъ пріѣзжавшаго въ Римъ былъ: «какъ бы увидѣть картину Иванова?» Первый вопросъ вернувшемуся изъ Рима: «а что картина Иванова?» Письма къ проживающимъ въ Римѣ художникамъ и любителямъ были наполнены разспросами о картинѣ.

Десять лѣтъ на все это былъ одинъ отвѣтъ: запертая дверь мастерской художника. Досада неудовлетворяемыхъ ожиданій, какъ всякая досада, начала искать себѣ облегченія въ клеветѣ и выдумкахъ, смѣшныхъ или обидныхъ. Нашлись такія изобрѣтательныя досады, которыя и самое существованіе картины подвергали сомнѣнію. Большіе холсты тѣмъ временемъ вывозились изъ Рима, а ав-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 561.

торы ихъ, не безгрѣшныя въ позаимствованіяхъ изъ сомнительной картины, обогащались и читались... Затворникъ студиі «Viccolo del Vantaggio»¹⁾, съ крикомъ вызываемый Россією, оставался попрежнему одинокъ, бѣденъ и заточенъ въ своей келии...

Послѣ двухъ зимъ въ Римѣ (1854—1856 гг.), мнѣ довелось совершенно случайно, — можно сказать, противъ его воли, — войти въ сношенія съ Ивановымъ. Довести его до этого добровольно было также невозможно, какъ и проникнуть въ его мастерскую. То было время его вящаго мизантропизма: онъ ужъ совсѣмъ спрятался отъ любопытства своихъ соотечественниковъ за двойною дверью студиі и повѣсилъ на нее тяжелый замокъ. Отъ домовладѣльца, къ которому приходилось обращаться за свѣдѣніями, — когда его жилецъ бываетъ дома, — не было другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго покачиванья пальцемъ, съ прибавкою: «Э! съоръ питторе никогда дома не бываетъ!»

Но родственнику Гоголя, издававшему переписку послѣдняго съ друзьями, вздумалось поручить мнѣ достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Тутъ ужъ я нѣсколько смѣлѣе постучался въ двери. Покачиванье пальца и отрицательный отвѣтъ встрѣтили меня на порогѣ.

— Когда же, однако, можно видѣть съора питторе? — спрашиваю.

— Съора питторе нельзя никогда видѣть...

— Когда и дѣло есть, нельзя видѣть?

— Э! когда и дѣло есть, нельзя!

— Да, можетъ, вы не знаете?

— Э! еще бы мнѣ не знать! то и дѣло спрашиваютъ. Только съоръ Алессандро...

И хозяинъ пощелкалъ языкомъ, для пущаго усиленія отрицанія.

Дѣлать было нѣчего: я написалъ Иванову, зачѣмъ мнѣ его нужно видѣть. Черезъ два дня, онъ явился самъ, вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ, — человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ частою просѣдью въ густыхъ, нѣсколько всклооченныхъ, волосахъ и такой же бородѣ, широкоплечій, средняго роста, плотно сколоченный, съ умнымъ, мускулистымъ, истинно-русскимъ лицомъ.

Разговоръ начался, какъ водится, о Римѣ. Говорилъ Ивановъ тихо, съ частымъ прибавленіемъ частицы «съ» и съ покачиваньемъ головою.

— Вы, вѣроятно-съ, видѣли уже все замѣчательное? — спросилъ онъ.

¹⁾ Переулокъ, въ которомъ помѣщалась студија Иванова.

— Самаго замѣчательнаго мы не видѣли.

— Чего же это-съ: Ватикана?

— Вашей картины.

Онъ заметался на стулѣ, принялся смѣяться, какъ смѣются люди, смущенные неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Ахъ, помилуйте-съ! Чтòжь это такое-съ? Этого никакъ нельзя-съ говорить! Какъ это возможно-съ!

Онъ очень настаивалъ на важности картинъ въ Ватиканѣ и особенно Рафаэлевыхъ. Но прямого мнѣнія о Рафаэлѣ не хотѣлъ высказать и увѣрялъ, что ему гораздо было бы любопытнѣе знать о томъ сужденіе дамъ.

— Онѣ иногда весьма интересно отзываются,—говорилъ онъ.

Въ заключеніе, Ивановъ приглашалъ непременно побывать у Овербека, говоря, что онъ замѣчательное явленіе въ искусствѣ, и высказался, наконецъ, на счетъ Рафаэля, который, по его словамъ, стоялъ весьма высоко, какъ школа. Онъ былъ готовъ, повидимому, разговориться, но первый намекъ на картину такъ и столкнулъ его со стула.

— Да отчего вы не хотите ее показать?—приставали къ нему дамы, зная уже его расположеніе къ ихъ вкусу.

— Да оттого-съ, что она этого не стòить... Николай Васильевичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не въ правѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится-съ.

— Вы предоставьте судить другимъ...

— Извольте ѣхать-съ къ Овербеку!—перебилъ, откланиваясь Ивановъ,—а обо мнѣ и говорить не стòить-съ...

Уходя, онъ пообѣщалъ бывать часто.

Прошла зима—онъ ни разу не былъ. Надо было отсылать Гоголевскія письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ Иванова. Но покачивающійся палець хозяина не открывалъ къ тому никакихъ путей.

Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ piazza del Popolo. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили на себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сценки (жанръ), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пансіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ повремениамъ отрывистые: «а! вотъ что-съ! угу!».. и тому подобное; на всѣ мои вопросы не далъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то» (онъ назвалъ пансіонера).

Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію, Ивановъ оказался совершенно равнодушнѣмъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются его лично, отвѣтилъ:

— Я полагаю-сь, это ничего не значитъ!

Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности.

На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй—оно, быть можетъ, не возобновилось бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовы императора Николая I не открыло двери недоступной студии.

Лучше всякихъ объявленій въ газетахъ и рекламъ, безъ которыхъ не обходятся иностранные художники въ Римѣ, молва въ тракторіяхъ и на улицахъ разнесла вѣсть объ этомъ событіи по Риму. Онъ тоже ожидалъ его. Неслыханная популярность иностранца въ странѣ, гдѣ на пришельца смотрять въ искусствѣ, какъ на врага и хищника. Тутъ я опять увидалъ Иванова—уже отцомъ лелѣяемаго имъ дѣтища, уже передъ этимъ великимъ дѣтищемъ,—но все такого же сосредоточеннаго, съезжившагося ипохондрика, боязливо-встрѣчавшаго посѣтителей на порогѣ и провожавшаго ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы.

Какой-то художникъ-французъ, пораженный картиною, не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ пробирающійся на цыпочкахъ человѣкъ былъ ея авторъ.

— Mais il faut avoir de la modestie pour cent,—говорилъ онъ, и уже поражался авторомъ, а не картиною.

Двери мастерской открылись по мгновенному побужденію Иванова. (Кажется, братъ его, архитекторъ, не мало способствовалъ этому побужденію). Еще наканунѣ никто бы не повѣрилъ, что картина, о которой иные уже говорили, какъ о пустомъ холстѣ, предстанетъ утромъ во всеоружіи передъ глазами... — Чтѣ-то картина?—думалъ каждый, ускоряя шагъ къ *Vicolo del Vantaggio*. Ну, какъ Овербековская?—приходило вдругъ въ голову:—Ивановъ такъ хвалилъ Овербека!

Не скрою, что я взялся за щеколду двери съ замираніемъ сердца: шутка ли! мнѣ предстояло вдругъ увидѣть плодъ цѣлой половины жизни человѣка, его убѣжденіе, цѣль, общество, семью, счастье—все, все! Ну, какъ все это была только ошибка! А похвалы Гоголя? Неужто и онѣ ошибка? А если—да?..

Первый взглядъ на картину (надо быть искреннимъ) былъ не въ ея пользу: испытывалось нѣчто въ родѣ колебанія... «Гобленовскій коверъ изъ Ватикана!» даже вырвалось у меня невольно; а Ивановъ, смотрю, стоитъ подлѣ и прислушивается однимъ ухомъ¹⁾.

¹⁾ Въ Ватиканѣ есть цѣлая зала съ полинялыми коврами, вытканными по картонамъ Рафаэля.

— Весьма любопытно слышать сужденіе, — сказалъ онъ, когда я его замѣтилъ, и мы сѣли.

Обаяніе сюжета, сила экспрессіи и поразительная смѣлость въ сочиненіи, правда и движеніе въ группахъ, жизненность фигуръ, доходящая до обмана, не замѣтно и съ каждою минутою превращали коверъ въ живую дѣйствительность. Великій мигъ, застывшій на полотнѣ, вставалъ во всемъ величїи передъ глазами, и скоро студія, успѣвшая наполниться, вся замерла... Казалось, восторгъ крестящихся во Иорданѣ сообщился зрителямъ, и они, задержавъ дыханіе, слѣдили вмѣстѣ съ ними за приближавшимся Мессіей...

Русскіе художники всѣ были налицо: одни сидѣли блѣдные, взволнованные могуществомъ искусства; другіе — углубленные въ подробности картины, такъ что, найди они къ чему придраться, имъ бы стало легче; нѣкоторые просто недоумѣвали: видѣнное имъ было не по силамъ... Будущіе хулители, рѣшительные и непреклонные, поглядывали бокомъ... Ивановъ былъ и самъ, какъ мнѣ казалось, несовсѣмъ спокоенъ, былъ возбужденъ и, можетъ, потому именно говорилъ болѣе. Онъ рассказалъ мнѣ, между прочимъ, путь, которымъ шла его картина — и колебанье, испытываемое зрителемъ, сразу объяснилось.

Разставленные, развѣшанные и разложенные вокругъ эскизы, этюды, копіи и рисунки служили оправдательными документами.

Ивановъ попалъ въ Римъ въ то время, когда школа нѣмецкой живописи была во всей силѣ; чтó дѣлали не нѣмцы, отвергалось; нѣмцы предписывали законы; Корнеліусъ съ Овербекомъ управляли вкусомъ. Робкій Ивановъ не смѣлъ ихъ не признать за силу. Между тѣмъ, Ватиканъ и Рафаэль привлекали его строгостью и прелестью линій, чистотою стиля... Съ другой стороны, Тиціанъ — этотъ царь красокъ, дѣйствовалъ на молодое сердце еще соблазнительнѣй. «Чтó мнѣ было дѣлать, — я рѣшительно не зналъ!» — говорилъ Ивановъ, разорванный на части и авторитетами, и колебаніями въ разныя стороны. Мнительный отъ природы, недовѣрчивый къ своимъ собственнымъ средствамъ, онъ созналъ возможность стать на ноги, только опираясь на кого-нибудь изъ силачей искусства... Первоначальная мысль картины, имъ набросанная, его не удовлетворяла, и, надо сказать правду, въ сравненіи съ настоящимъ мотивомъ, этотъ первый отзывался отчасти академіей. Ивановъ уступилъ влеченію сердца и кинулся въ Венецію испробовать себя подъ вліяніемъ манеры Тиціана: отсюда вытекъ второй эскизъ — съ темно-синимъ, зеленоватымъ небомъ и бурнымъ деревомъ, какъ на извѣстной картинѣ Тиціана (убіеніе Петра въ церкви S. Giovanni e Paolo)... Но уже своеобразный мотивъ сочиненія является тутъ въ общихъ чертахъ такимъ, какъ мы его и теперь видимъ; измѣненъ же онъ впоследствии только въ распредѣленіи второстепенныхъ группъ и драпировокъ, да въ краскахъ.

— Когда я вернулся въ Римъ, — продолжалъ Ивановъ, — мнѣ показалось, что пріемъ Рафаэля ближе къ правдѣ; я принялся прилежно ходить въ Ватиканъ, дѣлалъ копіи и остановился на этомъ...

— Нѣмцы, значитъ, васъ не одолѣли?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, какъ же это возможно! Нѣмцы тогда все значили; не было спасенія безъ нѣмцевъ!.. Я много обязанъ Овербеку: онъ мнѣ весьма помогъ совѣтами...

— Такъ онъ совѣтуетъ, должно быть, лучше другимъ, чѣмъ себѣ...

Ивановъ улыбался и качалъ головой.

— Какъ это, однакожъ, вы зло говорите! — бормоталъ онъ, — чрезвычайно зло...

И онъ принялся похваливать Овербековскаго «Іоанна Крестителя».

— Я и помышлять не смѣлъ написать такого Іоанна, — говорилъ онъ.

— И хорошо сдѣлали, — оттого-то вы и написали вашего Іоанна.

— Ай-ай-ай-съ!! — замоталъ головою Ивановъ.

И такъ, онъ приступилъ къ работѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами.

Велика же должна быть самобытность художника, чтобы, заслонивъ и врожденную робость характера, и воспитанное въ умѣ поклоненіе авторитетамъ, вывести на полотно картину, которая показала, что искусству можно еще шагать впередъ, оставляя позади авторитеты... Нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинается работу, и Ивановъ—совершитель этой работы, — какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ чловѣкѣ?.. Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинателемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произносить: «кто могъ бы думать? Ивановъ насъ надуль!»

Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнелиусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, то-есть ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаешь руку Иванова и твердитъ: «вы большой мастеръ» (*un valoroso maestro!*), а нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему худюю, приказываетъ строго, чтобъ они пошли да поучились... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ *Vicolo del Vantaggio*.

Не стану передавать дальнѣйшихъ подробностей этого разговора и послѣдующихъ бесѣдъ съ Ивановымъ передъ его картиной; скажу только, что изъ нихъ узналъ я, какъ ошибочно вкоренившееся мнѣніе, будто Ивановъ писалъ двадцать лѣтъ свою картину. Писалъ онъ ее семь лѣтъ, и то при безпрестанныхъ разъѣздахъ за отыскиваньемъ

типовъ, которыхъ въ Римѣ онъ не находилъ по своему желанію (большая часть изъ нихъ найдена между евреями Ливорно), при перерывахъ отъ болѣзни и находившихъ на него припадковъ ипохондріи, разочарованія въ своемъ трудѣ, въ своихъ силахъ, при боязни за завтрашній день, за насущный кусокъ хлѣба... Тѣ 30,000 рублей, которые выданы ему въ теченіе тридцати лѣтъ, получались по мелочамъ, были каждый разъ выпрашиваемы трудно, и за нихъ никто не могъ поручиться. Много времени отдано усиленному чтенію, изученіямъ древне-еврейскаго быта и подготовкѣ матеріаловъ на задуманное изображеніе всей жизни Христа въ эскизахъ.

Продолжительность работы особенно поставляется на видъ, когда желаютъ уменьшить достоинство картины. Заговорите только объ ея высокихъ качествахъ: «еще бы! въ двадцать лѣтъ можно было добиться до этого!» Упомяни кто-либо о недостаткахъ: «а писалъ двадцать лѣтъ!» закричатъ хоромъ.

Пусть будетъ двадцать лѣтъ! Да еслибъ каждая двадцать лѣтъ выводили на свѣтъ изъ мастерской не только одного—всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ художниковъ, подобную картину: сколько бы прибавилось истинно-дорогихъ вкладовъ въ скудный ковчегъ живописи, переполненный поддѣльною монетою!..

Считаютъ одну картину? А причтите-ка къ ней другую—меньшаго размѣра, вполне оконченную¹⁾, да четыре эскиза, да этюды, которые надо считать сотнями (кажется, болѣе 300), этюды каждой головы, части тѣла, всего тѣла, въ одномъ поворотѣ, потомъ въ другомъ; ландшафтныя этюды, этюды драпировокъ; копіи, картоны, рисунки, чертежи: и вы получите цѣлую академію, по которой ученикъ можетъ выучиться быть художникомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ только двадцатилѣтній трудъ Иванова (хоть онъ даже и не двадцатилѣтній, какъ мы видѣли) получаетъ все свое значеніе и становится памятникомъ. Вотъ въ какомъ видѣ академія должна была пріобрѣсти его, а не допускать, чтобъ разорвали по страницамъ великую его исторію... Но допущено не только это; не только эскизы, рисунки, этюды распроданы порознь въ частныя руки, но и самая картина сослана въ Москву, какъ когда-то сенаторы поплосе назначались въ московскій сенатъ.

Но возвратимся въ *Vicolo del Vantaggio*.

Горячее мартовское солнце опускалось къ куполу Петра, и былъ седьмой часъ вечера, когда мастерская начала пустѣть. Вечернія скодки въ кофейняхъ и тракторіяхъ, пренія, толки, пересуды, разнесли по Риму вѣсть о показывающейся картинѣ. На другой день уже и мастеровой съ инструментомъ, шедшій на работу, и факинъ, тащившій на головѣ глину сосѣднему скульптору, и аббатъ въ

¹⁾ На ней художникъ испытывалъ общее и каждую фигуру отдѣльно, и потомъ уже, удовлетворяясь пробой, наносилъ на большой холстъ.

очкахъ, и хорошенькая натурщица, и капуцинъ съ толстымъ животомъ, и англичанинъ, и восьмидесятилѣтній Корнелиусъ (Овербекъ въ первые дни былъ боленъ), и всѣ нѣмцы, — потомъ архіереи, купцы, граждане, князья — все потянулось вереницей къ безлюдной нѣсколько лѣтъ студіи... Десять дней она наполнялась черезъ край, и на одинадцатый, когда толпа нашла ея двери запертыми, надо было согласиться открыть ихъ еще на день, чтобъ избѣжать неудовольствій...

Сужденія начали слагаться, дѣлиться на отгѣнки, судьи — на лагери, и уже можно было составить себѣ сводъ оцѣнки картины.

Чтобъ придержаться истины, надо сказать, что первоначальныя впечатлѣнія многихъ, особенно людей, взглянувшихъ мелькомъ на картину, не были ей благопріятны. Но тѣ же люди, вернувшись случайно, или вслѣдствіе спора, въ мастерскую, скоро мѣняли свое сужденіе и по большей части уже просиживали цѣлое утро передъ картиною. Конечно, были исключительные приверженцы извѣстныхъ школъ и направлений, которые старались остаться равнодушными, во чтѣ бы ни стало; нашлись съ перваго же дня враги (особенно между привыкшими къ успѣху нѣмцами — колористами), задѣтые за живое такимъ успѣхомъ не колоритнаго произведенія въ Римѣ. Римляне оцѣнили инстинктомъ ту внутреннюю мощь, которая сидѣла подѣ неблистательными красками, и, неизбалованные колоритомъ на Рафаэлѣ, пропустили мимо эту слабую сторону картины. Воззрѣніе чисто католическое не могло, конечно, примириться съ такимъ жизненнымъ воспроизведеніемъ событія священной исторіи Спаситель міра отъ подгнившихъ, за старостью, учрежденій, несущій въ себѣ сѣмя новаго будущаго, Богъ духомъ и человѣкъ тѣломъ, завидѣнный издали Іоанномъ и готовый на подвигъ, чего бы онъ ни стоилъ, истощенный постомъ, весь негодованіе къ неправдѣ и весь любовь къ истинѣ, подвигается спокойнымъ и твердымъ шагомъ по горѣ... Онъ еще едва видѣнъ, его уста еще не заговорили, а уже все вострепнулось; люди давно его ждали. Чтѣ-то онъ скажетъ? На большомъ холстѣ онъ меньше всѣхъ занимаетъ мѣста. Отчегожъ мутятся глаза при одномъ взглядѣ на эту небольшую, далеко поставленную фигуру? Въ этомъ, по мѣму, главное значеніе всего мотива картины: съ горы уже вѣетъ новой жизнью; ея воплощенная идея подвигается особо отъ толпы, спокойная, строгая и ясная, какъ правда. Толпа привѣтствуетъ ее издали; сомнѣніе немногихъ только дѣлаетъ то, что толпа остается толпою, а не переходитъ въ идеаль несуществующаго человѣческаго общества. Сразу ничему всѣ не повѣрятъ... Рутинерамъ не могло нравиться, что первое мѣсто и первый размѣръ фигуры принадлежитъ не главному виновнику картины, что онъ, напротивъ, удаленъ на задній планъ: воззрѣніе, отъ котораго Ивановъ отдѣлился бездной! Дикая красота восторженнаго крестителя, вдохновенно увлекающая толпу, и это смиреніе наглядное, какимъ

красуется идущій,—только поразительнѣе выдвигаютъ внутреннюю силу того, кому не достоинъ развязать ремень сапога его властительный предтеча.

Наши художники не избѣжали, въ свою очередь, распадаенія на партіи: даровитѣйшіе изъ нихъ и наиболѣе развитые, фанатики Брюллова и его направленія, первые стали фанатиками Иванова и громко сознавались, что если первый талантливѣе второго, то второй, какъ школа, поучительнѣе. И точно, по Брюллову, учиться трудно: все, что имъ сдѣлано, не есть плодъ труда усидчиваго, добравшагося, искавшаго,—но дѣло вдохновенія, которое загоралось вдругъ и потухало только съ послѣднимъ ударомъ кисти. Брюлловъ подходилъ совсѣмъ готовый къ полотну; онъ, какъ и Ивановъ, учился въ свое время тоже усидчиво и много, но не надъ большими картинами; онъ выучился сразу и уже потомъ всю жизнь не думалъ о приѣмѣ: техника и форма всегда были у него на послугахъ, а содержаніе ему не представлялось въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ стремился достигать Ивановъ. Вотъ почему у Брюллова позаимствоваться творчествомъ нельзя. За процессомъ же Ивановскаго творчества можно слѣдить, какъ за постепеннымъ ходомъ созрѣванія: поэтому-то отъ него и больше пользы для учащихся, чѣмъ отъ Брюллова.

Партію противную составили художники, которымъ, какъ основательно полагалъ Ивановъ, «трудно было получить золотую медаль». Они просто не понимали картины! Привыкшіе видѣть въ живописи только красивые мазки и условный колоритъ извѣстныхъ мастеровъ Петербурга, Мюнхена и Рима, они не видѣли въ новой картинѣ ничего, потому что не видѣли именно этого...

Общество русскихъ (а оно было многочисленно) болѣе прислушивалось къ отзывамъ художниковъ, или людей признанныхъ по разнымъ причинамъ за тонкихъ цѣнителей искусства. Отсюда и раздѣленіе общества на два лагеря, уже придаточные къ двумъ предыдущимъ.

Народъ, *il popolo*, говорилъ, выходя изъ студіи: «живые люди!» *perbasso! proprio vivi!* (чортъ возьми! просто живые!).

Начали заботиться за Иванова объ его судьбѣ и о судьбѣ его картины: звали его въ Петербургъ, сулили ему большія деньги, выходъ изъ стѣсненій цѣлой жизни, обѣщали славу на родинѣ... Бѣдный Ивановъ! Онъ слушалъ, понутивъ голову, но и слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ въ Россію: у него одна поѣздка была на умѣ,—поѣздка, о которой онъ мечталъ двадцать лѣтъ, какъ юноша мечтаетъ о свиданіи съ недостижимой красавицей—его неосуществимый сонъ—поѣздка въ Палестину, и, слушая золотыя обѣщанія, онъ, можетъ быть, думалъ: настаетъ время осуществленія!..

Бѣжать въ Петербургъ онъ какъ-то суевѣрно боялся: ему, казалось, съ этимъ кончится его художническая жизнь. Казалось ли

ему, что и вся она съ этимъ кончится? Но настоянія были такія вліятельныя, онъ такъ всего боялся, даже и того, что совсѣмъ не было вліятельно, — и вотъ онъ мало-по-малу начиналъ склоняться; онъ рѣшался отослать картину безъ себя, а самъ, надѣясь получить хоть часть ея цѣны, думалъ отправиться въ Берлинъ, посоветоваться о своихъ больныхъ глазахъ съ врачами, полѣчиться, и потомъ ѣхать въ Палестину. Ему представили необходимость оцѣнки картины академическимъ совѣтомъ, въ Петербургѣ. Оцѣнки онъ не боялся, но боялся петербургской оцѣнки — и на этотъ разъ боялся основательно.

— Пусть соберутъ совѣтъ изъ лучшихъ художниковъ разныхъ націй, какіе есть въ Римѣ, — говорилъ Ивановъ, — я согласенъ и на это, только бы не ѣхать въ Петербургъ...

Было отказано!

Многіе совѣтовали Иванову ѣхать съ картиною въ Парижъ и Лондонъ — показывать ее за деньги. Душа такого жреца искусства, какъ онъ, возмущалась при одномъ помышленіи о томъ, что можно торговать публично трудомъ своей одинокой жизни, который былъ его святыней.

— Пусть купятъ картину и сами везутъ, куда хотятъ, — говорилъ онъ, — это другое дѣло: тогда она ужъ не моя; пока она считается моею, я никуда ее не повезу-съ.

Такимъ и остался Ивановъ въ моемъ воспоминаніи: твердымъ въ своей слабости (если можно такъ выразиться), суевѣрнымъ въ отношеніи къ Петербургу. Рѣшимость ѣхать туда посѣтила его уже безъ меня, и я узналъ о томъ черезъ годъ, въ Тосканѣ. А два года спустя, мнѣ суждено было увидѣть честимую и дорогую на чужбинѣ картину, скупо оцѣненную дома, осиротѣлую, лишившуюся семьи своихъ эскизовъ и этюдовъ, въ глубинѣ узкой и неудобной, холодной залы петербургской академіи, подъ освѣщеніемъ февральской мглы. А на кладбищѣ сторожъ указалъ на сугробъ снѣга и прибавилъ:

— Это, должно и есть самый этотъ Ивановъ.

Но возвратимся къ живому Иванову, собирающемуся ѣхать изъ Рима лѣчиться у нѣмцевъ отъ больныхъ глазъ.

Въ началѣ мая, вечеромъ, онъ забѣжалъ (буквально) ко мнѣ проститься, весь сѣрый съ ногъ до головы, озабоченный и остриженный: онъ отправлялся въ Берлинъ. Уже за мѣсяць онъ толковалъ объ этомъ со всѣми и спрашивалъ каждого о дорогѣ, по которой лучше ѣхать, о докторахъ съ которыми лучше совѣтоваться, и, переслушавъ всѣхъ съ равнымъ вниманіемъ, никого не послушался, поѣхалъ по-своему и видѣлся съ докторами, какихъ самъ выбралъ. Вывѣдывать мнѣнія было его слабостью, и онъ всѣ ихъ принималъ къ свѣдѣнію, но никогда не къ исполненію.

— До Петербурга? — спрашивалъ я его, прощаясь.

— Какъ это возможно-съ помилуйте!

Онъ еще не допускалъ тогда подобнаго самоубійства.

— Стало быть, навсегда?—сказалъ я.

Однакожь намъ удалось еще встрѣтиться и тѣмъ же лѣтомъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ Швейцаріи, въ Интерлакенѣ, я былъ однажды вызванъ изъ-за завтрака къ спрашивавшему меня русскому путешественнику. Выхожу: Ивановъ, все такой же сѣрый съ ногъ до головы, но пополнѣвшій и живой, кидается ко мнѣ, гораздо рѣшительнѣе прежняго, съ открытыми объятіями.

— Александръ Андреечъ!—какими судьбами?—откуда?

— Изъ Берлина-съ, пить сыворотку... А какого вы мнѣнія о сывороткѣ?

— Такого, что она способна доставлять самыя пріятныя неожиданныя, какъ, на примѣръ, васъ видѣть...

Ивановъ разсмѣялся.

— Это ужъ, выходитъ, комплименты-съ!

— Взяли ли вы комнату?

Оказалось, что онъ взялъ, но въ другомъ трактирѣ. Я принялся его уговаривать перебраться, и онъ, къ совершенному моему удивленію, тотчасъ согласился. Старая плѣсень затворничества съ него видимо свалилась; онъ даже глазами глядѣлъ уже менѣе внизъ и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяць, проведенный въ Интерлакенѣ съ утра до ночи подъ орѣшниками, сильное движеніе, сыворотка, да къ тому же беззаботность жизни, разговоры на распашку и смѣхъ въ дружномъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ — все сдѣлало изъ него неузнаваемого человѣка. Что еще дѣтски радовало художническую душу этого наивнаго человѣка, мало пріученнаго къ популярности, это подаренный мной ему отдѣльный оттискъ моей статьи изъ Рима объ его картинѣ и № бельгійскаго «Nord», гдѣ статья появилась во французскомъ переводѣ. Онъ не разлучался съ ними, постоянно носилъ ихъ въ боковомъ карманѣ сюртука, то и дѣло перечитывалъ и совсѣмъ протеръ на сгибахъ. Почти никогда нежившій — сперва ученикъ, а послѣ труженикъ — Ивановъ точно начиналъ только теперь жить. И что за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество! Петербургъ, и смолоду ему мало знакомый, представлялся его воображенію какъ-то особенно превратно; о людяхъ и дѣятеляхъ на разныхъ поприщахъ онъ составлялъ себѣ вовсе несбыточные понятія: исполнялся неодолимаго страха къ тѣмъ изъ нихъ, которые были совершенно безопасны, и видѣлъ силу тамъ, гдѣ была только слабость.

Ясно было ужъ отсюда, что попади только Ивановъ въ этотъ жѣрновъ, онъ выйдетъ изъ-подъ него пылью.

Монахъ въ жизни, онъ причастился ея только теперь и насла-

ждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, даже сказанная кѣмъ-либо глупость,—все ему звучало ново, почти назидательно, и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книжечкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ.

— Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня, — говорилъ онъ потомъ вечеромъ и покачивалъ съ довольствомъ головой.

Придетъ ли хоръ альпійскихъ трубачей, или дѣвушки съ Бриенскаго озера затянуть свои пѣсни съ завываніемъ, онъ ко всему прислушивается: приложить за ухо ладонь и стоять около, покуда тѣ не уйдутся.

— Нравится вамъ, Александръ Андреичъ?—спрашивали его.

— Чрезвычайно любопытно; весьма многое можно почерпнуть!— отвѣчалъ онъ и задумывался.

Самая осторожность его въ высказываніи собственнаго мнѣнія уступала напору общей откровенности, и часто, увлеченный горячимъ споромъ, онъ невольно высказывался...

Такимъ образомъ, удавалось вызывать его на отзывъ о томъ или другомъ изъ знаменитыхъ художниковъ той или другой школы живописи и ваенія.

Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безсознательное, но историческое значеніе, и въ этомъ случаѣ Чемабуа и Джіотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Жамъ-Белино онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо-да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городокъ, гдѣ были два его рисунка. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стила, прелесть рисунка и проч. «Это школа»,—говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонаротти онъ видѣлъ, прежде всего, творца купола св. Петра, и, сдѣлай Буонаротти только куполъ (прибавлялъ Ивановъ), великое имя его было бы еще больше. О статуяхъ, кромѣ миеологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезвычайно самобытно.

— Чтò вы думаете о святомъ семействѣ Буонаротти, во Флоренціи, въ трибунѣ?—спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса.

— Ахъ, какая скука-съ!

— А его Моисей?

— Тоже прескучная статуя-съ!

Онъ даже зѣвнулъ, сказавши это.

Способность самобытно выражаться была врожденная у Иванова.

— Какъ вы нашли такихъ-то?—спросили его про одно русское семейство, гдѣ затѣвались въ назначенные вечера болѣе наивныя, чѣмъ остроумныя забавы.

— Одинъ разъ побывать весьма любопытно, — отвѣчалъ Ивановъ.

Показываютъ ему портретъ, работы моднаго художника. Онъ долго смотритъ и говоритъ:—«Правдоподобія-съ мало!»

О современной живописи и современныхъ художникахъ Ивановъ говорилъ довольно охотно. Высоко въ ряду мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюллова.

— Брюлловъ произвелъ революцію-съ! — говаривалъ онъ.

За Брюлловымъ слѣдовалъ Поль-де-Ларошъ.

Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ, и не даютъ художнику развиться въ историческаго, единственно истиннаго, по его мнѣнію, художника... Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (жанра), которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія.

— Вы не видѣли сценъ Ѳедотова!—говорилъ я ему,—а то вы судили бы не такъ: Ѳедотовъ—это Гоголь въ краскахъ.

Я до того договорился о Ѳедотовѣ, что, упоминая о жанристахъ онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: «кромѣ Ѳедотова-съ».

Но что вызывало у Иванова горькіе потоки рѣчей, такъ это то византійское направленіе, къ которому ведутъ архитектуру и живопись въ Россіи. Ивановъ выкладывалъ по этому поводу безцѣнные запасы данныхъ, разбивавшихъ на-голову его противниковъ, и всякій разъ оканчивалъ тѣмъ, что «вы извольте доказывать работами съ вашей стороны, а мы будемъ работать съ своей»...

Никакъ, однакожь, Иванову не удалось привыкнуть къ своему кругу до того, чтобы рѣшительные отзывы не озадачивали его.

Я не забуду никогда Иванова, какъ, на вопросъ его объ одномъ общемъ знакомомъ: «что онъ за человѣкъ»? ему отвѣтили — дуракъ.

— Ахъ, какъ это рѣшительно!—воскликнулъ Ивановъ, и даже подскочилъ на стулѣ, — чрезвычайно-съ рѣшительно! — повторялъ онъ, покачивая головой.

Все шло какъ нельзя лучше, покуда совершенно непредвидѣнное обстоятельство не возмутило его спокойствіе духа.

Въ одну изъ вечернихъ прогулокъ, онъ отсталъ отъ нашего общества и долго не показывался на дорогѣ. Я вернулся, и нашелъ его блѣднаго, встревоженнаго, прислонившагося спиною къ большому камню. За обѣдомъ онъ много ѣлъ земляники, просто-кваши, въ перемежку со всякой всячиной.

— Что съ вами, Александръ Андреичъ? — спрашиваю, — вамъ нездоровится?

— О, ничего-съ особеннаго — старый знакомый-съ, — отвѣчаетъ онъ какъ-то прониически.

— Какой старый знакомый?

— Ядь-съ... Оттого и тошнота и все, что слѣдуетъ-съ... Я къ этому привыкъ-съ — старый знакомый!

Сперва намѣкомъ, а потомъ ужъ и совѣмъ опредѣленно и подробно, онъ разсказалъ, какъ его, десять лѣтъ сряду, отравляютъ. Въ словахъ и въ голосѣ звучала самая твердая увѣренность въ этомъ.

— Да какая же польза и кому васъ отравлять?—рѣшилъ я спросить поласковѣй, чтобъ не показать, что онъ бредить. — Можетъ быть, вы обременили желудокъ?

— Десять лѣтъ-съ! десять лѣтъ подрядъ-съ, — твердилъ онъ мрачно.—Я полагалъ, съ Римомъ это кончится, — только нѣтъ-съ, ошибся: и здѣсь доискались...

— Ктѣжь это доискивается? и за что отравляютъ васъ, дорогой Александръ Андреичъ?

— Многіе мнѣ желаютъ зла, весьма многіе-съ: Корнелиусъ, Оверберкъ-съ... очень много ихъ, очень-съ...

— Ну, положимъ; но вѣдь то въ Римѣ; а здѣсь васъ вѣдь не знаютъ.

— Телеграфъ-съ. На что же телеграфъ? Черезъ него все узнаютъ-съ... Никуда не убѣжишь.

— Такъ на кого же вы, наконецъ, думаете: на меня, на другого, на третьяго?

— На васъ я не думаю-съ. Но трактирщикъ... О, это преопасный чловѣкъ! И блюда подаетъ самъ-съ за столомъ... Нѣтъ-съ, мнѣ ужъ видно не жить...

— Хотите мѣняться кушаньями за столомъ? Меня вѣдь не отравляютъ,—въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Къ чему же, помилуйте-съ!

Однако, съ этихъ поръ, я ему постоянно передавалъ то тарелку, то чашку, соль, хлѣбъ, сахаръ, и онъ поспѣшно бралъ, повторяя:— Помилуйте! къ чему же это-съ?

Мнительность Иванова пошла рости. Онъ собрался и уѣхалъ въ Лондонъ—спросить Герцена: какъ тотъ смотритъ на евангельскіе сюжеты («весьма важно-съ мнѣніе Александра Ивановича!»). Герценъ его нѣсколько ободрилъ. Въ Остѣ-Энде я его встрѣтилъ уже менѣе похожаго на римскаго; но въ Парижѣ онъ опять ходилъ дикимъ и, между прочимъ, былъ глубоко обиженъ, что сторожъ въ Jardin des plantes не повѣрилъ его званію художника, даже по предъявленіи ему всемогущихъ лоскутковъ «Nord», и не позволилъ срисовать верблюда.

— Вы это сдѣлаете въ Пизѣ, — успокоилъ я его, — тамъ ихъ сколько хотите въ кашинахъ.

— Вы это точно знаете-съ?

— Точно. На нихъ тамъ развозять сѣно.

Онъ вынулъ свою микроскопическую книжечку и микроскопическими буквами записалъ: «верблюды въ Пизѣ», покачивая головою и твердя: «Весьма важное свѣдѣніе! весьма-съ!»

Напоминаніе объ Италіи его оживило. Она уже начинала его звать къ себѣ, какъ мать; о ней онъ вспоминалъ и въ Швейцаріи, и холодно смотрѣлъ на дерзкія громады Альповъ, казавшіяся ему грубыми послѣ изнѣженныхъ итальянскихъ линій горъ...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Иванова осенью, въ Парижѣ. Онъ былъ въ большихъ суетахъ: накупилъ себѣ двѣнадцать манкеновъ и подбиралъ къ нимъ драпировки, никакъ не находя матерій, потому что искалъ старинныхъ, а въ Парижѣ въ августѣ іюньская матерія уже старинная, и ея не сыщешь. Моя жена взялась отыскать ему что надо, и онъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ глубины ея познаній по этой части.

— Весьма затруднительную задачу рѣшила ваша супруга, очень затруднительную-съ...

Манкены не выходили у него изъ головы.

— Это будутъ двѣнадцать апостоловъ, — говорилъ Ивановъ, и глаза его блестѣли дѣтской радостью, — я ихъ буду ставить въ группы. Съѣзжу-съ въ Палестину и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ... Раздѣлю ихъ надвое—ученье и міеологія-съ. У меня давно все подготовлено. Только бы скорѣе получить деньги за картину...

— Гдѣ-то теперь увидимся? — спросилъ я его, провожая на улицу.

— Только не въ Петербургѣ-съ! — отвѣчалъ онъ весело.

И точно, мы не увидѣлись въ Петербургѣ!

П. Ковалевскій.

ЛАКЕЙСКАЯ СТОЛИЦА ¹⁾.

VIII.

БЫЛО ДЕСЯТЬ часовъ, когда я пришелъ къ дому, гдѣ живетъ исправникъ и спросилъ можно ли мнѣ его видѣть? Необыкновенно добродушнаго вида солдатъ отвѣчалъ, что его теперь навѣрно можно видѣть, потому что онъ проснулся и пьетъ чай. Я поднялся по деревянной лѣстницѣ на верхъ, до его квартиры, и попросилъ доложить о себѣ. Тутъ представьте себѣ мое удивленіе, когда ко мнѣ вышелъ, въ полномъ смыслѣ слова, двойникъ покойнаго М. П. Розенгейма — лицо, борода, ростъ, манеры, голосъ и въ довершеніе всего даже и то же имя Михаилъ Павловичъ. Я невольно улыбнулся и, здороваясь съ нимъ, сказалъ ему о причинѣ моей улыбки и моего невольнаго удивленія.

— Да, ужъ это мнѣ нѣсколько разъ говорили, — добродушно отвѣтилъ онъ.

Я сказалъ ему, что мнѣ рекомендовалъ навѣстить его А. В. Селивановъ, который ему кланяется и скоро у него будетъ.

— Это почтенный труженикъ науки, — отвѣтилъ мнѣ Михаилъ Павловичъ, — и я его за это очень люблю. Я жалѣю только, что ничѣмъ не могу удовлетворить его любознательность.

Я молчалъ и слушалъ его.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 571.

— У насъ мало попадается интересныхъ историческихъ находокъ,—какъ бы въ объясненіе своей мысли, сказалъ онъ.

— Все расхищено?

— Нѣтъ. Зря, такъ все распропало. Ну, что найдешь, увидишь гдѣ, разумѣется, сохранишь.

— Я видѣлъ ваше приношеніе у него въ кабинетѣ рѣдкостей.

— Ахъ, это голову, т. е. черепъ бегемота?

— Да, носорога.

— Или, да носорога. А мнѣ вотъ теперь попала рѣдкая вещьца,—представьте, не разберу никакъ, что это такое—зубы это мамонта или просто камень какой.

И онъ съ легкостью юноши вскочилъ и побѣжалъ куда-то. Я слышалъ только, какъ онъ посылалъ дежурнаго пожарнаго сбѣгать въ участокъ и принести оттуда «находку».

— Вотъ увидите,—говорилъ онъ, возвратясь,—оригинальная вещьца. Такъ возьмешь—какъ будто зубы мамонта, эдакъ—камень простой.

Въ ожиданіи, когда принесутъ находку, мы начали говорить о современномъ состояніи города, о татарахъ, составляющихъ главную и самую любопытную для меня часть его населенія.

— Вообще говоря, очень хорошій народъ,—говорилъ исправникъ.—Очень трудолюбивый, честный народъ... Хотя, конечно, есть исключенія... И, добродушно улыбаясь, добавилъ:— не рѣдкость, если найдете въ одномъ домѣ ложку отъ Донона, салфетку отъ Дюссо, вилку отъ Бореля и проч.

— Ахъ это преоригинально!—воскликнулъ я.

— Да, это у насъ не рѣдкость.

— И эти находки вѣроятно чаще у васъ встрѣчаются... чѣмъ вотъ головы носороговъ, зубы мамонтовъ?!—сказалъ я.

Онъ залился смѣхомъ и отвѣтилъ:

— О, да!

— Такъ что если бы эти находки собирать?..

— Ха, ха, ха!..

Мы заговорили о домашнемъ, семейномъ бытѣ татаръ.

— Отлично, дружно всё живутъ.

— У богатыхъ есть гаремы?—спросилъ я.

— Гаремы?—что вы. У всѣхъ по одной женѣ?

— Да?

— Да-а... И еще я вамъ что скажу, чему вы тоже можете удивиться.

— Что такое?

— Разводовъ у нихъ никогда не бываетъ. Развестись у нихъ, вѣдь плѣвое дѣло ничего не стоитъ, а тѣмъ менѣе разводовъ нѣтъ.

— Чѣмъ же вы это объясняете?

— Патриархальнымъ бытомъ. И потомъ, не видятъ въ этомъ запрещенія—ихъ и не соблазняетъ.

— Отъ русскихъ—живутъ особнякомъ?

— Кто? Татары? Нѣтъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости. Да какъ особнякомъ-то тутъ жить? Нѣтъ.

— Нѣтъ, все-таки болѣе или менѣе замкнутой жизнью. Въ сравненіи съ русскими-то?

— Какъ вамъ сказать? Нѣтъ... т. е. они, конечно, женъ своихъ не выпускаютъ, когда вы придете; но и то не всё. Въ богатыхъ здѣшнихъ татарскихъ домахъ рояли ужъ есть. Этого вы у татаръ нигдѣ не встрѣтите, а у нашихъ ужъ есть.

— Ну, а это вы чѣмъ же объясняете?

— Дюссо, Борель, Дононъ!—воскликнулъ онъ,—ничего больше... Они же привыкли тамъ, въ кабинетахъ. Cabinets partioulliers... французенки... шампанское... А какъ тамъ теперь въ Петербургѣ—не кутятъ ужъ такъ? Я ужъ тамъ давно не былъ!—вдругъ, неожиданно совсѣмъ спросилъ онъ.

И, я замѣтилъ, онъ не безъ оттѣнка сожалѣнія о прошломъ, быть можетъ, счастливомъ и веселомъ, вздохнулъ и замолчалъ.

— Зимой пріѣзжайте къ намъ—отыщите меня тогда, всюду мы съ вами побываемъ, вспомнимъ старое,—сказалъ я.

— Благодарю васъ, я вотъ и то собираюсь, да все какъ-то откладываю съ года на годъ.

— А вы не откладывайте—соберитесь вдругъ да и поѣзжайте.

— Необходимо освѣжиться, необходимо,—повторилъ онъ въ раздумьи нѣсколько разъ.—Вѣдь вы не можете себѣ представить всей скуки, какая здѣсь, особенно зимою. Лѣтомъ еще по Окѣ пароходъ ходить—можете куда угодно поѣхать, а извольте-ка зимой. На чемъ вы поѣдете? Желѣзной дороги нѣтъ. Вонъ она гдѣ—надо до нея еще двое-трое сутокъ на лошадахъ ѣхать.

— Вы вотъ сейчасъ сказали, что этотъ прогрессъ въ ихъ жизни, эти рояли, шампанское и проч. результаты ихъ жизни въ французскихъ ресторанахъ, у Дюссо, Бореля, Донона, Дорота и проч. Но вѣдь это все бѣднѣйшее сословіе татаръ тамъ живетъ—это все вѣдь прислуга. А какъ живутъ потомки хановъ, царей касимовскихъ?

Онъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— А какъ же вы это разберете?—сказалъ онъ,—кто изъ нихъ потомокъ простыхъ татаръ, а кто царей? Развѣ есть возможность разобрать это?

— Кто у васъ предводитель?—спросилъ я.

— Алѣевъ.

— Ну, вотъ видите, вѣдь это несомнѣнно татаринъ. Отъ кого онъ происходитъ?

— Не могу вамъ сказать; но, конечно, цари или ханы, царевичи,

вообще татары ихней царской крови, вѣроятно, вполслѣдствіи принявъ христіанство, поженились на русскихъ—иначе какъ же вы объясните происхожденіе всѣхъ этихъ князей съ татарскими фамиліями: Ингалычевыхъ, Кудашевыхъ, Колончаковыхъ, Кугушевыхъ и т. д., и т. д. до безконечности. Конечно, это все татары; но они ли именно царской татарской крови, т. е. всѣ ли они, такъ сказать, разобрали эту царскую кровь и подѣлили ее между собою, или остались нѣкоторые потомки и не признанными въ своемъ высококомъ происхожденіи и теперь влачатъ жизнь у Борелей, Дононовъ и проч...

Мы нашли имъ, этимъ послѣднимъ, утѣшеніе только въ томъ, что по нынѣшнимъ плохимъ въ денежномъ отношеніи временамъ имъ нечего особенно завидовать своимъ титулованнымъ родичамъ.

— Это вы правду сказали,—замѣтилъ онъ.—Дѣйствительно, кого ни спроси, всѣ здѣсь жалуются на то, что дѣла у нихъ идутъ плохо. И очень многіе изъ пріѣзжающихъ изъ Петербурга татаръ тамошнихъ простыхъ лакеевъ гораздо въ этомъ отношеніи веселѣй..

Но мнѣ все-таки хотѣлось узнать отъ него, нѣтъ ли здѣсь хоть какого бы нибудь одного, хотя и ошибочно и неосновательно считающаго себя потомкомъ касимовскаго царя, татарина, но непременно не крещенаго; татарско-крещенные князья всѣ считаютъ себя потомками царей и хановъ.

— Нѣтъ!..—подумавъ, отвѣтилъ онъ.

— И ахунъ ихъ не знаетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, не думаю... т. е. тамъ, можетъ, по книгамъ ихъ, у нихъ кто-нибудь и считается потомкомъ такимъ, вотъ какой вамъ нуженъ; но у насъ, оффиціально, по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ таковымъ не значится.

Въ это время на порогѣ, изъ залы въ гостиную появился околоточный со сверткомъ въ рукахъ.

— А!—воскликнулъ исправникъ,—ну вотъ, принесли... Давайте сюда.

Онъ взялъ изъ рукъ околоточнаго свертокъ, развернулъ его и я увидаль два булыжника, испещренные какими-то рубцами.

— Вотъ,—сказаль онъ, подавая мнѣ одинъ изъ нихъ,—ну, какъ вы думаете, что это такое?

— Чортъ его знаетъ—эта рыба голова какая-то,—сказаль я, вертя въ рукахъ булыжникъ.

— А эти рубцы?

— Что же это по вашему?

— А развѣ это не напоминаетъ зубы травояднаго? Мамонты вѣдь были травоядные.

Булыжникъ, если посмотрѣть на него съ этой мыслию, могъ быть и зубами (но очень стертými) травояднаго.

— И это была одна челюсть,—продолжалъ исправникъ, складывая оба куска,—вотъ видите.

— Но можетъ это была и челюсть слона?—сказалъ я.—Вѣдь если въ здѣшнихъ мѣстахъ прежде водились мамонты, то могли водиться и слоны.

— Конечно.

— А можетъ это челюсть какого-нибудь птеродактеля или ихтиозавра или плезиозавра—такъ кажется, были такія ископаемыя?

— Были, были—поспѣшно сказалъ онъ, но сейчасъ же оговорился,—т. е. я не знаю, конечно, водились ли они въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Мы повертѣли еще нѣкоторое время эту находку и отдали ее окологородному, который завернулъ ее опять въ бумагу и спросилъ:

— Отнести ее опять въ участокъ или здѣсь оставить?

— Нѣтъ, оставьте здѣсь,—отвѣчалъ ему исправникъ.—Я надняхъ поѣду въ Рязань представляться новому губернатору и кстати захвачу и ее съ собой.

Окологородный ушелъ, мы остались опять одни.

— Да-съ, такъ вотъ мы тутъ и живемъ,—сказалъ Михаилъ Павловичъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ покорности судьбѣ въ голосѣ,—вдали отъ свѣта, отъ шума...

Я посидѣлъ у него еще немного, еще разъ вернулись къ Петербургу, что-то онъ спросилъ меня, что-то я отвѣтилъ ему. Я взялся за шапку и хотѣлъ уходить.

— Вы долго пробудите у насъ?

— Нѣтъ, завтра уѣду.

— Но вечеромъ, значить, все-таки будете еще здѣсь?

— Да.

— Пріѣзжайте въ театръ, т. е. въ клубъ, изъ Орла пріѣхала замѣчательная труппа. Будутъ играть «Каширскую Старину».

Я поблагодарилъ его за вниманіе, за любезность, съ которыми онъ мнѣ сообщилъ интересующія меня историческія свѣдѣнія о Касимовѣ и обѣщалъ быть въ театрѣ вечеромъ.

IX.

— Вотъ что, голубчикъ, какъ бы намъ къ ахуну пробраться, ты знаешь гдѣ онъ живетъ?—спрашивалъ я извозчика, который откуда-то вывернулся и ловко подскакалъ къ подъѣзду исправникова дома.

— Пожалуйте-съ.

Я сѣлъ.

— Вамъ какого же ахуна нужно будетъ — стараго или молодого?—оборачиваясь ко мнѣ, спросилъ извозчикъ, когда мы съ нимъ порядочно-таки ужъ отѣхали.

— Какъ стараго или молодого? Да вѣдь тутъ одинъ ахунъ.

— Одинъ. Но только есть старый и есть молодой.

Я ничего не понималъ, что онъ говоритъ.

Объяснилось это недоразумѣніе тѣмъ, что старый ахунъ еще живъ, хотя онъ ужъ и не у дѣлъ теперь.

— Къ молодому, конечно,—сказалъ я.

— И третій еще есть ахунъ—отецъ молодого. Только этотъ уже теперь не встаетъ. Лежитъ. Старъ ужъ очень,—разсказывалъ извозчикъ.

Мы ѣхали по какимъ-то страннаго вида улицамъ. Точно будто кто-то купилъ себѣ этотъ старый уѣздный городъ въ свою личную собственность и теперь понемногу рѣшилъ выстроить, реставрировать городъ вновь. Представьте себѣ длинныя, довольно, впрочемъ, прямыя улицы развалившихся домиковъ и, между ними, черезъ два, черезъ три, совершенно новенькіе, чистенькіе, съ прочными тесовыми воротами, на которыхъ, на воротахъ, ярко блестятъ на солнцѣ посеребренные стеклянные бѣлые шары, точь въ точь такіе, какіе выставляютъ у насъ въ полисадникахъ, на бесѣдкахъ. Эти новенькіе, чистенькіе домики съ шарами правильно тянутся вдоль всѣхъ улицъ. Эти домики — татарскіе; старые, развалившіеся — русскіе.

— Что это за домики?—невольно спросилъ я извозчика.

— Какіе?

— А вотъ эти, новенькіе?

— Татарскіе,—отвѣтилъ онъ.

— А эти старые?

— Русскіе,—отвѣтилъ онъ, обернувшись ко мнѣ и осклабился.

— И тебѣ это смѣшно?

Онъ осклабился еще больше.

Мы проѣхали двѣ, три такихъ улицъ и остановились у новенькаго, чистенькаго, нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ домика съ посеребренными бѣлыми шарами, тоже нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ.

— Тутъ?

— Тутъ. Вы постучитесь.

Во дворѣ лаяла собака. Я постучался. Прошло съ минуту. Я постучался опять. Наконецъ, я услышалъ шаги и мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати въ зеленомъ шелковомъ халатикѣ, въ пестренькой ермолочкѣ, пріотворилъ мнѣ дверь и спросилъ кого мнѣ нужно.

— Ахунъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ калитку и исчезъ. Я остался ждать. Минуты черезъ двѣ, черезъ три, онъ опять отворилъ калитку и сказалъ мнѣ:

— Войдите.

Я пригнулся и вошелъ въ калитку. Онъ пошелъ впередъ меня, я за нимъ. Дворъ чистый, новенькій, какъ съ иглочки. Прямо противъ воротъ съ улицы, въ которыя мы вошли, подъ тесовымъ навѣсомъ стоялъ въ такомъ же точно короткомъ зеленомъ шелковомъ халатѣ и въ ермолкѣ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти-шести. Мальчикъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:—вотъ ахунъ. Я подошелъ къ нему и раскланялся.

Ахунъ выслушалъ меня, и когда я назвалъ фамилію Селиванова и сказалъ, что пришелъ къ нему по его рекомендаціи, блѣдное и очень симпатичное лицо его оживилось нѣсколько, и онъ произнесъ совершенно правильно, чистымъ русскимъ языкомъ, съ маленькимъ акцентомъ:

— А-а... Очень пріятно,—и протянулъ мнѣ руку.

— Вы меня приводите въ удивленіе. Я ожидалъ встрѣтить старика съ бородой, сѣдого,—отвѣтилъ я ему.

— У насъ это все равно,—сказалъ онъ.—Я, впрочемъ, недавно ахуномъ.

Было часовъ двѣнадцать. Солнце такъ и пекло. Жара была ужасная. Въ воздухѣ стояла тишина. Надвигались тучки и парило не милосердно.

— Милости просимъ, зайдите ко мнѣ,—указалъ онъ мнѣ рукою на дверь, которая со двора вела въ его домъ.

Я пошелъ, а онъ, нѣсколько отставъ отъ меня, что-то говорилъ мальчику.

— Пожалуйте, пожалуйста,—сказали они оба, когда я приостановился въ дверяхъ.

Я сталъ подниматься по чистенькой, деревянной лѣстницѣ наверхъ—мальчикъ обогналъ меня и побѣждалъ внутри.

Наверху лѣстницы площадка, вся уставленная по бокамъ сундуками, обитыми жестью и покрытыми сверху коврами. Съ площадки—прямо ведетъ куда-то корридоръ, а направо—дверь. Эту дверь опередившій насъ мальчикъ теперь держалъ открытою настежь и, смотря на меня, улыбался и показывалъ рукою,—дескать, войди. Я вошелъ. Чистенькая передняя. Опять сундуки, обитые жестью и покрытые кубинскими и персидскими коврами, шкафчикъ съ посудой; маленькій, страннаго фасона самоваръ, два-три стула.

— Давайте,—сказалъ мнѣ мальчикъ и потащилъ съ меня пальто.

На мальчишку, я замѣтилъ, почему-то я произвелъ хорошее и пріятное впечатлѣніе, и онъ все всматривался и потомъ улыбался, глядя на меня.

Ахунъ показалъ мнѣ рукой дальше, на слѣдующую дверь, и проговорилъ опять:

— Пожалуйста!

Въ эту слѣдующую комнату я вступилъ и невольно остано-

вился. Направо отъ входа, вдоль стѣны, на диванѣ, лежалъ, въ бѣлой, полотняной рубашкѣ, высокій, очень высокаго роста, совершенно сѣдой старикъ съ типическимъ, худымъ, старческимъ, даже какимъ-то древнимъ, лицомъ. Такія лица встрѣчаются на старинныхъ картинахъ, на образахъ древняго письма. Чѣмъ-то не живымъ, не отъ міра сего ужъ вѣяло отъ него. Исхудалыя, какъ остовъ, руки лежали скрещенныя поверхъ рубашки. Глубокіе, черные глаза смотрѣли на меня не злобно, но холодно, серьезно и точно спрашивали, требовали, чтобъ я немедленно объявилъ, зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Мой батюшка,—отвѣтилъ ахунъ мнѣ на мое удивленіе и на мою нерѣшительность идти дальше.

Я поклонился; старикъ сдѣлалъ усиліе подняться, сѣлъ на диванѣ и протянулъ мнѣ руку. Она была холодна, какъ у мертваго, не смотря на то, что въ комнатѣ была удушающая, ужасная жара.

— Боленъ, вотъ ужъ сколько времени не встаетъ,—сказалъ мнѣ ахунъ.

— Что такое?

— Старость,—отвѣчала онъ съ легкой улыбкой.

Въ комнатахъ пахло старыми книгами, долголежалыми матеріями. Всѣ окна были затворены и мнѣ показалось, что они были сдѣланы (т. е. рамы въ нихъ) такъ, что ихъ и отворить нельзя. На дворѣ, между тѣмъ, пошелъ дождь, сдѣлалось вдругъ темно. Ахунъ подошелъ къ окну и, смотря на крупный, вдругъ хлынувшій дождикъ, весело улыбался и радостно сказалъ мнѣ:

— Это первый дождикъ у насъ. Вы счастливый.

Между тѣмъ, мальчикъ собиралъ намъ чай, ставилъ подносъ на столъ, чашки, принесъ сахаръ, лимонъ и какія-то печенья, въ родѣ сладкаго пирога, что дѣлаютъ съ молокомъ, только безъ начинки. И всякій разъ, принесетъ, поставитъ что-нибудь на столъ, посмотритъ на меня и улыбнется. Когда онъ разъ какъ-то проходилъ возлѣ меня близко и тоже улыбался, глядя на меня, я взялъ его за щеку и шутя ущипнулъ его. Онъ ухватился за мою руку и расхохотался.

Ахунъ посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и улыбаясь сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Это мой племянникъ.

— А у васъ нѣтъ развѣ дѣтей?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отрицательно покачавъ головой, отвѣтилъ ахунъ.

Мальчикъ принесъ самоваръ, поставилъ его на столъ передъ ахуномъ и сѣлъ на стулъ возлѣ меня. Онъ все смотрѣлъ на меня и улыбался—видно, я былъ рѣдкій гость у нихъ. И, кромѣ этого, все показывало, что жизнь здѣсь замкнутая, такая же запертая на всѣ замки и задвижки, какъ и ихъ дворъ, въ который надо проникать послѣ опроса, черезъ калитку... Я забылъ сказать, что ко-

гда я проходилъ дворомъ, какія-то двѣ женщины показались у входа, на лѣстницѣ, по которой мы потомъ поднялись въ квартиру, и сейчасъ же исчезли куда-то.

— Много у васъ занятій?—спросилъ я ахуна.

— Да. Вотъ служба, школа,—проговорилъ онъ.

— Вы учите и въ школѣ?

— Каждый день.

— А служба?

— И служба каждый день, два раза. Только вѣдь у насъ коротенькая служба — минутъ двадцать, четверть часа. Однѣ молитвы,—отвѣчалъ онъ.

— А это не обезпokoитъ васъ, не доставитъ никому никакой неприятности, не помѣшаетъ никому,—началъ я,—если бы мнѣ посмотреть на вашу службу. Я никогда не бывалъ въ мечетяхъ во время службы въ нихъ.

— Сдѣлайте одолженіе, нисколько, мы очень рады. Вы только, разумѣется...—И онъ запнулся что-то.

— Вы меня научите, что мнѣ дѣлать, какъ стать.

— Придете въ мечеть — снимите калоши внизу и больше ничего.

— Вы приходите передъ заходомъ солнца, такъ часовъ въ семь, я тамъ буду,—сказалъ мальчикъ.—Я васъ проведу. Вы знаете, гдѣ мечеть?..

— Да извозчикъ вѣдь знаетъ, онъ довезетъ.

— Конечно, знаетъ! Здѣсь всѣ знаютъ, гдѣ мечеть! — вскричалъ онъ.

Ахунъ опять покачалъ на него головой:

— Необыкновенно бойкій мальчикъ, — сказалъ онъ мнѣ, какъ бы въ оправданіе свое.

Я началъ спрашивать о древностяхъ, какія имѣются въ Касимовѣ, о гробницахъ, о преданіяхъ, которыя, быть можетъ, живутъ еще среди мусульманъ-татаръ. О ихъ бытѣ, о числѣ, о ихъ промыслахъ, торговлѣ.

Ахунъ отвѣчалъ на все очень охотно, но сразу же можно было замѣтить, что все это очень мало его заинтересуетъ, да и есть ли еще здѣсь человѣкъ, котораго бы все это интересовало. Изъ этихъ же разговоровъ я замѣтилъ, что это, можетъ быть, и очень хороший и добрый человѣкъ, но очень мало, да и то странно какъ-то развитой. О Коранѣ и о догматахъ ихъ я, разумѣется, не могъ съ нимъ говорить, но за то обо всемъ остальномъ онъ имѣлъ какія-то необыкновенно узенькія и, въ то же время, совершенно готовыя и законченныя представленія и мнѣнія. Онъ говорилъ, точно высказывая не свои мнѣнія, а цитируя какую-то книгу для руководства въ домашнемъ и общественномъ обиходѣ. Я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такихъ людей. Необыкновенно странное что-то. Все тек-

сты. И думаетъ, и говорить все текстами. И ничего отъ себя. Скажетъ текстъ и помолчитъ немного. Потомъ припомнитъ и опять скажетъ другой афоризмъ—текстъ. Удивительно странное получается отъ этого впечатлѣніе. Это что-то и ограниченное, ужасно ограниченное, и, въ то же время, отвлеченное, созерцательное, что-то вдумчивое и задумчивое, дѣтски-наивное, вѣрующее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закованное въ готовомъ рѣшеніи, въ неподвижной формѣ... Повторяю, удивительно странное, совсѣмъ непривычное для меня, оригинальное произвелъ онъ впечатлѣніе...

Старикъ съ своего дивана слушалъ насъ и смотрѣлъ, казалось, наблюдалъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое я выносилъ изъ всего этого нашего разговора.

Одинъ мальчикъ только былъ живой. Тихій, кроткій, смиренный повидимому; но жизнь была въ немъ ключемъ, и онъ едва сдерживался, чтобъ не начать мнѣ чего-нибудь рассказывать, чтобъ не позвать меня, показать мнѣ что-нибудь. Я замѣчалъ это ясно и, поглядывая на него, раза два подмигнулъ ему, и спросилъ:

— А что теперь вамъ хотѣлось бы въ рошу, вотъ гдѣ, вашъ дя-дюшка говорить, у васъ кладбище? Хотите, поѣдемте? Тамъ отлично теперь, прохладно... зелень, цвѣты, соловьи...

Но ахунъ-дядя сказалъ ему что-то по своему и потомъ, обращаясь ко мнѣ, какъ бы перевелъ то, что сказалъ ему:

— «Онъ плохо занимался вчера, ему сегодня учиться надо»...

Но я думаю, что онъ не то совсѣмъ ему сказалъ. Я убѣжденъ, что онъ просто боялся, чтобы онъ не проболталъ мнѣ чего-нибудь, чего я не долженъ знать былъ, по его мнѣнію...

— Я васъ самъ провожу,—сказалъ онъ мнѣ,—и все, если хотите, вамъ покажу.

Я улыбнулся и поблагодарилъ.

— Вѣдь вамъ чтò,—продолжалъ онъ,—вамъ мечеть надо показать, гробницу Али-Хана, наше кладбище...

— А больше ничего?

— Да что же еще?

— Мнѣ бы хотѣлось познакомиться хоть немножко и съ живыми. Свѣдѣнія объ умершихъ знаменитыхъ людяхъ, конечно, любопытны и поучительны, но, какъ живого, меня все-таки тянетъ больше къ живымъ... Тѣмъ болѣе, — добавилъ я, — что быта и образа жизни этихъ живыхъ, т. е. вотъ татаръ, въ данномъ случаѣ я совершенно не знаю.

Онъ прослушалъ меня все время серьезно и внимательно, и когда я кончилъ, опустилъ какъ бы въ раздумьи голову на грудь, помолчалъ немного, развелъ руками и сказалъ:

— Не знаю... Какъ же это сдѣлать?

— Объ этомъ-то вотъ я васъ и прошу.

— Да вѣдь ничего, я вамъ скажу, любопытнаго нѣтъ,—вдругъ

изъ задумчиваго дѣлаясь веселымъ, сказалъ онъ мнѣ. — Увѣряю васъ, такіе же точно люди, какъ и всѣ. Конечно, можно поѣхать въ одинъ домъ, въ другой. Насъ вездѣ встрѣтятъ, спросятъ что намъ надо. Мы скажемъ, что пріѣхали посмотреть, какъ они живутъ. Насъ будутъ угощать вотъ также чаемъ, этимъ же печеньемъ,—говорилъ, онъ, указывая руками на чашки съ чаемъ и на тарелочки съ сладкими печеньями...—Вездѣ одно и то же. За это я вамъ могу ручаться..

И мальчикъ, и старикъ, оба все время несводившіе глазъ ни съ меня, ни съ него, теперь улыбнулись и всѣ втроемъ вдругъ заговорили о чемъ-то потатарски.

— Вотъ что,—сказалъ ахунъ, обращаясь ко мнѣ и опять какъ бы переводя мнѣ свой разговоръ:—Вотъ уже въ 6 часовъ вы приходите въ мечеть, тамъ вы всѣхъ истинныхъ, самыхъ настоящихъ— вотъ какихъ вамъ нужно-то, мусульманъ увидите.

— Ну, и чтожь?

— Ну, и познакомитесь съ ними, если хотите...

Когда я сталъ прощаться, чтобы уходить отъ него, онъ началъ просить меня, чтобы я опять, когда буду въ Касимовѣ, заѣхалъ къ нимъ, что они рады сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ нужны отъ нихъ будутъ.

— А въ мечеть уже вечеромъ вы придете? — спросилъ меня мальчикъ.

— Какъ же приду, непременно.

— Вы приходите пораньше, въ шесть часовъ, до начала молитвы. Тамъ садъ есть, могилы.

Ахунъ и мальчикъ опять проводили меня по той же лѣстницѣ съ площадкой, уставленной сундуками, обитыми жестью. Когда мы теперь проходили по этой площадкѣ, два сундука были открыты и я увидѣлъ въ нихъ разную домашнюю рухлядь—мѣхъ, подушки, платки и проч. Вдали, въ глубинѣ корридора стояли закутанныя двѣ женщины. Онѣ, очевидно, разбирали что-то въ этихъ сундукахъ, но при нашемъ приближеніи бросили свое занятіе и удалились обождать, когда я уйду.

Ахунъ вышелъ со мною на улицу, гдѣ стоялъ мой извозчикъ и, прощаясь со мною, сказалъ:

— До ужотка, до свиданія.

Х.

Отъ ахуна я поѣхалъ къ себѣ въ гостинницу позавтракать.

— Самое лучшее, — сказалъ мнѣ лакей, — принести что-нибудь изъ «Татарской».

Я заказалъ котлетку, еще что-то, и когда онъ мнѣ все это принесъ, я задумался надъ этими блюдами и долго не рѣшался

дотронуться до нихъ... Замѣчательная вещь. Эту «Татарскую» гостинницу содержатъ татары, выдавшіе въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ они прежде служили въ лучшихъ ресторанахъ, и чистоту, и сервировку, и кухню, въ смыслѣ порядочнаго приготовления кушанья изъ свѣжей и хорошей провизіи, — все это они видѣли и ничего этого у себя не завели. Невозможно рассказать, что такое мнѣ принесли. Проголодавшись, я, разумѣется, рѣшился отвѣдать, но ѣсть было положительно невозможно.

— Лучше нѣтъ-съ у насъ. Лучше «Татарской» нигдѣ не готовить, — объявилъ лакей.

Нечего дѣлать, пошелъ, купилъ себѣ коробочку сардинокъ, какихъ-то колбасъ, сыру, велѣлъ поставить опять самоваръ и этимъ напился до вечера, когда рассчитывалъ поужинать въ клубѣ, куда рѣшилъ непременно поѣхать, чтобы не ложиться ужъ спать до утра въ гостинницѣ, а прямо оттуда, изъ клуба, на пароходъ.

Теперь, часа въ два, въ городѣ былъ послѣобѣденный сонъ и на улицахъ была совершенно такая же точно тишина, какъ и утромъ до шести часовъ. Даже собаки, увѣренныя, что ихъ никто не потревожитъ, опять улеглись по середи улицъ спать. Дождикъ, бывшій утромъ, до обѣда, прибилъ пыль и освѣжилъ воздухъ. Я взялъ въ руки, на всякій случай, зонтикъ и отправился опять бродить по городу. Утромъ, проѣзжая по какой-то улицѣ, по дорогѣ къ ахуну, я замѣтилъ влѣво, на краю города, свѣжую зеленую небольшую рощицу. Извозчикъ мнѣ сказалъ, что это татарское кладбище. Я отправился теперь туда. Сквозь зелень виднѣлись бѣлые стволы березокъ и между ними такіе же бѣлые поставленные стоймя камни. Это гробницы, т. е. собственно памятники на могилахъ.

Кладбище - роща окопано со всѣхъ сторонъ довольно глубокой канавой. Въ одномъ мѣстѣ черезъ канаву сдѣланъ помостъ и тутъ, я видѣлъ издали, кто-то сидѣлъ. Когда я подошелъ ближе, сидѣвшій, къ удивленію моему, оказался «черкесомъ». Онъ полулежалъ, полусидѣлъ и держалъ въ рукахъ какую-то старую книгу съ замусленными и изорванными листами.

— М-м-м!..—промычалъ онъ и отрицательно покачалъ головой, давая мнѣ этимъ понять, чтобы я не входилъ на кладбище.

— Это почему? — спросилъ я его.

— М-м-м!.. — И опять онъ покачалъ головой.

— Вздоръ, — сказалъ я и хотѣлъ пройти все-таки, не обращая на него вниманія.

Но онъ всталъ передо мною, лицомъ ко мнѣ, и широко разставивъ руки, показывалъ, что пропустить меня туда не можетъ.

— Да отчего? — Безпомощно и совершенно напрасно спрашивалъ я его порусски.

— М-м-м!..

Изъ глубины рощи, изъ-за могиль и каменьевъ, поднялось еще нѣсколько человѣкъ такихъ же оборванцевъ-кавказцевъ въ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ, изорванныхъ въ клочья, и медленно, лѣнливо, одинъ по одному приближались и подходили къ намъ.

— Отчего къ вамъ нельзя туда? — спросилъ я ихъ, когда они подошли ужъ вплотную и усталились на меня.

Отвѣта никакого — смотрятъ большими, недоумѣвающими, черными глазами и отрицательно покачиваютъ головами.

Откуда они здѣсь, думалъ я, и неужели ни одинъ не понимаетъ порусски? Живутъ тутъ съ русскими и не понимаютъ?

Я присѣлъ передъ ними на насыпь канавы, вынулъ портсигаръ, спичечницу и показалъ имъ видъ, что хочу здѣсь курить.

Они утвердительно покачали головами.

— Можно, значить?.. А хотите?

Я предложилъ одному изъ нихъ сигару. Онъ улыбнулся, что-то проговорилъ своимъ товарищамъ и протянулъ ко мнѣ руку за сигарой. Одинъ по одному они все усѣлись вокругъ меня и моя сигарка заходила у нихъ изо рта въ ротъ. Одинъ какой-то изъ нихъ вынулъ кисеть и свою трубочку и закурилъ ее. Всѣхъ ихъ было тутъ человѣкъ пять или шесть; но въ глубинѣ рощи виднѣлось еще нѣсколько человѣкъ, оставшихся тамъ лежать, непришедшихъ къ намъ.

— И чтожъ, такъ-таки ни одинъ изъ васъ и не говоритъ порусски? — продолжалъ я ихъ спрашивать.

— М-м... Нѣтъ.

— Значить, все-таки понимаете?

Отвѣтившій «м-м... нѣтъ»... показалъ на кончикъ мизинца.

— Не много понимаете?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— А давно вы здѣсь?

Онъ поднялъ три пальца.

— Три года и не выучиться говорить?

Возлѣ рощи, гдѣ кладбище и гдѣ мы вотъ сидѣли теперь, еще есть другая роща. Оттуда вышелъ и пошелъ къ намъ, пробираясь черезъ дорогу съ лужами, выбоинами, камнями, канавками и колеями, какой-то человѣкъ въ синей чуйкѣ и въ картузѣ съ блестящимъ козырькомъ, какіе обыкновенно носятъ въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ мѣщане и торгующіе въ деревняхъ купцы, кабатчики, трактирщики. Замѣтивъ насъ, онъ приостановился, посмотрѣлъ и, убавивъ шагъ, какъ бы въ раздумьи, чтобы это такое значило наше засѣданіе, тихонько приближался къ намъ. Подойдя къ мостику, черезъ канаву, за которой мы сидѣли и не переходя его, онъ остановился и сталъ смотрѣть на насъ. Я не обращалъ на него вниманія и продолжалъ спрашивать моихъ собесѣдниковъ. Тѣ

отвѣчали мнѣ кивкомъ головы, покачиваніемъ ея, жестами. Вдругъ онъ, очевидно, обращаясь ко мнѣ, крикнулъ черезъ канаву:

— Не вѣрьте, все понимаютъ, врутъ, что не понимаютъ, при- творяются только...

Черкесы посмотрѣли на него и такъ какъ онъ ничего не гово- рилъ больше, то опять отвернулись.

А онъ постоялъ немного и опять сказалъ:

— Это у насъ первые мошенники въ городѣ. И за чѣмъ ихъ только прислали сюда? Первые воры и обидчики... Ножи—кинжалы, по ихнему—вотъ только у нихъ отняли, а то бы они народъ еще тутъ начали рѣзать.

Онъ, очевидно, адресовался все ко мнѣ, но я не подавалъ я виду, что принимаю это къ себѣ, потому что было не менѣе очевидно, что онъ пьянъ и ему хочется затѣять, пользуясь тѣмъ, что онъ не одинъ здѣсь, а еще и я, скандалъ съ ними.

Онъ постоялъ еще нѣсколько времени, наконецъ, выбранилъ ихъ, какъ только могъ хуже, и пошелъ своей дорогой.

— Кто это?—спросилъ я осетина или мингрела (потому что на немъ была бурая баранья шапка), которому я далъ сигару и кото- рый показался мнѣ, что былъ самый догадливый и понятливый изъ всѣхъ изъ нихъ.

— Нѣтъ...—отвѣтилъ онъ. Потомъ, грустно покачалъ головой и проговорилъ:—русскій...

Когда, посидѣвъ еще немного съ ними, я всталъ, чтобы уходить, они всѣ дружно поднялись и встали передо мной, совсѣмъ не съ своей обычной восточной медленностью и лѣнью.

— Ну, прощайте, Богъ съ вами, что вы меня не пустили по- смотрѣть ваше кладбище,—сказалъ я.

Они—одни взялись за шапки, другіе приложили къ груди руки— попрощались со мною и сейчасъ же опять всѣ сѣли, гдѣ кто изъ нихъ сидѣлъ.

Я пошелъ черезъ дорогу въ другую рощу, вотъ въ ту, изъ ко- торой приходилъ человекъ. Эта была обнесена заборомъ, тесовымъ, низенькимъ, грязнымъ, полуразвалившимся, и сгнившимъ. На углу, у входа въ нее, изба не изба, домъ не домъ. Въ дверяхъ стояла грязная, прегрязная баба съ огромнымъ животомъ и на этомъ жи- вотѣ держала худыми, костлявыми руками ребенка лѣтъ двухъ или двухъ съ половиной. Ребенокъ кричалъ во все горло, а она его уни- мала, вся поглощенная любопытствомъ, что это, дескать, за баринъ идетъ—подходить къ ней.

— Что это, тетенька, за роща здѣсь у васъ?—спросилъ я ее.

— А это общественный садъ будетъ.

— Это?!—удивился я.

— Этоть самый.

— Стало быть можно въ него.

— Можно.

— Да тамъ никого нѣтъ, кажется? — сказала я, раздумывая, взойти ли въ него.

— Нѣтъ, тамъ вонъ ужъ три дѣвки гуляютъ, — кивнула она по направленію въ глубь сада.

Я посмотрѣлъ на нее. Она какъ-то странно это сказала.

— Теперь они скоро начнутъ набираться, — опять сказала она.

— Кто?

— Дѣвки.

— Какія?

— Городскія, наши... гуляція... Татары тоже набираться станутъ...

Къ воротамъ подошли еще двѣ нарумяненныхъ «дѣвицы» и, не безъ любопытства окинувъ меня, необычнаго посѣтителя, съ ногъ до головы, прошли въ «садъ». Вдали виднѣлось что-то въ родѣ пруда или какого-то озера, стояли полуразвалившіяся скамейки. Я тоже прошелъ въ садъ и сѣлъ у пруда на такую скамейку. Дѣвицы между тѣмъ начинали собираться и довольно дружно. То и дѣло входили по одной, по двѣ, по три. Начали немного погода являться сюда и татары и степенно ходили по двое, по трое вмѣстѣ, посматривая на «дѣвицъ». «Дѣвицы», наломавши себѣ вѣтокъ молодыхъ березокъ, проходили между ними и этими березовыми вѣтками задѣвали ихъ. Татары ухмылялись и что-то отвѣчали имъ.

Было ужъ пять часовъ, мнѣ надо было поспѣть еще на молитву въ мечеть.

Проходя мимо бабы, теперь ужъ сидѣвшей на какомъ-то обрубкѣ у воротъ, я спросилъ ее:

— И это каждый день такъ?

— Каждый.

— И кромѣ «ихъ» никого тутъ не бываетъ?

— Никого, — отвѣтила она, утирая носъ ребенку.

XI.

Мечеть, минареть и гробница Али-Хана, находятся всѣ недалеко другъ отъ друга на высококомъ, крутомъ берегу Оки. Берегъ теперь застроенъ какими-то лачужками, развалившимися домиками, заборами, тутъ растутъ изломанныя, исковерканныя ветлы, стоитъ какое-то полуразрушенное зданіе; но когда-то, вѣроятно, этого ничего тутъ не было, видъ должно быть отсюда былъ великолѣпный на Оку и на далеко растилающійся противоположный, низменный, луговой его берегъ. Широкая рѣка далеко ослѣпительно блестяла подъ солнцемъ. Тянулись суда по ней, сплавлялся какой-то плотъ или лѣсъ,

на немъ видѣлись красныя рубахи рабочиыхъ и на высокомъ шестѣ-мачтѣ вился узенькій длинный бѣлый флагъ.

Возлѣ мечети—высокаго двухъэтажнаго дома съ окнами въ два яруса и съ рѣшетками въ нихъ—разбитъ небольшой садикъ, обнесенный рѣшеткой. Было еще только половина шестого и никого еще изъ приходившихъ молиться около мечети не было. Я походилъ кругомъ и присѣлъ недалеко на камень подъ огромной, безобразно-расщепленной бурей ветлой. Печать унынія, скуки и запустѣнія должно быть давно легла здѣсь на все. Типина была мертвая кругомъ. Впереди площадь, обстроенная домами, и на этой площади ни души. Точно выморочный или брошенный жителями городъ... Я просидѣлъ такъ съ полчаса и наконецъ-то съ разныхъ сторонъ показались одинокія, медленно приближавшіяся фигуры мусульманъ въ бѣлыхъ чалмахъ и въ зеленыхъ халатахъ. Вскорѣ ими, однако, рѣдко усѣялась вся площадь и дорога къ мечети. Но ихъ было всего человекъ сорокъ—когда я ихъ пересчиталъ—такъ обманываютъ на видъ странныя одѣянія людей и ихъ яркіе цвѣта.

Между шедшими впереди всѣхъ я узналъ ахуна и рядомъ съ нимъ мальчика, его племянника. Когда они приблизились, они оба подошли ко мнѣ, и мы поздоровались за руки.

— Давно вы ужъ здѣсь?—тихимъ голосомъ спросилъ ахунъ.

Я сказалъ. Мальчикъ рѣзко повернулся на каблукахъ, т. е. на пяткахъ гладкихъ своихъ зеленыхъ сафьянныхъ сапоговъ. Ахунъ его остановилъ и что-то серьезно сказалъ ему. Подопедашіе, между тѣмъ, мусульмане-татары—всѣ въ зеленыхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ—съ любопытствомъ посматривали на меня, что-то говорили по своему между собою, а нѣкоторые изъ нихъ что-то спросили у ахуна.

— Вы скажите, пожалуйста,—сказалъ я ему,—если неприятно можетъ быть кому-нибудь, что я буду при молитвѣ въ мечети, или это почему-нибудь вообще считается у васъ нежелательнымъ,—я не пойду, я не желаю изъ простаго любопытства кому бы то ни было мѣшать.

— Нѣтъ, нисколько,—спокойно отвѣтилъ ахунъ.

— Но можетъ быть такіе фанатики,—какъ у насъ, такъ и у васъ они есть,—которымъ это будетъ неприятно, что я, христіанинъ, присутствую, когда они молятся.

— Нѣтъ, нѣтъ,—успокаивая меня, повторилъ ахунъ.—Я бы вамъ сказалъ. Нѣтъ, мы ничего не имѣемъ... Ну-съ, пойдѣте,—заклучилъ онъ.

Мы вошли въ мечеть, мальчикъ, племянникъ ахуна, шелъ возлѣ меня. Онъ положительно полюбилъ меня, какъ это бываетъ съ дѣтьми, безъ всякой причины.

— Вотъ тутъ,—сказалъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли какіе-то башмаки,—оставьте ваши калоши.

— А сапоги какъ же?

— Да вѣдь вы верхнюю обувь уже оставили. Вѣдь и они—онъ указалъ на мусульманъ—не съ босыми же, вы видите, ногами, чулки вѣдь все равно обувь, а они идутъ же въ нихъ.

— Вы скажите, вѣдь я не знаю, предупредите меня, что дѣлать.

— Идите, идите,—забѣгая по лѣстницѣ впереди меня, говорилъ онъ.

Мы поднялись во второй этажъ мечети. Полъ весь устланъ зеленымъ сукномъ. На сукнѣ сверхъ того лежитъ еще, порядкомъ—таки ужъ изношенный и истрепанный, выпцвѣвшій старый персидскій коверъ. Эта—первая комната и довольно обширная. Изъ нея направо дверь въ слѣдующую, еще болѣе обширную. Я остановился у дверей, не входя въ нихъ.

— Тутъ вотъ и стойте,—сказалъ мнѣ шопотомъ мальчикъ.

Я сталъ у дверей, а онъ опустился возлѣ меня на колѣни.

— Можетъ и мнѣ надо стать на колѣни?—также шопотомъ спросилъ я его.

Онъ молча, отрицательно покачалъ головой, сдѣлалъ поклонъ въ землю и оттуда скосилъ глаза и взглянулъ на меня. Ему очевидно хотѣлось болтать, но... что дѣлать?..

Двое, трое мусульманъ остались почему-то въ этой же первой комнатѣ, опустились на колѣни и молились, а остальные всѣ прошли дальше, въ слѣдующую комнату съ бѣлыми подъ мраморъ општукатуренными стѣнами и бѣлой мраморной нишей, передъ которой на колѣняхъ стоялъ ахунъ, а они тоже на колѣняхъ стали всѣ въ одинъ общій рядъ направо и налево отъ него. Прошло минутъ пять—полная тишина, безмолвіе, только шелестъ шелковыхъ зеленыхъ халатовъ, когда молящіеся клали поклоны и опять поднимались и садились на пятки, оставаясь все время стоять на колѣняхъ. Входящіе вновь, оставались на время въ первой комнатѣ, молились въ ней, тоже стоя на колѣняхъ, потомъ вставали и шли въ слѣдующую, гдѣ молились всѣ съ ахуномъ. Я стоялъ съ серьезнымъ лицомъ и посматривалъ на ряды молящихся: ихъ теперь было уже два ряда. Вдругъ, позади себя, я услышалъ по мягкому полу крупные шаги вновь вошедшаго, невольно оглянулся и у меня въ головѣ мелькнуло сомнѣніе, что вотъ именно не такой ли это фанатикъ вошелъ, которыхъ смущать мнѣ не хотѣлось, и я вовсе не хотѣлъ, чтобы вышелъ изъ-за меня какой-нибудь скандалъ.

Вошедшій былъ громаднаго, колоссальнаго роста татаринъ лѣтъ тридцати съ рябымъ лицомъ, жиденькой бородкой и огромными черными глазами съ бѣлыми бѣлками, которыми онъ страшно вращалъ, глядя на меня. Онъ стоялъ, не проходилъ въ слѣдующую комнату и не опускался и здѣсь на колѣни.

«Самое лучшее отвернуться отъ него... А ну, если онъ кинется на меня?»—подумалъ я.

Но я все-таки отвернулся отъ него и сталъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ рядами стояли на колѣняхъ правовѣрные и, тихо покачиваясь, время отъ времени клали продолжительные земные поклоны. Наконецъ, онъ быстро, топая голыми пятками прошелъ мимо меня, черезъ плечо какъ-то смѣривъ всего меня съ головы до ногъ. Прошелъ и сталъ въ углу, на колѣняхъ. Пятки и подошвы грязныхъ босыхъ ногъ были колоссальны. Онъ постоялъ немного на колѣняхъ и тоже припалъ головой къ полу.

Вдругъ раздался какой-то общій, мучительный, тяжкій—тяжкій стонъ: «Алла—Алла—Алла!» Стонать ахунъ, а за нимъ всѣ молящіеся. Потомъ опять все стихло. Черезъ минуту снова стонъ—удручающе тяжелый, мучительный: «Алла—Алла—Алла!..» поклоны и снова тишина. Такъ продолжалось разъ пять или шесть. Потомъ ахунъ всталъ, постоялъ немного передъ нишей или каедрой—странно какъ-то это что-то у нихъ устроено—и затѣмъ пошелъ ко мнѣ. Остальные тоже встали вскорѣ и тоже стали выходить.

Я поклонился ахуну и сталъ его благодарить, что онъ мнѣ доставилъ случай видѣть ихъ молитву.

— Ну, вотъ вы видѣли теперь—это и все. Разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, которые есть тоже у насъ, но ежедневная наша молитва—въ этомъ вотъ вся и заключается.

Молившіеся начали уходить, и такъ какъ мы стояли съ ахунъ и мальчикомъ, его племянникомъ, въ дверяхъ первой комнаты, то всѣ они и проходили мимо насъ. Дошла очередь и до того огромнаго колоссальнаго татарина съ босыми ногами, который такъ смутилъ меня. Теперь проходя мимо насъ, онъ опять такъ же страшно, свирѣпо поводя бѣлками, посмотрѣлъ на меня. Но я ужъ, стоя рядомъ съ ахунъ и дружески бесѣдуя съ нимъ, не боялся его.

— Кто это страшный такой? спросилъ я ахуна.—Я испугался даже его, когда онъ вошелъ.

— Отчего? о нѣтъ,—кратко улыбаясь, сказалъ ахунъ.—Это у него только видъ такой строгій.

— А не фанатикъ онъ какой у васъ?

Ахунъ только махнулъ рукой.

XII.

Мы вышли изъ мечети,—я не видалъ, заперъ ли ее кто послѣ насъ,—большая часть молившихся пошли по домамъ, а нѣсколько человѣкъ—я увидалъ ихъ ужъ на крышѣ—поднялись на минаретъ и оттуда смотрѣли на насъ.

— Вотъ-съ,—сказалъ мнѣ ахунъ, указывая на четырехугольное, сложенное изъ плитняка, зданіе съ круглой крышей, съ дверью безъ дверецъ, съ окномъ въ которое отсюда, снаружи, ничего не было видно внутрь—это и есть гробница Али-Хава.

Я былъ уже и раньше, одинъ, возлѣ этого домика, и теперь мы опять подошли къ нему.

— Тамъ внутри—да жаль что вотъ ключей нѣтъ—плита лежитъ съ надписями, вотъ въ окно можетъ быть видно,—сказалъ ахунъ.

Но мы посмотрѣли и ничего не увидали. Зданіе было почти въ разрушеніи и въ полномъ смыслѣ слова въ заброшенномъ видѣ.

— А вотъ-съ отсюда,—продолжалъ ахунъ, входя въ помѣщеніе, въ которомъ ханъ когда-то жилъ, или отдыхалъ, по крайней мѣрѣ, въ жаркое время.

Мы вошли въ домикъ съ другой стороны. Здѣсь была дверь, но разломанная и исковерканая. Ахунъ отворилъ ее, спустившись на нѣсколько ступень внизъ, и остановился. Я заглянулъ и тоже остановился.

— Святой отецъ, сказалъ я, что же это?! Вѣдь ужъ это ваша вина.

Дѣло было въ томъ, что жилое помѣщеніе хана, т. е. полъ его, былъ буквально покрытъ нечистотами, мусоромъ какимъ-то, бумажками и среди всего этого уголья, головешки—потухшій костеръ.

— Чтожъ я подѣлаю?—безпомощно развелъ руками ахунъ.

— Да кто же долженъ за этимъ смотрѣть? Вѣдь сторожъ у васъ есть?

— Есть, да какіе это сторожа... Я обращался и къ городу и къ правительству—тутъ всего-то какихъ-нибудь двѣсти-триста рублей нужно, чтобы привести это все въ порядокъ, а вѣдь это историческій памятникъ.

— Позвольте, сказалъ я, да при чемъ же тутъ правительство? Тутъ, мнѣ кажется, ближе всего вашимъ же прихожанамъ-мусульманамъ позаботиться объ этомъ. Вѣдь мнѣ говорили, между здѣшними татарами, да я и самъ знаю, есть люди очень богатые, чуть не милліонеры.

Онъ безпомощно пожалъ плечами:

— Экіе негодяи, экіе свиньи,—повторялъ онъ, смотря на разбросанныя нечистоты на полу, на мусоръ.

— Кто же этимъ занимается? заводитъ здѣсь эту грязь?—спросилъ я его.

— Да кто? черкесы все,—отвѣтилъ онъ.

— Какіе? это вотъ что тамъ? на кладбищѣ?!—воскликнулъ я.

— Да, эти самые. Они сосланы сюда за какія-то мошенничества, разбои, и вотъ продолжаютъ и тутъ вести себя также.

— А чтожъ они у васъ на кладбищѣ дѣлаютъ?

— Да ничего. Они никогда ничего не дѣлаютъ.

— А не то, чтобы они караулили тамъ?

— Нѣтъ. А вы развѣ были тамъ?—полюбытствовалъ ахунъ.

Я рассказалъ ему, что они меня туда не пустили.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой:—«странно дескать, не понимаю».

— Ну, а сюда-то они зачѣмъ же приходятъ?—сказалъ я.

— Да вотъ видите... Вотъ эти угли—это они значать ночью индюшекъ тутъ жарили. Какъ ночь, такъ они индюшекъ воровать. Зарѣжутъ, принесутъ сюда, разведутъ здѣсь костеръ, изжарятъ ихъ и съѣдятъ. Тѣмъ и живутъ...

— Да какъ же такъ имъ позволяютъ?

— Чтожъ вы съ ними подѣлаете?

— И много ихъ?

— Много. Человѣкъ десять кажется.

— И всѣ такіе?

Онъ махнулъ рукой.

Мы постояли сколько-то и пошли назадъ въ городъ.

— А вотъ, что я васъ хотѣлъ спросить,—сказалъ я.—Отчего это всѣ, кто былъ въ мечети, были въ зеленыхъ халатахъ. Ни одного не было въ обыкновенномъ платьѣ, въ которомъ всѣ, ваши же татары, здѣсь по улицамъ ходятъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Да много ли и всѣхъ-то, въ халатахъ-то было?—и добавилъ: нѣтъ, это такъ случилось, приходятъ и въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, и въ черныхъ, и въ синихъ—на это закона никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что въ мечеть все вѣдь только старики ходятъ молиться. Какъ у васъ, добавилъ онъ, въ обыкновенную заутреню или вечерню кого вы встрѣтите—старухъ однѣхъ да стариковъ. Такъ и у насъ.

— А теперь вотъ, святой отецъ, (я не зналъ какъ его называть), еще одинъ вопросъ: съ кладбища вашего, передъ тѣмъ какъ идти сюда, въ мечеть, я попалъ въ какого-то страннаго назначенія садъ, гдѣ, кромѣ извѣстнаго сорта женщинъ и татаръ, никого нѣтъ и никого, говорятъ, не бываетъ. Что это такое?

— Да вы видѣли?—останавливаясь на ходу, сказалъ ахунъ.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ я.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня.

— Что же это? Учрежденіе это такое?—повторилъ я свой вопросъ.

— Должно быть учрежденіе,—отвѣтилъ онъ.

— Да вы-то развѣ не знаете?

— Я не знаю, какъ это мѣсто у васъ называется. Вѣдь и у васъ такія же «мѣста» есть. Я не знаю, что это у васъ считается учрежденіями или какъ они тамъ?..

Онъ это очень ядовито все вывелъ и проговорилъ. Я улыбнулся.

— Ну-съ, очень вамъ благодаренъ за все,—сказалъ я—ему дорога была идти направо къ себѣ, мнѣ налѣво,—когда слѣдующій разъ буду въ Касимовѣ, позвольте опять къ вамъ пріѣхать.

Онъ очень любезно нѣсколько разъ повторялъ приглашеніе, спросилъ, увижу ли я г. Селиванова, чтобы я ему кланялся и сказалъ, что онъ ждетъ его.

— Онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ раскопки какія-то дѣлать,— сказалъ я.

— Да, это очень любопытно.

— Но тутъ вотъ, кромѣ того, что я видѣлъ, ничего нѣтъ оставшагося отъ старины?— ужъ такъ для очистки совѣсти еще разъ спросилъ я.

— Нѣтъ. Вотъ все, что вы видѣли.

— Это все, что осталось отъ касимовскаго царства?..

Онъ молча опустилъ голову.

Я попрощался съ нимъ, съ симпатичнымъ его мальчикомъ-племянникомъ, и мы разстались.

Когда я сѣлъ на дрожки и извозчикъ поѣхалъ, я оглянулся еще разъ, чтобы еще разъ раскланяться съ нимъ. Ахунъ шелъ къ себѣ не оглядываясь, а мальчикъ нѣсколько разъ часто-часто кивнулъ мнѣ головой.

XIII.

Есть преданіе, что касимовская мечеть построена царевичемъ Касимомъ. Но это едва ли такъ. По крайней мѣрѣ теперешняя мечеть зданіе архитектуры позднѣйшей. Можетъ быть, на этомъ мѣстѣ была раньше другая мечеть, и она вотъ и была построена Касимомъ — только ужъ никакъ не теперешняя. О теперешней есть даже весьма точное извѣстіе: во-первыхъ, въ мечети, надъ дверью вдѣланъ камень, выкрашенный зеленой краской, съ надписью: «(1768) года эту мечеть въ мѣсяцѣ рабиэль—авванъ (іюнь—іюль) соорудили: Бектемиръ-Сеидъ, Бурханъ-Сеидъ, Ибрагимъ-Мурза-Чанышевъ, Абдулла-Мурза, Муси-Сеидъ, Мустафа-Сеидъ, Сулейманъ-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ, Юсуфъ-Мурза-Чанышевъ, Муртаза-Сеидъ, Мухаммедъ-Сеидъ, Ибрагимъ-Мурза-Максютовъ, Якубъ-Мурза, Мусъ-Мурза-Деллетъ-Гальдѣевъ, Юсуфъ-Мурза, Ибрагимъ-Мурза-Максютовы, Мустафа-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ-Шакуловъ». А во-вторыхъ, сохранился и документъ, изъ котораго видно, когда и кому разрѣшено было эту мечеть построить: «Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ касимовской воеводской канцеляріи города Касимова татарской слободы сотнику Сеидъ-Бектемирову, сыну Шакулову.—Сего 1768 года февраля 13 дня въ присланномъ отъ его высокопревосходительства г. генераль-маіора и кавалера и Воронежской губерніи губернатора Алексѣя Михайловича Маслова въ касимовскую воеводскую канцелярію предложеніи написано: ея императорское величество имяннымъ изустнымъ ему указомъ сего мѣсяца 18 числа, высочайше повелѣть соизволила, по прошенію города Касимова, Мурза-Ибрагима-Чанышева, Бурхана-Шакулова, построить въ томъ городѣ татарамъ для молитвы ихъ мечеть; объявля сие ея императорскаго ве-

личества повелѣніе, касимовской воеводской канцеляріи рекомендуетъ во исполненіе онаго, города Касимова татарамъ ту мечеть строить позволить и препятствія въ томъ имъ не чинить; и во исполненіе онаго предложенія въ касимовской воеводской канцеляріи опредѣлено: съ прописаніемъ онаго къ тебѣ, Шакулову, послать указомъ объявить, что онаго города Касимова татарамъ ту мечеть строить дозволяется, и тебѣ, Шакулову, учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. Апрѣля 9-го дня 1768 года. На подлинномъ подписано: секундъ-маіоръ Николай Балбоковъ и поручикъ князь Василій Тонкачевъ. Секретарь Иванъ Лопухинъ. Канцеляристъ Федоръ Поповъ». Годъ и имена надписи на камнѣ въ мечети совершенно совпадаютъ съ именами и годомъ указа. Значить, мечеть эта строена не Касимомъ; но, какъ сказано, Касимъ могъ быть строителемъ другой мечети, бывшей ранѣе этой и построенной на этомъ же самомъ мѣстѣ. На это есть указаніе у Палласа, бывшаго въ Касимовѣ какъ разъ въ томъ же 1768 году, когда строилась Шакуловымъ новая, теперешняя мечеть. Говоря о старинномъ минаретѣ (который цѣль до сихъ поръ), онъ замѣчаетъ, что это остатки отъ старой «разоренной мечети, которая нынѣ съ высочайшаго позволенія опять строится». Онъ упоминаетъ даже о кирпичахъ, изъ которыхъ эта старая мечеть была выстроена, «длиною они были 13 дюймовъ».

По преданію, Касимомъ же былъ построенъ и ханскій дворецъ. Но отъ него ужъ ничего не осталось. И объ немъ упоминаетъ Палласъ: «изъ такого же известковаго камня (какъ и тотъ, изъ котораго построенъ сохранившійся до сихъ поръ минаретъ) состоятъ и прочіе татарскаго строенія остатки близъ мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ былъ дѣйствительно дворецъ здѣшнихъ хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія со многими готскими фигурами и арабскими надписями украшенныя ворота, также продолговатый четырехугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдинцевъ. Для нѣкоторыхъ причинъ недавно сломаны помянутыя ворота, и по большей части употреблены на жженіе известки, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и перемочки. Ханскій домъ тоже сломали и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе было отъ сѣвера къ югу, было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланный съ уступами на узкой подземный и подъ всѣмъ строеніемъ простирающійся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозъ

сводъ воды, рождаются окаменѣлыя малыя изъ капелъ сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ».

Лучше всего сохранилась отъ дальнихъ лѣтъ въ Касимовѣ текія (мавзолей) Шахъ-Али, любимца и сподвижника Ивана Грознаго, о которомъ выше было сказано ужъ. Объ этой текіи въ «Исслѣдованіи о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» (Труды восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго Общества) В. В. Вельяминова-Зернова имѣется чуть ли не цѣлый рефератъ. Вообще, чрезвычайный добросовѣстный и обстоятельный изслѣдователь, удивляющій своимъ терпѣніемъ при разборѣ и сличеніи не только надписей на камняхъ, но въ подборѣ даже кусочковъ, обломковъ, осколковъ этихъ камней, — называетъ текію Шахъ-Али замѣчательнымъ памятникомъ. Онъ придаетъ ему большое значеніе и потому съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью собралъ все, что только могъ найти гдѣ-нибудь объ этомъ памятникѣ. Самое древнее описаніе текіи сдѣлано Палласомъ. «Въ юговосточную сторону отъ сего строенія (т. е. отъ остатковъ дворца Касимовскихъ хановъ) находится ханское кладбище въ саду хозяина (теперь я ужъ никакого сада тамъ не нашель, исключая маленькаго садика вокругъ самой мечети. Текія стоитъ окруженная выбоинами, ямами, наподненными мусоромъ и въ такомъ вотъ порядкѣ, какъ я говорю) и понынѣ еще не разрушена. При ономъ ничего не видно готскаго; но состоитъ только изъ продолговатыхъ четвероугольныхъ толстыхъ, кромѣ простаго карниза никакого украшенія неимѣющихъ, стѣнъ, складенныхъ изъ гладко отесанныхъ камней. На западномъ концѣ онаго находится небольшой пустой, приватный для моленія по магометанскому обычаю назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ, и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оный покой устланъ неотесаннымъ дикимъ камнемъ. Прочую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ растетъ калина (и калина теперь ужъ не растетъ!..). Все строеніе отъ востока къ западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Внутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, немного шире четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія и, слѣдовательно, безъ простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а изнутри больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ, но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которыхъ навѣшиваютъ двери».

«Въ текіи со двора надъ дверью вмазана каменная доска, на которой красивымъ арабскимъ почеркомъ вырѣзана слѣдующая надпись: «Строитель и собственникъ этого зданія Шахъ-Али-Ханъ, сынъ Шейхъ-Ауляръ-Султана, 21-го числа мѣсяца рамазана 962 г. (т. е. 9-го августа 1555 г.). Богъ; нѣтъ Бога кромѣ Него, Бога

живого и Бога сущаго. Имъ не овладѣвають ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все, что на небесахъ, и все, что на землѣ. Кто можетъ быть предъ Нимъ заступникомъ, иначе какъ съ Его разрѣшенія? Онъ знаетъ будущее и прошедшее, и люди изъ того, что онъ вѣдаетъ, постигаютъ только то, что Онъ самъ захотѣлъ открыть имъ. Престоль его простирается надъ небомъ и землею, и Ему ничего не стоитъ оберегать ихъ. Онъ всевышній и великій».

«Внутри комнаты (описаніе, сдѣланное Хуссейномъ-Феизъ-хановымъ, вѣдвшимъ нарочно въ Касимовъ, въ 1860 г., по порученію императорскаго археологическаго Общества) посрединѣ, сдѣланы изъ земли и щебня три продолговатыхъ возвышенія, каждое съ обоихъ боковъ о двухъ ступеняхъ. Возвышенія эти обращены длиннымъ фасомъ къ двери. Въ головахъ и въ ногахъ каждаго изъ нихъ стоитъ по камню. Камни эти различной величины; цѣльныхъ между ними нѣтъ, а всѣ они либо обломки, либо смазаны изъ нѣсколькихъ кусковъ. Еще три высокихъ смазанныхъ камня стоятъ просто у правой стѣны комнаты. Всѣ камни, числомъ 9, исчерчены украшеніями и надгробными надписями арабскими и татарскими. Возвышенія, очевидно, изображаютъ гробницы, а камни служатъ надгробными памятниками». Камни эти всѣ перебиты, между возвышеніями валяются во множествѣ осколки отъ нихъ. Впослѣдствіи кто-то смазывалъ эти камни и сдѣлалъ это неряшливо, даже безграмотно: смазаны куски отъ разныхъ совершенно камней. «Какъ бы нехотя, говорится у Хуссейна, приходишь къ тому заключенію, что комната, гдѣ стоятъ гробницы, была въ старину устроена иначе чѣмъ теперь, и что чья-то рука, и вдобавокъ рука человѣка не знающаго, коснулась ея».

«Въ подвалѣ текии ничего нѣтъ. На полу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны продушины величиною въ кирпичъ. Думать должно, что подъ поломъ находится еще другой подвалъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ нижній подвалъ дѣйствительно существуетъ и что изъ него ведетъ подземный ходъ въ мечеть».

Въ текии восемь гробницъ—Шахъ-Али-Хана и его родственниковъ и родственницъ. Оригинальны надписи на нихъ, переведенныя муллою Хусейномъ. Вотъ надпись на камнѣ, надъ гробницей Шахъ-Али-Хана: «Сказалъ Господь прелюболюбивый и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже, что Адамъ. Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; затѣмъ къ нимъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Миръ сей—падалъ, а ищущіе его—собаки. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ

нами миръ. Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Миръ сей есть поле, на которомъ сѣются сѣмена для будущей жизни. Въ 974 году случилось то, что сынъ Шейхъ-Ауліаръ-Султана, Шахъ-Али-Ханъ, 61 года отъ рожденія, мѣсяца шевлала въ 10-й день (20-го апрѣля 1567 г.) въ понедѣльникъ, переселился изъ сего міра въ жизнь вѣчную». На оборотной сторонѣ: «Памятникъ этотъ юджунъ Магъ-султанъ-ханика для своего баба Шахъ-Али-Хана, памятникъ этотъ поставилъ».

Всѣ эти изреченія частью или полностью съ маленькими вариантами повторяются на всѣхъ надгробныхъ камняхъ не только въ Шахъ-Аліевой текіи, но и вообще на касимовскихъ надгробныхъ татарскихъ плитахъ. Такъ на плитѣ, находящейся на старопосадскомъ кладбищѣ надъ могилой хана Уразъ-Мухамеда, убитаго въ Калугѣ, самозванцемъ лже-Димитріемъ вторымъ, котораго въ свою очередь въ отмѣстку за хана убилъ Урусовъ, оно повторяется почти буквально. Памятникъ этой, разбитой на два куска, плиты валяется посреди кладбища.

XIV.

Солнце сѣло. Быстро набѣгали сумерки. Пока я сѣздилъ до-мой, въ гостиницу, уложилъ и завязалъ распакованный чемоданъ, стало ужъ совсѣмъ темно. Въ восемь часовъ я поѣхалъ въ клубъ.

Это очень просторное для такого захолустнаго уѣзднаго городка, какъ Касимовъ, помѣщеніе. Въ сѣняхъ былъ поставленъ столикъ, за которымъ неучаствующіе въ спектаклѣ артисты труппы продавали билеты на сегодняшнее представленіе. На лѣстницѣ, что вела изъ сѣней на верхъ, уже толпилась, въ ожиданіи начала, взявшая билеты и пропущенная публика.

— Сѣргѣй Ныколаевичъ!—вдругъ услыхалъ я позади себя.

Я оглянулся — Ахметка отъ Дюссо.

— Какъ изволили къ намъ въ Касымовъ попасть?—весело, почти радостно улыбаясь, спрашивалъ давнишній знакомый лакей-татаринъ.

Я сказалъ, какъ попалъ къ нимъ.

— И утромъ уѣзжаете?—Чтожъ такъ мало погостили у насъ?

— Да чтожъ у васъ больше дѣлать?

Немного поднявшись еще наверхъ, я встрѣтилъ еще знакомаго татарина отъ Бореля. Опять тотъ же вопросъ высказанный съ такимъ же радостнымъ удивленіемъ...

— Вы чтожъ, члены здѣсь въ клубѣ?—спросилъ я этого.

— Нѣту, Сѣргѣй Ныколаевичъ, а такъ какъ мы тутъ на побывкѣ, и сами изволите видѣть, скука здѣсь у насъ какая, то и пришли посмотреѣть на представленіе.

И такимъ образомъ я встрѣтилъ тутъ человѣкъ пять или шесть лакеевъ изъ хорошихъ петербургскихъ ресторановъ. Они всѣ пріѣхали сюда на побывку и пришли съ женами смотрѣть въ клубъ спектакль.

— А какъ же, это ничего, что вы съ женами тутъ? — спросилъ я.

— А что же такое?

— А если ахунъ узнаеть?

— Чтожь онъ можетъ съ нами подѣлать?

— Да ужъ я не знаю. Развѣ это у васъ разрѣшено?..

— Это все, Сэргэй Ныколаевичъ, глупости, одно невѣжество, — отвѣчалъ очень расудительно Абдулка или Ахметка какой-то.

Несомнѣнный прогрессъ, которому такъ радовался утромъ въ разговорѣ со мною исправникъ...

Публика сибиралась все сбренъкая—купцы, чиновники, чиновницы; нѣсколько татаръ въ чуйкахъ и въ ермолкахъ, очевидно, здѣшніе, туземцы, а не пріѣзжіе откуда-нибудь лакеи. Чиновники и чиновницы очень внимательно и съ видимымъ недоумѣніемъ осматривали меня—новое лицо, откуда я попалъ къ нимъ?

Спектакль не начинался и даже по всему можно было заключить, что онъ начнется еще не скоро, а между тѣмъ, было уже девять часовъ. Наконецъ, явился Михаилъ Павловичъ—исправникъ съ женой и еще какой-то дамой...

— Позвольте васъ представить женѣ?—сказалъ онъ и представилъ меня.

— Ну что осмотрѣли вы все, были въ мечети? познакомились съ ахуномъ?

— Какъ же-съ, все видѣлъ.

— Видѣли гробницу Али-Хана?

— Видѣлъ.

— Это замѣчательно древній памятникъ. Это рѣдко какой такъ хорошо сохранился.

«Сказать ему, подумалъ я, какъ онъ у нихъ сохраняется»,—и сказалъ.

— Ахъ, эти негодяи черкесы!—Вы не повѣрите, что съ ними возни!

— Да отчего вы имъ дѣла никакого не дадите?

— А что они умѣютъ дѣлать?

— Ну, да мало ли что? Ну, сидѣли бы да чулки вязали, помните, какъ прежде, бывало, старые дворовые ихъ вязали?

Онъ расхохотался и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ залъ.

— Много съ ними возни и самый все негодящій народъ,—продолжалъ онъ.

Въ залѣ—мы говорили въ комнатѣ передъ заломъ—послышался колокольчикъ.

— А!—звонять. Сейчас начинается,—сказаль исправникъ.

Въ залѣ вся публика ужъ сидѣла на своихъ мѣстахъ и ожидала, когда поднимутъ занавѣсъ. Колоссальныхъ размѣровъ афишки были почти у каждаго въ рукахъ и всѣ читали ихъ, точно старались выучить наизусть всѣ имена дѣйствующихъ лицъ и актеровъ труппы.

— Вотъ тутъ одна,—шепнулъ мнѣ исправникъ,—которая будетъ играть «Марьицу», замѣчательная артистка—эта не испортила бы и столичной сцены.

Наконецъ занавѣсъ подняли и начался спектакль... Съ каждой четвертью часа въ залѣ становилось все душнѣе и душнѣе. Изъ смежной съ заломъ комнаты доносился запахъ невозможнаго табаку. Обливаясь потомъ, артисты играли съ замѣчательнымъ усердіемъ, и публика цѣнила ихъ игру, награждая ихъ то и дѣло апплодисментами. Насталь, наконецъ, антрактъ.

— Ну, что? Какъ ихъ находите?—кивая на сцену, спросилъ меня исправникъ.

— Хорошо. Сцена только мала, не гдѣ имъ развернуться,—отвѣчалъ я.

— Ну, батюшка, хорошо, что и эдакая-то есть. Гдѣ тутъ претендовать на сцену.

Я не обѣдалъ, цѣлый день съ утра ничего не ѣлъ, кромѣ какой-то сухой, невѣроятно соленой колбасы и сардинокъ, и теперь намѣревался воспользоваться тѣмъ, что попалъ въ клубъ, чтобы хорошенько поплотнѣе поужинать...

— Пожалуйста, — пройдя въ буфетъ, спросилъ я у буфетчика, стоявшаго за прилавкомъ передъ графинами водки, бутербродами и печеными, облупленными яйцами,—дайте мнѣ карточку кушаній.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, кротко улыбаясь, склонивъ нѣсколько голову на бокъ, отвѣчалъ:

— У насъ кухни нѣтъ-съ.

— Какъ? въ клубѣ?

— Нѣтъ-съ... Не стоитъ-съ и держать. Трехъ порцій въ день ни спросятъ. Вотъ это идетъ,—онъ указаль рукой на водку и закуски,—а кушаній никто и не спрашиваетъ...

Я стоялъ передъ нимъ нѣсколько въ неловкомъ положеніи: «что-жъ, думаль я, я буду дѣлать теперь? Опять бутерброды развѣ и яйца?..» И спросилъ:

— Такъ дайте пожалуйста вотъ яичекъ этихъ да вотъ этихъ бутербродовъ.

— И вѣдь-съ какіе здѣсь господа члены строгіе—вотъ-съ вы, я вижу, пріѣзжій, не здѣшній—такъ не повѣрите, можетъ быть: только возьми у нихъ кто держать буфетъ, возьми попробуй, и начнутъ штрафовать да штрафовать,—говорилъ, подавая самъ мнѣ яйца и бутерброды, буфетчикъ.

— Да какъ же васъ не штрафовать, когда у васъ ничего нѣтъ?—
отвѣчалъ я ему съ досадой.

— Нѣ-ѣтъ-съ, меня-то имъ нельзя штрафовать, я вѣдь не та-
кой, не на такого они наскочили! я кухню-то у нихъ не снялъ, а
я снялъ только буфетъ одинъ—водки, закуски,—какъ бы въ успо-
коеніе мнѣ говорилъ онъ,—нѣтъ-съ, я вѣдь это тоже знаю-съ!..

Проходившій мимо меня Ахметка отъ Бореля или Абдулка отъ
Дюссо, увидавъ, что я ѣмъ яйца и бутерброды, остановился передо
мною, и, въ качествѣ публики, фамиллярно-участливо сказалъ:

— Проголодаться изволили, Сэргэй Ныколаевичъ, кушать за-
хотѣли?..

— Какъ вамъ не стыдно,—отвѣчалъ я,— всю жизнь вы всѣ у
такого дѣла, у ѣды, а сами не можете завести у себя порядочной
гостинницы въ городѣ.

— Это точно-съ. Только для кого? Кому здѣсь? Развѣ это та-
кой городъ, какъ вотъ другіе есть города, къ примѣру..

За Абдулкой подошелъ Атаулка, за Атаулкой Ахметка и они
всѣ опять собрались передо мною.

— Вѣдь и это? Вѣдь, изволите видѣть, развѣ эдакое яйцо,—ука-
зывая рукой на поданныя мнѣ яйца, говорилъ Ахметка,— оно напо-
ловину пустое—можно господамъ въ Петербургѣ подать?

— Господь тутъ почти нѣтъ.

— Какіе здѣсь господа? одинъ за другимъ говорилъ Абдулка,
Атаулка.

— Да вѣдь есть же люди, живутъ же здѣсь люди, которые
привыкли хоть свѣжее-то ѣсть?

— А эти дома всѣ питаются.

Я наѣлся яицъ, бутербродовъ и спросилъ себѣ стаканъ чаю.
Ко мнѣ подошелъ исправникъ.

— Закусили?—спросилъ онъ.

— Закусилъ-съ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо идетъ. Вы вотъ этого дѣйствія не смотрѣли, а за-
мѣчательно шло..

Меня взяла удручающая скука. Вонь, грязь, дымъ, какое-то
жалкое ломанье на сценѣ. «Я поѣду, подумалъ я, на пароходъ
тамъ и буду ночевать». Но сейчасъ же вспомнилъ, что пароходъ
придетъ только еще въ три часа утра, а до той поры не куда
дѣваться, если не хочу ѣхать къ себѣ въ номеръ, въ гостинницу,
еще болѣе грязную и вонючую, чѣмъ этотъ клубъ. Я посмотрѣлъ
на часы—было около двѣнадцати.

— Тутъ рано у васъ кончается?—спросилъ я кого-то.

— Нѣтъ-съ, поздно. Часа въ два сегодня кончится не раньше.

Я рѣшился дожидаться и даже былъ доволенъ, что могу до-
сидѣть здѣсь до прихода парохода.

И безъ того длинная пьеса—«Каширская Старина»—тянулась

здѣсь ужасно, антракты безбожны, по получасу и болѣе. Я ужъ и ходилъ пьесу смотрѣть, и въ «библіотекѣ» сидѣлъ — получается нѣсколько журналовъ и газетъ, и все еще было много времени впереди. Спектакль и потомъ какой-то еще дивертисементъ съ танцами и пѣніемъ затянулись до половины третьяго. Наконецъ, все кончилось. Всѣ начали уходить. На крыльцѣ, прощаясь ужъ совсѣмъ съ исправникомъ, я услышалъ длинный и продолжительный свистокъ гдѣ-то тамъ, вдали.

— Вашъ пароходъ подходитъ, на которомъ вы поѣдете, — сказалъ онъ мнѣ.

Ночь была темная — темная, на небѣ ни одной звѣздочки, въ воздухѣ пахло дождемъ. Я взялъ извозчика и поѣхалъ за чемоданомъ въ гостиницу, а оттуда ужъ прямо на пароходъ — спать.

«Царство было, думалъ я, спускаясь по косоугору къ пристани, и что отъ него осталось, что такое оно теперь — разсадникъ лакеевъ для московскихъ и петербургскихъ французскихъ ресторановъ... Уздный городъ Касимовъ»...

Небо начало съ одного края бѣлѣть. Накрапывалъ мелкій, тихій дождикъ. Я посмотрѣлъ съ парохода на городъ, на высокую гору — кручу, на которой онъ стоитъ, и пошелъ внизъ, въ каюту къ себѣ спать.

С. Терпигоревъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.¹⁾

V.

Ольмюцкая капитуляція.

ДОЛѢВЪ революцію, король Фридрихъ-Вильгельмъ, однако, и не думалъ о возвращеніи къ до-революціонному порядку. Онъ даровалъ странѣ конституцію весьма либеральную и присягнулъ ей на вѣрность. Причину такого поведенія слѣдуетъ искать въ зародившемся въ немъ честолюбивомъ замыслѣ: воспользоваться состояніемъ броженія, въ коемъ находилась Германія, а также внутреннимъ замѣшательствомъ Австріи, чтобы осуществить идею нѣмецкаго единства подъ главенствомъ Пруссіи. Король хотя и не принялъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ собраніемъ, но вступилъ въ переговоры съ второстепенными германскими правительствами объ учрежденіи такъ называемой «Уніи», или союзнаго государства, въ коемъ исполнительная власть принадлежала бы Пруссіи. Онъ какъ бы считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ въ Германіи. Одна часть прусскихъ войскъ подавляла республиканскія вспышки въ Саксоніи, въ Баденѣ, въ Палатинатѣ; другая возобновляла войну съ Даніей, съ цѣлью отторженія отъ нея Голштиніи и Шлезвига, во имя народнаго нѣмецкаго начала.

Такая политика не могла быть одобрена императоромъ Николаемъ. Уже раннею весною 1849 года онъ высказалъ свой взглядъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 607.

на нее чрезъ возвращавшагося въ Берлинъ генерала Рауха, много лѣтъ бывшаго прусскимъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургъ и до такой степени пользовавшагося довѣріемъ и расположеніемъ государя, что нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прозвалъ его «ангеломъ хранителемъ короля предъ престоломъ русскаго императора». Рауху поручено было напомнить прусскимъ министрамъ, что Россія не допуститъ измѣненія въ отношеніяхъ эльбскихъ герцогствъ къ датской монархіи, признавая таковое за нарушение договоровъ 1815 года. Одновременно наши военные корабли появились въ виду Киля, и тогда, во второй разъ, прусскія войска очистили Ютландію и даже Шлезвигъ. Въ маѣ, государь въ собственноручномъ письмѣ выставилъ на видъ королю непослѣдовательность его дѣйствій, доказывая, что нельзя въ одно и то же время подавлять революцію въ сосѣднихъ нѣмецкихъ государствахъ и пользоваться ея услугами для доставленія Пруссіи преобладающаго положенія въ Германіи. Осенью императорскій кабинетъ объявилъ берлинскому, что Россія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ исключенія Австріи изъ Германіи, что для насъ постановленія Вѣнскаго конгресса не потеряли своей обязательной силы и что мы считаемъ союзный сеймъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ заключительнымъ актомъ означеннаго конгресса, единственнымъ законнымъ представителемъ Германскаго Союза. Увѣряютъ, будто энергическія представленія русскаго двора до того раздражили Фридриха-Вильгельма, что онъ въ порывѣ досады воскликнулъ: «я покажу императору на что способенъ король прусскій и что Германія въ силахъ сама распорядиться собою».

Понятно, что и государь, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возстановлялся противъ своего зятя, котораго въ довѣрительной бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ называлъ «фантазеромъ выводящимъ его изъ терпѣнія». При извѣстной слабохарактерности Фридриха-Вильгельма, онъ перемѣну происшедшую въ направленіи его политики приписывалъ окружающимъ его «бандитамъ», разумѣя подъ этимъ именемъ Радовица, Бунзена и другихъ прусскихъ поборниковъ германской національной идеи. Въ великодушій своемъ, онъ не допускалъ возможности борьбы между двумя своими ближайшими союзниками, считая ее братоубійственною. «На полѣ сраженія», говорилъ онъ, «на которомъ сойдутся Австрія и Пруссія въ видѣ противниковъ, появлюсь и я со своею арміею и стану между ними. Я посмотрю въ состояніи ли я воспрепятствовать этой истинно нѣмецкой ссорѣ (*querelle allemande*). Въ маѣ 1850 года онъ призвалъ обѣ стороны на судъ къ себѣ, въ Варшаву. Представителемъ Австріи явился туда первый министръ, князь Шварценбергъ, Пруссіи—принцъ Вильгельмъ. Государь былъ непріятно пораженъ жаромъ, съ которымъ послѣдній защищалъ передъ нимъ

«народное германское дѣло», т. е. единство Германіи. Оказалось, что со времени пребыванія въ Англіи, весною 1848 года, въ образѣ мыслей принца прусскаго произошла совершенная перемѣна. Подъ вліяніемъ Альберта Кобургскаго, мужа королевы Викторіи, а также и Бунзена, принцъ Вильгельмъ рѣшительно перешелъ на сторону приверженцевъ конституціонной свободы внутри Пруссіи и народной объединительной политики извнѣ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ принялъ выборъ въ депутаты и занялъ мѣсто въ учредительномъ ландтагѣ. Онъ совѣтовалъ брату своему не отказываться отъ императорской короны, поднесенной франкфуртскимъ парламентом¹⁾; а когда возникъ проектъ о созданіи «Уніи», то сдѣлался горячимъ его сторонникомъ и защитникомъ.

Варшавскія совѣщанія не привели къ примиренію противниковъ. Отношенія между ними обострялись съ каждымъ днемъ и грозили перейти въ открытую борьбу. Составитель проекта «Уніи», генералъ Радовицъ, назначенъ былъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и принялся усердно проводить свои политическіе планы. Австрія, покончивъ благодаря русской помощи со своими затрудненіями въ Венгріи и Италіи, не была расположена долге терпѣть посягательства Пруссіи на ея преобладающее положеніе въ Германіи. Войска обѣихъ сторонъ уже стояли другъ противъ друга въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ Пруссія вступилась за народное собраніе, Австрія же отстаивала державныя права курфюрста. Императоръ Николай сдѣлалъ послѣднюю попытку мирно разрѣшить споръ. Въ октябрѣ, онъ снова пригласилъ въ Варшаву представителей дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Король хотѣлъ было послать туда Радовица, но русскій посланникъ отстранилъ этотъ выборъ, прямо заявивъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не пользуется довѣріемъ «его императорскаго величества» и прусскимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ генералъ графъ Бранденбургъ. Государь откровенно высказался предъ нимъ и австрійскимъ представителемъ княземъ Шварценбергомъ. Онъ поддержалъ требованія послѣдняго, не ради пристрастія къ Австріи, а потому что вѣнскій дворъ стоялъ на почвѣ договоровъ 1815 года, тогда какъ Пруссія добивалась ихъ измѣненія въ свою пользу и при томъ революціонными средствами. Такъ она открыто покровительствовала въ Гессенъ-Касселѣ и Шлезвиг-Голштиніи подданнымъ, воставшимъ противъ своихъ государей и заслуживавшимъ, чтобы съ ними обошлись какъ съ мятежниками, по всей строгости закона. Принципъ народнаго представительства при германскомъ союзномъ сеймѣ былъ также противенъ трактатамъ, какъ

¹⁾ Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Генриха Гагерна, писавшаго Бунзену отъ 2-го (14) февраля 1849 года: «принцъ прусскій стоитъ за насъ рѣшительно и твердо».

и притязаніе Пруссіи на дозволеніе ей вступать въ частные союзы съ нѣмецкими государствами или раздѣлять съ Австріею предсѣдательство въ сеймѣ. Въ заключеніе государь обѣщалъ австрійскому правительству въ гессенъ-кассельскомъ дѣлѣ свое нравственное содѣйствіе, а въ шлезвиго-голштинскомъ и матеріальную помощь.

Пруссія вынуждена была смириться. Въ чрезвычайномъ совѣтѣ, созданномъ королемъ, одинъ принцъ прусскій настаивалъ на необходимости сопротивленія. Всѣ прочіе министры высказались въ пользу уступокъ. Со слезами на глазахъ, уволилъ Фридрихъ-Вильгельмъ генерала Радовица отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, и убѣдясь, что не найдетъ поддержки ни въ одной изъ великихъ державъ, не исключая и Англій, на которую онъ особенно рассчитывалъ—далъ свое согласіе на австрійскій ультиматумъ. Конвенція, заключенная въ Ольмюцѣ между княземъ Шварценбергомъ и барономъ Мантейфелемъ, при посредничествѣ переведеннаго изъ Берлина въ Вѣну русскаго посланника барона Мейендорфа, запечатлѣла отреченіе Пруссіи отъ стремленія къ преобладанію въ Германіи и полное возвращеніе Германскаго Союза къ порядку, установленному договорами 1815 года.

Въ другомъ мѣстѣ мы рассказали взрывъ негодованія, встрѣтившій извѣстіе объ ольмюцкой «капитуляціи» во всей Германіи и въ особенности въ Пруссіи, не исключая и высшихъ правительственныхъ и дипломатическихъ круговъ. Тамъ же изложили мы и программу отмщенія, измышленную прусскими націоналами и либералами, отмщенія Австріи, но еще болѣе чѣмъ Австріи, Россіи, которую едва ли не одну обвиняли они во всѣхъ бѣдахъ, обрушившихся на ихъ головы¹⁾. Замѣчательно, что и до сего времени не изгладилась злоба историковъ и публицистовъ этого лагеря на насъ за искреннія усилія императора Николая предупредить междуусобную войну въ Германіи. «Россія»,—утверждаютъ они,—«шла далѣе по пути, на который вступила, съ наглостью, неиспытанною нами современъ грубаго корсиканскаго императора, и коей мы тщетно старались бы подыскать примѣръ въ новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ»²⁾. При этомъ они умышленно упускаютъ изъ виду, что вся дѣятельность Наполеона была исключительно направлена къ ниспроверженію законнаго междунаrodnаго порядка, основаннаго на историческомъ правѣ и договорахъ, т. е. того именно, для поддержанія и утвержденія чего въ Европѣ напрягалъ всѣ свои силы императоръ Николай.

Но, слѣдимъ оговориться, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ иного мнѣнія. Революція и ея послѣдствія были для него

¹⁾ См. книгу мою: «Внѣшняя политика императора Николая I», стр. 117 и слѣд.

²⁾ См. упомянутую выше книжку «Berlin und Petersburg», стр. 29 и 30.

тяжкимъ испытаніемъ и строгимъ урокомъ. Онъ глубоко скорбѣлъ о проявленной имъ слабости и повидимому вполне и искренно раскасялся въ своихъ политическихъ заблужденіяхъ. При такихъ условіяхъ примиреніе его съ державнымъ зятемъ не могло замедлиться, тѣмъ болѣе, что нѣжною и попечительною посредницею между нимъ и государемъ выступила императрица Александра Оеодоровна.

Примиреніе состоялось въ маѣ 1851 года, шесть мѣсяцевъ послѣ Ольмюца. Прусскій король посѣтилъ русскую императорскую чету въ Варшавѣ. Императоръ Николай выѣхалъ къ нему на встрѣчу на границу, въ Мысловицы. Свиданіе ихъ было трогательно. Они не видѣлись цѣлые семь лѣтъ и столько событій величайшей важности совершилось въ этотъ промежутокъ времени! Къ прежнимъ родственнымъ чувствамъ, питаемымъ королемъ къ государю, присоединилось чувство глубокаго уваженія къ единственному изъ европейскихъ монарховъ не только устоявшему предъ революціею, но и поборовшему, «задавившему» ее, какъ любилъ выражаться государь.

Одновременно съ прусскимъ королемъ гостями императора и императрицы были великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, сестра государыни, принцесса Агнеса Ангальтъ-Дессауская, принцъ Фридрихъ прусскій и герцогъ Вильгельмъ Мекленбургскій. Изъ членовъ императорской фамиліи, августѣйшихъ родителей сопровождали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Варшавѣ, гдѣ праздненства завершились народнымъ гуляньемъ съ иллюминаціею и великолѣпнымъ фейерверкомъ сожженнымъ въ Лазенковскомъ паркѣ, дворъ переѣхалъ въ Скерневицы. Желая доставить зятю своему обычное и любимое его развлеченіе, государь вызвалъ изъ Берлина придворнаго чтеца, Шнейдера ¹⁾, который въ продолженіе двухъ вечеровъ читалъ въ присутствіи высочайшихъ особъ лучшіе рассказы изъ своего обширнаго репертуара. Въ честь короля состоялся также большой парадъ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ близъ Ловича и состоявшимъ изъ 2-го пѣхотнаго корпуса и легкой кавалерійской дивизіи, или 48 баталіоновъ пѣхоты, 1 стрѣлковаго баталіона, и 32 эскадроновъ при 160 орудіяхъ, всего 47,630 человекъ, подъ общимъ начальствомъ командира 2-го корпуса генераль-адъютанта Панютина, одного изъ героевъ венгерскаго похода. Въ день парада, вечеромъ, въ Скерневицкомъ театрѣ состоялся и балетный спектакль, въ которомъ, вмѣстѣ съ варшавскими артистами, исполнившими ба-

¹⁾ Шнейдеръ изъ актеровъ придворной драматической труппы успѣлъ достигнуть званія королевскаго чтеца и чина надворнаго совѣтника. Онъ извѣстенъ также какъ издатель періодическаго журнала для нижнихъ чиновъ арміи подъ названіемъ: «Другъ солдата».

леть: «Свадьба въ Ойцовѣ», танцевала и знаменитая Тальони. На слѣдующій день, государь отправлявшійся на австрійскіе маневры въ Ольмюцъ выѣхалъ вмѣстѣ съ королемъ и, проводивъ его до границы, остался почевать тамъ, а его прусское величество провелъ ночь въ Мысловицахъ. На другое утро, 16-го (28) мая, императоръ снова съѣхался съ королемъ въ Мысловицахъ и продолжалъ путешествіе съ нимъ по желѣзной дорогѣ до Аннаберга, въ Силезіи, гдѣ оба монарха разстались: государь поѣхалъ въ Ольмюцъ, король—въ Берлинъ.

Что примиреніе было полное, вполне искреннее, безъ всякой задней мысли, доказалъ пріемъ, сдѣланный русскимъ императору и императрицѣ, когда они, весною 1852 года, послѣ долгаго перерыва, снова посѣтили столицу Пруссіи. Ихъ величества переѣхали прусскую границу 24-го апрѣля (6 мая). Король встрѣтилъ ихъ въ Мысловицахъ. Государь передалъ ему на руки императрицу, а самъ чрезъ Одербергъ поѣхалъ въ Вѣну, на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ. Здоровье ея величества было крайне разстроено и для отдыха ея потребовалось провести два дня въ Бреславлѣ. Лишь 26-го (8-го), король привезъ императрицу въ Потсдамъ. Цѣлую недѣлю она провела тамъ безвыѣздно, не покидая даже своей комнаты и единственнымъ развлеченіемъ ей служило, по вечерамъ, чтеніе упомянутаго выше Шнейдера. 4-го (16-го) мая вечеромъ прибылъ въ Потсдамъ изъ Вѣны, чрезъ Веймаръ, и императоръ Николай. Передъ дворцомъ собраны были всѣ офицеры гарнизона, а также его кирасирскаго полка. Выйдя изъ коляски, государь протянулъ руку старшему изъ присутствовавшихъ, командиру 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, полковнику графу Блюменталю и, пожавъ ее, обратился къ офицерамъ со слѣдующими словами: «Я очень радъ, что, наконецъ, снова очутился среди васъ. Вамъ извѣстны мои убѣжденія, а также, что я всегда былъ вамъ вѣрнымъ товарищемъ. Въ тяжкое время душа моя была съ вами. Вы поддержали честь свою, остались вѣрными, какими были всегда. Я прихожу къ вамъ, прежній къ прежнимъ. Мы всегда останемся добрыми друзьями и, какъ подобаетъ товарищамъ, будемъ крѣпко стоять другъ за друга». Оглушительныя восклицанія служили отвѣтомъ на милостивую рѣчь государя.

Король не отсталъ отъ своего зятя въ выраженіи своихъ восторженныхъ чувствъ къ нему. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ 9-го (21) въ бѣлой залѣ берлинскаго замка, онъ тостъ свой за государя заключилъ такъ: «Отъ имени моего, моего войска и всѣхъ моихъ вѣрныхъ прусскихъ сердець, провозглашаю здоровье его величества императора всероссійскаго. Да сохранить его Богъ той части свѣта, которую Богъ далъ ему въ наслѣдственную часть и которая обойтись безъ него не можетъ».

Въ кратковременное пребываніе свое въ Берлинѣ, императоръ

Николай усердно посѣщаль, кромѣ военныхъ учреждений, общественныхъ зданія, музеи, театры. Онъ остался очень доволенъ настроеніемъ столичнаго населенія, и нашель, что революція не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Изъ Берлина государь возвратился въ Россію, а императрица поѣхала въ Шлангенбадъ для пользованія водами, въ обществѣ женъ своихъ двухъ братьевъ, Вильгельма и Карла, принцессъ Августы и Маріи. Ко дню рожденія ея величества, 1-го (13) іюля, императоръ и императрица снова съѣхались въ Потсдамъ. Государь привезъ съ собою двухъ младшихъ сыновей своихъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Прусская королевская семья была въ полномъ сборѣ. Для принятія участія въ семейномъ праздникѣ прибыли и обѣ сестры государыни, великая герцогиня Александрина изъ Шверина и принцесса Луиза изъ Гаги, со своими мужьями.

Праздникъ былъ отпразднованъ съ особенною торжественностью. Высшее потсдамское общество устроило на прилегающихъ къ городу озерахъ водяное корсо въ честь русской императрицы. Пароходъ, на которомъ находились царственные гости былъ встрѣченъ дождемъ цвѣтовъ, посыпавшихся на него изъ безчисленныхъ лодокъ, покрывавшихъ озеро. Къ вечеру дворъ вышелъ на берегъ на Павлинномъ островѣ, гдѣ ожидало его высокое художественное наслажденіе. Знаменитая Рашель приглашена была продекламировать лучшія мѣста изъ своихъ ролей предъ высокимъ собраніемъ.

Заемствуемъ объ этомъ вечерѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ разсказа, занесеннаго въ свои «Записки» чтецомъ короля Шнейдеромъ, о которомъ мы уже дважды упоминали выше.

Король приказалъ Шнейдеру встрѣтить Рашель на желѣзно-дорожной станціи въ Потсдамъ и проводить ее на Павлинный островъ. Она прибыла туда изъ Берлина около шести часовъ вечера, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Феликсомъ, который долженъ былъ давать ей реплики. Шнейдеръ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что артистка явилась вся въ черномъ. Онъ тотчасъ же предупредилъ ее, что при дворѣ неумѣстенъ трауръ, особенно въ праздничный день. Рѣшили поѣхать въ Глинеке, близъ лежащій замокъ, принадлежавшій принцу Карлу, и тамъ, съ помощью придворныхъ дамъ принцессы, преобразили траурный костюмъ Рашели въ народный испанскій. Яркая роза украсила ея волосы, на руки надѣты были свѣтлыя перчатки, кружевная мантилья накинута на голову. Рашель была взволнована, при мысли, что ей придется въ первый разъ играть предъ русскимъ императоромъ. Она забросала Шнейдера вопросами о немъ: «Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою? что онъ выше головою всѣхъ лицъ его окружающихъ? Любезенъ ли онъ съ дамами?» и т. п.

Къ 8 часамъ вечера Шнейдеръ и оба его спутника прибыли на Павлинный островъ. Здѣсь Рашель узнала, что ей придется де-

кламировать подъ открытымъ небомъ, посреди дорожки сада, безъ всякихъ приспособленій, т. е. безъ сцены, кулисъ, освѣщенія и проч. Она вышла изъ себя и воскликнула, обращаясь къ Шнейдеру: «Какъ? подъ открытымъ небомъ? Развѣ вы меня считаете за канатную плясунью?» Она объявила, что играть не будетъ и сейчасъ же возвратится въ Берлинъ. Шнейдеръ, самъ бывшій актеръ, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы умиловитъ разгнѣванную артистку. Онъ замѣтилъ ей, что для всякой другой, отсутствіе обстановки, конечно, было бы крайне неудобно, но что талантъ ея все превозможетъ и только выкажется во всей своей силѣ и красотѣ. Слова эти не подѣйствовали. Тогда Шнейдеръ воззвалъ къ самолюбію артистки, обративъ ея вниманіе на то, что отсутствіе сцены дѣлаетъ изъ нея не актрису, приглашенную дать представленіе, а какъ бы гостью короля и королевы, которая, сидя съ ними вмѣстѣ за чайнымъ столомъ, изъ любезности тутъ же согласится очаровать ихъ и все общество проявленіемъ своего могучаго таланта.

— Подумали ли вы,—прибавилъ Шнейдеръ,—что сегодняшній вечеръ можетъ принести вамъ по меньшей мѣрѣ 300.000 франковъ? Если русскій императоръ не увидитъ васъ сегодня, а я донесу о причинѣ вашего отказа играть, то Россія будетъ вамъ закрыта навсегда, а вы сами же мнѣ сказали, что ваше живѣйшее желаніе выступить на сценѣ въ Петербургѣ. Скажутъ, что вы не понравились ея величеству императрицѣ¹⁾, и если вамъ нельзя будетъ ѣхать въ Россію, то восторжествуютъ ваши враги.

— Правда! но...

— Въ желаніи видѣть васъ и наслаждаться вами безъ обычныхъ театральныхъ вспомогательныхъ средствъ, — продолжалъ Шнейдеръ,—заключается признаніе того, что вашъ необъятный талантъ вовсе не нуждается въ такой вышней обстановкѣ, что съ вами хотять обращаться не какъ съ актрисой, а какъ со свѣтскою женщиною.

— Вы думаете? Хорошо! я буду играть.

Вскорѣ подошелъ пароходъ и высадилъ короля и гостей его на берегъ. Рашель была представлена сначала королю, потомъ императору. Началась декламация.

Продолжаемъ рассказъ собственными словами Шнейдера.

«Сумерки уже наступили и уже черезъ четверть часа должно было окончательно стемнѣть. Такъ какъ г. Рафаэль, воплощенное «начальное слово», былъ вынужденъ читать свои реплики, тогда какъ сестра его декламировала наизусть, то необходимымъ оказалось какое-нибудь освѣщеніе. Но какъ могли обыкновенныя восковыя свѣчи горѣть на открытомъ воздухѣ? или какъ возможно было

¹⁾ За нѣсколько дней передъ тѣмъ государыня присутствовала при представленіи Рашели въ театрѣ замка Сансуи.

поставить на травѣ стѣнные лампы изъ комнатъ замка? Къ счастью, нашлись стеклянные колпаки, приведенные на-скоро въ порядокъ и бывшіе наготовѣ. Скоро пришлось ихъ потребовать, ибо быстро настала такая темнота, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы различать черты лица. Тогда поставили восковыя свѣчи, прикрытыя стеклянными колпаками у ногъ артистки на пескѣ, а г. Рафаэль давалъ свои реплики въ роли Тезея со свѣчею подъ колпакомъ въ лѣвой рукѣ и съ книгою въ правой, такъ какъ онъ зналъ наизусть лишь роль Ипполита.

«Въ такой обстановкѣ цѣлое представляло въ высшей степени своеобразное зрѣлище. Подъ самыми окнами замка сидѣли за накрытымъ еще длиннымъ чайнымъ столомъ дамы. Возлѣ стояли монархи, отдѣленные одною посыпаною пескомъ дорожкой отъ театра подъ открытымъ небомъ. Кулисами и заднимъ занавѣсомъ служилъ этой сценѣ тѣсный кругъ генераловъ, дипломатовъ, министровъ, придворныхъ; позади ихъ журчали садовые фонтаны и посреди всего этого, черная фигура артистки, во всемъ экстазѣ ея трагической мощи, совершенно независимой отъ почти комической помощи ея брата, который со свѣчею въ рукѣ читалъ промежуточные рѣчи. Въ движеніяхъ своихъ, то она ярко освѣщалась трепещущимъ отъ вѣтра пламенемъ свѣчей, то лицо ея исчезало въ мракѣ, когда она выступала за предѣлъ, до котораго достигали радіусы свѣта. Собраніе было также безмолвно, какъ и многочисленно и оживленно. Притаивъ дыханіе внимало оно Федрѣ, Виргиніи, Адриеннѣ Лѣкурврѣрѣ, — изъ этихъ трехъ драматическихъ произведеній были выбраны отрывки для декламаціи, — въ тѣ страстные моменты, когда Рашель являлась ихъ совершенною выразительницею. Дѣйствительно, она торжествовала триумфъ, который и ей, конечно, остался незабвеннымъ. То, что я измыслилъ для ея убѣжденія осуществилось во очію. Никто не замѣтилъ отсутствія обстановки, которое, напротивъ, придало всему рѣдкому зрѣлищу невыразимую прелесть.

«Представленіе продолжалось около трехъ четвертей часа и могло бы продолжаться гораздо долѣе, такъ какъ никто не испытывалъ усталости. Но непрерывное напряженіе силъ артистки стало, наконецъ, замѣтно и побудило его величество короля выразить ей полное удовольствіе свое по поводу ея искусства, дѣйствительно, достойнаго удивленія. Императоръ заговорилъ съ нею и всячески отличилъ ее. Императрица, ея величество королева и всѣ принцессы обратились къ ней съ любезными и почетными словами. Кругъ сомкнулся вокругъ чествуемой артистки, а меня озабочивалъ вопросъ о возвратномъ пути. Было уже слишкомъ поздно для того, чтобы добраться до станціи желѣзной дороги въ Потсдамъ до отхода въ Берлинъ послѣдняго поѣзда, а потому я испросилъ приказанія и согласно имъ послалъ впередъ нарочнаго верхомъ заказать въ полночь экстренный поѣздъ и ужинъ въ ресторанѣ вокзала.

Мы видѣли какъ дворъ отплылъ въ Потсдамъ на разноцвѣтно-иллюминированномъ пароходѣ, и затѣмъ также покинули островъ»¹⁾).

Подъ непосредственнымъ высоко художественнымъ впечатлѣніемъ этого вечера ихъ всероссійскія императорскія величества оставили Берлинъ. Послѣдствіемъ было прибытіе Рашели въ Петербургъ и появленіе ея тамъ на сценѣ Михайловскаго театра, по личному приглашенію государя. Передъ отъѣздомъ его величество пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго оберъ-камергеру прусскаго двора графу Штольбергу. Предсѣдатель совѣта министровъ баронъ Мантейфель и генераль Врангель получили Александровскія ленты.

VI.

Въ Крымскую войну.

Полгода спустя по описанномъ нами праздникѣ, въ послѣдній разъ соединившемъ въ Потсдамѣ русскую и прусскую царственныя семьи, взвился занавѣсъ надъ всемірно-исторической драмой, извѣстной подъ названіемъ Крымской или, вѣрнѣе, Севастопольской войны. Незавидную, жалкую роль разыграла Пруссія въ этой драмѣ, постоянно колеблясь между двумя противными сторонами и тѣмъ навлекая на себя неудовольствіе обѣихъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ была, конечно, тяжкая болѣзнь уже зародившаяся въ Фридрихъ-Вильгельмѣ IV и вскорѣ окончательно омрачившая его разсудокъ.

У насъ принято считать за вполне доказанную истину, что въ противность Австріи, Пруссія, во все продолженіе дипломатическихъ замѣшательствъ предшествовавшихъ войнѣ, или сопровождавшихъ ее, оставалась намъ вѣрною союзницею и если и не соединилась съ нами противъ остальной Европы, то, по крайней мѣрѣ, оказывала намъ нравственную поддержку. Въ этомъ единогласно увѣряли насъ прусскіе публицисты, историки, политики, и мы повѣрили имъ на слово. Между тѣмъ, основательное ознакомленіе съ историческими документами, въ большомъ числѣ обнародованными объ этой достопамятной эпохѣ, не говоря уже о неизданныхъ архивныхъ источникахъ, приводитъ къ совершенно иному заключенію. Впрочемъ, выясненіе противорѣчія между ходячимъ мнѣніемъ и нашими собственными изслѣдованіями увлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Къ тому же насъ занимаютъ здѣсь не политическія сношенія кабинетовъ, а взаимныя отношенія государей, а потому, мы ограничимся бѣглымъ изложеніемъ личныхъ воззрѣній короля Фридриха-Вильгельма IV на русско-турецкую распрю и тѣхъ мѣропріятій, инициатива коихъ принадлежала ему самому.

¹⁾ Louis Schneider: «Am meinem Leben», II, стр. 377 и слѣд.
«истор. вѣстн.», апрѣль, 1888 г., т. xxxii.

Возбуждая вопросъ объ обезпеченіи новымъ договоромъ вѣковыхъ правъ и преимуществъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ, императоръ Николай не сомнѣвался въ содѣйствіи союзныхъ намъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Въ извѣстной бесѣдѣ своей съ сэръ Гамильтономъ Сеймуромъ, выставивъ на видъ полное единомысліе съ нимъ Австріи по Восточнымъ дѣламъ, онъ даже и не упомянулъ о Пруссіи, ибо согласіе ея разумѣлось само собою. Ожиданія эти не оправдались. Когда требованія, предъявленныя княземъ Меншиковымъ въ Константинополь, получили огласку въ европейскихъ столицахъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, высказался противъ нихъ, заявивъ англійскому послу, что, по мнѣнію его, Порты не можетъ подчиниться имъ безъ потери своей независимости¹⁾. Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, но только до извѣстной степени. Онъ находилъ, что то, въ чемъ Порты отказала Россіи, можетъ быть уступлено ею въ совокупности великихъ державъ, а именно: полное уравненіе правъ ея христіанскихъ подданныхъ съ мусульманскими подъ гарантіей Европы. Король поручалъ своему представителю въ Лондонѣ предложить англійскому правительству дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на турокъ. «Это»,—писалъ онъ ему,—«моя политика въ настоящую минуту. Я вполне честно извѣстилъ въ Петербургѣ о скромной роли, за которую берусь, присовокупивъ, что надѣюсь предупредить такимъ образомъ желанія императора: во-первыхъ, потому, что этимъ путемъ императоръ дѣйствительно достигнетъ «желаемаго договора»; во-вторыхъ, потому, что обезпеченіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ турецкой имперіи можетъ лишь благопріятно подѣйствовать на собственное его чувство какъ христіанина; въ-третьихъ, потому, что если чрезъ содѣйствіе его и прочихъ великихъ державъ состоится этотъ сенедъ, то будетъ несомнѣнно достигнута главная цѣль его: обезпеченіе Европы отъ спора изъ-за турецкаго наслѣдства²⁾. Проектъ свой король очень близко принималъ къ сердцу и черезъ нѣсколько дней развивалъ его въ другомъ письмѣ къ Бунзену въ такихъ словахъ: «Мое мнѣніе, болѣе того, мое формальное предложеніе, въ настоящую минуту уже извѣстное обоимъ императорамъ, заключается въ слѣдующей рѣчи, обращенной къ зятю Николаю: «Любезный зять! Ты вполне правъ со своей стороны, ограждая обязательнымъ способомъ наиболѣе близко стоящихъ къ тебѣ христіанъ отъ турецкаго произвола. Ты до такой степени правъ, что намъ стыдно, что ты обогналъ насъ въ этой несомнѣнной христіанской обязанности: но лучше поздно, чѣмъ никогда. Нынѣ мы пришли къ сознанію нашего христіанскаго долга и объявляемъ тебѣ нашу общую волю: то, что ты требуешь для одной секты, потребовать для всего под-

¹⁾ Лордъ Блумфельдъ лорду Кларендону, 18 (30) мая 1853 г.

²⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 22 мая (3 іюня) 1853 г.

чиненнаго полумѣсяцу христіанства. И такъ, мы знаемъ, что то, что тебѣ не удалось и чего ты (благодаря Богу и Страдфордъ) не въ состояніи достигнуть,—мы побѣдоносно осуществимъ, тѣмъ болѣе, что Порта уже выразила свою готовность въ этомъ смыслѣ. И такъ, любезный зять, тотъ сенедъ, на полученіе коего ты уже потерялъ всякую надежду, всѣ мы добьемся его, какъ для тебя, такъ и для насъ несомнѣнно. Благодаримъ же насъ и радуйся, что мы помогли тебѣ одержать побѣду»¹⁾.

Короля очень огорчилъ отказъ сентъ-джемскаго двора принять его предложеніе и онъ послѣдшилъ объявить, что въ такомъ случаѣ онъ не послѣдуетъ за Англіею, а будетъ «искать спасенія Пруссіи» въ безусловномъ нейтралитетѣ²⁾. Онъ очевидно не понималъ, что обѣ морскія державы, а также и Австрія, въ сущности весьма равнодушны къ судьбѣ восточныхъ христіанъ, но что для нихъ важно установить право вмѣшательства Европы въ отношенія Россіи къ Турціи. Когда, не смотря на нашъ протестъ, въ Вѣнѣ собралась европейская конференція, въ ней принялъ участіе и представитель Пруссіи. Извѣстна судьба выработанной этою конференціею примирительной ноты, именуемой вѣнскою. Она была принята нами, отвергнута Турціею и тогда оставлена самими ея составителями. Ясно было, что Россіи нечего ожидать справедливости отъ соединенной Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ императоръ Николай счелъ необходимымъ лично объяснить со своими ближайшими союзниками. Король прусскій не присутствовалъ при состоявшемся въ половинѣ сентября 1853 года свиданіи его въ Ольмюцѣ съ императоромъ австрійскимъ³⁾. На приглашеніе самому прибыть въ Варшаву, король отвѣчалъ сначала отказомъ, ссылаясь на опасность вызвать неудовольствіе Англіи и Франціи воскресеніемъ «призрака Священнаго Союза» и увѣряя, что при полной свободѣ дѣйствій онъ намъ будетъ болѣе полезенъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но въ послѣднюю минуту, чувство взяло верхъ надъ политическимъ расчетомъ и онъ поскакалъ въ Варшаву, гдѣ уже находились императоры русскій

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 4 (16) іюня 1853 г. Бывшій дипломатъ (баронъ А. Г. Жomini) ошибается, приписывая англійское происхожденіе проекту о подчиненіи турецкихъ христіанъ совокупному протекторату великихъ державъ. Какъ видно изъ приведенныхъ нами писемъ, инициатива его принадлежитъ не Бунзену, а самому королю. См. «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée», II, стр. 210.

²⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 16 (28) іюня 1853 г.

³⁾ Баронъ А. Г. Жomini въ своемъ изслѣдованіи о Крымской войнѣ несогласенъ самъ съ собою относительно причинъ не принятія королемъ прусскимъ участія въ Ольмюцкомъ свиданіи. На стр. 404, т. I онъ увѣряетъ, что король самъ отказался пріѣхать въ Ольмюцъ, а на стр. 217, т. II, что его туда не пригласили, чѣмъ онъ былъ крайне оскорбленъ. Къ сожалѣнію, подобныя противорѣчія часто встрѣчаются въ почтенномъ трудѣ «бывшаго дипломата».

и австрійскій. Тамъ императоръ Францъ-Іосифъ самъ предложилъ Фридриху-Вильгельму заключить съ нимъ договоръ о нейтралитетѣ, на случай войны между Россією съ одной стороны, морскими державами и Турцією—съ другой. Предложеніе это вполнѣ отвѣчало нашимъ требованіямъ, но король отклонилъ его, а государь не настаивалъ, ибо не потерялъ еще надежды на мирный исходъ. 25-го сентября (8-го октября) онъ самъ посѣтилъ своего зятя въ Берлинѣ. То было послѣднее посѣщеніе имъ прусской столицы.

Между тѣмъ, дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный оборотъ. Порта объявила намъ войну, военныя дѣйствія начались въ Княжествахъ и за Кавказомъ, турецкій флотъ былъ уничтоженъ при Синопѣ, англо-французская эскадра вошла въ Черное море. Разрывъ нашъ съ морскими державами представлялся неминуемымъ, но король вѣрилъ еще въ возможность избѣжать войну. Онъ писалъ посланнику своему въ Лондонѣ: «Я въ жизни и смерти сохраняю убѣжденіе, что политика нынѣшняго англійскаго кабинета вдохновляется истинною, справедливою, конечно, правильною мыслью, а именно, не давать Россіи приобрѣсти преобладаніе на Востокѣ, господствуя надъ турецкою имперією или поглотивъ ее. Что послѣдняго, а именно поглощенія, императоръ Николай самъ воистинну болѣе боится, чѣмъ Англія, Франція, и Австрія—это сюда не относится, тѣмъ болѣе, что Англія давно потеряла возможность правильно судить о дѣйствіяхъ единственнаго сильнаго, разсудительнаго, правдиваго и (выражаясь почеловѣчески) всемогущаго у себя дома, благороднѣйшаго мужа и характера!!! Но вотъ что должна бы признать Англія: средства къ коимъ она нынѣ прибѣгаетъ, дабы осуществить свою «правильную» мысль, прямо, естественно и необходимо ведутъ къ противоположному результату. Всякая непосредственная помощь, оказанная Англією оружіемъ, людьми и судами въ нехристіанской глупости Исламу противъ христіанъ, не будетъ имѣть (независимо отъ Божьей кары и суда [слушайте! слушайте!]) иного успѣха, какъ лишь нѣсколько позднѣйшій переходъ нынѣшнихъ турецкихъ земель подъ русское господство»¹⁾.

Пока король изливалъ такимъ образомъ свои чувства, правительство его готовилось прямо перейти на сторону враговъ нашихъ. Большинство прусскихъ государственныхъ людей, находившихся въ то время у власти, было противъ насъ. Во главѣ ихъ стоялъ никто иной, какъ принцъ прусскій, наслѣдникъ престола²⁾. Ярымъ

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 8-го (20) ноября 1853 года.

²⁾ Принцъ самъ сознался въ этомъ послѣ войны въ откровенной бесѣдѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, занимавшимъ тогда постъ нашего посла въ Парижѣ. См. «Etude diplomatique» II, стр. 211.

нашимъ противникомъ былъ покровительствуемый имъ военный министръ генераль Бонинъ. Вялаго и безцвѣтнаго Мантейфеля увлекать на путь враждебныхъ намъ мѣръ пылкій графъ Пурталесъ, по отозваніи изъ Константинополя занявшій важную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Въ довершеніе всего дѣятельно интриговалъ противъ насъ въ Лондонѣ прусскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ Бунзенъ. О настроеніи послѣдняго мы имѣемъ свидѣтельство самого короля, писавшаго о немъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя королевѣ Викторіи: «Нашъ добрый Бунзенъ совсѣмъ съ ума сошелъ, изъ-за ненависти своей къ Николаю и моего миролюбія; онъ формально и торжественно отказалъ въ повиновеніи, и хотѣлъ доставить мнѣ хорошій бакчишъ за войну»¹⁾. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ прусскій уполномоченный на вѣнской конференціи приложилъ свою подпись къ протоколу ея, коимъ цѣлость и независимость Турціи провозглашались «необходимымъ условіемъ равновѣсія Европы»²⁾.

Но въ Берлинѣ пошли еще далѣе, замысливъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для возвращенія къ той самой политикѣ, отъ которой Пруссія вынуждена была отречься въ Ольмюцѣ, за три года передъ тѣмъ: рѣшились на новую попытку достигнуть преобладающаго положенія въ Германіи. Такова была цѣль, изложенная въ составленной графомъ Пурталесомъ и одобренной королемъ запискѣ. Средствомъ долженъ былъ служить тѣсный союзъ съ Англіею. Пурталесъ исходилъ изъ предположенія, что въ предстоящемъ столкновеніи морскихъ державъ съ Россіею, Австрія приметъ сторону послѣдней. Тогда Пруссіи необходимо будетъ соединиться съ Англіею и Франціею, на слѣдующихъ условіяхъ: морскія державы гарантируютъ территоріальную цѣлость Германіи и обяжутся не вводить въ нѣмецкія земли французской арміи, а также предоставлять Пруссіи полную свободу преобразовать германскій союзъ въ союзное государство подъ своимъ главенствомъ. Не смотря на поддержку принца Альберта и расположенной имъ въ пользу прусскаго предложенія королевы, оно было отвергнуто англійскими министрами несравненно болѣе дорожившими союзомъ Австріи, чѣмъ Пруссіи³⁾.

Отказъ этотъ былъ уже извѣстенъ королю, когда, одновременно съ отправленіемъ графа А. Ѳ. Орлова въ Вѣну, посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ баронъ Будбергъ вручилъ ему собственноручное письмо государя съ приглашеніемъ подписать съ нами и съ

¹⁾ Этотъ отрывокъ изъ письма Фридриха-Вильгельма IV къ королевѣ Викторіи приведенъ у Гефкена въ его книгѣ: «Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856», стр. 92.

²⁾ Протоколъ вѣнской конференціи, 23-го ноября (5 декабря) 1853 года.

³⁾ О миссіи Пурталеса въ Лондонъ см. донесенія Бунзена, отъ 17-го (29) и 19-го (31) декабря 1853 г. въ «Bunsen's Leben», III, стр. 318—324.

Австрією протоколъ о нейтральности, на время войны между Россією и морскими державами. Императоръ Николай взывалъ къ чувствамъ своихъ союзниковъ, къ общности ихъ политическихъ началъ и интересовъ, къ воспоминаніямъ о великихъ подвигахъ, совершенныхъ ихъ арміями совместно съ нашею въ эпоху войнъ за освобожденіе Европы. Онъ не требовалъ отъ нихъ вооруженной помощи въ предстоящей борьбѣ и вполне довольствовался ихъ нейтралитетомъ, подъ условіемъ, чтобы таковой не былъ «ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся», а истекалъ изъ положительнаго обязательства. Въ случаѣ, если бы рѣшеніе это вовлекло Австрію и Пруссію въ войну съ Англією и Францією, государь обязывался защищать ихъ всѣми своими силами, а также не заключать мира безъ предварительнаго соглашенія съ ними ¹⁾.

Уже министръ Мантейфель объявилъ нашему посланнику, что предложенный нами протоколъ бесполезенъ и можетъ только раздражить Англію и Францію. Король привелъ другую причину отказа. Онъ признался, что обѣщалъ Англіи не вступать ни въ какія обязательства, если та поручится ему за цѣлость владѣній Германскаго Союза, предупредивъ ее въ то же время, что не дастъ вовлечь себя и въ союзъ противъ Россіи. Послѣднюю случайность король прямо назвалъ низостью (*infamie*). Напрасно баронъ Будбергъ убѣждалъ его, что цѣль нашего предложенія и состоитъ именно въ обезпеченіи Пруссіи и Австріи возможности поддержать свой нейтралитетъ. Король остался непреклоненъ. Въ официальной депешѣ, Мантейфель мотивировалъ отказъ соображеніемъ, что Пруссія какъ участница вѣнской конференціи, не можетъ отдѣлиться отъ прочихъ державъ, входящихъ въ составъ ея, будучи связана съ ними общими рѣшеніями ²⁾.

Въ томъ же смыслѣ высказался король и въ отвѣтномъ письмѣ къ императору Николаю. «Нейтралитетъ мой»,—писалъ онъ,—«будетъ ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся, а державнымъ!» Переписку свою съ зятемъ онъ сообщилъ австрійскому императору, также отклонившему русскія предложенія, заявленныя графомъ Орловымъ. Король выразилъ при этомъ «своему императорскому племяннику» надежду, что между Пруссією и Австрією установится полное соглашеніе, «но безъ договора, ибо нѣмецкая союзная вѣрность и общіе интересы и опасности достаточно обязательно предписываютъ намъ путь, по коему мы должны слѣдовать». Въ то же время онъ извѣщалъ своего представителя въ Лондонѣ, что бу-

¹⁾ Собственноручныя письма императора Николая къ императору Францу-Иосифу и королю Фридриху-Вильгельму, проектъ протокола и объяснительная депеша графа Нессельроде баронамъ Мейендорфу и Будбергу.

²⁾ Баронъ Мантейфель генералу Рохову 19-го (31) января 1854 г. Ср. также «Etude diplomatique», II, стр. 225—230.

детъ строго соблюдать свой «державный нейтралитетъ, и стараться ударить того, кто его за то захотѣлъ бы ударить». «Квинтъ-эссенцію» своего отношенія къ Англіи онъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «Я требую, въ видѣ платы за мой истинный и самостоятельный нейтралитетъ, за услугу оказанную имъ Англіи въ ея несчастномъ разрывѣ съ Россіею и христіанскими преданіями: ручательства за настоящее распредѣленіе владѣній въ Европѣ, за неприкосновенность территоріи Германскаго Союза и святое обѣщаніе—это уже было совершенно неожиданно и явно обличало ненормальность умственнаго состоянія Фридриха-Вильгельма—послѣ мира, имъ и чрезъ него, вновь доставить мнѣ, безъ всякихъ условій, мой вѣрный Невшатель. Если же во время или посредствомъ кровосмѣшенія Англіи съ Франціей на меня будетъ произведено нападеніе; если онѣ выпустятъ на волю революцію въ качествѣ своей союзницы, то я соединюсь съ Россіею не на животь, а на смерть. Я знаю, что дѣлаю, въ чемъ состоитъ мой долгъ»¹⁾.

Между тѣмъ, въ Лондонѣ рѣчь шла вовсе не о Невшателѣ, а о томъ, какъ бы не пропустить случая силами европейской коалиціи не только лишить Россію преобладающаго положенія, занимаемаго ею на Востокѣ, но, вообще, ее ослабить, унижить, отнявъ у нея всѣ завоеванія, совершенныя ею со временъ Петра Великаго. Мысли эти англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, открыто высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ²⁾. Три дня спустя Англія и Франція послали намъ свой ультиматумъ съ требованіемъ немедленнаго очищенія Дунайскихъ Княжествъ³⁾. Въ случаѣ нашего отказа подчиниться ему, противъ насъ воздвигалась грозная коалиція, состоявшая изъ всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ. Испуганная заискиваніями Пруссіей англійскаго союза, Австрія объявила о готовности своей дѣйствовать заодно съ дворами лондонскимъ и парижемскимъ. Цѣли коалиціи съ необыкновенною откровенностью изложилъ Бунзенъ въ довѣрительной запискѣ представленной имъ королю. Изъ нея мы узнаемъ, что рѣшено было поднять на насъ всю Европу и подѣлить наши окраины между нашими сосѣдями, заключивъ Россію въ ея «естественныя» границы. Такъ, предполагалось отдать Финляндію и Аландскіе острова Швеціи; Крымъ, Бессарабію и весь Новороссійскій край, а также Дунайскія Княжества—Австріи, которая за это переуступитъ Ломбардію Сардиніи и откажется отъ Галиціи. Последнее необходимо-де для полнаго возстановленія Польши въ гра-

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 28-го января (9 февраля) а не января какъ у Ранке «Briefwechsel Fr. W. IV mit Bunsen», стр. 206) 1854 года.

²⁾ Рѣчь лорда Кларендона въ палатѣ лордовъ, 12-го (24) февраля 1854 года.

³⁾ Лордъ Кларендонъ и Друэнъ де Льюисъ графу Нессельроде, 15-го (27) февраля 1854 года.

ницахъ 1772 года, съ предоставленіемъ польскаго престола саксонской династіи, при чемъ, разумѣется, Саксонія должна была отойти къ Пруссіи, которая сверхъ того получала отъ Австріи Моравію и австрійскую Силезію, и становилась во главѣ Германіи, обращенной подъ ея властью въ «союзное государство». Убѣждая короля согласиться на этотъ планъ, Бунзенъ писалъ ему: «Отъ того, будете ли ваше величество, или не будете дѣйствовать въ настоящую минуту, зависитъ оцѣнка вапа въ исторіи, счастье и слава вапего правленія въ будущемъ, и положеніе вапего престола и монархіи»¹⁾.

Одновременно былъ представленъ на утвержденіе короля и выработанный вѣнскою конференціею проектъ договора между Австріею, Англіею, Франціею и Пруссіею. Цѣлью ихъ союза объявлялось возстановленіе мира между Россіею и Турціею на условіяхъ совмѣстныхъ съ общими интересами Европы и согласованныхъ съ выраженнымъ султаномъ намѣреніемъ соблюдать религіозныя и гражданскія права своихъ христіанскихъ подданныхъ. Принципъ территоріальной цѣлости Оттоманской имперіи провозглашался *conditio sine qua non* будущаго мира и основою союза четырехъ державъ, которыя обязывались условиться о наиболѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ для очищенія отъ русскихъ войскъ турецкихъ областей, занятыхъ послѣдними. Договоръ 1841 года о проливахъ подлежалъ бы пересмотру съ тѣмъ, чтобы связать существованіе Порты съ общимъ равновѣсіемъ Европы. Конференція изъ уполномоченныхъ союзныхъ дворовъ имѣла заняться изысканіемъ и обсужденіемъ наиболѣе пригодныхъ средствъ для достиженія ихъ цѣлей. Наконецъ договаривающіяся стороны обѣщали не вступать съ русскимъ дворомъ въ переговоры и соглашеніе иначе, какъ сообща²⁾.

Договоръ этотъ призванъ былъ узаконить коалицію четырехъ великихъ державъ противъ Россіи. По требованію прусскаго посланника, англійскій совѣтъ министровъ рѣшилъ, что какъ только состоится подписаніе договора, первымъ дѣломъ четырехъ уполномоченныхъ будетъ гласно заявить, что цѣль войны состоитъ въ уничтоженіи преобладанія Россіи, а также что вся Европа солидарна съ интересомъ Пруссіи имѣть обезпеченную съ сѣвера и съ востока границу³⁾.

¹⁾ Письмо Бунзена къ королю и секретный меморандумъ, оба отъ 17-го февраля (1 марта) 1854 г. Замѣчательно, что въ «Bunsen's Leben» меморандумъ напечатанъ не вполнѣ, а именно пропущено все, что относится къ возстановленію Польши и присоединенію Саксоніи и австрійскихъ областей къ Пруссіи, а также къ предоставленію послѣдней главенства въ Германіи. (III, стр. 337—344). Возстановленіемъ этого пробѣла мы обязаны Морицу Бушу, обнаружившему пропущенныя мѣста въ книгѣ своей: «Unser Reichskanzler», II, стр. 204—подстрочное примѣчаніе.

²⁾ Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ графъ Тунъ барону Мантейфелю, 16-го (28) февраля 1854 года.

³⁾ Телеграмма барона Бунзена барону Мантейфелю, 20-го февраля (4 марта) 1854 года.

Вопросъ о предложенномъ Австріею договорѣ обсуждался на совѣтѣ, созванномъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ 20-го февраля (4-го марта) 1854 года. Большинство присутствовавшихъ склонялось въ пользу его, въ особенности принцъ прускій и министр иностранныхъ дѣлъ, и военный. Но совѣсть заговорила въ королѣ. Онъ понялъ, что приступленіе его къ коалиціи было бы поступкомъ безчестнымъ по отношенію къ Россіи, которой Пруссія столько разъ была обязана своимъ существованіемъ, и наотрѣзъ отказался принять договоръ. Принцъ Вильгельмъ попытался повліять на него, указавъ въ письмѣ на опасность, которая проистечетъ для Пруссіи отъ одинокаго положенія въ Европѣ, отъ «затмѣнія» ея политики. Король отвѣчалъ ему, также письменно: «Вотъ признаніе, одно, разъ навсегда. Великая держава отличается отъ Бюкебурга и Лихтенштейна тѣмъ, что она самостоятельна, а не увлекается теченіемъ. Послѣдняя случайность можетъ, смотря по обстоятельствамъ, основываться и на весьма здоровой политикѣ. Но нежеланіе плыть по теченію, называть «затмѣніемъ», это ужъ чересчуръ сильно. Австрію справедливо упрекають въ отсутствіи самостоятельности по отношенію къ морскимъ державамъ. Я ставлю ей въ упрекъ слѣпоту, что съ 700,000 человекъ она не держитъ себя твердо и рѣшительно. При извѣстныхъ условіяхъ, я согласенъ участвовать въ требованіи (объ очищеніи княжествъ), если будетъ потребована взаимность и отъ западныхъ державъ; не то, оно становится насмѣшкою, на которую я, на мѣстѣ Николая, отвѣчалъ бы пушечными выстрѣлами. Все по чести, любезный Вильгельмъ»¹⁾.

Соотвѣтственно принятому королемъ рѣшенію, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ распоряженій. Графъ Пурталесъ удаленъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Бузенъ отозванъ изъ Лондона, даже военный министр, генералъ Бонинъ, уволенъ въ отставку. «Время дипломатовъ прошло», сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, «теперь пора королямъ исполнить свой долгъ». Онъ немедленно отправилъ чрезвычайныхъ посланцевъ проповѣдовать необходимость примиренія: принца Гогенцоллерна въ Парижъ, генерала фонъ-деръ-Гребена въ Лондонъ, полковника Мантейфеля въ Вѣну, генерала Линдгейма въ Петербургъ. Въ собственноручномъ письмѣ онъ писалъ королевѣ Викторіи: «Война будетъ нынѣ въ полномъ смыслѣ слова войною тенденціозною. Хотятъ сломить преобладаніе Россіи! Прекрасно! Но я, сосѣдъ ея, никогда не испыталъ этого преобладанія и никогда ему не подчинялся. А Англія, по истинѣ, испытала его еще менѣе меня. Война эта подвергнетъ опасности равновѣсіе Европы, ибо величайшія державы въ мірѣ будутъ ослаблены ею. Но прежде всего позвольте мнѣ спросить: «Божественный законъ оправдыва-

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV принцу прусскому, 21-го февраля (5-го марта) 1854 года.

еть ли тенденціозную войну?» Послѣднее соображеніе побуждаетъ пишущаго умолять ваше величество, ради Князя Мира, не отвергать русскихъ предложеній... Прикажите изслѣдовать ихъ отъ начала до конца, и вы увидите, что внушены они желаніемъ мира. Пусть то, что можетъ быть принято, отдѣлять отъ того, что возбуждаетъ сомнѣніе и начните переговоры на этомъ основаніи. Я знаю, что русскій императоръ страстно желаетъ мира. Пусть ваше величество проложить мостъ для принципа всей его жизни — его императорской чести! Онъ перейдетъ черезъ него, хвала и слава Бога. Я ручаюсь за это. Въ заключеніе, ваше величество, позвольте мнѣ сказать одно слово за Пруссію и за меня самого? Я рѣшился остаться въ положеніи полнаго нейтралитета, и къ сему я присовокупляю съ гордымъ одушевленіемъ, народъ мой пребываетъ въ единомысліи со мною. Онъ требуетъ отъ меня безусловнаго нейтралитета. Онъ говоритъ (и я говорю): какое намъ дѣло до турокъ?.. Пострадали турки, а не мы, но у турокъ множество добрыхъ друзей, а императоръ благородный человекъ и не сдѣлалъ намъ никакого зла»¹⁾. Краснорѣчивыя убѣжденія короля, разумѣется, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 16-го (28-го) марта состоялось объявленіе намъ войны морскими державами, а 28-го марта (9-го апрѣля) уполномоченные вѣнской конференціи, въ числѣ ихъ и прусскій представитель, подписали протоколъ, почти слово въ слово повторявшій условія того самаго договора, который Фридрихъ-Вильгельмъ IV такъ торжественно отказался утвердить всего только за мѣсяць передъ тѣмъ.

Мы бы увлеклись слишкомъ далеко за предѣлы, намѣченные нашему очерку, еслибъ стали излагать въ подробности дальнѣйшій ходъ политики берлинскаго двора въ Восточномъ вопросѣ. Достаточно напомнить, что съ одной стороны онъ заключилъ съ Австріею оборонительный и наступательный договоръ, коимъ обязался всѣми силами своими защищать Австрійскія владѣнія отъ нападенія Россіи; съ другой — поддерживалъ въ Петербургѣ всѣ предъявленные намъ требованія Австріи, съ цѣлью побудить насъ къ уступкамъ, тотчасъ же вызывавшимъ новыя, все болѣе и болѣе унижительныя для насъ требованія нашихъ противниковъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, согласія нашего сначала на выводъ русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ Княжествъ, затѣмъ на принятіе извѣстныхъ четырехъ статей за основаніе мирныхъ переговоровъ, прусское правительство, вслѣдъ за тѣмъ, не поколебалось подписать дополнительную статью къ своему договору съ Австріею, коею обѣщало считать за *casus foederis* нападеніе наше на австрійскія войска не только въ предѣ-

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV королевѣ Викторіи, 25-го февраля (9-го марта) 1854 года.

лахъ Австріи, но и на территоріи Дунайскихъ Княжествъ. Эта новая уступка вѣнскому двору была объяснена намъ берлинскимъ кабинетомъ необходимостью удержать Австрію отъ сближенія съ Англіею и Франціею. Но шесть дней спустя, вѣнскій дворъ подписалъ съ обѣими морскими державами, даже не предупредивъ о томъ Пруссію, трактатъ, обязывавшій его принять въ союзъ съ ними участіе въ войнѣ противъ Россіи, если въ продолженіе 1854 года не будетъ заключенъ всеобщій миръ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ въ негодованіе отъ такого вѣроломства Австріи и отказался приступить къ сообщенному ему договору ея съ Англіею и Франціею. Отвѣтомъ Австріи и ея новыхъ союзницъ было исключеніе Пруссіи изъ конференціи, имѣвшей собраться въ Вѣнѣ для переговоровъ о мирѣ. Король не устоялъ противъ этого новаго удара, нанесеннаго его самолюбію. Онъ рѣшился, минуя Австрію, вступить въ непосредственные переговоры съ дворами лондонскимъ и парижскимъ, съ цѣлью заключить съ ними самостоятельный, «аналогическій» трактатъ, т. е. подобный тому обязательству, которое связывало ихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Проектъ такого трактата былъ составленъ графомъ Узедомомъ, одобренъ и утвержденъ королемъ. За допущеніе свое въ среду вѣнской конференціи, Пруссія выражала готовность, въ случаѣ отказа Россіи подчиниться условленному сообщая четыремъ основаніямъ мира, принудить ее къ тому силою, вмѣстѣ съ своими союзниками, другими словами, принять участіе въ войнѣ противъ нея. Забыты были положительныя увѣренія, данныя намъ и словесно, и письменно въ томъ, что Пруссія никогда не подниметъ на насъ оружія, забыты послѣ того, какъ мы удовлетворили всѣмъ ея желаніямъ, разсѣяли всѣ опасенія, дали всѣ потребованныя отъ насъ ручательства.

Для веденія переговоровъ по этому предмету посланы были: въ Лондонъ графъ Узедомъ, въ Парижъ генераль Веделъ. Отъ насъ, разумѣется, скрыли сущность возложенныхъ на нихъ порученій, предупредивъ, что первый имѣетъ условиться съ Англіею объ обезпеченіи протестантскихъ интересовъ, которымъ-де угрожаетъ сближеніе двухъ великихъ католическихъ державъ, второму же приказано убѣдить французское правительство не вводить своихъ войскъ въ Германію и не возстановлять Польшу! Такъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ императорскому кабинету посланникъ нашъ въ Берлинѣ. Переговоры уже были въ полномъ ходу, когда разнеслась по Европѣ неожиданная вѣсть о кончинѣ русскаго императора.

Въ послѣдній годъ жизни императора Николая, отношенія его къ королю Фридриху-Вильгельму, пострадавшія было вслѣдствіе отказа послѣдняго подписать предложенный нами протоколъ о нейтралитетѣ, снова улучшились послѣ отверженія имъ договора, опол-

чавшаго на насъ всѣ великія державы, и перемѣнъ, произведенныхъ въ личномъ составѣ прусской дипломатіи. Государь былъ благодаренъ зятю за сочувствіе, выражаемое имъ на словахъ или на письмѣ, если не на дѣлѣ. Онъ вѣрилъ его обѣщанію: никогда не соединяться съ морскими державами противъ Россіи, и великодушную рѣшимость эту цѣнили тѣмъ болѣе, что она, повидимому, ярко контрастствовала съ коварнымъ и предательскимъ поведеніемъ облагодѣтельствованной нами Австріи. Вотъ почему на смертномъ одрѣ своемъ, ничего не подозрѣвая о новой измѣнѣ Пруссіи, онъ съ признательностью вспомнилъ о королѣ. За нѣсколько минутъ до кончины, онъ промолвилъ, обращаясь къ императрицѣ: «Скажи Фрицу, чтобы онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи и не забывалъ послѣднихъ словъ папа!»

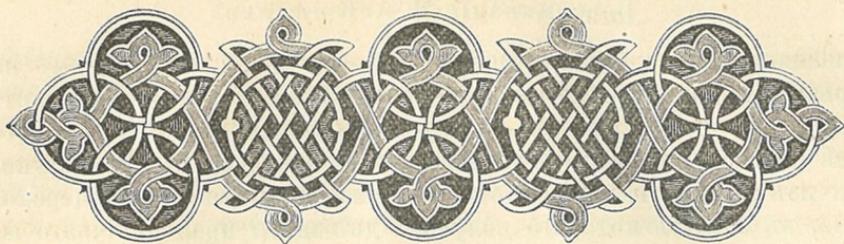
Болѣзненно долженъ былъ откликнуться этотъ замогильный привѣтъ въ душѣ Фридриха-Вильгельма. Король не могъ не сознавать себя кругомъ виноватымъ предъ почившимъ зятемъ и другомъ. Совѣсть свою онъ искалъ успокоить слѣдующимъ отзывомъ о немъ въ письмѣ къ бывшему своему совѣтнику и любимцу Бунзену:

«Вы и не подозрѣвали, дорогой другъ, что, быть можетъ, въ ту самую минуту, когда вы мнѣ писали, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одно изъ прекраснѣйшихъ явленій въ исторіи, одно изъ вѣрнѣйшихъ сердець и, въ то же время, одинъ изъ величественныхъ государей этого убогаго міра былъ отозванъ отъ вѣры къ созерцанію. Я на колѣняхъ благодарю Бога, что онъ сподобилъ меня при извѣстии о смерти императора Николая испытать глубокое огорченіе, что онъ меня сподобилъ быть его другомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и таковымъ остаться въ вѣрности. Вы, любезный Бунзенъ, иначе помышляли о немъ и нынѣ съ трудомъ признаетесь въ томъ предъ собственною совѣстью. Всего же труднѣе будетъ вамъ признаться въ истинѣ (которую, къ сожалѣнію, всѣ ваши письма за послѣднее тяжелое время высказывали мнѣ слишкомъ рѣзко), что вы его ненавидѣли! Вы ненавидѣли его не какъ человѣка, ибо въ этомъ качествѣ онъ былъ вамъ совершенно безразличенъ, но какъ представителя принципа дѣянія силы. Когда вы, однажды (подобно ему), будете спасены простою вѣрою въ кровь Христову и встрѣтите его въ жилищѣ вѣчнаго міра, то вспомните о томъ, что я вамъ пишу сегодня: вы будете просить у него прощенія. Пусть еще здѣсь на землѣ, любимый другъ, выпадетъ вамъ на долю блаженство раскаянія!»¹⁾

Прочувствованные эти строки могъ начертать только человѣкъ, самъ искавшій въ раскаяніи — утѣшенія!

С. Татищевъ.

¹⁾ Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 20-го февраля (4-го марта) 1855 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. КРЕТЧМЕРА ¹⁾

V.

Назначеніе меня капральнымъ ефрейторомъ.—Переводъ меня во вторую роту.—Фельдфебель второй роты Иванъ Антоновичъ Комаровъ.—Его вліяніе на меня.—Мое капральство.—Инспекторскій смотръ.—Ординарцы и вѣстовые.—Забавный случай.—Добрый инспекторъ.—Смотръ генерала Клейнмихеля.—Его послѣдствія.—Уничтоженіе кантонистами овражковъ.—Кантонистъ Филенко и дрессированный имъ овражка.—Мое заступничество за Филенку.—Гибельный для меня результатъ заступничества.—Жестокая расправа надо мной.—Пребываніе въ больницѣ.—Штабъ-лѣкарь.—Прощаніе съ Ив. Ант. Комаровымъ.—Переводъ меня въ первую роту.

В РОПУСКАЮ слишкомъ годъ, въ теченіе котораго не произошло ничего особеннаго, за исключеніемъ развѣ того, что я прямо изъ «учебныхъ» попалъ въ капральные ефрейторы; «учебными» назывались тѣ, которые учили другихъ, послѣ чего поступали въ десяточные ефрейторы, и не ранѣе какъ черезъ годъ производились въ капральные; а я сдѣлалъ шагъ не бывалый; причина тому, могу сказать по совѣсти, была та, что я выдѣлялся изъ среды товарищей во всѣхъ отношеніяхъ и, сравнительно съ другими, былъ развитъ не по лѣтамъ своимъ.

Теперь продолжаю мой рассказъ съ того времени, когда я былъ переведенъ уже во вторую роту и съ меня, въ видѣ исключенія, не только не спорили двухъ нашивокъ съ погоновъ, а, напротивъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 631.

прибавили еще третью, означавшую, что я числюсь однимъ изъ первыхъ и достойнѣйшихъ; хотя нашивки ни на волосъ не гарантировали отъ розогъ, но все-таки давали большой почетъ. Въ этой ротѣ былъ фельдфебель, не задолго до моего перевода въ нее поступившій изъ гвардіи и шевронистъ, т. е. отказавшійся отъ офицерскаго чина, въ замѣнъ котораго получалъ двѣ трети прапорщичьяго жалованья, имѣлъ на тесакѣ серебрянный темлякъ и на лѣвомъ рукавѣ серебряную нашивку, что избавляло его отъ тѣлеснаго наказанія. Этотъ фельдфебель, Иванъ Антоновичъ Комаровъ, вель себя совершенно не такъ, какъ вели себя другіе фельдфебели и унтеръ-офицеры. Онъ ни съ кѣмъ не znalся, все свободное время посвящалъ чтенію Евангелія и Библии, водки совсѣмъ не пилъ, съ кантонистами обращался, какъ съ дѣтьми своими. Меня онъ любилъ больше всѣхъ, началъ зазывать къ себѣ въ комнату, поилъ чаемъ и постоянно кормилъ чѣмъ-нибудь сытнымъ, затѣмъ давалъ мнѣ читать Евангеліе и чего я не понималъ, то объяснялъ мнѣ толково. Я къ нему привязался всею моею юношеской душой, и онъ мнѣ платилъ тѣмъ же. Изъ привязанности ли ко мнѣ или, быть можетъ, оттого, что ему не съ кѣмъ было отводить душу, онъ рассказывалъ мнѣ такія вещи, подъ секретомъ, какихъ бы мнѣ тогда вовсе не слѣдовало знать; напимѣръ, онъ доказывалъ, что офицеры нашего баталіона, не офицеры, а чортъ знаетъ что, набитые дураки и кровопійцы, а есть настоящіе офицеры, только въ гвардіи; всѣ тамъ люди умные, солдатъ не сѣкутъ, а, напротивъ, жалѣютъ, и стараются, если можно скрыть ихъ провинности; а наши, что за офицеры? Колбасники проклятые, нѣмчура! И дѣйствительно, большая половина нашихъ офицеровъ были нѣмцы, отличавшіеся жестокостью и тупоуміемъ; остальные офицеры были хотя и православные, но большею частью изъ фельдфебелей, которые, конечно, мало превосходили нѣмцевъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ. Я и прежде не былъ высокаго мнѣнія объ офицерахъ нашего баталіона, а когда Иванъ Антоновичъ началъ выставлять мнѣ ихъ пороки, о которыхъ я не зналъ, то подобно ему и я началъ презирать ихъ (конечно, въ душѣ). Много добрыхъ совѣтовъ и наставленій выслушалъ я отъ Ивана Антоновича; больше же всего онъ внушалъ мнѣ, что когда я буду офицеромъ, то чтобы не сѣкъ солдатъ, при чемъ приводилъ слова Спасителя, сказанные имъ, что должно прощать 777 разъ; хвалилъ меня за то, что я горою стоялъ всегда за свое капральство и говорилъ: «Ты думаешь, что я не вижу, что ты всѣми правдами и не правдами защищаешь свое капральство, я все вижу и за это то я тебя такъ сильно полюбилъ, да и капральство твое всегда въ примѣръ ставятъ». И, дѣйствительно, мое капральство было примѣрное. Любили меня всѣ безъ исключенія, не какъ начальника, а какъ друга, и при этомъ уважали, хотя я этого не требовалъ.

Слѣдовательно, не только въ настоящее время, но и полвѣка тому назадъ, легко можно было обходиться безъ розогъ, и результаты выходили бы гораздо лучше.

Каждое лѣто, во время лагерей, бывали у насъ инспекторскіе смотры, но кромѣ Клейнмихеля, бывшаго впоследствии министромъ путей сообщенія, не припомню фамилій другихъ генераловъ, приѣзжихъ для смотра, хотя къ каждому изъ нихъ я постоянно назначался на ординарцы. Если Клейнмихель уцѣлѣлъ въ моей памяти, то по особенному случаю, о которомъ сейчасъ скажу, но прежде нѣсколько словъ объ ординарцахъ и вѣстовыхъ. Въ ординарцы и вѣстовые отъ каждой роты выбирались самые расторопные, красивые и стройные кантонисты. За двѣ недѣли до смотра, насъ отдѣляли отъ ротъ подъ команду особеннаго офицера, считавшагося докой въ шагистикѣ, кормили насъ точно на убой, борщъ съ говядиной и каша гречневая съ масломъ давались вволю, и при томъ насъ не торопили ѣсть; куртки и панталоны для насъ шились изъ особеннаго сукна, сапоги выростковые, такъ что въ общемъ мы представляли красивыхъ молодежь, въ особенности послѣ двухъ недѣльной кормешки. Въ первый разъ я являлся на ординарцы, когда еще былъ въ третьей ротѣ. Фамиліи генерала не помню, но помню его наружность и то, что онъ былъ предобрѣйшій человекъ. Почему-то вышло такъ, что онъ ускорилъ свой приѣздъ къ намъ на два дня раньше; мы только-что отлично пообедали, какъ закричали: «ординарцы, живо умываться и одѣваться». Когда мы были готовы и осмотрѣны, насъ усадили въ два нѣмецкихъ шарабана и почти въ карьеръ помчали къ дому губернатора, гдѣ остановился приѣзжій генераль. Насъ ввели въ большую комнату, вѣроятно, залъ, гдѣ уже находилась вся губернская знать въ полной парадной формѣ. Настала наша очередь представляться. Все шло хорошо; я подошелъ бойко (хотя въ первый разъ являлся ординарцемъ) от-рапортовалъ, получилъ отъ генерала «молодецъ» — гаркнулъ «радъ стараться ваше превосходительство» и отошелъ въ сторону ординарцевъ, уже являвшихся. Въ это время началъ подходить къ моей парѣ вѣстовой и, сдѣлавъ послѣдній шагъ лѣвою ногою, а правую пристукнувъ къ ней, внезапно совершилъ вмѣстѣ съ этимъ еще одинъ темпъ, вовсе не полагавшійся по военнымъ артикуламъ, и при томъ такъ громко, что даже эхо раздалось по залѣ. Онъ растерялся и не рапортуетъ. Генераль, безъ сомнѣнія, чтобы его ободрить, сказалъ: «Ты это, братецъ, вѣроятно, отъ большого усердія?» — «Точно такъ ваше превосходительство». Занявшись ординарцами, генераль не могъ замѣтить, какъ сзади его изъ другихъ комнатъ вошли нѣсколько дамъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на ординарцевъ первой роты, которые были въ полномъ смыслѣ красавцы и не моложе 18 лѣтъ. Когда Рапковъ (фамилія вѣстового) удралъ такую штуку, всѣ дамы бросились бѣжать изъ залы,

Въ это время генераль обернулся и, увидавъ бѣгущихъ дамъ, сконфузился, потому что былъ далеко не старъ; онъ не сталъ принимать другихъ ординарцевъ и всѣхъ насъ распустилъ. Въ обратный путь насъ уже не везли, а шли мы пѣшкомъ вмѣстѣ съ нашими ротными командирами, которые всю дорогу ахали о такомъ выходящемъ изъ ряду вонъ случаѣ; въ особенности горевалъ нашъ ротный командиръ и всю дорогу твердилъ: «я тебѣ, Рапковъ, задамъ перцу»; но не доходя еще до лагеря, насъ нагналъ на дрожжахъ адъютантъ генерала, остановилъ, далъ всѣмъ, не исключая и Рапкова, отъ имени генерала, по 80 коп. ассиг. и, обратившись къ ротнымъ командирамъ, сказалъ: «генераль приказалъ мнѣ передать вамъ и баталіонному командиру, чтобы того кантониста, съ которымъ произошелъ случай, отнюдь не наказывать, потому что это можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ». На другой день генераль смотрѣлъ нашъ баталіонъ, остался очень доволенъ и до того насъ всѣхъ хвалилъ и благодарилъ, что мы даже удивлялись его добротѣ, потому что другіе генералы при смотрахъ, хотя и благодарили, но въ концѣ всегда приказывали сѣчь насъ побольше.

Объ остальныхъ смотрахъ я не буду говорить, потому что они ничѣмъ не разнились одинъ отъ другого, а перейду къ смотру Клейнмихеля. Въ 1835 г. получается приказъ, что инспекторскій смотръ будетъ производить генераль Клейнмихель, который въ то время завѣдывалъ всѣми низшими военными учебными заведеніями. При такомъ извѣстіи, на всѣхъ насъ, въ особенности на нашихъ начальниковъ, напалъ страхъ. Хотя никто никогда въ глаза не видѣлъ Клейнмихеля, но о немъ такъ много ходило разказовъ не въ его пользу, что каждый, самъ не зная чего, трусилъ. Насъ принялись муштровать съ исключительнымъ рвеніемъ, отдыха не было и одного часа; муштра кончится, берутся за артикулы, а этихъ артикуловъ было чортъ знаетъ сколько; при томъ нужно было знать не только имя, отчество, фамилію, чинъ, всѣхъ командующихъ войсками, но даже кто изъ нихъ и какіе имѣлъ ордена. Къ чему намъ это было знать, про то Аллахъ вѣдаетъ, а сколько порки было, если кто ошибался!

Какъ на зло Клейнмихель долго не ѣхалъ. Назначенный срокъ давно уже прошелъ, а его все нѣтъ. Наконецъ, въ одну прекрасную ночь онъ пріѣхалъ; насъ, то есть ординарцевъ, не принялъ, и на другой же день началъ смотръ. Противъ всякихъ ожиданій, онъ остался всѣмъ доволенъ. Въ заключеніе, какъ и послѣ каждаго смотра, были вызваны впередъ мы, то есть дворяне и оберъ-офицерскіе дѣти. Мы полагали, что его превосходительство начнетъ насъ экзаменовать изъ военныхъ артикуловъ, какъ это дѣлали другіе генералы при смотрахъ; но ошиблись. Клейнмихель не спросилъ ни одного артикула, а началъ спрашивать, кто были наши отцы, какіе они имѣли чины? Спросъ этотъ начался съ праваго фланга,

съ потомственныхъ дворянъ, и намъ, стоявшимъ по росту къ лѣвому флангу, не слышно было о чемъ шла рѣчь; мы удивлялись, почему тамъ выкрикиваютъ: «радъ стараться, ваше превосходительство!» Наконецъ, Клейнмихель сталъ приближаться къ намъ, и мы уже ясно могли слышать:

— Кто твой отецъ?

— Подполковникъ азовскаго пѣхотнаго полка.

— Живъ?

— Никакъ нѣтъ, давно умеръ.

— Хорошо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— А твой кто былъ отецъ?

— Полковникъ и командиръ перваго баталіона великолуцкаго пѣхотнаго полка.

— Живъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, давно умеръ.

— Хорошо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

Неизвѣстно, къ чему относилось «хорошо» его превосходительства, къ тому ли, что командиръ перваго баталіона великолуцкаго пѣхотнаго полка давно умеръ, или къ тому, что спрашиваемый отвѣчалъ бойко. Повидимому, допросъ скоро наскучилъ генералу, онъ началъ пропускать по нѣскольку человѣкъ и, наконецъ, остановился противъ меня.

— А твой кто былъ отецъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

Генераль весь побагровѣлъ, точно незнаніемъ своего отца я нанесъ ему личную обиду и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Высѣчь его, каналью! потомственный дворянинъ и ефрейторъ, а не знаетъ кто былъ его отецъ!

Затѣмъ онъ уже никого болѣе ни о чемъ не спрашивалъ. Всѣ офицеры баталіона, имѣя во главѣ баталіоннаго командира, шли гурьбой за генераломъ, и онъ, оборачиваясь къ нимъ, повторялъ еще нѣсколько разъ: «сѣките ихъ всѣхъ, канальевъ, это главное и необходимое», на что офицеры, взявъ подъ козырки, униженно кланялись, какъ бы говоря «будьте благонадежны, ваше превосходительство, будемъ отлично сѣчь, да мы же больше ничего не дѣлаемъ». Затѣмъ генераль уѣхалъ.

Пораженный словами Клейнмихеля, я стоялъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, предполагая, что послѣ смотра сейчасъ же начнется сѣкуція; но ротные командиры, объявивъ намъ двухдневный отдыхъ, разошлись по домамъ и пять дней никто изъ нихъ не являлся къ намъ въ лагерь. Говорили, что они, на радостяхъ, въ ожиданіи наградъ, кутили. Было радостно и весело цѣлому баталіону; мучился и плакалъ только я одинъ, въ ожиданіи

сѣкуціи; я потерялъ даже аппетитъ и пересталъ ходить въ столовую. Напрасно Иванъ Антоновичъ утѣшалъ меня, говоря, что выпросить мнѣ помилованіе у ротнаго командира; я этому не вѣрилъ, а тутъ, какъ на зло, приключилось и другое горе. Иванъ Антоновичъ началъ меня допрашивать:

— Какъ же это въ самомъ дѣлѣ, братецъ, ты не знаешь, кто былъ твой отецъ?

— Да почему же мнѣ знать, — отвѣчалъ я, — когда никто и никогда не говорилъ мнѣ, кто былъ мой отецъ, послѣ котораго я отстался всего одного года отъ рожденія, а вотъ отчима я помню хорошо.

— Ну, ты бы и валялъ его и сошло бы отлично, а то не могу знать; однако, я завтра пойду къ старшему писарю, я съ нимъ знакомъ, узнаю, кто былъ твой отецъ. Я полагаю, что онъ былъ генераль, потому что ты, умница.

Иванъ Антоновичъ былъ убѣжденъ, что дѣти полковниковъ и генераловъ должны быть непременно умны; меня также очень заинтересовалъ вопросъ о томъ, кто былъ мой отецъ; я началъ мечтать, что, можетъ быть, онъ былъ корпусный командиръ, что, безъ сомнѣнія дѣтей корпусныхъ командировъ сѣчь нельзя, а потому и меня не высѣкутъ. На другой день, я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда Иванъ Антоновичъ вернется изъ баталіонной канцеляріи. Увидя его, я бросился бѣгомъ къ нему на встрѣчу, и, не замѣчая, что онъ не въ духѣ, спросилъ: «а что узнали, Иванъ Антоновичъ, кто былъ мой отецъ?» — «Узналъ», — отвѣчаетъ онъ лаконически. Я опять спрашиваю. «Кто же?» «Чортъ знаетъ кто! Пойдемъ въ мою комнату, тамъ скажу, а то какъ услышитъ школа, то тебѣ проходу не дасть, будетъ смѣяться, потому что и писаря до слезъ смѣялись надъ чиномъ твоего отца». Услышавъ такія нерадостныя вѣсти, я совсѣмъ растерялся и вошелъ въ комнату, какъ истуканъ. Иванъ Антоновичъ вынулъ изъ-за обшлага четвертушку бумаги и, подавая ее мнѣ, сказалъ: — «На, читай!» Я развернулъ. Тамъ было четко написано: «Кантонистъ М. А. К. значитъ изъ потомственныхъ дворянъ, отецъ котораго былъ въ Дубенскомъ уѣздномъ судѣ посудкомъ.» Когда я прочелъ это, то еще больше растерялся отъ стыда, а Иванъ Антоновичъ ходитъ по комнатѣ, и твердитъ: — «Посудокъ! посудокъ! Чтобы тебя чортъ взялъ съ твоимъ дурацкимъ чиномъ!» при этомъ онъ даже плюнулъ нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Нѣтъ, братецъ, твой отецъ должно быть страшная дрянь и дуракъ — посудокъ!» и опять плюнулъ. Хотя я не питалъ къ покойному отцу ровно никакого чувства, но тутъ мнѣ почему-то стало его жалъ, и я началъ его защищать, доказывая, что быть можетъ отецъ не виноватъ, что ему дали такой дурацкій чинъ, при томъ же отецъ давно умеръ; но Иванъ Антоновичъ не унимался. — «Умеръ, ну, и чортъ съ нимъ, что умеръ! а все-таки

онъ дуракъ, что согласился принять такой дурацкій чинъ, «посудокъ!» Вошедшій дежурный унтеръ-офицеръ прекратилъ нашъ разговоръ.

Съ замираніемъ сердца я каждый день ожидалъ появленія ротнаго командира; пять дней неявки его показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ; наконецъ, онъ явился. Поздоровавшись съ нами, онъ вмѣсто того, чтобы производить ученіе, началъ благодарить всѣхъ за смотръ, говоря, что мы всѣ были молодцами, за что ротныхъ командировъ велѣно представить къ награждѣ; но при этомъ онъ не забылъ напомнить намъ приказаніе его превосходительства сѣчь насъ побольше. При послѣднихъ словахъ я думалъ, что онъ сейчасъ же вызоветъ меня впередъ и начнетъ пороть; но, къ удивленію моему, да и цѣлаго капральства, которое принимало живѣйшее участіе во мнѣ, ничего подобнаго не случилось; ротный командиръ распустилъ роту. Долго я еще сомнѣвался въ совершившемся надо мною чудѣ, самъ не зная откуда оно послѣдовало, такъ какъ невозможно было допустить и мысли, чтобы ротный командиръ забылъ исполнить приказаніе его превосходительства. Затѣмъ, все пошло своимъ прежнимъ чередомъ. Черезъ нѣсколько времени многіе офицеры и ротные командиры, дѣйствительно, получили награды: одни кресты, другіе повышеніе въ чинѣ, и какъ бы въ знакъ благодарности за такую милость Клейнмихеля начали съ особенной энергіей приводить въ исполненіе приказаніе, отданное имъ при окончаніи смотра: сѣчь насъ побольше. И, дѣйствительно, насъ стали пороть почти вдвое больше, чѣмъ пороли до получения награды.

До сентября мѣсяца ничего особеннаго не случилось; при томъ же если описывать всѣ мелочи, то во-первыхъ можно наскучить читателю, а во-вторыхъ многіе не повѣрятъ моимъ рассказамъ, до такой степени они покажутся неправдоподобными въ настоящее время. Для примѣра, приведу одинъ изъ множества такихъ неправдоподобныхъ эпизодовъ.

Недавно, земство одного изъ уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, земство, кажется, Новомосковское, уплатило, какъ это значится въ отчетахъ, 26,300 руб. сер. за уничтоженіе овражковъ. Нашъ же баталіонъ получилъ болѣе 30,000, но не рублей, а розогъ за то, что ловилъ и уничтожалъ овражковъ. Читатель, можетъ быть, спроситъ: съ какою же цѣлью наше начальство такъ усердно покровительствовало овражкамъ, въ то время когда даже не существовало Общества покровительства животнымъ? Отвѣтъ на это очень короткій: «для удовольствія сѣчь, придираясь ко всякому удобному случаю».

Во время квартированія по деревнямъ, въ праздничные дни, кантонисты уходили на охоту за овражками въ поле, гдѣ были заливы съ Днѣпра. Не имѣя посуды, кантонисты таскали воду сапогами, отчего, конечно, сапоги портились, а потому намъ строго

было приказано не смѣть трогать овражковъ и не ловить ихъ никакими изобрѣтеніями нашими; а изобрѣтеній мы ухитрились выдумывать много: ставили петли, дѣлали пружинки изъ прутьевъ и т. п., ловили даже на крючки, какъ рыбу. Нѣкоторыхъ овражковъ, наиболѣе умныхъ, по нашему мнѣнію, мы дрессировали. За чтожь казалось бы сѣчь, да еще такъ жестоко, за развлеченіе чисто дѣтское и при томъ полезное? Но у нашего начальства на первомъ планѣ стояло,—сбереженіе сапоговъ и чѣмъ усерднѣе мы ловили овражковъ, тѣмъ усерднѣе насъ пороли.

Теперь приступаю къ описанію весьма горестнаго для меня лично событія. Одинъ изъ лучшихъ кантонистовъ моего капральства, Филенко, имѣлъ подъ нарами дрессированнаго овражку, который вырылъ себѣ норку и былъ на привязи. Овражка этотъ умѣлъ служить на заднихъ лапкахъ, какъ собачка, и носилъ поноску. Мы всѣ любили этого звѣрька, хотя каждый изъ насъ имѣлъ своего и даже нѣсколькихъ, но наши овражки жили на привязи въ полѣ, гдѣ мы ихъ дрессировали и кормили. Въ роковой для меня день мы, какъ всегда, были съ семи часовъ утра на ученіи; но пошелъ сильный дождь, и насъ распустили. Отъ нечего дѣлать, ротный командиръ началъ осматривать наши постели. Я, какъ должностное лицо, ходилъ за нимъ. Фельдфебель, Иванъ Антоновичъ, съ самага утра былъ усланъ въ отдѣленіе по дѣламъ службы. Когда мы подходили къ постели Филенки, проклятый овражка сталъ на заднія лапки и свистнулъ, чего прежде никогда не дѣлалъ. Ротный командиръ нагнулся подъ нары, но овражка, какъ нарочно, не только не испугался подобно намъ его благородія, а напротивъ свистнулъ еще нѣсколько разъ, какъ бы доказывая этимъ свою самостоятельность. Тогда ротный командиръ, вытянувшись во весь ростъ, который и безъ того былъ громадный, спросилъ:

— Чей этотъ овражка?

Тутъ уже ни скрывать, ни защищать, не было никакой возможности, и самъ Филенко отвѣтилъ:

— Мой, ваше благородіе!

— Какъ же ты смѣлъ, такой-сякой каналья, держать овражку, когда вамъ строго приказано не ловить ихъ.

— Я, ваше благородіе, учу его служить.

— А вотъ я тебя поучу, какъ служить! Эй, барабанщики, розогъ!

Тѣ уже были готовы, зная что за овражку прощенія не будетъ. Держальщиковъ явилось много, но всѣ они были изъ другихъ капральствъ. Ротный командиръ крикнулъ: «На воздухъ его шельмеца, растяните вотъ такъ». Барабанщики въ свою очередь кричали:—«подобрать рубашку и панталоны къ голенищамъ»,—и по командѣ «валяй», дѣйствительно, стали валять съ адскимъ своимъ усердіемъ. Несчастному Филенкѣ дали 200 розогъ; вѣроятно, онъ

получилъ бы гораздо больше, еслибы ротный командиръ не былъ потребованъ по какому-то экстренному дѣлу въ первую роту.

Мнѣ чрезвычайно было жаль Филенка и вмѣстѣ съ этимъ я былъ крѣпко золъ на ротнаго за его вопіющую несправедливость. Я излилъ всю свою жёлчь на тѣхъ кантонистовъ, которые явились изъ другихъ капральствъ для того, чтобы растянуть бѣднаго Филенка. Я забылъ упомянуть, что всегда презиралъ охотниковъ держать истязаемую жертву и удивлялся, какое они находили въ этомъ удовольствіе. Я успѣлъ убѣдить свое капральство не выскакивать для подобной работы, а идти лишь по приказанію. Когда я началъ бранить держальщиковъ Филенка за ихъ усердіе, за нихъ вступились ефрейторы другихъ капральствъ, которые питали ко мнѣ злобу и зависть за то, что ко мнѣ благоволилъ фельдфебель, а главное за то, что онъ не давалъ чаю не только ни одному изъ нихъ, но даже и унтеръ-офицерамъ. Десяточные ефрейторы моего капральства начали меня защищать. Отъ всего этого произошелъ большой шумъ. Дежурный унтеръ-офицеръ крикнулъ намъ: «замолчите, а то я доложу ротному командиру»; но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ ротный уже предсталъ предъ нами самолично, спрашивая: «что здѣсь за шумъ? поди сюда, дежурный! ты о чемъ хотѣлъ мнѣ докладывать?» — «Да вотъ Кретчеръ спорилъ съ другими ефрейторами, что не слѣдуетъ держать, когда сѣкутъ». — «Какъ это не держать, не понимаю, поди сюда всѣ ефрейторы, говори, что тутъ было!» Тѣ сказали, что я ругалъ кантонистовъ, которые держали Филенка, и при этомъ пояснили, что я запретилъ своему капральству держать при сѣченіи. Тогда ротный командиръ грозно сказалъ мнѣ: «Какъ же ты смѣлъ запрещать! что же, мнѣ самому держать, говори!» Я объяснилъ, что отнюдь не запрещалъ, когда велѣть, но чтобы сами не бѣжали.—«Ага! такъ ты вольнодумецъ!» Хотя я совершенно не понималъ, что такое вольнодумецъ, но инстинктивно угадывалъ, что это что-то не хорошее, а потому и протестовалъ.— «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я не вольнодумецъ!»—«Врешь»—и, обратившись къ унтеръ-офицеру, спросилъ, не замѣчено ли еще чего-нибудь за мною вольнодумнаго. Тотъ, подумавъ, отвѣтилъ, что я чай пью у фельдфебеля.—«Такъ ты и чай пьешь, говори!»—«Пью, ваше благородіе, когда даютъ».—«Какъ же это ты такъ пьешь?»—«Въ прикуску, ваше благородіе!»—«Да я не о томъ тебя спрашиваю, мерзавецъ, въ прикуску или въ накладку ты пьешь; а зачѣмъ пьешь ты чай у фельдфебеля? это все вольнодумство; барабанщики, розогъ!» Напрасно я клялся, что я не вольнодумецъ, и что не буду совсѣмъ пить чай; все было напрасно; растянули меня, какъ лягушку, вызванные ефрейторы, завистники мои, и начали драть. Послѣ нѣсколькихъ или многихъ ударовъ, не помню, я закричалъ: «Иванъ Антоновичъ, спасите меня!» забывъ, что его и въ лагеряхъ не было, да если бы онъ и находился здѣсь, то чѣмъ же могъ по-

мочь мнѣ? Моимъ же неумѣстнымъ воззваніемъ я только больше себя губилъ, потому что ротный командиръ отъ злости превратился въ скота и началъ кричать: «валяйте его, ракалію, онъ вольнодумецъ, у него фельдфебель старше меня, задавай ему жару, задавай!» И, дѣйствительно, задавали до тѣхъ поръ, пока я не пересталъ дышать. Мнѣ рассказывали послѣ, что когда держальщики закричали: «умеръ, ваше благородіе», то экзекуторъ мой струсилъ, не того, что меня засѣкъ (засѣкалъ онъ сотни кантонистовъ), но полагалось такъ засѣкать, чтобы засѣченный могъ прожить хоть недѣлю въ лазаретѣ; тогда лѣкаря отмѣчали несчастнаго умершимъ отъ какой-нибудь болѣзни, напр. горячки, воспаления и т. п. Эти подробности я узналъ отъ фельдшеровъ въ лазаретѣ, въ которомъ я послѣ инквизиціи пролежалъ около четырехъ мѣсяцевъ. Мнѣ говорили, что когда меня на одѣялѣ принесли въ лазаретъ, то я не показывалъ никакихъ признаковъ жизни. Я очнулся лишь тогда, когда мнѣ пустили кровь изъ обѣихъ рукъ, послѣ чего я проспалъ болѣе сутокъ; проснувшись, я не могъ пошевелинуться,—я былъ какъ бы закованный въ панцырь. Рубашка, присохшая къ изрванному тѣлу, доставила мнѣ новую пытку: фельдшеръ, не давая времени намоченной рубашкѣ отстать отъ ранъ, отрывалъ ее съ кусками тѣла. Этотъ народъ привыкъ къ подобнымъ операціямъ, да и некогда было фельдшеру надъ одной операціей долго возиться, такъ какъ подобныхъ операцій было много, а фельдшеровъ недостаточно.

Дня черезъ два обходилъ палаты больныхъ штабъ-лѣкарь; подойдя къ моей кровати, онъ взглянулъ на мою дощечку, на которой надпись гласила мое званіе, фамилію и названіе моей болѣзни «*utizis her suliozum*», что означало бугорчатую чахотку. Штабъ-лѣкарь велѣлъ поворотить меня на спину, посмотрѣлъ и сказалъ понѣмецки своему коллегѣ ординатору: «ничего, хороша чахотка», затѣмъ спросилъ меня, за что я наказанъ, откуда и кто были мои родные; все это спрашивалъ онъ меня понѣмецки, и я, хотя плохо, но все-таки отвѣчалъ ему на томъ же діалектѣ. Штабъ-лѣкарь; къ крайнему изумленію моему, далъ мнѣ 50 коп. ассигн. и утѣшалъ, что я буду здоровъ; онъ велѣлъ ординатору прописывать мнѣ самыя лучшія порціи, какія только полагались въ лазаретѣ и въ тотъ же день прислалъ мнѣ тонкую простыню, которую чѣмъ-то намазали и заворотили меня, потому что, начиная отъ шеи и до икръ, я весь былъ изсѣченъ какъ котлета. Черезъ нѣсколько времени тѣло мое превратилось въ одну сплошную рану; но натура и молодость взяли свое,—я вылѣчился и только не могъ ходить болѣе мѣсяца, вслѣдствіе того, что свело жилы.

Фельдшера, видя расположеніе ко мнѣ главнаго доктора и узнавъ, что я боюсь возвращаться въ свою роту, посовѣтовали мнѣ, чтобы я попросилъ его о переводѣ меня въ первую роту, съ командиромъ

которой онъ былъ очень друженъ и состоялъ въ родствѣ. Къ переходу въ другую роту я имѣлъ много причинъ; фельдфебеля Ивана Антоновича уже не было; онъ меня посѣщалъ въ лазаретъ часто и всегда приносилъ овощи и лакомства; но это продолжалось не долго; въ послѣдній разъ онъ пришелъ ко мнѣ и далъ 2 руб. ас., объявивъ по секрету, что хотя идетъ въ отпускъ на два мѣсяца, но больше въ наше отдѣленіе не вернется, а выхлопочетъ себѣ переводъ; если же это ему не удастся, то выйдетъ въ отставку:— «не могу, братецъ, выносить безбожія», прибавилъ онъ. Я плакалъ неутѣшно; прощаясь, Иванъ Антоновичъ смѣшалъ и свою слезу съ моими; и это плакалъ усаць, солдатъ, о долѣ сироты, дѣлясь съ нимъ своими скудными крохами, не надѣясь и не имѣя въ виду никакой благодарности отъ меня. Миръ праху твоему, Иванъ Антоновичъ, душевную мою благодарность къ тебѣ я унесу и за предѣлы гроба! Посѣщали меня также многіе кантонисты; но это продолжалось не долго, потому что въ половинѣ октября всѣ выступили изъ лагеря по деревнямъ. Просьба моя штабъ-лѣкаремъ была уважена, и я былъ переведенъ въ первую роту. Выздоровѣвъ совершенно передъ Рождествомъ, я явился въ означенную роту, въ которой, до конца моего пребыванія въ ней, никто меня пальцемъ не тронулъ, благодаря штабъ-лѣкарю.

VI.

Вражда кантонистовъ съ фабричными нѣмцами.—Воровство.—Выносивость нѣкоторыхъ кантонистовъ.—Бѣглые.—Евреи.—Преподаваніе.—Составъ офицеровъ.—Нѣмецъ-офицеръ съ кошачьими инстинктами.—Ветхость лагерныхъ построекъ.—Эпидимическая болѣзнь глазъ.—Распространеніе слѣпоты между кантонистами.—Доносъ.—Пріѣздъ изъ Петербурга генерала.—Осмотръ имъ больныхъ.—Его энергическія распоряженія.—Уничтоженіе нашего баталіона и переводъ насъ въ Харьковское военное поселеніе.—Выступленіе въ походъ.

Не знаю почему, но всѣ кантонисты терпѣть не могли фабричныхъ нѣмцевъ; вражда эта была сильная, обоюдная и установилась съ незапамятныхъ временъ. Отъ зданія Сиротскаго отдѣленія тянулась къ городу улица, по обѣимъ сторонамъ которой находились исключительно одни двухъ-этажныя, суконныя фабрики, принадлежавшія казнѣ и на которыхъ работали исключительно одни нѣмцы, выписанные изъ-за границы еще при Потемкинѣ. Нѣмцы эти нисколько не оклиматизировались въ Россіи и никто изъ нихъ, а тѣмъ болѣе ихъ жены и дѣти, не умѣли и не хотѣли говорить по-русски. Кантонисты били нѣмцевъ при каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ и нѣмцы платили имъ тѣмъ же; но такія торжества доставались имъ очень рѣдко, и какъ бы нѣмцы не поколотили кантонистовъ, но послѣдніе никогда не жаловались начальству,

считая большимъ для себя стыдомъ, что нѣмецъ поколотилъ русскаго; нѣмцы же, наоборотъ, всегда приносили жалобы, и тогда виновныхъ, а часто совершенно безвинныхъ, по ошибочному указанію нѣмцевъ, пороли безъ всякой пощады, въ особенности если экзекуторъ былъ нѣмецъ.

Среди кантонистовъ были и воры, и при томъ замѣчательные, особенно отличался одинъ изъ нихъ, по фамиліи Цыбулька. Хотя и говорится, что нѣтъ совершенства въ мірѣ, но въ этомъ случаѣ Цыбулька былъ исключеніе, потому что въ искусствѣ воровать онъ достигъ полного совершенства. Его не могъ уберечься ни одинъ лавочникъ, и онъ, постоянно воруя, ни одного разу не попался. Были также среди кантонистовъ натуры баснословной выносливости, оказываемой при сѣченіи: сколько бы экзекуторъ ни сѣкъ, подобный субъектъ никогда не произносилъ ни одного слова, не просилъ о помилованіи и не кричалъ. Экзекуторъ приходилъ отъ этого въ ярость и кричалъ барабанщикамъ: «повороты корешками, валяй крѣпче», но ничто не помогало, — истязуемый оставался нѣмъ и когда экзекуція кончалась, хладнокровно, даже флегматично, одѣвался и шелъ, не торопясь, на свое мѣсто во фронтъ, какъ будто бы съ нимъ ничего особеннаго не случилось. Былъ еще сортъ кантонистовъ, которые при сѣченіи просили помилованія, но, не получая его, начинали бранить экзекутора, кто бы онъ ни былъ: «жри, подлець, мое мясо, жри!» и вслѣдъ затѣмъ сыпали бранью вполнѣ солдатскою; послѣ этого они снова принимались просить о помилованіи и опять начинали ругаться, такъ что въ продолженіе инквизиціи они разъ двадцать просили о помилованіи и столько же разъ ругали экзекутора самыми отборными словами.

Не помнящихъ въ каждой ротѣ было много; почти всѣ они принадлежали къ кантонистамъ другихъ баталіоновъ и, спасаясь отъ розогъ, бѣжали. Пойманные и посаженные въ острогъ, они научались у арестантовъ сказываться не помнящими родства и не говорить, гдѣ жили до поимки. Разумѣется, начальство знало, что они бѣглые кантонисты и такъ какъ, большею частью, это были дѣти 10 или 11 лѣтъ, то ихъ препровождали въ ближайшее отдѣленіе военныхъ кантонистовъ. По пріемъ въ баталіонъ, этихъ не помнящихъ обязательно тотчасъ же сѣкли, такъ сказать, на всякій случай; на другой же день, они чистосердечно рассказывали намъ, кто они и почему бѣжали. Изъ рассказовъ ихъ оказывалось, что и въ другихъ баталіонахъ такъ же сѣкли, какъ у насъ, но они говорили, что ихъ розги были милосерднѣе, потому что были березовыя.

Евреевъ кантонистовъ также было много, но всѣ они поступали въ мастеравые: портные, сапожники, столяры, красильщики. У насъ въ баталіонѣ все работалось своими мастеравыми. Всѣ евреи принимали христіанство, за исключеніемъ тѣхъ, родители которыхъ жили въ томъ же городѣ. Мѣняли религію они съ коммерческою

цѣлю: въ то время каждому крещеному еврею казна выдавала 25 руб. ассиг., а это былъ капиталъ, съ которымъ можно было начинать какую-нибудь комерцію, или ростовщичество.

Науки у насъ преподавались довольно удовлетворительно, крайней мѣрѣ для кантонистовъ. Нашъ послѣдній классъ равнялся теперешнему четвертому классу гимназіи, кромѣ языковъ, которыхъ совѣмъ не преподавали. Въ то время немногіе офицеры въ арміи знали то, что зналъ кантонистъ, окончившій старшій классъ, и странное дѣло, ни одинъ изъ высшихъ нашихъ начальниковъ не только не испытывалъ насъ въ знаніи, но даже никогда не былъ въ классахъ; ихъ занимала одна лишь муштра; свое же начальство положительство меньше знало, чѣмъ многіе изъ насъ. Между кантонистами встрѣчались люди съ дарованіями и при томъ не дюжинными; были самоучки, дѣлавшіе художественно разныя модели изъ воску, крейды и даже хлѣба, безъ всякихъ инструментовъ, однимъ перочиннымъ ножичкомъ. Были самоучки архитекторы и живописцы, но на нихъ никто изъ начальства не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, хотя не только видѣли ихъ произведенія, но даже заставляли дѣлать что-нибудь для себя.

Составъ офицеровъ, какъ я уже говорилъ раньше, отличался своей грубостью, невѣжествомъ, жестокостью. Напримѣръ, былъ у насъ офицеръ, нѣмецъ, по своимъ инстинктамъ очень походившій на кошку. Извѣстно, что кошка, въ особенности если она не голодна, поймавъ мышъ, прежде всего наиграется ею вдоволь, а потомъ уже съѣстъ; таковъ былъ и нашъ нѣмецъ: попавшуюся въ его лапы жертву, сперва непременно томилъ и глумился надъ нею.— «Послушай, голубчикъ!» — обыкновенно говорилъ онъ, — «какъ ты желаешь, чтобы я тебя высѣкъ? Дать ли тебѣ 150 розогъ или только 50, съ условіемъ чтобы ты самъ считалъ безъ перерыву, а если перестанешь считать, то счетъ долженъ начаться съизнова. Чтожъ ты молчишь, говори, голубчикъ, какъ хочешь?» — «Да я, ваше благородіе, никакъ не желаю, помилуйте! Клянусь Богомъ, я не виновать». — «Ну, ужъ, братецъ, этого не говори, а ты лучше подумай, что тебѣ выгоднѣе, получить ли 50 со счетомъ или 150 безъ твоего счета, я даю тебѣ время. Видишь, какой я добрый!» Но несчастная жертва знала по примѣру другихъ, что, согласившійся самъ считать, не выдерживалъ и получалъ, вмѣсто 50 розогъ, 200 и даже 300, а потому не знала на что рѣшиться; тогда котъ-нѣмецъ начиналъ уговаривать самымъ слащавымъ голосомъ: — «Соглашайся, голубчикъ, на 50, попробуй, я тебѣ по дружбѣ совѣтую!» Этотъ постыдный договоръ продолжался полчаса не болѣе; наконецъ, несчастный соглашается на 50 розогъ и самому считать. Начинается потѣха для нѣмца; первые удары жертва считаетъ, но, не досчитавъ и до десяти, начинаетъ кричать и просить о помилованіи; нѣмецъ хохочетъ до-упаду и заставляетъ считать съизнова; повторяется то же самое и тотъ же адскій смѣхъ нѣмца.

По прибытіи моемъ въ первую роту, капральства мнѣ уже не дали, чему я отъ души былъ радъ; но нашивокъ съ погоновъ не спорили, а зачислили меня запаснымъ капральнымъ ефрейторомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1836 г.) нашъ баталіонъ опять былъ весь въ сборѣ и въ тѣхъ же лагеряхъ, то есть сараяхъ, которые и прежде были очень плохи, а теперь пришли въ совершенную ветхость: крыши сгнили и такъ какъ потолокъ не было, то дождь свободно пробирался на наши нары, гдѣ мы спали; стѣны сараевъ, частію отъ гнилости, частію отъ того, что доски разохлись, просвѣчивали большими щелями, а весна стояла очень холодная и бурная, спать было очень холодно, сильные вѣтры не унимались, песокъ несло въ изобиліи со всѣхъ сторонъ, и онъ на четверть засыпалъ наши постели, попадалъ въ глаза, ротъ, уши. Не смотря на такія невзгоды, начальство наше ни за что не хотѣло оставить, даже на время, муштру, а, наоборотъ, принялось за нее со всѣмъ усердіемъ. Стоять бѣдные кантонисты во фронтѣ, а изъ глазъ у нихъ вода бѣжить и отъ песку, и отъ солнца; скоро очень многіе начали болѣть глазами; но начальство не обращало на это обстоятельство ни малѣйшаго вниманія, знай себѣ муштруетъ и муштруетъ. Между тѣмъ, больныхъ глазами не куда уже дѣвать, лазареты и гдѣ только можно было помѣстить, все занято, а потому вновь заболѣвавшихъ оставляли въ лагеряхъ. Невниманіе начальства простиралось до того, что больныхъ не позаботились положить отдѣльно отъ здоровыхъ, отъ чего глазныя болѣзни приняли эпидемическій характеръ. Въ числѣ другихъ больныхъ лежалъ и я съ опухшими глазами. Лѣкарей мы не видѣли, — ихъ было не достаточно и для тѣхъ, которые лежали въ лазаретахъ. Фельдшера появлялись и то не всякій день; лѣченіе ограничивалось прижиганіемъ ляписомъ и синимъ камнемъ; никакихъ примочекъ, или платковъ для обтиранія глазъ не было; давалось одно полотенце человѣкъ на пятьдесятъ, которое, конечно, лишь усиливало распространеніе болѣзни. Начали появляться на глазахъ бѣлмы, а затѣмъ кантонисты стали слѣпнуть. Обѣдать и ужинать намъ носили въ лагерь ушатами, отъ чего пища сдѣлалась еще хуже, но начальство наше и въ усъ себѣ не дуло. Вдругъ пронеслась молва, что кто-то сдѣлалъ доносъ, но не Клейнмихелю, какъ главному нашему начальнику, а прямо государю Николаю Павловичу. Одни говорили, что доносъ сдѣланъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, другіе утверждали, что вольно-практикующимъ докторомъ, что вѣрнѣе, не знаю: не прошло недѣли послѣ появленія такого слуха, какъ нагрязнулъ изъ Петербурга генералъ, фамиліи котораго не помню, для производства слѣдствія. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ осмотрѣлъ прежде всего лазареты; что тамъ было говорено, я не слышалъ, а передавали, что генералъ выходилъ изъ себя и бранилъ наше начальство, какъ простыхъ солдатъ, говорилъ имъ,

что они взялись не за свое дѣло, что имъ приличнѣе было бы дѣлать колбасы, нежели воспитывать дѣтей. Послѣ обѣда, генераль явился въ нашъ лагерь. Начальство ожидало его и всѣ, не исключая баталіоннаго командира, растерялись. вмѣсто того, чтобы принять какіе-нибудь мѣры къ улучшенію нашего положенія, они только ходили взадъ и впередъ кучкой и о чемъ-то спорили. Генераль началъ свой осмотръ съ четвертой роты, то есть съ малолѣтокъ. Наконецъ, пришелъ въ нашу роту; мы всѣ стояли каждый около своей постели въ старыхъ, оборванныхъ шинеляхъ, понуривъ головы, и въ общемъ представляли картину крайне жалкую, и не красивую. Генераль съ сумрачнымъ видомъ обходилъ насъ, не здороваясь, не произнося ни одного слова. Наконецъ, остановился около одного кантониста, у котораго было большое нагноеніе и спросилъ:

— Почему ты глаза не промоешь?

— Воды нѣтъ, ваше превосходительство!

— Вытри платочкомъ.

— Платочка нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чѣмъ тебя лѣчатъ?

— Жгутъ глаза ляписомъ и синимъ камнемъ.

Этотъ отвѣтъ генераль слышалъ уже въ сотый разъ, но не скалъ больше ни одного слова никому; на дворѣ онъ потребовалъ фельдфебелей и, не дождавшись ихъ, уѣхалъ, велѣвъ имъ явиться къ себѣ на квартиру. Вѣроятно, генераль имѣлъ большія полномочія, потому что все дѣлалось какъ бы по щучьему велѣнію. На другой же день намъ розданы были не по одному, а по два платка, хотя не подрубленныхъ; явились городскіе доктора и фельдшера, компрессы, шпавки и всевозможныя примочки и въ изобиліи; все это точно съ неба падало, какъ дождь. Съ фабрикъ прогнали нѣмцевъ, станки ихъ выбросили на дворъ, и насъ всѣхъ перевели туда съ нашими постелями; хотя кроватей не было, и мы всѣ лежали на полу, но было просторно, сухо, а главное не было вѣтру, а съ нимъ и песку засыпавшаго глаза. Пища была отличная: говядина не только на обѣдъ, но и на ужинъ. Дня черезъ три роздали намъ зеленые на проволокъ зонтики и не только больнымъ, а выдали платочки и зонтики еще не успѣвшимъ заразиться. Съ каждымъ днемъ прибывали новые лѣкаря и фельдшера; откуда ихъ брали и въ такомъ количествѣ, Богъ знаетъ. Всѣ мы ожили; лѣченіе началось правильное и всего было даже въ излишествѣ; не зараженныхъ услали въ ближайшую деревню Одіевку, не разбирая кто какой роты, а всѣхъ вмѣстѣ. Благодаря энергичному образу дѣйствій генерала, у многихъ уцѣлѣли глаза, въ томъ числѣ и у меня; но тѣ кантонисты, которые заболѣли прежде, тѣмъ помочь было не возможно, и всѣ они ослѣпли, счастливыми считались имѣвшіе лишь бѣлмы. Въ сентябрѣ начали формироваться роты по своимъ

деревнямъ; выздоравливавшіе отправлялись въ свои роты, въ числѣ прочихъ и я прибылъ въ свою роту уже совершенно здоровымъ. Узнаю, что ученій никакихъ нѣтъ, въ классы не ходятъ, ротный командиръ новый и пальцемъ никого не тронулъ!

Въ первыхъ числахъ октября послѣдовалъ высочайшій указъ объ уничтоженіи нашего баталіона, оффиціально называвшагося «Сиротскимъ отдѣленіемъ военныхъ кантонистовъ», а насъ всѣхъ (кромя ослѣпшихъ, которыхъ отправили по всѣмъ богодѣльнямъ) велѣно перевести въ военное поселеніе, въ Харьковскую губернію, въ г. Чугуевъ.

Уничтожить этотъ адъ было необходимо; изъ того, что я сказалъ, читатели могутъ видѣть, что это былъ за вертепъ, а, между тѣмъ, я не сказалъ и сотой доли, что здѣсь творилось; но меня удивляетъ, для чего все это было сдѣлано съ такой поспѣшностью; насъ торопили къ выступленію, точно на пажаръ. Получилось предписаніе изъ штаба прислать немедленно изъ нашей роты одного капральнаго, четырехъ десяточныхъ ефрейторовъ и двухъ барабанщиковъ; такъ какъ я былъ запаснымъ, то меня и назначили.

Въ штабѣ мнѣ вручили списокъ партіи, назначенной на завтра къ отправкѣ, нужно было разбить партію на десятки. Партіонный унтеръ-офицеръ былъ не грамотный, а нужно было принимать на всю партію новыя куртки, рубашки, сапоги, портянки и фуражки. Такъ какъ въ партіи было 250 человекъ, то приѣмка продолжалась за полночь, при фонаряхъ; полученные вещи зашивались въ тюки и клались на подводы. Все это дѣлалось ночью, и чуть-свѣтъ подводы были усланы впередъ.

Что случилось съ нашими офицерами, я и по настоящее время не знаю; говорили, что многихъ разжаловали, но насколько это вѣрно, не знаю; пусть лучше скажетъ объ этомъ архивъ. Досто-вѣрно лишь то, что генераль, устройвъ насъ больныхъ, уѣхалъ, а вмѣсто него былъ присланъ слѣдователь, полковникъ, по фамиліи, кажется, Морозовъ; вѣрно также и то, что передъ выступленіемъ послѣдней партіи кантонистовъ, кому-то понадобилось, чтобы баталіонная канцелярія сгорѣла и такъ умно, что не вытащено ни одного лоскутка бумаги.

Всю ночь передъ походомъ я и подчиненные мнѣ ефрейторы не спали. Еще до свѣта были подняты дѣти, отправлявшіеся въ походъ. Съ восходомъ солнца данъ былъ завтракъ: каша въ жидкомъ видѣ съ говядиной, а на дорогу по ломтю хлѣба, затѣмъ самыхъ маленькихъ, отъ восьми и до десяти лѣтъ, усадили на обыкновенскія подводы, по шести на каждую.

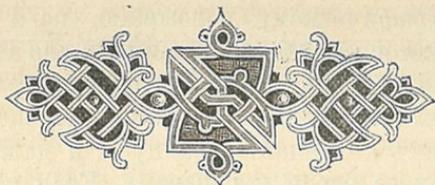
Какъ ни рано мы выступили, но смотрѣть насъ, словно какое диво, собралось многое множество народу; однихъ фабричныхъ нѣмцевъ и нѣмокъ было, я думаю, тысячъ до пяти. Физиономіи ихъ доказывали, что они въ восторгѣ, избавляясь отъ вѣсковыхъ своихъ

враговъ; провожали насъ съ рыданіемъ и непритворнымъ сожалѣніемъ однѣ только солдатки, торговки пирожками и бубликами, которыя только и поддерживали свое существованіе отъ нашего баталіона. На прощанье, онѣ каждого кантониста цѣловали, крестили и давали по бублику или пирожку безденежно.

Когда маленькихъ кантонистовъ разсадили по подводамъ, старшихъ возрастомъ, 11-ти и 12-ти лѣтъ, выстроили; ударили въ барабаны, скомандовали «по отдѣленіямъ направо скорымъ шагомъ маршъ, прямо». По слову «прямо» всѣ кантонисты мгновенно, какъ бы по командѣ, сняли фуражки и набожно перекрестились. Бѣдные, бѣдные дѣти! ни одному изъ васъ не могло даже присниться, какое горе васъ постигнетъ на-яву, чрезъ нѣсколько дней!

М. Кретчеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗНАЧЕНІЕ МАЛОЙ АЗІИ ДЛЯ РОССІИ.

ЗЪ ВСѢХЪ странъ Азіи, прилегающихъ къ нашимъ предѣламъ, всего болѣе Малая Азія должна интересоваться русскихъ не только по своему географическому положенію, но и потому значенію, которое она можетъ имѣть для Россіи. Къ сожалѣнію, какъ и во многомъ другомъ, о странѣ, лежащей рядомъ съ нами, мы знаемъ всего менѣе, тогда какъ англичане, французы и даже нѣмцы и американцы изучили ее вдоль и поперекъ. Если при Наполеонѣ III Сирія и Палестина были близки къ тому, чтобы подпасть совершенно подъ протекторатъ Франціи, то Анатолиі въ настоящее время грозитъ значительная опасность стать ареною дѣятельности англичанъ и нѣмцевъ. Соревнуя другъ къ другу, и тѣ, и другіе безпрестанно предлагаютъ султану проекты разнообразныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, съ помощью которыхъ они могли бы эксплуатировать Малую Азію—единственно въ своихъ личныхъ интересахъ. Отъ успѣха тѣхъ или другихъ ходатайствъ и выполненія одного изъ проектовъ зависитъ отчасти и близкое будущее этой прекрасной страны. Англичане серьезно думаютъ о ней, какъ о новомъ буферѣ противъ возрастающаго могущества Россіи въ Азіи, тогда какъ завистливые германцы и теперь мечтаютъ о ней, какъ о будущемъ новомъ фатерландѣ для возрожденія не столько культуртрегерскихъ, сколько политическихъ колоній. Одни мы, русскіе, не обращали никакого вниманія на то, что у насъ лежитъ подъ руками, и за всѣ 50 лѣтъ близкаго сосѣдства съ Малой Азіей заботились о ней менѣе чѣмъ Италія объ Абиссиніи, а Испанія—о пресловутомъ Марокко. А вопросъ Малоазійскій уже и теперь

стоитъ на очереди; будущее Восточнаго вопроса разрѣшится по всѣмъ даннымъ не на поляхъ Болгаріи и Балканахъ, а на классической почвѣ Малой Азіи. Пойдетъ ли русскій солдатъ для разрѣшенія наболѣвшаго Восточнаго вопроса своими пѣхотными ногами прямо къ Босфору и Дарданелламъ, или будетъ пробираться въ глубь Арменіи и Курдистана, освобождая христіанъ Востока, сказать пока трудно, ибо это зависитъ отъ числа нашихъ враговъ и крѣпости нашей позиціи на Черномъ морѣ, но все-таки слѣдующій ударъ, который при настоящихъ условіяхъ мы можемъ нанести Турціи, упадетъ на нее со стороны Анатолиі. Мы ничего не дѣлаемъ для облегченія этой трудной задачи, а, между тѣмъ, обстоятельства не ждутъ, и мы можемъ оказаться завтра же наканунѣ роковой необходимости—двинуться съ Кавказа въ горы и долины Анатолиі. Сами турки уже давно насъ ждутъ со стороны Кавказа, и въ послѣднюю мою поѣздку поперекъ Малой Азіи я вполне убѣдился въ этомъ.

Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Малой Азіи и особенно объ армянахъ, ждущихъ, какъ манны небесной, когда придетъ съ сѣвера сердобольный московъ освобождать своею горячею кровью христіанъ Анатолиі, забывъ о неблагодарныхъ христіанахъ Балканскаго полуострова, сами турки увѣрены въ скоромъ появленіи нашихъ знаменъ не только на границѣ, но и въ самомъ сердцѣ Анатолиі. Даже въ Харпутѣ, не говоря уже объ Эрзерумѣ, Ванѣ и Эрзингянѣ, многіе истые турки не совѣтуютъ не только покупать новыхъ земель, но и возводить богатыхъ сооружений, такъ какъ все равно это добро попадетъ въ руки москору или «ирмени (армянамъ)», которымъ передастъ земли османовъ великій Бѣлый Падишахъ. Таково убѣжденіе турокъ, увѣрившихся окончательно послѣ послѣдней войны, что Аллахъ предастъ въ руки невѣрныхъ урусовъ даже исконныя турецкія земли. Въ связи съ этимъ убѣжденіемъ, такъ же какъ и съ прекрасными впечатлѣніями, вынесенными сотнями тысячъ плѣнныхъ турецкой арміи изъ хлѣбосольной Московіи, и является тотъ интересный для насъ, русскихъ, фактъ, что въ настоящее время въ самой турецкой арміи растетъ уже убѣжденіе—невозможности противиться «урусу». «Если будетъ новая война съ русскими», говорилъ мнѣ одинъ почтенный полковникъ изъ Малатіи—истый османъ родомъ, «мы не будемъ уже также храбро сражаться съ вами, многіе бросятъ свои ружья и сабли, потому что все равно Аллахъ предастъ Турцію въ руки москору; нашъ султанъ продалъ Турцію невѣрнымъ франкамъ, а Пророкъ уже отвернулся отъ насъ. Мы голодаемъ, не имѣемъ ни платья, ни хлѣба, ни хорошаго жилища для своей семьи, а плохой тотъ солдатъ, которому нечего ѣсть; московъ Падишахъ добръ и честенъ; онъ даже намъ,—плѣннымъ собакамъ для него, давалъ хлѣбъ, одежду и бакшишъ такъ же какъ и своимъ аскерамъ. Всякій человѣкъ

служить тому, кто даетъ ему кусокъ хлѣба, а нашъ султанъ забылъ свои вѣрныя войска... Плохо они по неволѣ будутъ драться за него и его интересы... Иншаллахъ—такъ Богу угодно!» Такovy разсужденія не одного полковника изъ Малатіи; они распространены даже въ тѣхъ войскахъ, которыя стоятъ далеко отъ русской границы и чужды всякихъ либеральныхъ вѣяній, приходящихъ и въ Турцію, какъ и по всюду, извнѣ...

Если такъ смотрятъ сами турки на близкое будущее Малой Азіи, то нечего и намъ пугаться, какъ грознаго призрака или несбыточной мечты, нашего болѣе или менѣе близкаго похода къ центру Анатоліи. Всѣмъ, кто знаетъ современное социальное, экономическое и политическое положеніе послѣдней, не покажется вовсе удивительнымъ, что мы смотримъ на него исключительно съ практической и удобовыполнимой стороны. Національная рознь, достигшая въ послѣднее время въ Анатоліи высокаго развитія, крайнее истощеніе страны постоянными усиленными наборами, рядъ экономическихъ кризисовъ, слѣдовавшихъ за войною, все это, вмѣстѣ съ сильнымъ паденіемъ престижа турецкой власти, ослабляетъ и безъ того не крѣпкую позицію османовъ въ сѣверо-восточной Анатоліи. Мы не будемъ скрывать того, что, какъ стратегической театр, особенно съ топографической точки зрѣнія, Арменія, какъ и Понтъ, и Курдистанъ, представляютъ прекрасныя базы для защиты противъ нашествія внѣшняго врага, но не надо забывать и того, что мы можемъ легко завладѣть главными узлами страны, если будемъ имѣть прочную опору за собою на Кавказѣ. Припомнимъ, что орографически Кавказъ совершенно составляетъ одно цѣлое съ массивами Арменіи, и если долины Аракса, Чороха и другихъ болѣе мелкихъ рѣкъ, какъ и верхнихъ притоковъ Ефрата, можно считать перерывами въ горныхъ дебряхъ, то эти послѣднія служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ — и дорогами въ самую глубь страны. Корпусный командиръ 4-го турецкаго армейскаго корпуса считаетъ не только вполне возможнымъ, но и вѣроятнымъ наступленіе русскихъ черезъ небольшія рѣчныя долинки Арменіи по направленію къ ряду рѣчныхъ долинъ верхняго Ефрата, слѣдуя теченію котораго можно легко прійти, какъ къ Мушу, такъ и къ Малатіи и Харпуту, откуда идутъ уже болѣе или менѣе удобные пути сообщенія во всѣ части Малой Азіи.

Я не буду останавливаться долѣе на разсмотрѣніи этого интереснаго вопроса, надъ которымъ мнѣ пришлось не мало поработать въ послѣднее свое путешествіе поперекъ Малой Азіи, когда я отыскивалъ прямой путь отъ русской кавказской границы къ предѣламъ Палестины, я коснулся его лишь настолько, насколько вызвалъ меня недавній интересный докладъ г. Джурича въ Обществѣ содѣйствія Русской торговлѣ и промышленности, тѣмъ болѣе что почтенный референтъ счелъ необходимымъ выдвинуть его по поводу

проекта о заселеніи Черноморскаго побережья Кавказа казаками. Г. Дукмасовъ въ своихъ прочувствованныхъ статьяхъ, печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», первый указалъ на важность казачества въ качествѣ основного элемента для русской колонизаціи на Кавказѣ, который далъ бы твердую опору нашему владычеству въ Передней Азіи. Того же самаго касался и я въ своемъ недавнемъ сообщеніи въ томъ же Обществѣ, вызванномъ докладомъ г. Джурича.

Роль казаковъ не только въ качествѣ воиновъ, но и колонизаторовъ въ будущемъ и возможномъ нашемъ походѣ въ Анатолию, дѣйствительно, представляется не изъ послѣднихъ уже потому одному, что казакамъ не впервые приходится побывать въ Малой Азіи. Еще отцы и дѣды ихъ во времена удалого казачества, переплывая на своихъ утлыхъ челнахъ Черное море, грабили прибрежные города Анатолиі и заходили даже довольно далеко въ глубь страны, чему остались нѣкоторыя историческія указанія. Извѣстный восточный писатель XVI или XVII вѣка Эвлиа-эффенди говоритъ объ отрядѣ казаковъ, истребленномъ туземцами и дикими звѣрями въ самомъ центрѣ Анатолиі, а въ преданіяхъ горцевъ Антитавра, какъ и горъ Кебанъ-Маадена, до сихъ поръ сохраняются воспоминанія о набѣгахъ морскихъ людей, приходившихъ съ береговъ далекой Московіи. О дѣяніяхъ казаковъ во всѣ наши войны въ Азіатской Турціи нечего и говорить, и если прекрасная, такъ льстившая русскому самолюбію легенда о десяткахъ тысячъ вольныхъ казаковъ, скрывающихся гдѣ-то въ Арменіи и Курдистанѣ, и должна считаться, какъ я доказалъ въ свое послѣднее путешествіе, миеомъ, то это не исключаетъ вовсе возможности существованія казачьихъ выселковъ изъ знаменитаго Майноса даже въ самой серединѣ Малой Азіи, какъ, напримѣръ, на среднемъ Ефратѣ, не говоря уже о рыбацкихъ казачьихъ поселкахъ по берегамъ Анатолиі. Казакъ, такимъ образомъ, первымъ изъ русскихъ людей пришелъ въ Малую Азію тогда, когда въ Россіи еле знали о самомъ существованіи ея. Казаками, поэтому, надо будетъ воспользоваться и при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи въ глубь серединной страны. Если въ настоящее время казаки двухъ кавказскихъ казачьихъ дивизій занимаютъ кордонныя линіи по границамъ Персіи и Азіатской Турціи, то они также легко могутъ выдвинуться и далѣе, не замѣчая ощутительной разницы ни въ климатическихъ, ни въ бытовыхъ условіяхъ. Казака Закавказья и теперь можно двинуть, какъ угодно, далеко въ глубину Анатолиі, не рискуя его поставить въ такія неблагоприятныя санитарныя условія, которыя бы отразились роковымъ образомъ на его могучемъ, уже приспособившемся вполне къ условіямъ подобнаго существованія организмѣ.

Но, какъ ни много мы можемъ надѣяться на казацкую силу, какъ на могучій рычагъ, которымъ можемъ распахивать дѣвствен-

ныя поля азіатскихъ странъ и народовъ, надо позаботиться прежде всего о томъ, чтобы точка приложенія этого рычага была прочна и вѣрна. Рычагъ казацкой силы дѣйствуетъ вѣрно и хорошо лишь въ томъ случаѣ, если почва подъ нимъ устойчива и крѣпка, если рукоять его держится прочно и сильною рукою, если онъ можетъ упереться о могучую казацкую же грудь. Вотъ почему, прежде чѣмъ неразсчитливо двигать впередъ казацкія дружины, надо обезпечить ихъ тылъ, дать имъ опору въ казацкомъ же войскѣ и землѣ. Припомнимъ изъ нашей исторіи, какъ съ помощью вольной казацкой дружины ширилась и раздвигалась на счетъ азіатчины русская земля. Казакъ никогда не шель, не обезпечивъ себѣ тыла, не поставивъ своихъ устоевъ въ заранѣ пройденной имъ землѣ. Казацкая палатка и избушка были первыми зернами русской колонизаціи во всѣхъ занимаемыхъ вновь земляхъ. Припомнимъ, что старая, до-петровская Русь, какъ и много лѣтъ потомъ, въ періодъ нашей новой исторіи, со стороны Азіи, со всего юга, югозапада, юговостока и даже востока, какъ живую стѣною огорожалась казацкими землями и свободными казацкими полками. Лишь только эти послѣдніе чувствовали подъ собою крѣпкую почву, лишь только казакъ понималъ, что земля, занятая имъ, сдѣлалась родною, будучи полита кровью и потомъ его земляковъ, онъ уже не только не уступалъ ее никакому вѣрогу, но, напротивъ, самъ двигался далѣе, словно для того, чтобы ширить предѣлы и безъ того безпредѣльной родной земли. Такъ было въ Сибири, въ Средней Азіи, такъ было и на Кавказѣ, хотя тамъ это не такъ замѣтно. За живую казацкою стѣною уже крѣпко и прочно чувствовала себя и гражданская, и политическая власть, устанавливались сами собою законный порядокъ и водвореніе гражданственности и права, скоро начинались и претвореніе инородческаго элемента, и возможное сливаніе его съ русскимъ. Можно было бы привести десятки примѣровъ этого интереснаго этнографическаго вліянія казацкой силы, но уже одного того обстоятельства, что казакъ не гнушался принимать въ свою среду даже инородца, достаточно для того, чтобы объяснить огромное вліяніе казацкой силы на границахъ Россіи въ качествѣ обрусѣвшаго элемента. И башкирь, и калмыкъ, и татаринъ, и полякъ, и всякій другой инородецъ, будь то якутъ или буряты, вошли или входили незамѣтно для самихъ себя въ живую казацкую среду, становясь настоящими казаками, претворяясь невиднымъ образомъ въ носителей идеи казацкой вольности и свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ носителей русской государственной идеи. О прочности такой русской живой стѣны намъ не приходится вообще распространяться, потому что за ея крѣпостью собралось и укрѣпилось государство русское. Установленіе такой казацкой стѣны на всѣхъ русскихъ малоазіатскихъ, какъ и среднеазіатскихъ границахъ крайне желательно не только въ видахъ политическихъ, но и

этнографическихъ. Чтобы ни говорили о невозможности и излишествахъ русскаго движенія далѣе въ глубину Анатолиі или Мессопотаміи, по направленію къ воротамъ океана, Персидскому заливу или Средиземному морю, но едва ли это постепенное движеніе русскихъ въ глубину Азіи можно отрицать; вопросъ болѣе или менѣе близкаго будущаго составляютъ и серьезныя волненія христіанъ въ Передней Азіи, могущія вызвать вмѣшательство и со стороны Россіи. Припомнимъ только слова одного изъ умнѣйшихъ турецкихъ государственныхъ людей Фуада-паши, что «черезъ 100 лѣтъ Россія немыслима безъ Босфора и выхода въ Индѣйскій океанъ» — и то роковое тяготѣніе Россіи къ югу, проходящее черезъ всю ея исторію, для того, чтобы предугадывать отчасти недалекое будущее. Помимо всеобщаго ожиданія насъ въ Малой Азіи туземцами, о чемъ мы уже говорили выше, Западная Европа давно увѣрена въ безповоротности нашего движенія въ глубину Анатолиі и въ подчиненіи нашему вліянію всей Передней Азіи. Какъ ни старалась Англія вырвать изъ сферы русскаго вліянія Персію, Афганистанъ и всю Центральную Азію, ей не удалось это вовсе, не смотря даже на то, что мы не только дѣлали рядъ ошибокъ, но не пошевельнули и перстомъ для завоеванія себѣ болѣе или менѣе прочнаго положенія въ этихъ историческихъ странахъ. Еще менѣе, пожалуй, для будущаго русскаго дѣла мы сдѣлали въ Анатолиі, хотя наши кавказскія границы острымъ клиномъ давно врѣзываются въ Малую Азію и поддерживаютъ надежды въ христіанскомъ населеніи Арменіи и Курдистана. Снующіе взадъ и впередъ между Кавказомъ и Анатоліею армяне и греки, отчасти и ансаріи, служатъ живою связью между народностями двухъ пограничныхъ странъ, и не одинъ армянинъ Великой Арменіи считаетъ только вопросомъ времени сліяніе всѣхъ армянъ въ одно, если не политическое, то культурное и этнографическое цѣлое. Присутствіе въ пограничныхъ областяхъ народностей, принадлежащихъ двумъ государствамъ, не могущимъ никогда слиться между собою или образовать болѣе или менѣе естественнаго союза, какъ учитъ насъ исторія, всегда служитъ причиною пограничныхъ распрей, кончающихся объединеніемъ лишь политически раздѣленныхъ, но этнографически цѣлыхъ единицъ подъ властью сильнѣйшаго изъ соперничающихъ сосѣдей. То же самое, разумѣется, въ силу исторической необходимости случится и на кавказской нашей границѣ. Представляя, поэтому, съ извѣстной точки зрѣнія, обстоятельство весьма благоприятное для государства сильнаго, присутствіе на самой отдаленной окраинѣ народностей, принадлежащихъ двумъ или тремъ государствамъ (на Кавказѣ армяне, курды), не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не внушать и значительныхъ опасеній съ политической точки зрѣнія; въ виду этого воздвиженіе такой прочной живой стѣны, какъ казачье заселеніе въ пограничныхъ областяхъ Кавказа съ Персіей

и особенно съ Малой Азіей, является крайне полезнымъ дѣломъ въ смыслѣ обезопасенія этой окраины и приготовленія изъ нея твердаго оплота, на который можно будетъ опереться смѣло при возможныхъ операціяхъ въ Анатолиі. Чтобы нѣсколько освѣтить сущность постепенно назрѣвающаго Малоазійскаго вопроса, я позволю себѣ сперва сдѣлать краткій географическій обзоръ этой страны, а затѣмъ остановиться на прошломъ Малой Азіи и на значеніи ея въ исторіи человѣчества; на основаніи данныхъ этой послѣдней можно попытаться начертить въ общихъ чертахъ и недалекое будущее этой срединной страны. Это близкое будущее ни въ какомъ случаѣ не должно быть чуждымъ для Россіи, и игнорировать его, какъ мы игнорируемъ многое другое на Востокѣ, было бы новою непростительною ошибкою.

Подобно своему сосѣду, удивительному микрокозму—Греціи, вмѣстившей на ничтожномъ клочкѣ пространства всѣ формы земельной поверхности въ поразительно гармоническомъ сочетаніи, Малая Азія представляетъ также великія горы и равнины, водообильныя рѣки и пустыни, прекрасно развитую береговую линію и большія изолированныя плато; вмѣстѣ съ этимъ разнообразіемъ рельефа, она обладаетъ и великимъ разнообразіемъ климатовъ, а слѣдовательно—и флоры и фауны. Припомнимъ только прекрасныя слова Мальтбрюна, такъ характеризовавшаго природу Малой Азіи: «Здѣсь мѣсто рандеву Сибири съ Сахарой, ибо такъ не далеко переходъ отъ снѣжныхъ Таврскихъ и Ливанскихъ вершинъ къ раскаленнымъ за-Евфратскимъ и Сирійскимъ пустынямъ, здѣсь одно и то же дуновеніе вѣтра колеблетъ и финиковую пальму на Мессопотамскихъ равнинахъ, и сѣверную сосну на Курдистанскихъ горахъ. Здѣсь реву Евфратскаго льва отвѣчаетъ ревъ медвѣдя на горной Арменіи».

Какъ географическая индивидуальность, полуостровъ Малой Азіи расположенъ такъ выгодно, какъ ни одна страна въ мірѣ. Распространяясь между тремя частями Свѣта, связываясь съ ними широкими перешейками: Суецкимъ, Кавказскимъ и Персидскимъ, она въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ названіе «срединной земли». Самой природой этой послѣдней предназначено служить интересамъ трехъ частей Свѣта и представлять естественный мостъ между пятью морями, ведущими во всѣ концы міра и имѣющими на своихъ берегахъ великое разнообразіе физическихъ и культурныхъ условій. Это разнообразіе всего болѣе замѣтно въ западной части этой прекрасной страны.

Западная часть Малой Азіи съ своими прекрасно разсѣченными на подобіе пальцевъ прибрежіями, съ массою небольшихъ полуострововъ и островковъ и съ неглубокими рѣчными долинами вплоть

до горъ и плоскогорій внутренности страны вовсе не имѣть азіатскаго характера; она принадлежитъ географически такъ же, какъ и исторически, къ Европѣ¹⁾, составляя почти одно цѣлое съ берегами прекрасной Эллады, не отдѣляемой, а соединяемой съ Анатоліею посредствомъ Эгейскаго моря и естественнаго моста, перекинутаго черезъ десятки острововъ Архипелага. Точно также одно цѣлое, родственное съ ближайшими частями Европы, представляетъ и Понтійское побережье Анатолиі, составляющее какъ бы естественное продолженіе кавказскаго берега отъ Пицунды и Сухумъ-Кале. Высокія плоскогорія Арменіи и Курдистана родственны возвышенностямъ южнаго Кавказа, такъ же какъ и прилегающимъ частямъ Иранскаго плато. Только внутреннія части Анатолиі, самая сплоченная часть Малоазійскаго плоскогорія, составленная изъ ряда болѣе или менѣе обособленныхъ плато, не имѣютъ ничего общаго съ Европою и носятъ характеръ большихъ плоскихъ возвышенностей, столь свойственныхъ огромному матеріку Азіи. Если прибрежная полоса Киликіи, Сиріи и Палестины по своему общему характеру еще имѣетъ нѣкоторое сходство съ ближайшими частями южныхъ европейскихъ полуострововъ, то внутреннія ихъ части, какъ и вся Месопотамія, лежатъ всецѣло въ поясѣ великихъ пустынь, тянущихся черезъ весь Старый Свѣтъ отъ Атлантическаго до Великаго океана и представляющихъ на огромномъ пространствѣ болѣе или менѣе одинаковыя флору и фауну пустынь.

Великое разнообразіе рельефа, характеризующее эту серединную страну, порождаетъ и красоту ландшафта; «тутъ можно видѣть все разнообразіе формъ сѣвера и юга, горъ и равнинъ, плодоносныхъ полей и безжизненныхъ пустынь; лучшія по красотѣ мѣстности Европы повторяются въ Малой Азіи; Тавръ представляетъ лучшіе виды, чѣмъ Тироль и Швейцарія, Пиринеи и Апеннины; долины Ерменека, Меандра и Ириса—красивѣе долинъ Швейцаріи, Испаніи и Сициліи; берега Пафлагоніи и Понта, Ликии и Киликіи еще живописнѣе береговъ Адриатики; долины Бруссы, Афіумъ-Кара-гиссара и Исбарта, не хуже знаменитой Vega di Grenada или равнинъ Ломбардіи, а берега заливовъ западной части Анатолиі—не уступаютъ прославленному заливу Неаполя... Прибавьте къ этому еще вѣчно голубое небо и почти тропическую растительность во многихъ мѣстахъ...» (Чихачевъ, I. с.). Тотъ же самый много потрудившійся авторъ характеризуетъ гидрографію Анатолиі немногими, но весьма рельефными замѣчаніями. «Всѣ главныя рѣки этой страны не глубоки, неудобны для судоходства и дѣлаютъ массу извилинъ противъ прямой линіи; всѣ онѣ поражаютъ своими дугами, развитыми, какъ рѣдко гдѣ-нибудь въ мірѣ, всѣ согнуты и переломаны, какъ будто для того, чтобы занять поменѣе простран-

¹⁾ Реклю. Всеобщая Географія, IX, p. 397.

ства. Начала всѣхъ рѣкъ расположены очень высоко, а потому разница между устьемъ и истокомъ велика, что обуславливаетъ и крутость спуска. Самое распредѣленіе рѣкъ Малой Азіи неравномѣрно; большія плато Ликаоніи, Галатіи, Фригіи и Каппадокіи лишены почти совершенно текучей воды. Ликаонія еще въ древности называлась ахулон (безлѣсная, пустынная), такъ же какъ Фригія, Исаурія и Писидія — *terra deserta, invia, inhabitabilis et inaquosa*, какъ писали средневѣковые географы. Быстрота рѣкъ вмѣстѣ съ ихъ незначительною шириною очень характерная для всей Передней Азіи обуславливаетъ засореніе русла массою обломковъ, что подтверждается и исторіею; нѣкоторыя рѣки засорились совершенно, другія даже исчезли, тогда какъ третьи свернули съ прямого направленія; многія рѣки, бывшія судоходными въ древности—*navigabiles*, теперь совершенно неспособны носить даже небольшія суда». Другой авторъ ¹⁾, хорошо знакомый съ географіею Малой Азіи, говорить, что «рѣки ея, приближаясь къ берегу, идутъ по глубокимъ, почти недоступнымъ ущельямъ или по открытымъ равнинамъ; въ центральной и южной части Анатоліи ручьи не достигаютъ моря; одни изъ нихъ теряются въ соленыхъ озерахъ, другіе питаютъ озера прѣсной воды и, протекиши подъ Тавромъ, выбиваются въ видѣ обильныхъ родниковъ и питаютъ рѣки южнаго берега». Съ своей стороны я добавлю для характеристики гидрографіи Малой Азіи, что рѣки ея довольно рельефно выказываютъ характеръ свойственный вообще азіатскимъ рѣкамъ: «онѣ текутъ лучеобразно по разнымъ направленіямъ, начинаясь почти всѣ изъ глубочайшихъ странъ континента, изъ середины его плоскогорій и горныхъ цѣпей и, такимъ образомъ, проходятъ глубоко въ центрѣ материка ²⁾».

Великое разнообразіе рельефа Малой Азіи порождаетъ и великія климатическія различія; приведенное изреченіе Мальтбрюна довольно мѣтко характеризуетъ его. Въ то время, какъ на нижнемъ теченіи Тигра и Ефрата и на склонахъ Киликійскихъ горъ и Ливана мы встрѣчаемъ чуть не тропическую растительность, на многихъ высокихъ плоскогоріяхъ Курдистана и Арменіи флора до того бѣдна, что съ нею можетъ соперничать чуть не флора полярныхъ странъ. Уильсонъ сравниваетъ климатъ Малоазіатскихъ плоскогорій съ климатомъ Новой Англій (въ Сѣверной Америкѣ), мы же можемъ сравнить его съ тѣмъ, что наблюдается на южныхъ отрогахъ Урала и горъ южной Сибирской окраины. На сѣверномъ Понтійскомъ берегу, куда приносятся черезъ Черное море холодные сѣверные вѣтры, зима суровая съ обильными дождями и снѣгами, тогда какъ на южномъ Киликійскомъ берегу—это одно изъ пріятнѣйшихъ временъ года. «Такъ какъ Анатолія, говоритъ Уиль-

¹⁾ Уильсонъ. Замѣтки по физической географіи Малой Азіи.

²⁾ А. В. Елисеѣвъ. Раціональная географія, р. 64.

сонъ (I. c.), съ трехъ сторонъ окружена водою, то лѣтомъ съ береговъ дуютъ морскіе вѣтры съ трехъ сторонъ. Эти противоположныя теченія, интерферируясь, образуютъ въ центрѣ плато поясъ безвѣтрія, гдѣ сильный зной умѣряется лишь еженедѣльными грозами. Центральныя части Арменіи, поэтому, удаленныя отъ моря, страдаютъ поперебѣнно отъ сильныхъ холодовъ и страшнаго лѣтняго зноя; разность температуръ дня достигаетъ до 35° на плато Курдистана».

Въ то время, какъ Лазистанъ есть отечество всевозможныхъ фруктовъ, а окрестности Трапезунта одѣты сплошною лентою садовъ, внутреннія части Арменіи почти лишены древесной растительности, какъ и огромныя пространства центральныхъ Анатолійскихъ плато и пустынь Мессопотаміи. Климатъ этой послѣдней, обуславливаемый тремя факторами—центральными пустынями, удаленными отъ моря, круговою оградою горныхъ массивовъ, окружающихъ ее съ трехъ сторонъ, и двумя великими рѣками, представляетъ «переходный поясъ, гдѣ перекрещиваются метеорологическія явленія сосѣднихъ странъ, и гдѣ встрѣчаются флоры и фауны, принадлежащія различнымъ областямъ». Благодаря этому, въ то время какъ на сѣверѣ и на востокѣ склоны Курдистанскихъ и Иранскихъ горъ покрываются по веснамъ душистою зеленью прекрасныхъ нагорныхъ пастбищъ, среднія части Мессопотаміи представляютъ даже раннею весною полувыжженныя пустыни; лишь на нижнемъ теченіи Шать-эл-Араба встрѣчаются цѣлыя рощи прекрасныхъ финиковыхъ пальмъ, смягчающія унылый ландшафтъ пустыни. Въ противоположность климату огромной Мессопотамской равнины климаты небольшихъ рѣчныхъ и горныхъ долинъ центральной части Анатоліи представляютъ самое поразительное разнообразіе, смотря по условіямъ рельефа. Отъ райскихъ уголковъ рѣчныхъ долинъ Менандра до суровыхъ дебрей Саккаль-тутанской тѣснины можно указать на цѣлыя тысячи всевозможныхъ климатическихъ переходовъ. «Разсматриваемая въ цѣломъ, говоритъ Реклю, Малая Азія имѣетъ все-таки болѣе холодный климатъ нежели полуострова Европы подъ тою же широтой, и температуры въ ней отличаются большими крайностями». Она имѣетъ свои знойные очаги въ пустыняхъ Сиріи, Петры и Мессопотаміи, и на Конійскомъ плато, но за то съ трехъ сторонъ въ нее дуютъ освѣжающіе вѣтры четырехъ морей, дышущіе съ сѣвера холодомъ и зимою; небольшіе ледники этой прекрасной страны столпились болѣе на востокѣ и на Киликійскомъ побережьѣ, а отдѣльныя разбросанныя по всей Анатоліи возвышенности служатъ отличными охладителями, сближая дѣйствительно нерѣдко Сахару съ Сибирью на протяженіи немногихъ верстъ. Нельзя не согласиться, поэтому, съ Чихачевымъ, что Малая Азія, «обладая всѣми прелестями живописной горной страны, даже лишена ореола древности, все-таки прекраснѣе лучшихъ странъ Европы...»

Не даромъ, поэтому, преданія древнѣйшихъ народовъ отыскивали рай въ этой чудной странѣ, орошенной двумя великими рѣками-близнецами, не даромъ она окружена ореоломъ чудныхъ преданій, не даромъ, поэтому, она и впоследствии стала страной, гдѣ «сама почва—исторія».

Страна, легшая по срединѣ міра, соединившая три части Свѣта и отразившая ихъ характеръ на самой себѣ,—страна разнообразнѣйшаго рельефа, полная разнообразныхъ даровъ природы, совмѣстившая на маломъ пространствѣ всѣ формы земной поверхности, составляющая естественное продолженіе всѣхъ культурнѣйшихъ странъ древняго міра, облежавшихъ ее, богатая всѣми формами проявленія жизни и красотой своихъ ландшафтовъ, территория съ прекрасно-развитыми орографическою и гидрографическою сѣтью, вносящими великое разнообразіе въ каждый ея уголокъ, и склоняющаяся къ пяти средиземнымъ морямъ, представляетъ единственное въ мірѣ сочетаніе всевозможныхъ условий, благоприятствующихъ не только первичному ея заселенію, но и высшему развитію человѣческихъ культуръ. При той вложенной, отчасти инстинктивно, въ человечество склонности къ переселенію и расселенію, обусловливаемой часто борьбою за существованіе, Малая Азія, какъ единственный перешеекъ между морями различныхъ народностей, должна была необходимо стать не только огромнымъ воспріемникомъ разнообразныхъ населеній, но и тѣмъ горниломъ, въ которомъ могли переработаться всѣ разнообразнѣйшія особенности ихъ. Страна, гдѣ цѣлыми тысячелѣтіями сталкивались Востокъ съ Западомъ, Сѣверъ съ Югомъ, не только съ физической точки зрѣнія, но и въ лицѣ многочисленныхъ пришельцевъ, отовсюду нахлынувшихъ сюда, страна, гдѣ жили рядомъ морякъ и горець, номадь и земледѣлецъ, обитатель лѣсовъ и вольный сынъ пустыни, гдѣ сошлись лицомъ къ лицу мудрый египтянинъ и хитроумный грекъ, мореплаватель финикіецъ и исконный хлѣбопашецъ Аріи, живой горячій пышущій огнемъ пустыни семитъ, и холодный разсудительный халдей,—страна, гдѣ столкнулся скиѣтъ съ персомъ, житель Ливіи съ обитателемъ Турана, а Европа въ лицѣ Рима и Эллады со всѣми этими разнообразными элементами,—такая только страна и могла возростить то здоровое растеніе культуры, на которомъ скоро распустился такой чудный цвѣтокъ.

Сложите вмѣстѣ все огромное разнообразіе внутренняго содержанія и внѣшняго міросерцанія каждаго изъ многочисленныхъ народовъ Малой Азіи, всю опытность, знаніе и умѣнье, накопывшіяся въ каждомъ изъ нихъ тысячелѣтіями до общаго соединенія въ срединной странѣ, сопоставьте рядомъ разнообразные культы, отразившіе природу разныхъ уголковъ міра, разнообразные потребности и стремленія, помѣстите все это въ условія самой оже-

сточенной борьбы за существованіе и за обладаніе такими райскими мѣстами, какія во многихъ частяхъ предста ляетъ Малая Азія, соединенная и раздѣленная вмѣстѣ съ тѣмъ морями, пустынями и группами горъ,—и тогда понятны будутъ тѣ главныя причины, которыя сдѣлали эту страну священною землею, колыбелью нашего просвѣщенія, мѣстороженіемъ перваго человѣка и его райскимъ обиталищемъ, какъ говорятъ легенды Ирана, Халдеи и Палестины. Слишкомъ много элементовъ разнообразныхъ, собранныхъ отовсюду, вошло и расплавилось въ великомъ горнилѣ Малої Азії, и нѣтъ ничего мудренаго, что изъ нихъ выплавился драгоцѣнный сплавъ новой культуры, свободной цивилизаціи не міра природы, а міра человѣческой души. Очищенный отъ грубыхъ примѣсей дальняго Востока, Сѣвера и Ливіи этотъ драгоцѣнный чистый сплавъ, проникнутый греческимъ гениемъ, и былъ для человѣчества тѣмъ давно искомымъ философскимъ камнемъ, который поднялъ и оживилъ древній міръ, падавшій отъ борьбы съ внутреннимъ разладомъ и культомъ природы, не удовлетворявшимъ его.

Окидывая общимъ взглядомъ всю исторію цивилизацій древняго, средняго и новаго міра, мы можемъ отмѣтить для Малої Азії, какъ срединной страны, три великихъ эпохи, характеризующіяся по преимуществу тѣмъ или другимъ направленіемъ, по которому слѣдовали движенія народовъ и культуръ. Въ первомъ, древнемъ періодѣ «ось вращенія Стараго Свѣта въ отношеніи торговыхъ сношеній и въ смыслѣ распространенія идей склоняется отъ юго-востока къ сѣверо-западу; въ этомъ же направленіи идетъ и поясъ наибольшей жизненности историческихъ народовъ». Въ слѣдующій періодъ, характеризующійся по преимуществу движеніемъ народовъ съ Востока на Западъ, направленіе исторіи, торговыхъ сношеній и распространенія разнообразныхъ идей совпадаетъ съ линією переселеній, хотя и совершается въ обѣ стороны съ преобладаніемъ однако движеній съ Запада на Востокъ. Въ періодъ новѣйшій, въ которомъ находится и доселѣ вся Малая Азія, эта послѣдняя постепенно засыпала, теряла свое значеніе и дошла, наконецъ, до того, что на большемъ пространствѣ заглохла, омертвѣла и превратилась въ пустыню, усѣянную лишь, какъ кладбище, останками нѣкогда великихъ и многочисленныхъ городовъ. Вавилонъ и Ниневія, Сарды и Милетъ, Баальбекъ и Пальмира, Петра и Іерусалимъ, Антиохія и Дамаскъ, Троя и Ефесъ, Селевкія и Эдесса, Никомидія и Трапезунтъ—все это лишь великія громкія имена, представляющія или груды развалинъ, или блѣдную тѣнь того, чѣмъ была и могла быть страна. Носительница великаго прошлаго, страна, давшая міру религію, науку и культуру, теперь сама жаждетъ обновленія отъ тѣхъ, кому она отдала все, куда отлетѣлъ гений Халдеи, куда эллины внесли новую жизнь и гдѣ сохранились вдохновенные завѣты Христа.

Но что же обусловило эту гибель великой страны, хроническое вѣковое ея страданіе, близкую къ смерти политической агонію. Могли, казалось, измѣниться народы, но страна, источавшая медь и млеко, должна была и донинѣ остаться тѣмъ эллизіумомъ, какимъ она была въ древности, и попрежнему источать свои дары. Безъ сомнѣнія, въ этомъ упадкѣ, не имѣющемъ ничего подобнаго во всемъ мірѣ, помимо природы должны быть виноваты и люди, которые одни перемѣнились въ этой чудной странѣ.

Многіе авторы распространялись не мало о вліяніи природы и рельефа на человѣка-обитателя данной страны, но они часто умалчивали объ обратномъ воздѣйствіи человѣка на природу и страну, тогда какъ объ этомъ послѣднемъ не надо никогда забывать. «Вліяніе внѣшнихъ условій на человѣка, говоритъ одинъ изъ выдающихся географовъ, не болѣе человѣческаго воздѣйствія на внѣшний міръ. Правда, человѣкъ не можетъ создать силы, какъ и вещества, но онъ искусно пользуется естественными силами для того, чтобы подчинить себѣ природу» и мало-по-малу одолеваетъ ее. Трудъ человѣка, собравшагося въ большія сообщества, представляетъ уже огромную силу, которая не можетъ оставаться безъ вліянія на любой клочекъ земли, разъ она была приложена на этомъ послѣднемъ. Если ничтожный дождевой червь, какъ доказалъ знаменитый Дарвинъ, способенъ преобразовать внѣшніе пласты всей земной поверхности, то, безъ сомнѣнія, коллективная сила всего человѣчества представляетъ элементъ, могущій еще болѣе и глубже воздѣйствовать на природу. Трудъ человѣка, вѣчно видоизмѣняющійся, сообщилъ земной поверхности величайшее разнообразіе видовъ; благодаря земледѣлію, понимаемому въ обширномъ смыслѣ, огромныя территоріи на землѣ совершенно утратили свою первоначальную фізіономію. Воздѣлывая почву, человѣкъ видоизмѣняетъ самый физическій и химическій ея составъ; удобряя бесплодную, орошая сухую, дренажируя болотную, размельчая на кусочки, иногда твердую, какъ камень, почву, укрѣпляя и засѣвая песчанную, человѣкъ становится настоящимъ царемъ верхней оболочки земли¹⁾. Воздѣлываніе этой послѣдней и видоизмѣненіе ея вліяетъ, разумѣется, и на климатъ, а слѣдовательно на флору и фауну, на которыхъ особенно сильно сказывается могущество человѣка.

Влія такимъ кореннымъ и глубокимъ образомъ на землю, человѣкъ каждой мѣстности становится ея хозяиномъ, своего рода художникомъ и лѣщикомъ. Отъ искусства этого послѣдняго зависитъ и степень, и характеръ тѣхъ измѣненій, которыя онъ въ силахъ и въ желаніи произвести. У добраго хозяина, экономизирующаго каждую каплю, эксплуатирующаго каждый уголокъ почвы, берегающаго каждую травинку, каждый кусточекъ на пользу и бла-

¹⁾ А. В. Елисеєвъ. Раціональная Географія (I. с.).

горазумное распоряженіе, все хозяйство идетъ хорошо, и доходы превосходятъ расходъ; у хозяина не умѣлаго, растрачивающаго бесполезно матеріальныя и экономическія силы своего даже обширнаго хозяйства, это послѣднее падаетъ не замѣтно, не успѣвая доходами пополнить расхода. Отъ хозяевъ Малой Азіи въ многомъ очень зависитъ причина упадка ея благосостоянія не только въ настоящее, но и прошедшія времена. Мудрые обитатели Вавилоніи, не смотря на все неизмѣримое богатство своей территоріи, не расходовали напрасно ея огромныхъ производительныхъ силъ, они любили землю, какъ свою кормилицу, и умѣли воздѣлывать и благоразумно эксплуатировать ее. Еще въ бібліотекахъ Аккада есть цѣлыя сочиненія, трактующія о земледѣліи, объ уходѣ за полями, за способами обработки земли, объ употребленіи орудій и истребленіи дурныхъ травъ. Точно такими же раціональными хозяевами были и первичные обитатели Сиріи и другихъ уголковъ Азіи; даже гористая Армения издревле славилась высокою степенью своей агрикультуры. Рядъ народовъ, владѣвшихъ Малою Азіею до временъ римлянъ, подчинившихъ себѣ всю Переднюю Азію, тоже вель, повидимому, раціональное хозяйство, которое въ блестящемъ состояніи унаслѣдовали собственники Рима. И вотъ, съ переходомъ земель Малой Азіи въ руки латинскихъ хозяевъ начинается періодъ упадка въ обработываніи и эксплуатированіи земли, продолженный наслѣдниками Рима. Не зная и не желая знать законовъ природы, управляющихъ полевымъ хозяйствомъ, такъ же какъ и экономію всего міра, цивилизованный и варварскій вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ началъ съ насилія надъ природой. «Послѣ не вѣднія законовъ природы, войнъ и другихъ потрясеній мирнаго благосостоянія странъ, главный источникъ, *causa causatum* дѣйствій и небреженій, сдѣлавшихъ бесплодною лучшую часть имперіи цезарей, есть во-первыхъ варварскій и разрушительный деспотизмъ самого Рима, а потомъ тѣ свѣтскія и духовныя тиранніи, которыя послѣ паденія Рима, какъ предсмертное проклятіе, тяготѣли надъ всѣми его обширными владѣніями¹⁾». Благодаря насилію надъ природой, обезображенію ея нелѣпо понимаемыми декараціями, крайне не разумно веденному хозяйству и неумѣнію блюсти экономію производительныхъ силъ страны, эта послѣдняя стала постепенно замирать. Началось дѣло, какъ и вездѣ, съ истребленія лѣсовъ; еще императоръ Адріанъ въ своемъ походѣ на персовъ спалилъ цѣлые лѣса на Ефратѣ, которые съ тѣхъ поръ не могли уже отрости. «Разъ огромные лѣса, продолжаетъ тотъ же авторъ, исчезли съ горныхъ откосовъ и вершинъ, перегной листьевъ и пней, а также плодородная почва нагорныхъ полей—все это было смыто водой; тамъ, гдѣ были роскошные поѣмные луга, теперъ стали без-

¹⁾ Маршъ, «Человекъ и Природа», р. 4.

плодныя равнины, потому что не существуютъ уже болѣе водоемы и резервуары, снабжавшіе водой древніе каналы и, наконецъ, изсякли даже самыя ключи; рѣки знаменитыя въ исторіи, прославленныя въ пѣсняхъ, обратились въ ничтожныя ручьи; исчезли ивы, служившія нѣкогда охраненіемъ и украшеніемъ плотинъ водныхъ вмѣстилищъ, и рѣчки, никогда не пересыхавшія, начали пересыхать, потому что небольшое количество воды, продолжающее еще течь по старому руслу, или испаряется отъ лѣтняго зноя, или поглощается пересохшей землей, прежде чѣмъ успѣетъ достигъ низменныхъ мѣстъ; рѣчныя русла превратились въ широкія полосы песку и кремня; песчаныя мели заградили входъ въ судоходныя рѣки; гавани, нѣкогда бывшія рынкомъ обширной торговли, обмѣли отъ наносовъ рѣкъ, при устьяхъ которыхъ лежатъ; возвышеніе dna лимановъ и происшедшее вслѣдствіе этого уменьшеніе быстроты теченія водъ, въ нихъ вливающихся, были причиною того, что огромное пространство мелкихъ водъ и плодородныхъ нѣкогда земель превратилось въ непроизводительныя болота съ зловредными испареніями» или высохли совершенно и превратились въ пустыню. Мы нарочно привели длинную цитату Марша, такъ живописно и картинно рисующую постепенное развитіе упадка данной страны вслѣдствіе не разумнаго вмѣшательства человѣка въ жизнь и экономію даннаго клочка земли, потому что она всего лучше примѣняется къ Малой Азіи.

Но не прошли и человѣку даромъ это насиліе надъ природой, невѣдѣніе ея законовъ, обезображеніе ея нелѣпыми понятіями о красотѣ, не разумная трата ея производительныхъ силъ, не рациональное веденіе хозяйства и варварское вторженіе въ экономію страны. «Развитіе человѣчества, говоритъ Реклю, тѣсно связано съ окружающею его природою. Между землею и народами, которыхъ она кормитъ, устанавливается тайная гармонія, и человѣческія общества, которыя позволяютъ себѣ занести руку на то, что составляетъ красоту ихъ территоріи, всегда рано или поздно раскаиваются въ своемъ безрасудномъ поступкѣ. Гдѣ природа обезображена, гдѣ пейзажъ утратилъ всякую поэзію, тамъ гаснетъ воображеніе, блѣднѣетъ умъ, рутина и раболѣпство закрадываются въ душу людей и располагаютъ ихъ къ апатіи и смерти». Чудныя, прекрасныя слова, всего лучше примѣняемыя къ Малой Азіи—этому лучшему самоцвѣту Востока.

Разумѣется, разъ начатое еще во времена Рима дѣло разрушенія пошло *crescendo* при такихъ варварахъ-хозяевахъ, какими явились въ Малой Азіи наслѣдники Византіи и особенно турки, совершенно умертвившіе страну. Правда, армяне на сѣверо-востокѣ и арабы на югѣ еще успѣшно воздѣлываютъ почву, нѣкогда служившую житницей древняго міра, а теперь еле прокармливающую свое собственное населеніе, правда, еще не совсѣмъ забылось древ-

нее искусство сирійцевъ и вавилонянъ устраивать замысловатыя системы орошенія, и даже горныя курды до сихъ поръ умѣютъ искусно проводить воду въ своихъ каменныхъ дебряхъ, но все это не можетъ вокресить страны. Она ждетъ иной жизни, и дождется многого, но никогда не дастъ прежней Мессопотаміи, древней Сиріи или Лидіи, какими намъ рисуетъ ихъ исторія. Теперь сама природа стала противъ этой нѣкогда чудной страны и дополняетъ дѣло разрушенія, впервые начатое человекомъ и съ такимъ успѣхомъ продолжаемое имъ уже много столѣтій до послѣдней поры.

Безъ сомнѣнія, къ двумъ разрушительнымъ элементамъ, подорвавшимъ благосостояніе Малой Азіи и ея историческое значеніе—истощенію почвы, обусловленному не раціональнымъ хозяйствомъ, и опустошительнымъ войнамъ, скашивавшимъ не разъ не только все населеніе, но и самую культуру страны, надо прибавить еще третью болѣе роковую причину—это постепенное иссушеніе страны. Не особенно быстро изъ годъ въ году, мало-по-малу, но все-таки очень замѣтно сохнетъ и мертвѣетъ сама по себѣ Малая Азія; высыхаютъ ея многочисленныя озера, мелѣютъ рѣки и гавани, поднимаются берега, море отходитъ отъ нихъ, словно какая-то роковая сила дѣйствуетъ ежечасно на всемъ пространствѣ срединной страны, вышиваетъ ея влагу, сушитъ почву и превращаетъ ее въ камень. Этотъ печальный фактъ замѣтили еще великіе наблюдатели древности, его констатируютъ и современные обитатели страны, на глазахъ которыхъ иссушается ихъ кормилица-земля. Двѣ космическія причины дѣйствуютъ одновременно и согласно въ одномъ направленіи, и какъ результатъ ихъ сложенныхъ силъ, является роковое иссушеніе Малой Азіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Первая причина на видъ мало замѣтная—это постепенное поднятіе почвы, увеличеніе ея на счетъ моря и отступленіе послѣдняго отъ береговъ. Малая Азія лежитъ въ области поднятія почвы такъ же какъ и берега Финикійской Африки (область древняго Карфагена), Греціи, Сициліи, Сардиніи и др. Благодаря этому геологическому явленію, отмѣченному ясно на берегахъ Малой Азіи, эта послѣдняя «уже въ историческую эпоху увеличилась значительнымъ поясомъ прибрежія въ ущербъ Эгейскому морю»; приращеніе берега идетъ на столько значительно, что западное побережье Анатолиі въ какія-нибудь двѣ тысячи лѣтъ увеличилось почти на 200 квадр. верстъ. Этимъ и объясняется тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что многія древнія гавани обмелѣли, а города, лежавшіе при нихъ, ушли подалѣе отъ моря; такъ отступили отъ берега развалины Милета, Галикарнаса, Ефеса, Смирны, Магнезиі, Трои и др., многіе острова Архипелага, прежде обособленные, соединились, слились между собою или съ сосѣднимъ берегомъ и прилипли, такъ сказать, къ побережьямъ Анатолиі, увеличивъ ея бахромчатость и величину береговой линіи. Объ этомъ отступленіи моря, увеличеніи береговъ и сліянніи съ

сушею острововъ говорятъ Плиній, Страбонъ, Павзаній и др. То же самое явленіе замѣчается и на берегахъ Понта, и на Киликійскомъ побережьѣ. Разумѣется, разъ страна повышается надъ моремъ, экономія водъ ея измѣняется чрезвычайно, рѣки начинаютъ скорѣе отливать свои воды въ море, мелѣтъ неравномѣрно, что также можно принимать для Малой Азіи, гдѣ, по выраженію Павзанія, «все измѣнчиво».

Другая причина иссушенія страны, такъ сказать, метеорологическая и сводится, главнымъ образомъ, къ сильно континентальному климату ея. Роковые по своей сухости вѣтры дуютъ постоянно въ странѣ, перекрещиваются, производятъ нерѣдкія вращательныя движенія воздуха и буквально, можно сказать, пьютъ воду. Господствующіе вѣтры Малой Азіи — сѣверный, сѣверо-восточный и юго-западный должны пройти многія тысячи верстъ по континентальнымъ странамъ, прежде чѣмъ достигнуть поверхности Малой Азіи, не принеся часто и одного процента влажности, выпитой по дорогѣ сухимъ воздухомъ континентальныхъ странъ. При дѣйствіи такихъ сильныхъ атмосферическихъ насосовъ, работающих цѣлыя тысячи лѣтъ, не мудрено, что выпивается влага и безъ того не обильная во всей Передней Азіи, и страны, нѣкогда плодородныя, обращаются въ ненаселенныя глиняныя и песчанныя пустыни. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ пустыни міра имѣютъ наклонность двигаться впередъ въ сторону обитаемыхъ и культивируемыхъ странъ, онѣ словно сторожатъ каждый шагъ человѣка въ дѣлѣ воздѣлыванія почвы и постоянно грозятъ при малѣйшей оплошности вторгнуться въ его область съ песками, смертью и самумомъ; малѣйшее нарушеніе равновѣсія въ экономіи странъ, сопредѣльныхъ съ пустынею, особенно въ гидрографическомъ отношеніи, влечетъ за собою роковую мечь; пески идутъ вслѣдъ за иссушеніемъ почвы, засыпая постепенно нѣкогда высоко-культивированныя страны. Великолѣпныя развалины городовъ пустыни: Баальбека, Пальмиры, Петры, Сузы, Эбоды, Элузы и др. показываютъ намъ рельефно, что воцареніе песковъ, засыпающихъ ихъ развалины, совершилось уже во времена историческія.

И вотъ, благодаря всѣмъ этимъ, отчасти роковымъ, космическимъ, отчасти поправимымъ, обусловливаемымъ самимъ человекомъ причинамъ, захудѣла и захирѣла страна, вмѣщавшая нѣкогда земной рай, текшая медомъ и млекою, и возраставшая культуры древняго міра. Вслѣдъ за страной, отражая въ себѣ общій характеръ и складъ ея, захирѣлъ и принизился и самый, нѣкогда гордый обитатель ея. Только народы, оставшіеся еще вѣрными земледѣлю, полагавшіе всю свою силу въ землѣ и производительной силѣ ея, еще существуютъ, множатся и живутъ, надѣясь на болѣе лучшія и счастливыя времена, тогда какъ другія народности, всегда съ пренебреженіемъ относившіяся къ воздѣлыванію земли, ма-

лятся, вырождаются и вымираютъ такъ быстро, что можно предвидѣть ихъ полную политическую смерть. Если разобрать статику и динамику всѣхъ народовъ, населяющихъ Малую Азію, то можно, по біологическимъ условіямъ ихъ существованія, нарисовать не только будущее этихъ самыхъ народовъ, но и тѣ этнологическія измѣненія, которыя въ недалекомъ будущемъ отразятся на судьбахъ интересующей насъ страны. Въ то время, какъ господствующая раса турокъ и полукочевая нація курдовъ маляются и вымираютъ, живые дѣятельные народы: греки, арабы и армяне растутъ, множатся, крѣпятся и идутъ на завоеваніе своего древняго наслѣдія. «Овымъ подобаетъ ростиися, овымъ же малитися»—въ этнологіи Малої Азїи это евангельское положеніе проходитъ красною нитью черезъ всѣ народы и вѣка.

Хотя и замерла и заглохла въ сравненіи съ прошлымъ великимъ страна, но она не заснула на вѣки. Теперь уже она начинаетъ пробуждаться и первымъ своимъ движеніемъ пытается сбросить съ себя налегшаго на нее тяжелымъ кошмаромъ османа. Пробужденіе ея равносильно паденію власти турокъ на всемъ пространствѣ великой страны; оживленіе Малої Азїи—это—возрожденіе трехъ жизнеспособныхъ національностей ея на счетъ двухъ другихъ—малодѣятельныхъ и малоспособныхъ. Малая Азія ждетъ себѣ новаго хозяина, чтобы оживиться, зацвѣсти и стать снова въ прежнее положеніе, хотя и не такое блестящее, какъ въ древности—служить живою органическою связью между тремя соприкасающимися въ ней частями Свѣта. Кто будетъ новымъ энергичнымъ хозяиномъ, который подниметъ хозяйство и экономію этой страны и вернетъ ей снова то положеніе, которое она по праву должна занимать, сказать пока трудно,—но ни одна изъ трехъ сильящихся играть первую роль въ Малої Азїи національностей—грековъ, арабовъ и армянъ, не обладаетъ такою мощью, чтобы слить то, что было раздѣлено тысячелѣтіями, воскресить то, что спало вѣками, толкнуть то, что коснѣло со временъ паденія Рима и Византіи. Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ тремъ народамъ предстоитъ блестящая роль—служить къ обновленію страны, бывшей издревле полемъ ихъ широкой дѣятельности, но имъ однимъ не подъ силу такая великая задача, такъ какъ они сами получаютъ свою силу, образованіе и культуру не изъ Азїи, которая въ послѣднее время только мертвила ихъ, а изъ той же далекой и близкой, вмѣстѣ съ тѣмъ, Европы, куда изъ Азїи перенесли эллины искру божественнаго свѣта, которую они сѣумѣли раздуть въ пламень, и доселѣ озаряющій міръ. Изъ Европы должно прійти и возрожденіе страны, послужившей нѣкогда колыбелью человѣческой цивилизаціи. Недаромъ Азія протянула руку къ Европѣ; прежде она сама давала этой послѣдней свои обильные дары,—а теперь проситъ помощи, ко-

торая доселѣ приходила лишь въ лицѣ однихъ и тѣхъ же юркихъ эллиновъ, прыгающихъ и теперь, какъ и во времена процвѣтанія Іоніи, между Азією и Европой, словно не зная, гдѣ ихъ родина— въ прекрасной ли Элладѣ или чудной Іоніи.

Понемногу, очень понемногу цивилизуется Малая Азія; мы, разумѣется, не считаемъ за цивилизацію ту показную форму, въ которой она является у младо-турокъ, старающихся обезьянничать и подражать Европѣ, перемѣняя лишь одежду и оставляя въ своемъ внутреннемъ содержаніи непроходное варварство, еще болѣе гнусное, чѣмъ во времена янычаръ. Греки, со стороны Потнійскихъ и Средиземныхъ береговъ, несутъ въ Малую Азію уже довольно глубоко тѣ принципы, которые исходятъ изъ свободной Эллады, и ту науку, что вливаютъ въ греческую націю факультеты Стамбула и Аѳинъ; съ востока, богатые жизненнымъ опытомъ, трудолюбивые, отстаившіе свою національность и религію входятъ все глубже и глубже въ Анатолію армяне, уже теперь являющіеся «европейцами центральныхъ частей полуострова». Американскіе миссіонеры уже покрыли всю Арменію, Курдистанъ и Анатолію частою сѣтью своихъ школъ, воспитывающихъ цѣлыя тысячи молодыхъ армянъ, въ которыхъ не безъ основанія многіе видятъ задатокъ обновленія страны; центральныя коллегіи въ Харпутѣ, Айнтабѣ, Діарбекирѣ, медицинская школа Айнтаба, большія миссіонерскія учрежденія для мальчиковъ и дѣвочекъ въ бассейнѣ Вана и въ самой Хеккари—все это искорки свѣта, которымъ озарится рано или поздно Анатолія. Еще сильнѣе и быстрѣе двигается культура въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ насчитываются цѣлыя сотни миссіонерскихъ учрежденій и школъ. Бейрутъ со своими двумя арабскими университетами является уже и теперь новымъ Каиромъ и Багдадомъ для феллаховъ Сиріи, которые тутъ получаютъ высшее образованіе, имѣютъ огромное количество всевозможныхъ школъ, арабскія типографіи и арабскій медицинскій факультетъ.

Но помимо этихъ трехъ передовыхъ націй Малой Азіи, вносящихъ въ ея горы, дебри и пустыни свѣтъ европейской цивилизаціи, такъ сказать, самымъ естественнымъ путемъ, Европа и сама придвигается ближе къ колыбели своей цивилизаціи, связывая съ нею не только торговый, но и политическій интересъ. Уже давно на всѣхъ побережьяхъ Анатоліи свуютъ пароходы первенствующихъ народовъ Европы, конкурирующихъ тутъ на аренѣ мирныхъ завоеваній и торговли; десятки торговыхъ компаній пробрались въ самую глубь Анатоліи, пробуждая къ дѣятельности ея огромныя производительныя силы. Составляются уже всевозможные проекты желѣзныхъ дорогъ поперекъ Малой Азіи, рельсовыхъ путей для соединенія Босфора съ берегами Индѣйскаго океана и каналовъ для оживленія судоходныхъ рѣкъ. Спорятъ только о направленіи дорогъ, которыя должны въ скоромъ времени соединить Босфоръ, Кавказъ и Сирію съ Индією, вопросомъ времени счи-

тается и полное экономическое завоеваніе страны, для котораго *Regie Imperiale Ottomane*, монополизировавшее весь табакъ Турціи, сдѣлало первый, но достаточно серьезный, шагъ. Уже есть готовые проекты нѣмецкихъ колоній въ Анатолиі, которыя давно существуютъ въ Сиріи и Палестинѣ, есть европейскіе кушцы, рѣшающіеся пробираться въ самую глубь Анатолиі. И такъ, приобщеніе Малой Азіи къ европейской культурѣ и европейскимъ интересамъ представляется только вопросомъ времени, честь выполнения котораго греки и армяне стараются напрасно приурочить къ себѣ и своему ближайшему потомству. Гордые своею жизнеспособностью, они и не думаютъ, что сами будутъ смяты тою Европою, что на-двигается на Малую Азію теперь; европейская культура скорѣе, чѣмъ тысячелѣтнее иго, варварство, насилія и восточныя цивилизаціи, затушить искру національности, которая горитъ еще и въ грекѣ, армянинѣ, и арабѣ, и превратитъ ихъ въ международныя націи, вполне пригодныя для того, чтобы жить и процвѣтать въ такой же международной странѣ. Левантинцы—временной продуктъ интернаціональности и вырождающагося Востока скоро отживутъ свой вѣкъ, уступивъ свое мѣсто цивилизующимся туземцамъ, выше поднимутъ голову тогда эти послѣдніе, но ни курду, ни осману, ни бедуину пустыни это новое будущее не обѣщаетъ ничего. Роковое «иди!» погонитъ ихъ и изъ насиженныхъ вѣками мѣстъ, но такъ какъ дѣваться будетъ некуда отъ бичей европейской культуры, передъ которой никогда не согнется османъ, то роковое вырожденіе очиститъ отъ него мѣсто для новыхъ народовъ, имѣющихъ прийти съ запада въ Сирію, Арменію, Анатолию и Халдею.

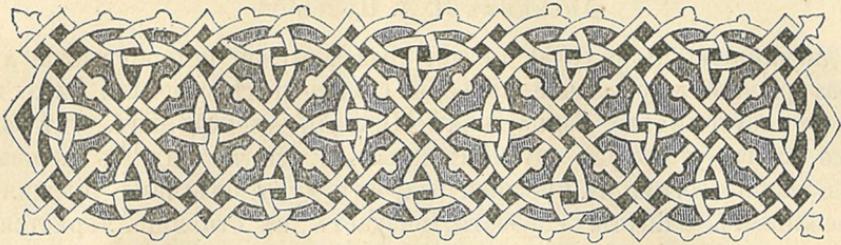
Уже тяжелымъ Дамокловымъ мечемъ надъ Азіатскою Турціей нависла съ грознаго сѣвера Россія, которая въ будущей восточной войнѣ, не имѣя европейскаго театра дѣйствій, всею силою своею ударитъ со стороны Азіи; уже не далеки отъ кавказской границы истоки Тигра и Ефрата, два раза русскіе занимали Эрзерумъ, три раза наши отряды двигались на Ванъ. Лучше прочихъ турки понимаютъ роковую опасность съ этой стороны и, какъ палліативъ противъ нея, не строятъ даже порядочныхъ дорогъ ближе къ кавказской границѣ, чтобы не облегчить дороги русскому солдату, собирающемуся, по ихъ понятіямъ, пойти пѣшкомъ и захватить Константинополь и Босфоръ. Жадными глазами смотритъ на Малую Азію и Германія, пытающаяся забрать въ свои руки всѣ экономическія силы страны, и уже теперь настоявшая на назначеніи изъ нѣмцевъ всѣхъ вице-губернаторовъ Анатолиі; французы, американцы и итальянцы дѣйствуютъ болѣе честно, давая сотни труженниковъ, часто безкорыстныхъ, на пользу туземцамъ и странѣ; за всѣми этими націями ревнивымъ окомъ смотритъ Англія, оберегающая сухопутную дорогу въ ея дорогую Индію; захвативши Египетъ и Кипръ, она все еще не спокойна за Малую Азію, и только рус-

скіе посты, зашедшіе далеко въ центральной Азіи, мѣшаютъ ей попрежнему рѣшительно поступать на Востокъ.

И такъ, страна, манящая всѣ великіе народы Европы, стоящая на распутіи главнѣйшихъ дорогъ Старога Свѣта, ведущая къ спящей красавицѣ Индіи, служащая цѣлью самыхъ разнородныхъ вождѣленій и могущая еще воскреснуть для новой жизни, должна въ скоромъ времени стать театромъ великихъ событій, которыя подымутъ и оживятъ ее опять. Быть можетъ, и сбудутся когда-нибудь мечтанія сановнаго турка о свободномъ городѣ Константинополь и о свободной территоріи Малой Азіи, быть можетъ, не въ далекомъ будущемъ пойдутъ срочные пароходы по Евфрату, а рельсовый путь пройдетъ черезъ земли дикихъ курдовъ, поклонниковъ дьявола—іезидовъ и свободныхъ сыновъ пустыни. Этимъ и закончится на время тысячелѣтняя эволюція страны.

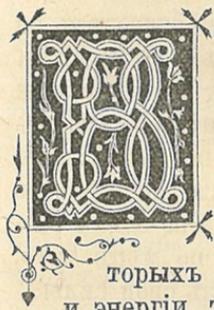
Надо только, чтобы въ этой великой эволюціи срединной страны мы, русскіе, не съиграли бы послѣдней роли, выпустивъ изъ своихъ рукъ то, что само бѣжитъ въ наши объятія. Подобное упущеніе будетъ уже роковою ошибкою, которую придется исправлять вѣками, если только еще возможно будетъ ее исправлять... Почти 1,000 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Цареграда, и до сего дня ворота Стамбула не доступны для насъ. Почти 400 лѣтъ прошло и съ тѣхъ поръ, какъ берега Анатолиі увидѣли первые казацкіе набѣги, и до сихъ поръ мы далеко не подвинулись въ глубину Малой Азіи, и кромѣ Батума, не имѣемъ ни одного Анатолійскаго порта. Припомнимъ только, что казачествомъ придвинулась Русь къ Черному морю, и что казачество спасло ея первые робкіе шаги на югъ, въ сердце туретчины, и стерло послѣдніе слѣды тюрко-татарскихъ племенъ — потомковъ историческихъ половцевъ и печенѣговъ въ плодородныхъ южно-русскихъ степяхъ. Казачество пошло первымъ и къ подножьямъ Кавказа, и первымъ послѣ дружинъ Святослава воевало потомковъ ясовъ и касоговъ; послѣдніе русскіе, стоящіе и нынѣ по границѣ Персіи и Азіатской Турціи, суть казаки, всегда привыкшіе стоять лицомъ къ лицу къ врагу своей родины, кто бы онъ ни былъ, и гдѣ бы не стоялъ. Не задерживать, поэтому, а поощрять всѣми возможными способами нужно казачество, давая ему возможность развертывать всѣ свои силы на пользу родной страны. Какъ и въ завоеваніи Кавказа, Средней Азіи, такъ и въ будущихъ походахъ нашихъ въ Малую Азію, мы не обойдемся безъ казаковъ. Пусть только они поставятъ крѣпкіе устои свои въ Закавказьѣ и Черноморьѣ, какъ поставили на Дону, Уралѣ, Терекѣ и Кубани. Черноморье для насъ теперь важнѣе Терека и Кубани, и не мудрено, поэтому, что самихъ казаковъ съ раздолія тихой Кубани тянетъ къ бурнымъ берегамъ Чернаго моря, откуда нѣкогда воевали Анатолю ихъ смѣлые дѣды и отцы.

А. Елисеѣвъ.

ДНЕВНИКЪ Н. А. ПОЛЕВОГО ¹⁾.

(1838—1845).

В ПРОШЛОЙ статьѣ, посвященной дневнику Н. А. Полевого, мы указали на то, что дневникъ сохранился и дошелъ до насъ не за всѣ годы послѣдняго, петербургскаго періода его жизни и дѣятельности. Самый большой перерывъ въ дневникѣ—перерывъ четырехъ-лѣтній—выпадаетъ, къ сожалѣнію, на 1839, 1840, 1841, 1842 гг., въ теченіе которыхъ Николай Алексѣевичъ, еще полный силъ, надеждъ и энергіи, творилъ, созидалъ, изобрѣталъ, увлекался новыми планами и новыми своими литературными опытами ²⁾.

Мы знаемъ, однакожь, что дневники существовали и за эти годы: на это ясно указываютъ ссылки и соображенія, которыя встрѣчаемъ въ записяхъ 1843 и послѣдующихъ годовъ. Четырехъ-лѣтній перерывъ ясно сказывается на дневникѣ 1843 года, особенно по сравненію

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XXXI, стр. 654.

²⁾ За періодъ времени, протекшій между 1838 и 1843 гг. Н. А. Полевой успѣлъ написать для театра еще нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Честь или смерть», «Елена Глинская» и «Ломоносовъ»—имѣли значительный успѣхъ на сценѣ, а «Параша Сибирячка», поставленная въ 1840 году, была принята публикою съ восторгомъ. Въ началѣ 1839 года, Полевой выдалъ въ свѣтъ два тома своихъ критическихъ статей, подъ заглавіемъ—«Очерки русской литературы». Съ того же года онъ сталъ постоянно помѣщать свои драматическія сочиненія въ «Репертуарѣ» и лишь изрѣдка въ «Сынѣ Отечества», отъ котораго совсѣмъ отстранился лѣтомъ 1840 года. Въ 1841 году Н. А. нѣкоторое время принималъ участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и опять возобновилъ сношенія съ «Сѣверной Пчелой», въ которой принялъ на себя отдѣлъ библиографическій.

съ дневникомъ 1838 года! Четыре года тяжелой петербургской литературной и журнальной карьеры сильно подѣйствовали даже на такого неумоимаго бойца, какъ Николай Алексѣвичъ. Онъ видимо осѣлъ, утомился, опустил крылья... Мы не видимъ въ немъ ни прежняго огня, ни прежней бодрости духа: онъ чаще прежняго переживаетъ минуты слабости, впадаетъ въ отчаяніе, теряется... Онъ, видимо, чувствуетъ, что у него нѣтъ почвы подъ ногами—и это его терзаетъ, мучитъ, приводитъ чаще и чаще къ недовольству самимъ собою. Даже и театральные успѣхи, на которыхъ онъ прежде такъ охотно отдыхалъ отъ трудовъ—теперь утратили для него всю прелесть, перестали увлекать его. Послѣ смерти прелестной, обворожительной «Вареньки» Асенковой, съ которою Н. А. былъ связанъ самою тѣсною дружбою,—александринская сцена, съ ея интригами и расчетами, опостылѣла ему. Къ тому же, горькая нужда заставляла постоянно приниматься за работы, убійственныя для таланта,—за редактированье чужихъ и плохихъ сочиненій ¹⁾, за управленіе безграмотныхъ рукописей, за составленіе книгъ по такимъ отраслямъ знанія (напримѣръ по статистикѣ), которыя были совершенно чужды и характеру, и таланту Н. А.—ча, или представляли собою сборники компилятивнаго свойства.

Съ этой именно стороны «Дневникъ» 1843 года производитъ на насъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, нежели «Дневникъ» 1838; но за то онъ даетъ намъ возможность глубже заглянуть въ чистую и прекрасную душу страдальца, который здѣсь говоритъ о себѣ подробнѣе, высказывается полнѣе и откровеннѣе, чѣмъ въ дневникахъ всѣхъ остальныхъ годовъ. Потребность высказываться, потребность провѣрять каждый свой шагъ и отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ какъ будто возрастаетъ въ немъ по мѣрѣ того, какъ прежняя самоувѣренность и твердое упованіе въ свои силы—начинаютъ покидать Николая Алексѣевича...

1843 годъ. Май ²⁾).

15-го. Возвратился изъ Москвы.

16-го. Планы. Къ Булгарину, Ольхину и Ратькову. Вечеромъ Лукьяновичъ. Булгаринъ и Песоцкій вчера дрались у Ольхина.

¹⁾ Такъ напр., въ теченіе 1843 г., Н. А. убивалъ массу времени на редактированье многогомаго сочиненія капитана Лукьяновича («Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 гг.»). Четыре тома. Спб. 1844 г.), которое было имъ почти сплошь написано заново, тѣмъ болѣе, что Михайловскій-Данилевскій, авторъ извѣстныхъ сочиненій по военной исторіи, въ качествѣ военнаго цензора и лица властнаго, всѣми силами старался замедлить выходъ въ свѣтъ этого сочиненія. Изъ указаній дневника видимъ, какъ много лишней работы доставляли Н. А.—чу прихоти этого цензора-чудака. Въ довершеніе всего, за тѣ уступки, которыя Михайловскій-Данилевскій дѣлалъ Лукьяновичу, расплачивался опять-таки трудомъ своимъ Н. А.—чь, которому Данилевскій навязывалъ, между дѣломъ выправку своихъ сочиненій!

²⁾ Отъ 1-го января по 15-е мая дневникъ утраченъ.

17-го. Дождь. Письмо къ брату. Семененко о поручительствѣ и невозможность помочь ему.—Прощальный обѣдъ Гречу у Сенъ-Жоржа ¹⁾, гдѣ были: Шубертъ, Полозовъ, Граббе, Рикордъ, Скобелевъ, Мятлевъ, Игнатъевъ, Кандалинцевъ, Булгаринъ, Муральдъ Беръ, Якоби, Муравьевъ (Пав. Матв.), Алексѣй Гречъ.—Французъ пѣвшій пѣсни—чудо! Много смѣха. Speechs.—Ссора Булгарина съ Гречемъ. Вечеръ у Булгарина. Письмо Бенкендорфа о запискахъ Вильбуа.

18-го. Ъздилъ къ Бенкендорфу. Объясненіе. (...) ²⁾ Къ Ольхину. Плюшаръ.—Къ Кукольникову—онъ ѣдетъ въ Парголово. Къ Соловьеву—о деньгахъ. Вечеромъ чужакомъ, что проектъ храма дѣлалъ. Корректурѣ Суворова.

19-го. Безденежье и досады. Записка о дѣлѣ Ксенофонта. Исторія несчастной Шиттъ.—Семененко и Богомолецъ.—Вечеромъ переписывалъ записку.

20-го. Переписалъ. Провожалъ Греча на пароходъ—увидимся ли, и когда? Онъ ѣдетъ на три года! Къ Данилевскому—бѣдственная ссора его съ дѣтьми; онъ убитъ. Мысль о мирѣ его съ Кандалинцовымъ ³⁾.—Къ Лукьяновичу. Дѣти у церкви Покровской.—Началъ Исторію отъ Петра. Господи благослови!—Вечеромъ Лукьяновичъ и Песоцкій.—Сегодня Вознесенье. День прекрасный, вечеромъ дождь.

21-го. Дождь съ утра. Парадъ отмѣнили. Мучили: Яковлевъ, Богомолецъ и другіе. (...) Исправлялъ Суворова. Обѣдалъ у Кандалинцова, гдѣ М. Е. Храповицкій, Мясоѣдовъ, Рикордъ и проч. Устрицы.—Домой въ 10 часовъ.

22-го. День прелесть. Рукопись Суворова. Чужакомъ съ проектомъ, что Асенкова отдаетъ за полцѣны мой вексель!!! ⁴⁾ О стыдъ!!! Бенкендорфъ прислалъ 5 рублей сер. за экз. «Петра Великаго»—я расхотался! Торжественно присланъ былъ ко мнѣ чиновникъ взять этотъ экземпляръ, а я ужъ думалъ—Богъ знаетъ, что будетъ! О!.. О!.. Но все это въ порядкѣ вещей.—Приходилъ Семененко—въ отчаяніи—Шлиттъ давалъ женѣ его цѣлковый!!! Соловьевъ, отыскавшій Кошихина, сошелъ съ ума.—Вчера получилъ отъ Ефимовича нѣмецкій переводъ «Честь или Смерть»!—Вечеромъ корректурѣ Суворова и выписки для Исторіи Ксенофонта ⁵⁾. Сегодня парадъ—день прелестный.

¹⁾ Извѣстный ресторанъ того времени.

²⁾ Напоминаемъ о томъ, что точки въ скобкахъ (...) стоятъ на мѣстѣ такихъ замѣтокъ дневника, которыя не имѣютъ общаго интереса.

³⁾ Кандалинцевъ былъ зять Данилевскаго.

⁴⁾ Т. е. Асенкова-мать. Въ поясненіе этого упоминанія слѣдуетъ замѣтить, что В. Н. Асенкова, незадолго до смерти, ссудила Н. А.—ча небольшою суммою, на которую Н. А. упросилъ ее взять вексель. Этотъ-то вексель и достался ей матери, послѣ смерти Варвары Николаевны.

⁵⁾ Т. е. «Русской Исторіи для юношества», которую Н. А. обязался написать для брата своего Ксенофонта.

23-го. Утромъ къ князю А. Θ. Голицыну о просьбѣ Ксенофонта. Бесѣда съ нимъ (...). Вечеромъ Пушкаревъ ¹⁾ съ книгою и Лукьяновичъ.

24-го. Понедѣльникъ. Письмо къ брату. Къ Корсакову—разговоръ съ нимъ о магнетизмъ и приглашеніе вечеромъ. — Послѣ обѣда Жемчужинъ и Ефимовичъ. Онъ переводитъ «Исторію Петра Великаго». — Вечеромъ съ 8 час. къ Корсакову, гдѣ узналъ сестру его Катерину Александровну и Пашкова. Изумительное явленіе, дивное, непостижимое умомъ таинство!

25-го. Вторникъ. (...) Начались мученія—(...) отовсюду тянуть денегъ.—Лукьяновичъ отказалъ мнѣ въ 800 рубльхъ! Къ Булгарину не съ чѣмъ показаться! Требуютъ рукописей Жернаковъ и Богомолецъ! Сосницкая съ бенефисомъ! Поутру объясненіе съ Ратьковымъ—и грусть смертельная послѣ того!—День пасмурный. Писалъ Жернакову «Петра Великаго».

26-го. Среда. День прекрасный. Мученья продолжаются.—(...)—Кончилъ «Петра» Жернакову. Вечеромъ для «Пчелы».

27-го. Четвергъ. Для «Пчелы». Къ Булгарину—онъ завтра ѣдетъ. Къ Ольхину. Книги. Бурнашева энциклопедія. Вечеромъ Лукьяновичъ. Жаръ пекла!

28-го. Пятница. Для «Пчелы». Провожалъ Булгарина въ Дерптъ. Ларошфуко и французъ съ бородою. Гречи, Тиммъ, etc. Цынскій пріѣхалъ и заѣзжалъ ко мнѣ.—Жаръ смертельный.

29-го. Суббота. Поручился за Семененку. Къ Цынскому.—Въ комиссію (прошеній) къ Шредерсу.—Фроловъ. Къ Ольхину.—Данилевскій. Получилъ деньжонокъ. Домой въ 5 часовъ. Вечеромъ къ Данилевскому и просидѣлъ до 5 часовъ. Извѣстіе о кончинѣ А. М. Красовскаго въ Кіевѣ.—Бумаги отъ графини Зубовой.

30-го. Воскресенье. Троицынъ депъ. Проснулся поздно. Писалъ Суворова. Мимо насъ гулянье въ Екатерингофѣ. Неприятная встрѣча Данилевскаго, Лукьяновича, Бранта и Макса.

31-го. Понедѣльникъ. Духовъ день. Писалъ Суворова. Богомолецъ! Жаръ страшный!—Розбергъ пріѣхалъ. Вечеромъ Лукьяновичъ и Демонъ.—Извѣстіе о кончинѣ Витгенштейна!

Іюнь.

1-го. Вторникъ. Перевозка на дачу. Былъ Лыткинъ; ѣдетъ на Печеру. Завидую!!!—Сестра и просьба ея въ цензуру о Бурнашевѣ.—Писалъ Суворова.

2-го. Среда. Кончилъ Суворова. Вечеромъ Безобразовъ, Лукьяновичъ, сестра и Розбергъ (...).

¹⁾ Извѣстный И. М. Пушкаревъ, авторъ «Исторіи Гвардіи» (Спб. 1844 г.) и «Описаніе Санктпетербурга». Въ 1843 г., онъ приготавливалъ къ изданію Статистическія описанія отдѣльныхъ губерній. Кстати, не мѣшаетъ добавить, что И. М. Пушкаревъ состоялъ на службѣ въ III отдѣленіи...

3-го. Четвергъ. День прекрасный.—Переписаль Суворова.—Книга Лукьяновича.—«Пчела».—Глупое посѣщеніе Щириовскаго.—Къ Корсакову отнесъ рукопись Суворова.—Для «Пчелы» писалъ.—Вечеромъ перебираль Исторію Русск. народа.—Была Сосницкая.

4-го. Пятница. Письмо къ брату.—Сестра съ предисловіемъ—денегъ у меня только 5 рублей! Ходилъ къ Лукьяновичу. Онъ и не догадывается, и—кто догадается! Одно спасеніе — романъ ¹⁾ Булгарина! Принялся за него.—Смертная тоска и не пишется!—Вечеромъ Жернаковъ о рукописи.—Досмотрѣлъ Суворова переписанную XV главу—чертилъ ее безъ жалости, съ досады.

5-го. Суббота. Писаль романъ. Едва окончилъ листъ и поспикалъ къ Ольхину—100 рублей! Есть хлѣбъ—купилъ овса, вина, чаю, сахару.—(...).—Романъ Сологуба.—Ковалевскаго странствозатель—вивѣръ.—Поѣхаль къ Данилевскому.—На пароходѣ.—Знакомство съ Шильдеромъ.—Прогулка, обѣдъ.—Петергофъ—князь Багратіонъ, князь Кантакузинъ, Поливановъ, Олсуфьевъ—возвращеніе бумаги о Барклаѣ.—Домой поздно.

6-го. Воскресенье. Дурная голова, всталъ поздно.—Лукьяновичъ и Ефимовичъ.—Додѣлалъ Суворова.—Вечеромъ Дюмонъ-Дюрвиль.—Соображаю и трепещу!

7-го. Понедѣльникъ. Трѣмъ билетамъ срокъ былъ уже 21-го марта! Надобно 70 рублей. (...) Данилевскій просить писать о Барклаѣ—нечего дѣлать! Писаль до обѣда.—Ренгильдъ! Мыслей ни капли!! Господи! Помилуй!! Корсаковъ прислалъ записку Пашкова.—Вечеромъ былъ на сеансѣ. Она писала въ сомнамбулизмѣ ²⁾. Сиверсъ, Эбелингъ, Матюшкинъ. Домой въ 12 часовъ.

8-го. Вторникъ. Семененко.—(...) Каратыгинъ—о театрѣ и бенефисахъ—Морской офицеръ.—Писаль Данилевскому о Барклаѣ. Въ ценз. ком. о просьбѣ сестры. Неудовольствія—споръ съ Куторгой. Волконскій. Данилевскому отвезъ начало о Барклаѣ. Обѣдалъ у него. При мнѣ подписали раздѣльную записъ.—Зедделеры.—Левенштернъ.—Семененко, Багратіонъ.—Взялъ записки Балашева, Бестужева-Рюмина, Скуруты и Ермолова.—Корсаковъ прислалъ Зап. Катер. Алекс. ³⁾. Семененко ночеваль у меня.—Грустные соображенія.

9-го. Среда. Весьма глупый день! Поутру рѣшился работать и ничего не сдѣлалъ! Письмо къ князю Ал. Ѳед. Голицыну, съ Ломоносовымъ, и новая просьба сестрѣ въ ценз. комитетъ, да пол-

¹⁾ Романъ, подъ заглавіемъ: «Счастье лучше богатства»,—который Н. А. обязался писать въ сотрудничествѣ съ Булгаринымъ. Романъ печатался въ «Вибл. для Чтенія».

²⁾ Эти магнетическіе сеансы, происходившіе у Корсакова, всегда очень занимали Н. А.—ча.

³⁾ Т. е. «Записки о Сибири»—известную книгу Ек. Ал. Авдѣевой (сестры Н. А.—ча).

листа романа Булгарину; вечеромъ корректура Суворова!— Были, поутру, Говоровъ, спасшійся съ Ингерманланда¹⁾ (о рукописи его), а вечеромъ— Войтъ, Брандтъ, Лукьяновичъ.

10-го. Четвергъ. Тоже бездѣйствіе ума и души. Писаль, однако же, романъ изрядно. Вечеромъ были Богомолецъ и Розбергъ— ночеваль. Вспоминали старое—умень. Слова его объ отзывѣ Уварова. Лукьяновичъ заходилъ. Сосницкая получила Эспаньолетто. День прекрасный. Приглашенія отъ Шильдера и Данилевскаго.

11-го. Пятница. Думая, что Ренгильдъ²⁾ ѣдетъ завтра, какъ одурѣлый спѣшилъ я писать романъ. Шильдеръ заѣхалъ ко мнѣ самъ, говоря, что готовъ обѣдъ, музыка. Въ 5 часу бросаюсь съ рукописью къ Ольхину—не застаю—въ горѣ, слѣшу къ Ренгильду—онъ милъ и ѣдетъ черезъ недѣлю—отдыхаю, ѣду къ Данилевскому, и на пароходъ—онъ отплылъ на сажень отъ пристани! (...). Досадно и грустно было.

12-го. Суббота. Сколько могъ писалъ романъ—послалъ съ Вольдемаромъ (...). Для Жернакова Шереметевъ³⁾. — (...) Масальскій сидѣлъ до 5 часовъ. О Сперанскомъ и Меншиковѣ. Вольдемаръ привезъ деньги. Вечеромъ для «Пчелы». — Письмо отъ брата. Извѣстіе отъ Семененки о бѣдствіи его—жена родила—чтожь я-то сдѣлаю! О Боже! Если бы могъ. (...)

13-го. Воскресенье. Читаль журналъ Ясновидящей. Корректура Суворова—IV глава.—Вчера корректура Градскаго головы. Писаль Жернакову Шереметева. Обѣдалъ Званцовъ. Вечеромъ се-стра и Розбергъ. День жаркій.

14-го. Понедѣльникъ. Изрядно писалъ Жернакову Шереметева, и отослалъ. Вечеромъ для «Пчелы». (...) Громъ, дождичекъ, день прелестный.

15-го. Вторникъ. Для «Пчелы». Началь Ксенофонту Указатель къ Петру Великому. Поѣхалъ въ ценз. комитетъ—никого нѣтъ; (...).—Къ Ольхину—Очкинъ, Жернаковъ, о повѣсти.—О Семененкѣ. Встрѣтилъ о. Такиноа, больного. Вечеромъ Указатель. (...)

16-го. Среда. Кончилъ и послалъ Ратькову Указатель. Вечеромъ Д. Дюрвилъ. Корректуры Суворова.—Послѣ ужина пріѣхала Наташа⁴⁾ (...).

17-го. Четвергъ. До обѣда писалъ повѣсть Ольхину. Проектъ. Написаль листъ. Письмо Половцева.—Ѣздилъ съ Наташею къ нашему ангелу Алексѣю на Волково. (...)

¹⁾ Съ корабля «Ингерманландъ», погибшаго во время бури въ Нѣмецкомъ морѣ.

²⁾ Инспекторъ Петропавловской нѣмецкой школы, у котораго на полномъ пансіонѣ жили три старшихъ сына Н. А.

³⁾ Всѣ эти біографіи, упоминаемыя при имени Жернакова,—назначались въ книгу: «Двѣнадцать русскихъ полководцевъ», запроданную Жернакову.

⁴⁾ Супруга Н. А.—ча, жившая съ семействомъ на дачѣ.

18-го. Пятница. Писаль, сколько моихъ силъ доставало. Въ домѣ — 1 р. 40 к., ни сахару, ни чаю. (...) Послѣ обѣда Наташа отправилась на пароходъ, а я къ Ольхину. Онъ спалъ—жду; просыпается—(...)! Береть рукопись—прошу 350 рублей—отказъ чистый! Мнѣ стало жарко и холодно. Къ Соловьеву — нѣтъ его. Къ Ратькову! Кое-какъ лажу... И въ грусти и тоскѣ сидѣлъ вечеръ дома. (...) Съ гора вечеромъ началъ писать оперу Львову.

19-го. Суббота. Дождь цѣлый день. Послалъ Вольдемара обрабатывать дѣло, и измучился, ожидая его до 3-хъ часовъ. Но онъ успѣлъ взять у Ратькова 200 р. и отдать Ренгильду, и привезти отъ Ольхина 100 р.—Сергѣй переведенъ въ Gross-terzia. Рѣшилъ ѣхать въ колонію къ мальчику¹⁾. Вечеромъ письмо къ брату.

20-го. Воскресенье. Туманно и облачно.— На Шильдеровомъ пароходѣ. Въ Петергофѣ шарабанъ.—Дождь цѣлый день, но я отдыхалъ, ничего не дѣлалъ—мальчикъ и прочіе.

21-го. Понедѣльникъ. Поутру статья въ «Пчелу» о Данилевскомъ. Отдыхалъ. Послѣ обѣда ясно. Колонисты. — Видъ на море. Разказы—смѣхъ—толпа. Какъ мало надобно для счастья человѣку!

22-го. Вторникъ. Сегодня мнѣ 47 лѣтъ ровно. Что? Писаль оперу и кончилъ 1-й актъ. День прелестный. Послѣ обѣда поѣхали на шарабанѣ въ Рамбовъ²⁾. (...) Мальчикъ мой ангелъ! (...) Домой въ 12 часовъ. Безъ меня были: Горголи (о Витгенштейнѣ), Пушкаревъ, Подберезскій, Такиноѣ. (...)

23-го. Среда. 48-й годъ. Коррекура Суворова. Для «Пчелы». Сосницкая приходила мучать пьесою!! Принужденъ обѣщать... Пошелъ къ Горголи—разговоры о Витгенштейнѣ. Образъ Спасителя—портретъ Рибаса. Семеновъ съ глупостями ждалъ меня. Послѣ обѣда Лукьяновичъ и Пушкаревъ съ Гедеоновымъ и разными предложеніями. Сидѣли до 12 часовъ. День плящій.

24-го. Четвергъ. Поспѣшилъ къ Ольхину. Семеновъ сказалъ, что онъ ѣдетъ сегодня—все вздоръ! Къ Ратькову—онъ деньги уже получилъ. (...) Домой и для «Пчелы». Гедеоновъ и Лукьяновичъ съ неудачею у Данилевскаго. Сосницкая. Вечеромъ Соболевскій, Побѣдоносцевъ (изъ Новгорода) и Розбергъ. Простились. День жаркій.

25-го. Пятница. Послалъ въ Рамбовъ деньжонокъ. Писаль Рикорду о Говоровѣ. Для «Пчелы». Ольхину Проектъ. Вечеромъ послѣдняя корректура, вчернѣ, Суворова. День жаркій. Рукопись «Исторія гвардіи» Пушкарева—глупость!

26-го. Суббота. Заглавіе и оглавленіе Суворова. Ольхину Проектъ. Плохо! Богомолецъ. Читаю «Исторію Русскаго Народа»—

¹⁾ Т. е. къ семейству своему, въ которомъ младшимъ членомъ былъ сынъ Петръ (онъ же и мальчикъ).

²⁾ Народное названіе Ораніенбаума, заштатнаго города Петергофскаго уѣзда.

вечеромъ Максѣ¹⁾, сидѣлъ до 12 час. Пошелъ въ Сенать. День пѣкла. Сосницкая мучить.

27-го. Воскресенье. Полтавская побѣда. Напрасно старался я писать Ольхину—билъ себя въ лобъ, ходилъ... Писалъ и мало, и глупо... Думалъ вечеромъ... Пришелъ Корсаковъ, потомъ Лукьяновичъ — толковали до 11 час., съ первымъ о цензурѣ и альманахѣ; другой съ книгою своею и расчетами объ ней, которые я составилъ. Поспѣшили лечь... Тревожно провелъ ночь... И день прошелъ! Воже!

28-го. Понедѣльникъ. Проснулся въ 3 часа—зубная боль. Въ 5 часовъ сѣлъ и до часу написалъ листъ Булгарину, и изрядно. (...) Послѣ обѣда поѣхалъ къ Ольхину, получилъ 100 р.—онъ самъ въ Москвѣ. Купилъ разныхъ вещей. Вечеромъ «Тимона»²⁾ переводилъ. День пѣкла.

29-го. Вторникъ. Петровъ день. Поутру для «Пчелы». Послѣ обѣда въ Петергофѣ. Полонъ пароходъ—все весело и богато! Я съ зубной болью сидѣлъ въ углу. На пристани ждали меня—мальчикъ, Сергѣй, Наташа, Гыза, Ябедцо³⁾—гуляли. Музыка. Зоря. Видѣли царицу. Мальчикъ у Самсона; встрѣтили Гавр. Степ. Попова. Онъ ѣдетъ въ Крымъ. На шарабанѣ въ колонию. Ужинъ — смѣялись! (...).

30-го. Среда. Для «Пчелы». Послѣ обѣда мальчикъ проводилъ до дачи Дондукова. Оттуда Наташа, Гыза, Анета и Ябедцо пѣшкомъ въ Рамбовъ. На шарабанѣ въ Петергофъ. На пароходѣ челоуѣка три. Голофеева старуха. Шильдеръ. Читалъ ему и говорили. Домой въ 11 часовъ. Въ Петергофѣ тьма народа.

Іюль мѣсяць.

1-го. День пѣкла. Работалъ худо. Повѣсть Ольхину. Статьи въ «Пчелу». Приходилъ въ отчаянье, что не могу писать!! А пишу?! Пушкиревъ съ предложеніями—кажется, вздоръ. Вечеромъ Лукьяновичъ. (...).

2-го. Пятница. Дождичекъ. Не на что купить овса лошадямъ! (...) Отослалъ въ «Пчелу»,—приходилъ Алексѣй Грець. Кончилъ Ольхину—весьма глупая статья вышла! Письмо отъ брата. Вечеромъ къ Данилевскому,—онъ какой-то сумасшедшій—его записки о 1818 г. Де-Ламбертъ умеръ. Домой въ 2 часа.

3-го. Суббота. Какъ безумный писалъ романъ Булгарина, и написалъ цѣлый листъ. Пріѣзжалъ Гедеоновъ, и привезъ каталогъ Вихманна. Послѣ обѣда отвезъ листъ, взялъ денегъ, купилъ овса

1) Максимъ Карловичъ Цеймернъ—товарищъ молодости Ник. Ал. Впослѣдствіи сенаторъ.

2) «Тимонъ»—извѣстная пьеса Шекспира.

3) Шуточные названія старшихъ дочерей Н. А.—ча.

и вина—безъ того ѣсть нечего было бы. (...) Журналы—мерзость! Глупости Галахова съ Шевыревымъ,—въ «Пчелѣ» статья о пароходѣ. Вечеромъ Лукьяновичъ. Дождичекъ. Перебиралъ «Исторію Русскаго Народа». (...)—100 лѣтъ, какъ родился Державинъ.

4-го. Воскресенье. (...) Ничего не могъ дѣлать! Писалъ статью объ Витгенштейнѣ—плохо. (...)

5-го. Понедѣльникъ. (...) Принялся за романъ—больше полуста не написалось! Была Сосницкая—отсрочила до 20 сентября бенефисъ. Вечеромъ увлекся въ «Исторію» для брата—рѣшился писать. Гедеоновъ привезъ Бюшинга. ¹⁾ Ратьковъ отнялъ вечеръ. Приѣхала Наташа, и вмѣстѣ ужинали.

6-го. Вторникъ. Дописалъ листъ романа, и пошелъ съ Вольдемаромъ. Исторію брата началъ, но больше соображалъ. Тожъ и вечеромъ. Читалъ Бюшинга и Дюмурье. Приглашеніе отъ Шильдера. (...)

7-го. Среда. Отправился на пароходѣ. (...) Маневры отмѣнили, и мы поѣхали въ Петергофъ обратно. Шильдеръ, Данилевскій, Пановъ (туркоѣдъ), Вронченко, Очкинъ, Шенингъ, Зассъ, Цеймернъ, Балугянскій, Атрѣшковъ, Любимовъ etc. Зашелъ къ Данилевскому. Читалъ о возмущеніи славянъ въ 1812 году. Зубы—домой. Исторія брата—плохо. Лукьяновичъ вечеромъ съ горемъ и жалобами.

8-го. Четвергъ. Наташа уѣхала. Романъ Булгарина. Поллиста только! Былъ Подберезскій. (...) Ночевалъ Семененко.

Пятница, 9-го. Поллиста романа Булгарина. Отослалъ съ Вольдемаромъ, получилъ деньги и послалъ къ Наташѣ и проч. Пушкиаревъ и Семененко—о гвардіи вышелъ вздоръ. Я предвидѣлъ. Поѣхали обѣдать къ Масальскому на Карповку, толковать о журналѣ. Вмѣсто того, попали на тоню—промокли и ночью домой. (...)

(10, 11, 12, 13 ...) 14-го. Среда. Кончилъ листъ романа Булгарина и отослалъ,—уже оставался съ 5 рублями. Сестра; Корсаковъ—о Низарѣ. Лукьяновичъ съ жалобами. Описание Кремля Вельтманово. Послѣ обѣда поѣхалъ къ Шрейдерсу, къ Висковатому, къ Сухонину—никого не видалъ. Алексію Гречу отдалъ статьи—видѣлъ Клота. У Данилевскаго читалъ о Витгенштейнѣ и сидѣлъ долго. О Лук. говорили.

15-го. Четвергъ. Письмо къ Сухонину, о Говоровѣ. Переписывалъ пѣлый день Витгенштейна. Посылалъ узнать у Шредерса о дѣлѣ брата. (...) Былъ Жернаковъ и мучилъ біографіями полководцевъ, а Ильинъ деньгами; но что эти мученія, противъ того, что ждетъ меня!! Боже, помоги мнѣ, милосердый! Статья Булгарина въ «Пчелѣ» о дѣлѣ брата. Что она сдѣлаетъ? (...)

16-го. Пятница. Письмо для Лукьяновича. Послалъ Витген-

¹⁾ Извѣстное изданіе «Bütching's Magazin», — важное, какъ источникъ для русской исторіи.

штейна статью къ А. Гречу. Горголи прислалъ мнѣ портретъ Витгенштейна. Принялся за романъ и написалъ треть листа. Пришелъ какой-то мерзавецъ отъ Бѣгичева и Жемчужникова за долгомъ!! Послѣ обѣда, вечеромъ, явились Семененко, Старцовъ, Навроцкій, Великопольскій, и глупо убили вечеръ.

14-го. Суббота. Дописалъ $\frac{2}{3}$ листа и отправилъ съ Вольдем. Уже не было дровъ и оставалось всего 4 гривенника. Приходилъ Яковлевъ—я не сказался! Приходилъ Смирдинъ!.. Грустно—требуется! Ильину далъ денегъ 35 рубл. Алексѣевъ пришелъ съ предложеніемъ о Державина біографіи за 500 р.—согласился. Письмо отъ брата. Послалъ Максѹ отъ Безроднаго записку о дѣлѣ съ Ширяевымъ. Лукьяновичъ съ неудачею. Вечеромъ писалъ Миниха для Жернакова. (...)

18. Воскресенье. Наступаетъ dies nefas—деньги 4000 рублей двумъ женщинамъ - извергамъ — Бѣгичевъ — безденежье... Такъ грустно; бѣдный братъ! Кругомъ долги—что-то дѣлаютъ мои изгнанники въ Ораніенбаумѣ! Асенкова прислала письмо, напоминая о срокѣ (...) — Писалъ Миниха Жернакову — изрядно. Приходилъ Сухонинъ о рукописи Говорова. Былъ Корсаковъ (...).

19-го. Понедѣльникъ. Дождь и грусть ужасная.—А что еще будетъ!! Судьба то улыбается, то гнетъ. Когда я писалъ листъ Булгарину, пришелъ Алексѣевъ и далъ задатокъ 150 рублей за біографію Державина. Послалъ Наташѣ 50 рублей, приготовилъ Ильину 40 рублей. Сухонинъ привезъ рукопись Говорова. Ефимовичъ пріѣзжалъ сказать о непроектѣ нѣм. пер. «Смерть или честь!» Вечеромъ Лукьяновичъ. Писалъ Жернакову. Анекдотъ Ефимовича.

20-го. Вторникъ. Ильинъ день. Перечитывалъ Жернакову «Полководцевъ» и писалъ «Миниха» ему. Алексѣевъ отъ него. Корсаковъ о своей повѣсти (давалъ читать ее). Онъ ѣдетъ въ деревню. Всѣ отдыхаютъ,—а я? Но хоть бы безъ отдыха, но только не терзали фуриі. Вечеромъ къ Данил., о Лукьяновичѣ; просидѣлъ до 3-хъ часовъ утра, и взялъ рукопись Лукьянов. и его рукопись о 1818 годѣ. Работы, работы,—а время? Голова моя!! День рожденія брата Ксенофонта—ему 42 года!

28-го. Среда. Корректурa «Градскаго головы», и «Минихъ» для Жернакова. (...). Ѣздилъ къ Райковскому на Смол. кладбище, съ рукописью П. В., ¹⁾ и говорить о Вольдемарѣ. Кладбище — надпись надъ П. Д. Маркеловымъ: «Онъ дикій камень мой обдѣлывать старался, чтобы спасенья знакъ на немъ изображался!» Памятникъ Вареньки Асенковой. За чаемъ Богомолецъ съ политипажами. (...).

22-го. Четвергъ. Корректурa Витгенштейна въ «Пчелу» — послалъ Данилевскому и рукопись его. Писалъ романъ Булгарину, но худо; пріѣхалъ Меркурьевъ съ векселями Кутулы, и мучилъ!

¹⁾ Вѣроятно, для цензурованія рукописи «Петра Великаго».

Обѣдалъ у Жернакова на дачѣ—Краевскій, Ольхинъ, Ратьковъ, много гостей, и — Максъ Цеймернъ! Домой съ Ратьковымъ — отъ Данил. рукопись 1816 г. и рукоп. Гедеонова о Монголахъ.

23-го. Пятница. Корр. Витгенштейна. Началъ романъ Булгарина, но плохо. Выправлялъ Лукьянов. и Говорова. (...). За чаемъ Алексѣй Грець, Корсаковъ и Лукьяновичъ (...).

24-го. Суббота. Отослалъ послѣднюю корректуру Витг. въ «Пчелу» — сколько работы съ этой статьей! Въ «Пчелѣ» статья о Суворовѣ. Приходилъ Яковлевъ — помучить; но что это противъ будущаго — Масѣрь, ¹⁾ Асенкова, Кутула!! Былъ Горголи, были отъ Сосницкой. Дописалъ листъ и послалъ съ Вольд., купилъ фланели и на сюртукъ. Послѣ обѣда къ Ратькову—о Меркурьевѣ; къ Ольхину—трепещу—онъ ѣдетъ!! Вечеромъ—Ист. брата.

25-го. Воскрес. Собираюсь къ мальчику. Происшествіе на пароходѣ. Переходъ къ Берду. Конст. Васил. Мокеевъ и ссора его съ Корсаковымъ. Мальчикъ встрѣтилъ меня на шарабанѣ у колонн. Всѣ здоровы. Обѣдалъ и спалъ, какъ убитый (...).

26-го. Понедѣльникъ. День ясный. Поутру исправлялъ Лукьяновича и Говорова. Сошелъ внизъ и расположился въ садикѣ. Послѣ обѣда спалъ и отдыхалъ тѣломъ и душою. Мальчикъ — ангелъ настоящій. (...).

27-го. Вторникъ. Съ 4 часовъ работалъ въ садикѣ до обѣда. Лук. и Говоровъ (...). Пароходъ. Петербургъ! Безъ меня были Семен., Пушкаревъ и Половцевъ. Данилевскій прислалъ вина. Письмо Брянцева—и онъ!

28-го. Среда. Три дня отдохнулъ я. Считаюсь и — трепещу! Господу надежду мою, но августъ можетъ быть ужасенъ! Всемогущій! Защити! Иду къ Ольхину—съ 9 до 12 часовъ ждалъ я жиды этого; онъ грабить меня, но, по крайней мѣрѣ, соглашается помочь — пусть осудить меня тотъ, кто смѣетъ! Съ полугоремъ пошелъ въ Комиссію Прошеній, и тамъ ожидало меня горестное извѣстіе—брату отказано! И вотъ наши Дюпены! Долго сидѣлъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ и грустно размышлялъ. Жаръ плящій. Принялся кое-что дѣлать, и не могъ—грусть одолѣла меня! Послѣ обѣда, вечеромъ, поѣхалъ къ Данилевскому—не засталъ. Пѣшкомъ домой — усталъ до смерти. Занялся Исторіею брата. Въ «Пчелѣ» статья о Витгенштейнѣ.

29. Четвергъ. Жаръ плящій! Грусть одолѣваетъ. Развернулъ Библию и прочелъ Исаію, глава II, 9—18 ²⁾. Господь! храни меня!

¹⁾ Такъ называлъ Н. А. одну родственницу-кредиторшу.

²⁾ Это мѣсто, по отношению къ горестямъ, удручающимъ Николая Алексѣевича, очень замѣчательно; приводимъ здѣсь часть вышеуказанной цитаты (стихъ 12—15): «Я, Я Самъ—Утѣшитель вашъ; кто ты, что боишься челоуѣка, который умираетъ, и сына челоуѣческаго, который тоже, что трава, и забываешь Господа, Творца своего, распростершаго небеса и основавшаго землю; и непрестанно,

Какъ написать брату?—Принялся за его Исторію. Писалъ изрядно до самаго обѣда. Вечеромъ былъ Пушкаревъ. Письмо Марьи Θεодоровны (Императрицы) и бумаги Семеновскаго полка (...).

30-го. Пятница. Побрелъ къ Ольхину. Жаръ плящій. Получилъ билеты — общалъ вексель черезъ три дня. Къ Ратькову — Меркульевъ. Неумолимъ. Домой. Еле живъ отъ усталости. Принялся за Исторію брата. Худо. Вечеромъ. Гедееоновъ былъ и Исторія брата — плохо.

31-го. Суббота. Проснулся въ 5 часовъ и съ горестью размышлялъ о дѣлахъ. Убийственно! Нищета, горесть, бѣдный братъ! Асенкова, Меркульевъ, Масѣръ, мелкіе долги безъ счета—въ домѣ ни гроша! Писалъ отчаянно романъ Булгарину, написалъ листъ и послалъ съ Вольдемаромъ. Поѣхалъ къ Масальскому на Карповку. День ясный. Обѣдали въ саду. Навроцкій. Толковали о журналѣ съ Мас. и Семен. — все вздоръ. Пѣшкомъ до Троицкаго моста. Домой во 2-мъ часу.

Августъ.

1-го. Воскресенье. Усердно молился Богу. Письмо къ Наташѣ, письмо къ Каратыгиной. Въ 12-мъ часу къ Данил. и съ нимъ, съ Антониной и дѣтьми осматривали дворецъ и Эрмитажъ. Долго были въ генеральской галлерей—Фельдмаршальская, Петровская, Георгіевская, Царскія пріемныя—портреты. Робинсонъ. Старики-инвалиды. Сокровища. Картины Гор. Вернета. Усталъ до смерти. Домой въ 5-мъ часу. Послѣ обѣда Богомолецъ — ѣдетъ въ Москву; вечеромъ Лукьяновичъ — все прежнее.

2-го. Понедѣльникъ. Жернакову изъясненія картинокъ (...). Богомольцу письма. Переборъ книги Лукьяновича, до обѣда и вечеромъ. Былъ Алексѣевъ; вечеромъ говорили — о Витгенштейнѣ. Вольд. ходилъ на экзамень ¹⁾. Говорить, что изрядно (...).

3-го. Вторникъ. Съ утра до обѣда и даже послѣ обѣда перечитывалъ книгу Лукьяновича и вечеромъ повезъ къ Данилевскому, измучился, читая съ нимъ. Домой въ три часа утра. Скоро ли кончится это несносное дѣло! Вольдемаръ былъ на экзаменѣ. Логика у Рождественскаго (...).

4-го. Среда. Проснулся въ 8 часовъ (...). Правилъ книгу Лукьяновича, носилъ къ нему и ходили съ нимъ. Возвратясь, Исторія брата. Вечеромъ треть листа романа Булгарина. Жаръ плящій.

5-го. Четвергъ. Съ утра романъ. Еще записка Асенковой!!! (...). Явился Яковлевъ.—До 12 часовъ утра дописалъ листъ

всякій день страшишься ярости притѣснителя, какъ бы онъ готовъ былъ истребить. Но гдѣ ярость притѣснителя? Скоро освобожденъ будетъ цѣлѣнный, и не умретъ въ ямѣ, и не будетъ нуждаться въ хлѣбѣ».

¹⁾ Онъ держалъ вступительный экзамень въ университетъ.

романа. Послалъ съ Вольдемаромъ. Лукьянъ, принеся книгу свою. Повезъ къ Данилевскому. Онъ оставилъ обѣдать—сидѣли на балконѣ—видъ кругомъ. Толки о войнѣ 1828 и 1829 гг.; взялъ его французскія записки о 1812 годѣ. Домой—Лукьяновичъ. Смѣялись. Вольдемаръ привезъ журналы, не привезши денегъ. Читалъ вечеръ цѣлый «Отечественныя Записки» и «Библиотеку». Какія мерзости! Что за мнѣнія и что за брань! Герценова статья—дичь! Ругательства на Хомякова и брань съ Шевыревымъ!

6-го. Пятница. Преображенъе. Какъ помню я этотъ день! Онъ какъ-то остался въ памяти дѣтства моего. Въ 1808 году, я въ первый разъ говѣлъ. Цѣлый день дома (...). Писалъ письмо къ брату; уже цѣлый мѣсяць молчалъ я — надобно же говорить? А какъ тяжело и грустно, что руки не шевелятся! Выборки изъ Архива для «Исторіи». Письмо къ Булгарину въ Дерптъ, о романѣ и о прочемъ. Записку Данилевскому о достопамятностяхъ Москвы. Лукьяновъ привезъ книгу, и я отослалъ ее къ Данилевскому. День прежаркій. Чтò, измѣнится ли въ день Преображенія судьба? Или готовится... Боже! Помоги, спаси и помилуй!

7-го. Суббота. Рано утромъ, Сергѣй ушелъ въ школу, Вольдемаръ—на экзамень (...), а я отправился къ Ольхину—мерзавецъ, уѣхалъ, и векселя не прислалъ! Въ горѣ къ Ратькову—что дѣлать? Домой. Сосницкая мучить пришла—принялся за водевиль! (...). Вечеромъ записку Данилевскому, о Москвѣ.

8-го. День плящій. Водевиль Сосницкой — время теперь писать его!! Поѣхалъ къ Данилевскому, и засталъ его и Антонину больными. Просидѣлъ до 3-хъ часовъ. Странная болѣзнь его. Описаніе битвы при Треббїи. Планы (...).

9-го. Понедѣльникъ. Расположился писать Сосницкой, отправя Сергѣя въ школу, когда прїѣхалъ Данилевскій и увезъ въ Красное село: дорога, пыль—80,000 войска. Царь, царица, дочери ихъ и женихи, Литке, Волконскій, Чернышевъ, Бенкендорфъ, графъ Бретейль—Бальзакъ. Закуска. Свиданіе въ трактирѣ съ Бальзакомъ. Разговоры. Усталый домой. Письмо стъ Корсакова. Послалъ къ Ратькову и — со страхомъ услышалъ отвѣтъ (...). Безобразовъ съ толками о всякой всячинѣ. Привезъ франц. переводъ Страленберга.

10-го. Вторникъ. Готовлюсь на позоръ, и — помоги мнѣ, Господи, не отвергни упованія моего! Отправился къ Ратькову—письмо къ Ольхину. Взялъ деньжонки за «Пчелу»—даже совѣстно—такъ мало; но есть ли время? Сосницкая присылала; Асенкова — два раза—явился Руссо! Хозяинъ за квартиру! (...). Приходилъ Алексѣевъ съ пробами литеръ, Лукьяновичъ съ жалобами — еще не послѣла книга его! Это ужъ становится несносно. День плящій! И какой.. Но я ожидаю еще страшнѣе—благодарю Бога!

11-го. Среда. Въ безнадежности, и съ утра боленъ. Дѣлалъ

Сосницкой — плохо. Явился Скрыпинъ — вексель Брянцева. Отъ Ратькова ничего. Корректуры «Русскаго Вѣстника» и Говорова книги (...).

12-го. Четвергъ. Ничего дѣлать не могу! Хозяинъ требуетъ денегъ за квартиру. Ренгильдъ пріѣхалъ. Но Господь помощь мнѣ—что-то братъ, бѣдняга? Вольд. вчера кончилъ экзамены. Утромъ все читалъ корр. и рукопись Говорова, а вечеромъ кончилъ ее. Поѣхалъ къ Данил. Онъ какъ съумасшедшій. Принужденъ былъ сидѣть до 5-ти часовъ (утра) и кончилъ объ Лукьяновичѣ. Обѣдалъ въ 6-мъ часу (...). Ратьковъ получилъ вексель (...). Вечеромъ Лукьяновичъ, и въ восторгѣ.

13-го. Пятница. Тяжкій день—меня мучили—а я долженъ былъ, между тѣмъ, писать водевилъ Сосницкой, которая два раза въ день присылаетъ, а я—не только писать, но и думать ничего не въ состояніи. Утромъ явился Скрыпинъ съ маклеромъ и векселями Брянцева — подписалъ!! (...). Вечеромъ Лук. съ извѣстіемъ объ успѣхѣ, да когда еще это!! Не одурѣть бы? Семененко пробылъ у меня полдня, съѣлъ и выпилъ, что могъ, взялъ съ собой вина, и надоѣлъ до-нелзя! Все грустно и тяжело. Войтъ пріѣзжалъ звать меня. Отправилъ рукопись Говорова, а вечеромъ корректура статьи Половцова въ «Русск. Вѣстникѣ». Какая глупость!

14-го. Суббота. Самъ не знаю, что дѣлаю. Хотѣлъ бросить начатую пьесу Сосн., но она держитъ меня за горло — пишу, видя, что глупо! Но не пишется... Принялся за корректуры «Русск. Вѣстн». Руссо отъ Асенковой приходилъ—два раза! Посылалъ два раза къ Ратькову — и 200 рублей не даетъ, а сегодня срокъ послѣдній билетамъ (...). Простудился, сидя въ рубашкѣ,—кашель и насморкъ. Голова болитъ—дѣла и жизнь, а дни летятъ въ нелѣпости и глупости...

15-го. Воскресенье. Усп. день. Ничего не дѣлается, боленъ, пишу Сосницкой. Были: Пушкаревъ со вздорами, Лукьяновичъ и Липранди привезъ мнѣ прочитать бумагу о статистикѣ. Ни то, ни сѣ до обѣда. Вечеромъ для «Пчелы». (...) Видѣлъ сонъ, будто меня избрали въ московскіе городскіе головы—что за дичь!

16-го. Понедѣльникъ. Въ 8 часовъ поѣхалъ къ Ратькову о деньгахъ—Ксенофонтъ! Онъ пріѣхалъ ночью... Не говорю о радости. (...) Вечеромъ сестра. Ратьковъ обѣдалъ. Сосницкая была.

17-го. Вторникъ. Братъ ушелъ по дѣламъ (...), а я съѣлъ за водевилъ Сосницкой. Чувствую, что глупо, и то не пишется! Писалъ, а что писалъ—не знаю! Два раза присылала! (...) Недоразумѣніе и посѣщеніе Данилевскаго; назначилъ онъ завтра, а потомъ отложилъ. Послѣ обѣда Ксенофонтъ къ Ратькову, а я вечеромъ для «Пчелы». Глупѣ дня я давно не помню. Рассказъ Ксенофонта о разстройствѣ дѣлъ Воронина—изумительно! Vanité des vanités!

18-го. Среда. (...) Дописалъ Сосницкой—очень глупо! Семеновко, и остался на три дня—куда не кстати! (...)

(19-го, 20-го, 21-го ... Вольдемаръ студентъ... 22-го, 23-го, 24-го ...)

25-го. Среда. (...) Дописалъ Сосницкой, но отдѣлался ли? Едва ли?! Для «Пчелы». Вечеромъ аудиторы и Богомолецъ изъ Москвы. Корректуря Говорова. (...) Письмо Наташи—денегъ и денегъ! У меня три цѣлковыхъ, а туда надобно послать 350 рублей!..

26-го. Четвергъ. Бородино. Письмо къ Наташѣ, къ Сухотину, къ Данилевскому. Корректуря Говорова. Данилевскій прислалъ за мною Антонину. Принужденъ ѣхать. Лидія. ¹⁾ Кутузовъ. Боюсь за старика. Обѣдали—сегодня день его рожденія. Онъ сойdetъ съ ума? Лидія очень мила. Въ 7-мъ часу оттуда зашелъ къ Гречу. Черноглазовъ—Филипповъ. Вечеромъ читалъ «Mémoires de la Garde» и дремалъ. Можно ли проводить дни глупѣе? Сосницкая приходила сказать, что пьесы не пропустятъ. Да я и зналъ это? И писалъ? Я дѣлаю только глупости.

27-го. Пятница. (...) Началъ листъ Булгарину. Послѣ того Лукьяновичъ: привезъ свою книгу. Разодралъ ее на листы, и выдралъ карты. (...) Дѣлаю для «Пчелы». (...)

28-го. Суббота. День мрачный, а ночь лунная. Дописалъ листъ Булгарина, послалъ съ Вольдемаромъ, дѣлалъ для «Пчелы». Все глупо и нелѣпо. Были Яковлевъ, Рикордъ и Ильинъ. Боюсь за моихъ въ Рамбовѣ. Сестра принесла свою тетрадь. Письмо Рейнгольда... Знаю о чемъ!..

29-го. Воскресенье. Поутру ѣздилъ для Лукьяновича къ Пишо, къ Працу и къ нему. Потомъ для «Пчелы». Грустное письмо отъ Наташи, что у нихъ холодъ и сырость. Послѣ обѣда Лукьяновичъ и Брандтъ. (...)

30-го. Понедѣльникъ. Спокойно принялся за работу для «Пчелы», когда пришли съ запиской отъ квартальнаго—Меркурьевъ подалъ вексель Кутулы! Къ Ратькову и съ нимъ къ извергу Меркурьеву—ограбилъ и отсочилъ. Домой въ 12 часу. Письмо Мишо въ «Пчелу». Въ 3 часа къ Данилевскому. Онъ именинникъ. Лидія и Антонина. Старику сегодня лучше. Разказъ о наслѣдникѣ, о митрополитѣ. Былъ Лукьяновичъ на минуту, и что завтра деньги. Домой въ 11 часу. День погибъ!

31-го. Вторникъ. Съ 8 часовъ отправилъ къ Меркурьеву за бумагой, Сергѣя въ школу, а Вольдемара въ университетъ. Сегодня пріемъ. Отнесъ бумагу къ квартальному. Лукьяновичъ привезъ деньги. Распорядился. Нанялъ карету привезти ангела моего мальчика. Отдыхаю. Послѣ обѣда Вольдемаръ опять въ университетъ и къ Полю—купилъ онъ винца. Ильинъ вымучилъ цѣлко-

¹⁾ Лидія, Антонина—дочери Михайловскаго-Данилевскаго (фрейлина).

вый. Посылалъ къ Данилевскому о Мишо, и получилъ обратно. Къ чаю Алексѣевъ, о біографіяхъ. Вечеромъ пришли и болтали Пущкаревъ съ Геденовымъ. Раскладывалъ деньги. День хорошій.

Сентябрь.

Благословиши вѣнецъ лѣта благодати твоея, Господи!

1-го. Среда. Дѣтски доволенъ. Въ 5^{1/2} час. утра Н. ¹⁾ поѣхалъ въ Рамбовъ и повезъ деньги—350 руб. мальчику. 100 руб. Сафоновой. Въ 8 час. Вольдемаръ поѣхалъ на 1-ю лекцію, повезъ 50 руб. въ университетъ и 200 руб. Ренгильду. Въ 9 час. отправился я—день прелестный—къ Полю, къ Працу и выкупилъ мои часы изъ ломбарда.

Неужели они начнутъ бить перемѣну? Или только минутная улыбка судьбы, и еще страшнѣе все ляжетъ на меня? Въ прошломъ году также три первые дня сентября я былъ счастливъ.—Часы завелъ дорогою у часовщика Фихтера, на Мѣщанской, ибо ключика не было. Буди, Господи, милость твоя на насъ, яко мы уповаемъ на тя!

Пересмотрѣлъ статьи въ «Пчелу» и отослалъ. Были Межевичъ и Песоцкій. Вечеромъ пріѣхалъ мальчикъ и всѣ. Благодарю Господа!—Былъ Плюшаръ о сказкѣ и сестра о книжкѣ-Потаскушкѣ. День прекрасный. Еслибы много такихъ...

2-го. Четвергъ. Рѣшилъ принять систему въ работѣ и трудиться неумоимо. Господи! подкрѣпи меня! Стану отдавать отчетъ ежедневно. Въ прошломъ году, въ 26 дней, съ 1-го сентября, я написалъ десять разказовъ для Исторіи Петра Великаго.

И первымъ днемъ я ужъ недоволенъ, успѣвши только послать статью о Мишо въ «Пчелу» и прочитавъ 50 страницъ Лукьяновича и отославъ ихъ къ Працу. Вечеромъ былъ Лукьяновичъ и сидѣлъ до 11 час. Я читалъ ему Малую исторію брата. Надобно утро и вечеръ на побочныя работы, вставать въ 5 часовъ, а днемъ писать настоящее. Впрочемъ, я былъ развлеченъ и жестоко болѣли зубы. Попробую завтра.

Письмо отъ брата.—Была Сосницкая. Вольдемаръ на 2-й лекціи. День прелестный, ночь лунная.

3-го. Пятница. Также недоволенъ. Всталъ довольно рано, читалъ Лукьяновича и послалъ Працу, но надобно бы больше. Переводилъ Тимона, изрядно. Вечеромъ зубы болѣли опять. Прочелъ корректуру «Русск. Вѣстника». (...) Вообще изрядно.

4-го. Суббота. Всталъ въ 6-мъ часу. Пришелъ Ильинъ—отдалъ ему. Корректуры «Русск. Вѣстн.» и Лукьяновича положилъ читать

¹⁾ Второй сынъ Н. А.—ча.

по 25 страницъ — болѣе нельзя. Готовилъ Жернакову — и ничего не сдѣлалъ.

Очень недоволенъ! 4-й день, и что же далѣе?

Вечеромъ Ратьковъ — тоска и глупости. — Что за dies nefas! (...)

5-го. Воскресенье. Въ 6 часовъ, ибо боленъ. 25 стран. Лукьяновича. — (...) — Рикордъ зоветъ къ Грейгу, и отказать нельзя. Працъ съ корректурами Лукьяновича. Отъ Межевича корректура моей глупой пьесы. — Зубы. — Около акта Тимона перевелъ. — Лукьяновичъ былъ.

Недоволенъ, — и зачѣмъ гублю день завтра? Мнѣ ли гулять?!

6-го. Понедѣльникъ. Туманъ. Корректуры Межевичу. Заѣхалъ Рикордъ и поѣхали къ Корсакову. Тутъ Мятлевъ, Балезъ, Никитинъ, Джунковский, Козинъ. На пароходѣ — Мятлева стихи и пирогъ. — Всеволожскій, Буцкой, Фишеръ съ женою (бывш. Данилевскою). Остановились у Рамбова и на телѣжкѣ. Грейгъ, жена его, Папа Христи, Полина Петровна, Лазаревъ и жена его. Коробко, Карауловъ, Дурасовъ, Адодуровъ, Жадимировскій, Скрыпинъ докторъ, Капельмейстеръ, Г. П. Поповъ и проч. Музыка, обѣдъ, чай, танцы etc. до 2-хъ часовъ. Ночевалъ съ Джунковскимъ.

7-го. Вторникъ. Встали въ 8 часовъ. Поѣхали въ 12 часовъ, пріѣхали въ 3 часа. Обѣдъ, спалъ и вечеромъ правилъ статью Ратькову и Лукьяновичемъ занялся. И —

Два дня погибли!!

День прелестный, лѣто.

8-го. Среда. День прелестный. — Корректуру Межевичу. Поѣхалъ къ Ольхину — деньги за «Пчелу», и стыдно за что беру!! — Къ Ратькову — у него адъ!!! Чаю, вина купилъ. Лукьяновичу и Жернакову — очень мало! Вечеромъ Пушкиревъ, Лукьяновичъ и Висковатовъ, А. В. — болѣзнь армянскаго патріарха. — Пушкиревъ 5,000 жалованья!! Привезъ свою глупую статистику. (...)

9-го. Четвергъ. Поутру Никольскій — дурной знакъ! Алексѣевъ. Принялся Жернакову. Отослалъ къ Працу. Повѣстка отъ квартальнаго — ходилъ и не засталъ... Что такое? Есть ли возможность дѣлать что-нибудь?! Господи, пощади меня!!

Открылось, что это взысканіе по векселю Сафоновой! Пошелъ и упротилъ до вторника. Ужасная грусть — а она спокойно пріѣхала вечеромъ къ намъ и у меня же просить 40 рублей на дилижансъ!! (...) Жернакову почти кончилъ Румянцева. Нѣтъ! Ужасенъ сентябрь — не прошлогодній!!

10-го. Пятница. Смирился и написалъ письмо Гурьянову; упротилъ Сафонову объ отсрочкѣ по векселю — общала. (...) За чаемъ былъ Плюшаръ о Сказкѣ — общалъ. (...)

11-го. Суббота. И ужъ десять дней сентября. Много народу: сестра (о рукописи), Половцевъ (о грамматикѣ), Макаровъ (о Дубкахъ), Сосницкая (о бенефисѣ), Бюлеръ (о портретѣ — гдѣ дѣлать его

Шевченко!)—(...)—Дѣлалъ хорошо сказку Плюшару.—(...) Къ вечеру мнѣ веселѣе—на Господа печаль моя!

12-го. Воскресенье. Кончилъ Плюшару сказку. Онъ пріѣзжалъ взять ее и отдалъ деньги. Былъ курьеръ Макарова о Сестребекѣ. Былъ Липранди и очень милъ. Былъ Лукьяновичъ—общаетъ 15 числа. Заѣзжалъ Булгаринъ съ рукописью романа. Вечеромъ читалъ его и кончилъ Румянцева Жернакову, хоть и боленъ. Отдыхать ли?

13-го. Понедѣльникъ. Читалъ рукопись Булгарина. Повезъ къ нему—толковали. Въ департаментѣ, о дѣяніяхъ Петра Великаго. Къ Ратькову—не засталъ. У Ольхина взял романы Булгарина и повѣсти Ганъ. (...) Ангелъ мальчикъ боленъ. Дождь до ночи. Пушкиревъ прислалъ портеру. Переписалъ Румянцева. Корректурa послѣдняя, Говорова.

(14, 15, 16, 17, 18...) 19-го. Воскресенье. Ист. брату. На репетиціи «Боченка» и комедіи—Каратыгинъ, Дюрова, Вѣра Самойлова. Безъ меня Булгаринъ, и вечеромъ опять—совѣстно. Дождь и мрачно.—Была Антонина.

20-го. Понед. Боленъ, грустенъ. Не надѣясь успѣха, не поѣхалъ въ театръ, гдѣ играли «Боченокъ» и комедію. Писалъ брату Исторію и Плюшару сказку. Денегъ нѣтъ! Вечеромъ Половцовъ и сидѣлъ до 12 часовъ. Пришелъ квартальный—о 60-ти рубляхъ извергу Меркурьеву, и что Гурьяновъ не отсрочилъ—грусть. Неожиданный успѣхъ въ театрѣ. Молился Господу, и не поѣхалъ къ Сошницкой.

21-го. Вторникъ. Рѣшилъ доставать денегъ (...). У Ольхина—Песоцкій, Межевичъ и Плюшаръ—далъ денегъ немного за «Пчелу»—стыдно!!! (...). О Пушкиревѣ думаю, и читаю его глупость.

22-го. Среда. (...). Всѣ эти дни, особливо понед. и вторникъ—тяжело. Что стану дѣлать? Отослалъ 60 рублей къ квартальному. Вечеромъ онъ являлся (...)¹⁾.

23-го. Четвергъ. Лукьяновича корректурa. Принялся за романъ и кончилъ пересмотромъ трехъ главъ. Мысль о гибельномъ состояніи такъ овладѣла мною, что едва не упадаю въ отчаяніе. Спаси, Боже! Молился! Письмо Евсея—онъ просить помощи!! Вечеромъ немного «Тимона». День мрачный... Да!.. былъ Рикордъ.

24-го. Пятница. Поѣхалъ къ Лукьяновичу, Пушкиреву, Булгарину, Ольхину... Только Булгаринъ утѣшилъ участіемъ... Спасибо ему!.. Ольхину не смѣлъ говорить. Ратьковъ молчитъ! Другихъ не засталъ. Дождь. Отдалъ Булгарину начало романа. Что завтра? День Сергія и Евфросиніи (радости, веселья!). Статя о сочиненіяхъ Зенеды Р—вой въ «Пчелу». Вечеромъ былъ Лукья-

¹⁾ Являлся—курсивъ и въ подлинникѣ; кажется, это намекъ на то, что квартальный являлся за благостыней.

новичъ—вздоры! Пушкиревъ и Гедеоновъ, и я съ ними цѣлый вечеръ, о рукописи и сказать не смѣлъ—просилъ заѣхать завтра (...).

25-го. Суббота. (...). Сегодня Богоматери Утоли моя печали! Пушкиревъ пріѣхалъ, я со страхомъ и краснѣя говорилъ ему о ссудѣ мнѣ... Ни то, ни се!.. Сижу, перечитываю рукопись Булгарина, и—жду трепеща... Добрый Булгаринъ явился съ предложеніями (...). Вечеромъ явились Гедеоновъ и Пушкиревъ, общали и положили съ ними писать Статистику. За чаемъ пріѣзжалъ Лебедевъ отъ Каратыгина, почему я не явился читать «Тимона» — до того мнѣ! Ночью дождь. Читалъ Выжигина (...).

26-го. Воскресенье. (...). Рукопись Булгарина. Былъ кварталный... Сосницкая подарила часы Вольдемару (...). Вечеромъ Исторія брата. Положилъ себѣ работы: вставать въ 5, до 8—Исторія. Потомъ до 2-хъ—работы насущныя, до 3-хъ—дрянь всякая. Вечеромъ, по усмотрѣнію.

27-го. Исполнилъ по утру такъ, что съ 5-ти до 8 часовъ писалъ Исторію—помоги мнѣ, Господи! Но до 2-хъ писать Булгарину не могъ, и читалъ корректуры Лукьяновича и рукопись его. Изрядно. (...). Вечеромъ опять Исторію. Былъ вечеромъ кварталный...

28-го. Вторникъ. До 8 час. съ 5-ти — Исторія брата. Потомъ Булгарину. Тоска отнимаетъ силы. Вечеромъ Гед. и Пушкиревъ привезли мнѣ 1,000 рублей (...). Работалъ изрядно.

29-го. Среда. Исторія брата и Булгаринъ. Отдалъ 1,000 рублей кварталному. Работалъ изрядно, но вечеромъ помѣшалъ Иваѣицкій, что черезъ Гедеонова давалъ мнѣ рукопись о татарахъ.

30-го. Четвергъ. Пересмотрѣлъ рукопись Булгарина 1-ю часть. Исторію брата довелъ до смерти Петра II-го. Поѣхалъ къ Меркурьеву просить объ отсрочкѣ—до вторника согласился. Къ Булгарину—отдалъ рукопись 1-й части. Тутъ Ольхинъ. Къ Ратькову—ни гроша въ долгъ (...). Вечеромъ переводилъ «Тимона»—пришелъ кварталный... (...).

Октябрь.

1-го. Пятница. Какъ тяжело встрѣтилъ я любимый праздникъ мой—Покровъ! Лошади безъ сѣна—въ домѣ ни копѣйки. Явился кварталный, и еще новая бумага — явиться въ Палату, по духовной Mutter. Поѣхалъ къ Ратькову—онъ не могъ дать мнѣ копѣйки. Далъ ему записку — получить отъ Ольхина за проектъ, сегодня напечатанный въ «Б. для Чт.»; но книжка еще не вышла. Возвратясь работалъ Потемкина Жернакову. Былъ Рикордъ и звалъ къ себѣ. Греческая конституція. Вечеромъ Войтъ и Лукьяновичъ съ балясами. Послѣ обѣда Ратьк. прислалъ 150 рублей, полученныхъ отъ Ольхина.

2-го. Суббота. Два раза кварталный. Отсрочилъ до понедѣльника. Читалъ рукопись и корректуру Лукьяновича цѣлый

день и вечеръ. Боленъ — спазмы, голова... Если продолжится... Я издохну. Кругомъ безнадежность — работы тьма, ничто не кончено, и силъ нѣтъ...

На этомъ мѣстѣ «Дневника» мы прекращаемъ сплошныя выписки изъ него до самаго конца 1843 года, и даемъ только нѣсколько наиболѣе характерныхъ отрывковъ.

Мы прибѣгаемъ къ этому способу изложенія потому, что уже съ половины октября дневникъ Н. А. — ча превращается въ одинъ непрерывный вопль человѣка, котораго, при постоянной, безъисходной нуждѣ, при нескончаемой и непосильной работѣ, еще терзають нѣсколько завзятыхъ ростовщиковъ, забравшихъ его въ руки и дѣйствующихъ съ тонкимъ, варварскимъ расчетомъ. Эти «изверги» и «страшилища», какъ ихъ называетъ Н. А., отсрочиваютъ ему векселя не далѣе, какъ на десять дней, затѣмъ передають ихъ ко взысканію, берутъ страшные проценты за отсрочку и вновь переписываютъ свои документы на 10 дней. Напрасно бросался Н. А. во всѣ стороны: помощь не приходила ни откуда! Всѣ тѣ люди, которые такъ назойливо надѣдали ему, торопя его выполненіемъ своихъ работъ (напр., Лукьяновичъ и Межевичъ), не только отказывали ему даже въ ничтожной ссудѣ, но еще старались извлечь для себя пользу изъ несчастнаго положенія Полевого, производя съ нимъ расчеты по особому, сокращенному способу. Лучше другихъ, въ эти трудныя минуты, оказываются Булгаринъ и Ольхинъ — послѣдній, впрочемъ, можетъ быть, потому, что хочетъ завлечь Н. А. къ участию въ «Библиотекѣ для Чтенія»¹⁾. Весь «Дневникъ» за эти мѣсяцы переполненъ молитвенными возгласами, обращеніями къ Богу и отрывочными фразами, въ родѣ: «Кто не мучилъ, чтѣ не мучило меня?»... «Герзанье и тоска»... «Молился и плакалъ»... «Для чего замѣчаю глупые дни?.. «Бездна открыта». Подъ 24-мъ октября находимъ и такую запись: «Судьба смѣется, шалить! Булгаринъ тузитъ письмами о романѣ, а гдѣ силы? Я едва живъ». Подъ 7-мъ ноября: «Всѣ эти дни переправлялъ Исторію брата и писалъ для «Пчелы». Все остальное лежитъ. Бездна кругомъ. Бѣдная голова моя! Бѣдный братъ — дѣти! Господи!» И далѣе, подъ 8-мъ ноября: «Молитва, скорбь. Мысль объявить себя несостоятельнымъ. Мысль просить пособія у государя»...

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ привязалась болѣзнь, которая почти не покидала Н. А. — ча до самаго конца года, хотя онъ и продолжалъ работать и убивать себя надъ трудомъ. Страшный образчикъ того, что въ теченіе этого времени приходилось переживать Н. А. — чу, мы видимъ въ слѣдующей выпискѣ изъ его «Дневника»:

¹⁾ Этого ему потомъ удалось достигнуть; подъ 7 декабря мы находимъ въ «Дневникѣ» упоминаніе о «письмѣ Сенковскому», а въ концѣ декабря, Н. А. ужъ работаетъ въ теченіе цѣлой недѣли библиографію для «Библиотеки для Чтен.», и передаетъ статью Ольхину 19-го декабря.

«14-го ноября. Воскресенье. Все казалось погибшимъ ¹⁾. Квартальный—ни откуда! (...). Рѣшился послать Н. къ Л. В. ²⁾—просить 500 рублей!! Пришелъ частный лѣкарь — свидѣтельствовать меня! Благородный человекъ! — Ломанъ — безъ того, тащить меня въ управу! Два дня ничего уже я не дѣлалъ—хотѣлъ поутру, но голова закружилась... (...). Я ѣлъ только габерь-супъ, и думалъ, что не встану — лежалъ и мысленно проходилъ всю странную жизнь мою... Когда легъ послѣ обѣда—явился Ольхинъ: дѣло съ «Библиотекой» рѣшено! Попросилъ денегъ,—200 рублей! А въ домѣ не было уже ни копѣйки! (...). Едва сообщилъ я Наташѣ извѣстіе — отъ Л. В. съ деньгами—о Боже! Да, не забуду никогда этой минуты!!! (...). Дѣлать ничего я не могъ... Проспалъ спокойно ночь, и чувствовалъ, что печаль многорѣчива, а радость молчить»...

Не смотря на то, что эта временная небольшая удача оживила на мгновение угасавшую энергію Николая Алексѣевича, и онъ на другой день еще записываетъ въ «Дневникъ» своимъ благодареніе Богу,—недугъ его не оставлялъ, силы не возвращались, и онъ самъ о концѣ ноября пишетъ: «Остальные дни ноября—дни истомы, болѣзни, лѣченья, ибо позвалъ Франка» ³⁾.

Не смотря на всѣ эти невзгоды и недуги, Николай Алексѣевичъ не только продолжалъ всѣ прежнія, уже начатыя работы, но еще улучилъ время для того, чтобы написать для Каратыгина бенефисную пьесу («Морякъ»), ради которой этотъ ловкій трагикъ, въ послѣдніе мѣсяцы 1843 года, сталъ опять весьма усердно навѣщать добродушнаго драматурга. Мало того, въ послѣдніе 12 дней декабря, Николай Алексѣевичъ обратился къ Ольхину съ новымъ предложеніемъ — написать «Исторію Наполеона», и хотя хитрый книгопродавецъ-издатель и высказалъ на первыхъ порахъ «нерѣшительность», однако же, потомъ, вѣроятно, сообразилъ, что это новое предпріятіе обѣщаетъ хорошіе барыши, и выразилъ желаніе войти съ Н. А.—чемъ въ нѣкоторое соглашеніе, относительно будущаго труда. По крайней мѣрѣ, мы видимъ въ «Дневникъ» помѣту: «Планъ «Исторіи Наполеона» дѣлалъ 25-го, 26-го, 27-го (декабря)»... Но, вѣроятно, этотъ новый планъ уже не утѣшалъ Николая Алексѣевича, не льстилъ его никакой надеждою въ будущемъ, не увлекалъ его ни къ какимъ мечтамъ объ улучшеніи его участи, потому что «Дневникъ» 1843 года заканчивается словами:

«Годъ заключилъ грустно, сидя съ дѣтьми за ужиномъ. Плакать хотѣлось».

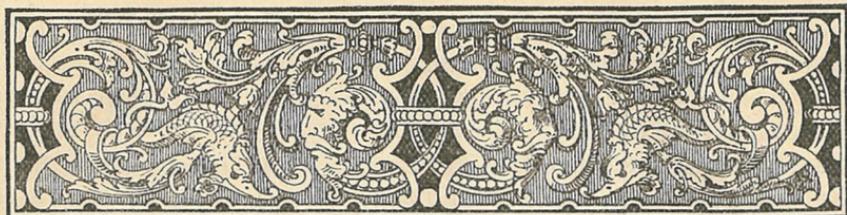
«Господи, да будетъ воля Твоя!»

П. Полевой.

¹⁾ Послѣ всякихъ отсрочекъ, кредиторы подали ко взысканію и настаивали на объявленіи Полевого несостоятельнымъ.

²⁾ Къ Леонтію Вас. Дуббельту.

³⁾ Извѣстный въ то время врачъ, постоянно лѣчившій въ домѣ Николая Алексѣевича.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ¹⁾.

VIII.

Французская народная комедія.—Полишинель и его товарищи.—Перерождение Полишинеля въ дѣтскую кукольную комедію.—Труппа комедіантовъ въ «Hôtel de Bourgogne». — Табарэнъ.

О ФРАНЦІИ, точно такъ же, какъ и въ Италиі, мы видимъ, начиная съ конца XVI вѣка, двухъ Полишинелей, совершенно различныхъ и по правамъ, и по характеру своего шутовского комизма, но одинаково пользовавшихся вниманіемъ площадной публики. Одинъ изъ этихъ типовъ—чистѣйшій неаполитанскій Пульчинелло, завезенный во Францію итальянскою балаганною труппою. Во главѣ этой труппы, въ 1685 году, выступилъ въ роли Пульчинелля нѣкто Микель-Анджело де-Фракасоло; обратившій на себя всеобщее вниманіе; онъ появлялся на подмосткахъ то въ бѣломъ, холщевомъ костюмѣ, то въ костюмѣ различныхъ цвѣтовъ, въ маскѣ, съ горбомъ и большимъ носомъ. Въ этомъ костюмѣ видимъ его изображеніе на многихъ старыхъ гравюрахъ.

Рядомъ съ этимъ чистокровнымъ итальянцемъ и прямымъ потомкомъ Маккуса изъ комедіи Ателлановъ, явился, почти одновременно, въ Парижѣ, чисто-національный типъ Полишинеля-француза—живого, легкаго, веселаго, игриваго и остроумнаго. Неизбѣжною принадлежностью и этого Полишинеля были два горба—

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 688.

одинъ спереди, другой сзади, и весь его костюмъ былъ довольно вѣрнымъ сколкомъ съ современнаго французскаго костюма и сообразовался съ модами XVII вѣка.

Уже въ 1630 году, роль Полишинеля, которая до этого времени постоянно выполнялась живымъ дѣйствующимъ лицомъ, перешла съ подмостковъ площаднаго балагана на сцену театра маріонетокъ. Въ этомъ новомъ положеніи, Полишинель сдѣлался не только любимцемъ публики, но чуть ли не получилъ значеніе политическаго дѣятеля. Знаменитые, въ свое время, содержатели перваго въ Парижѣ театра маріонетокъ, братья Брюшэ, обратили сво-

Пульчинелло, 1685.

Маїе, по рис. Ксавье (карикатура Карла X).

его Полишинеля въ выразителя мнѣній оппозиціи противъ знаменитаго кардинала Мазарини, и въ 1649 году заставили его декламировать со сцены очень ѣдкія мазаринады. Эти смѣлыя выходки придали маріонеткамъ Брюшэ огромное значеніе, которыми онѣ и продолжали пользоваться до конца XVII вѣка. Самъ Буало, въ своемъ посланіи къ Расину, написанномъ въ 1667 году, говорилъ о братьяхъ Брюшэ и ихъ театрѣ.

Успѣхъ Полишинеля, какъ типа народнаго шута, былъ еще весьма значителенъ и въ XVIII вѣкѣ, когда ему еще было разрѣшено все говорить и все пѣть на своей крошечной сценкѣ—даже осмѣивать общественные скандалы и подтрунивать надъ придворными интригами. Революція въ сильнѣйшей степени поколебала

славу Полишинеля. На нѣкоторое время, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, Полишинель даже уступилъ мѣсто чисто-политической карриатурѣ, которая явилась на сценѣ театра маріонетокъ во время Юльскаго монархіи и была, главнымъ образомъ, направлена противъ Карла X. Эту карриатуру олицетворили въ типѣ Майё (le Maucoux)—безобразнаго горбуна во фракѣ, короткихъ штанахъ, чулкахъ и башмакахъ — жаднаго, упрямаго, большого охотника до выпивки и другихъ излишествъ. Въ лицѣ Майё выступалъ на сцену мелкій буржуа, крикливый и хвастливый, непримиримый врагъ невыгодныхъ для него порядковъ, очень гордый тѣмъ, что и онъ тоже способствовалъ, по мѣрѣ силъ, важнымъ общественнымъ переворотамъ... укрываясь въ своемъ погребѣ, тогда какъ другіе подставляли свой лобъ подъ пули. Типъ Майё былъ много разъ воспроизведенъ талантливейшими изъ французскихъ карриатуристовъ, которые очень ловко умѣли придать этому модному шуту черты лица и фигуры короля Карла X.

Но политическая карриатура, съ теченіемъ времени, потеряла всю свою прелесть, и типъ Майё сошелъ со сцены, не замѣнивъ прежняго Полишинеля, который, съ половины нынѣшняго вѣка, сталъ исключительнымъ дѣятелемъ сцены дѣтскаго кукольнаго театра, который собираетъ около себя толпу дѣтей и нянекъ въ боковыхъ аллеяхъ Елисейскихъ полей и на всѣхъ ярмаркахъ въ самомъ Парижѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Рядомъ съ арлекинадой, внесенной во Францію изъ Италіи, на подмосткахъ ярмарочныхъ театровъ и площадныхъ балагановъ во Франціи изстари процвѣтала фарсъ, т. е. такая пьеса, въ которой актеръ бывалъ, большею частью, и авторомъ той немудреной сцены, которую онъ разыгрывалъ, внося въ нее очень много со-всѣмъ не аттической соли, и стараясь смѣшить своихъ зрителей не только кривляньями и гримасами, но и тѣмъ, что онъ выражался на одномъ изъ грубѣйшихъ провинціальныхъ говоровъ. Духовенство и предрержація власти уже изстари не влюбились фарсъ и его исполнителей, и неоднократно воспрещали представленія фарсовъ на торговыхъ площадяхъ и ярмаркахъ, что, однако же, не только не помѣшало фарсу преблагополучно дожить до XVI вѣка, но даже многимъ изъ скомороховъ, выступавшимъ на сцену для исполненія фарса, приобрѣсти весьма громкую извѣстность. Въ началѣ XVI вѣка, когда уже появилось въ Парижѣ нѣсколько постоянныхъ сценъ, на которыхъ подвизались различныя братства и труппы актеровъ, разыгрывая то пьесы религіозно-правственнаго содержанія (moralités), то пьесы духовнаго содержанія (мистеріи)—фарсу, очевидно, угрожала гибель... Но постоянная сцена зарождающагося французскаго театра приняла фарсъ подъ свое покровительство и отвела ему видное мѣсто, рядомъ съ трагедіей и драмой. Вотъ какъ это произошло.

Когда, въ 1629 году, еще одна постоянная труппа актеровъ стала въ Парижѣ давать представленія въ «Hôtel de Bourgogne», построенномъ на мѣстѣ прежнихъ древнихъ палатъ бургундскихъ герцоговъ, у этой труппы явилась неожиданная и весьма неприятная конкуренція. Почти рядомъ съ «Hôtel de Bourgogne», въ одномъ изъ сосѣднихъ старыхъ зданій, на дрянной переносной сценѣ стали давать свои представленія три замѣчательныхъ скомороха: Толстый-Гильомъ, Готье-Гаргилль и Тюрлюпенъ. Первый изъ нихъ пользовался наибольшою извѣстностью. Онъ былъ сначала булочникомъ, а потомъ почувствовалъ влеченіе къ подмосткамъ и вы-

Готье-Гаргилль.

Толстый Гильомъ.

ступилъ на нихъ въ роли добродушнаго толстяка, весельчака и горькаго пьяницы. Онъ никогда не надѣвалъ маски, а только посыпалъ себѣ лицо мукою, но и широкая, плоская фізіономія его, и толстая фигура, обхваченная двумя поясами, словно бочка обручами, вызывали общій, неудержимый хохоть при каждомъ появленіи Толстаго-Гильома на сценѣ.

Рядомъ съ нимъ, какъ олицетворенная противоположность, дѣйствовалъ на сценѣ Готье-Гаргилль, — тощій, сухой, на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, въ маскѣ съ острымъ, крючковатымъ носомъ и жиденькими усиками. Онъ исполнялъ роли комическихъ стариковъ.

Эти двѣ сценическія противоположности дополнялись фигуурою Тюрлюпэна,—очень красиваго и виднаго мужчины, прекрасно сложеннаго и ловкаго. Онъ игралъ роли плутоватаго слуги.

Эти три скомороха, составившіе тѣсный сценическій триумвиратъ, взимали самую ничтожную плату за входъ на свои представленія и неутомимо потѣшали публику, играя и утромъ, и вечеромъ. Публика шла къ нимъ такъ охотно, что актеры труппы, игравшей въ «Hôtel de Bourgogne», увидѣли себя вынужденными подать жалобу кардиналу Ришельё на то, что эти поселившіеся по сосѣдству три шута отбиваютъ у нихъ хлѣбъ. Суровый кардиналъ,

Тюрлюпэнь.

нелюбившій никакихъ шутокъ и фарсовъ, насупилъ брови и приказалъ этимъ шутамъ явиться къ нему, предъ его грозныя очи. Когда они явились, онъ пожелалъ самъ убѣдиться въ степени ихъ талантности, а потому приказалъ сыграть въ его присутствіи одинъ изъ ихъ фарсовъ. Товарищи-шуты поспѣшили немедленно исполнить волю всемогущаго кардинала. Готьё-Гаргиль принялъ на себя роль жестокаго, кровожаднаго мужа, который собирается убить жену свою за какія-то невѣдомыя провинности и гоняется за нею по сценѣ съ обнаженною шпагою. Толстый-Гильомъ принялъ на себя роль жены, которая удивительно живо трепетала передъ грознымъ супругомъ и, то убѣгая отъ него, то падая на

колѣни умоляла его пощадить ее.. «Нѣтъ тебѣ пощады!»—ревѣлъ разсвирѣпѣвшій мужъ. — «Погибни, несчастная!» Тогда жена прибѣгаетъ къ послѣдному средству, чтобы спастись, и восклицаетъ, со слезами въ голосѣ: «О, дорогой мой мужъ, умоляю васъ пощадить меня, хотя бы ради того супа, который я вамъ сварила вчера, и который вамъ такъ понравился!» Эта, очевидно, неожиданная выходка озадачила мужа, который вдругъ размягчился, смѣнилъ гнѣвъ на милость и не могъ не произнести съ нѣкоторой досадой: «Ишь, проклятая! знала, чѣмъ меня донять, и отыскала-таки мою слабую струнку!»..

Докторъ (арлекинады).

Гильо-Горжю.

Кардиналь, который отъ души смѣялся во все время представления, еще громче расхохотался при послѣдней выходкѣ Толстаго-Гильома, и, вмѣсто всякихъ мѣръ строгости противъ товарищей-шутовъ, посовѣтовалъ актерамъ, игравшимъ на сценѣ «Hôtel de Bourgogne»—принять Тюрлюпенна, Гаргиля и Толстаго-Гильома въ свою труппу. Такъ они и поступили, и этимъ много способствовали процвѣтанію своей сцены.

Съ легкой руки этихъ трехъ талантливыхъ шутовъ-товарищей, фарсъ занялъ почетное мѣсто на сценѣ театровъ «Hôtel de Bourgogne», который принималъ, послѣдовательно, въ ряды своей труппы еще очень многихъ балаганныхъ скомороховъ, составившихъ себѣ громкую сценическую извѣстность. Нѣкоторыя изъ этихъ лично-

стей заслуживаютъ упоминанія. Одинъ изъ нихъ, Гильо-Горжю, началъ свою карьеру съ того, что былъ нѣкоторое время на медицинскомъ факультетѣ въ Монпелье; затѣмъ, въ этомъ же городѣ держалъ аптеку; потомъ пустился странствовать съ шарлатанами по ярмаркамъ и, наконецъ, въ 1634 году, дебютировалъ въ роли шута на сценѣ въ «Hôtel de Bourgogne». Онъ отличался необыкновеннымъ умѣньемъ играть роли докторовъ, что, конечно, неудивительно, такъ какъ онъ самъ когда-то обучался медицинѣ. Память у него была изумительная. Съ необычайною легкостью, быстрѣйшею скороговоркою онъ перечислялъ названія цѣлебныхъ

Капитанъ Матаморъ.

травъ, микстуръ и различныхъ медикаментовъ. По свидѣтельству современниковъ, это былъ высокій, худощавый брюнетъ, очень некрасивый собою. Маска была ему не нужна, при его безобразіи, но, тѣмъ не менѣе, его энергическая и подвижная физиономія чрезвычайно нравилась зрителямъ, когда онъ въ своей длинной, черной докторской мантии и черномъ беретѣ появлялся на подмосткахъ. Въ такомъ именно видѣ и представляютъ намъ его современныя гравюры, на которыхъ внизу припечатаны стихотворные отрывки изъ лучшихъ ролей Горжю.

Рядомъ съ Горжю, на той же сценѣ, игралъ Жоделэ, прославившійся превосходнымъ исполненіемъ шутовской роли слугъ, глупыхъ и вмѣстѣ наивныхъ, и послужившій прототипомъ многихъ

слугъ въ комедіяхъ Мольера. Труппу фарса дополняли «капитанъ Матаморъ» (или Метаморъ), типъ хвастуна и труса, храбраго и страшнаго только на словахъ; Бригелль, замѣстившій Тюрлюпэна въ роляхъ плутоватыхъ слугъ; Жакмэнъ-Жадъ, принимавшій на себя роли болтуновъ-резонеровъ; Гандолэнъ, занимавшійся исполненіемъ роли воровъ и разбойниковъ; наконецъ, Стентерелло, игравшій заносчивыхъ глупцовъ, проникнутыхъ сознаниемъ собственнаго достоинства.

Труппа, игравшая въ «Hôtel de Bourgogne», должна была, однако же, уступить пальму первенства труппѣ Мольера, когда та,

Бригелль.

въ 1659 году, явилась основаться въ Парижѣ. Извѣстно, что обѣ труппы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и борьбы, слились въ одну въ 1680 году, и основали въ нынѣшней улицѣ «Старой Комедіи» (Rue de l'Ancienne Comédie) тотъ театръ, изъ котораго впоследствии произошла сцена нынѣшней «Французской комедіи» — одна изъ первыхъ въ Европѣ по достоинству игры актеровъ.

Не мѣшаетъ, однако же, припомнить здѣсь, что Мольеръ оцѣнилъ значеніе фарса и не только не пренебрегъ этимъ дѣтищемъ балаганныхъ подмостокъ, но даже старался примѣнить фарсъ къ сценическимъ условіямъ и закрѣпить его на сценѣ. Онъ не только допускалъ шутовскія сценки и пьески на своей сценѣ, но даже и самъ писалъ фарсы, о которыхъ съ великимъ негодованіемъ гово-

рили его почитатели. «Ревность перепачканнаго», «Летающій докторъ», «Женитьба противъ воли», и, въ особенности, «Плутни Скапена»—были не болѣе, какъ шутовскіе фарсы, набросанные талантливою рукою...

Но этимъ слияніемъ площадныхъ шутовъ съ настоящими актерами еще не былъ исчерпанъ весь запасъ живыхъ силъ, подвизавшихся передъ глазами толпы на балаганныхъ подмосткахъ ярмарокъ и базаровъ. Въ то самое время, когда постоянная сцена начинала притягивать къ себѣ съ площади лучшихъ представителей «веселой братіи», изъ общей массы ея постоянныхъ дѣятелей вы-

Жакмэнъ-ЖадѸ.

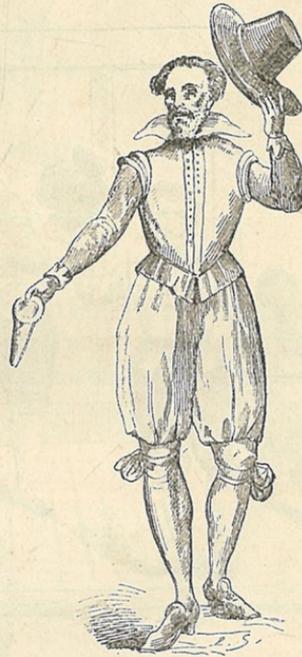
Гандолэнь.

дѣлился человѣкъ, который, не покидая подмостковъ своего подвижнаго, наскоро сколоченнаго, балагана, сумѣлъ поддержать, почти въ теченіе двадцати лѣтъ, интересъ къ своимъ шутовскимъ продѣлкамъ, кривляньямъ, импровизаціямъ и неподдѣльному остроумію. Этотъ, прославленный современниками скоморохъ XVII вѣка, былъ Табарэнъ, въ правленіе Людовика XIII явившійся съ небольшою труппою такихъ же балаганныхъ шутовъ, какъ онъ самъ, на Новомъ-Мосту, въ Парижѣ. Здѣсь занялъ онъ небольшой уголокъ, устроилъ въ немъ животрепещущіе подмостки, и съ этихъ подмостковъ сталъ продавать публикѣ разныя снадобья, лѣкарства и косметическія средства. Продажею собственно занимался его товарищъ по ремеслу, Мондоръ, а самъ Табарэнъ только привле-

каль публику своими гримасами, кривляньями, забавными остро-тами и шутливыми экспромтами. Впослѣдствіи, кромѣ Таборѣна и Мондора, на подмосткахъ являлись и музыканты, аккомпанирова-вшіе пѣнію Таборѣна и два-три другихъ, второстепенныхъ актера, съ которыми Табарѣнъ разыгрывалъ коротенькія сценки, къ вѣщ-шему удовольствію постоянно толпившейся около подмостковъ пу-блики. Таборѣнъ, судя по недавно отысканному медальону, былъ высокій и стройный малый, носилъ усы и маленькую бородку, и ко-стюмъ временъ Генриха IV, состоявшій изъ коротенькаго казакина и небольшого плаща, прикрывавшаго его правую руку. Очень важ-

Стентерелло.

Таборѣнъ.

ною частью въ костюмѣ Табарѣна оказывалась его войлочная шляпа, съ высокой тульей и широчайшими полями, которой онъ умѣлъ придавать самыя разнообразныя формы¹⁾. Огромный успѣхъ Табо-рѣна отчасти основывался на томъ, что онъ привлекалъ толпу къ своимъ подмосткамъ даровыми представленіями, и ни съ кого изъ зрителей не взималъ никакой платы; платили только тѣ, кто же-лалъ приобрести лѣкарства или косметики. Есть основаніе пред-

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ произведеній, въ «Шутовскомъ завѣщаніи», Табо-рѣнъ отказываетъ свою шляпу придворнымъ, «которымъ она можетъ быть по-лезна, именно потому, что ей можно придать всѣ формы и всѣ направленія».

«истор. вѣсти.», апрѣль, 1888 г., т. xxxi.

полагать, что онъ и товарищъ его Мондоръ были люди свѣдущіе въ приготовленіи этой медицинской кухни, потому что покупателями его были не одни только простолюдины, но и люди высшихъ классовъ, достаточные и образованные. Съ 1633 года, всякія извѣстія и свѣдѣнія о Таборѣнѣ прекращаются; предполагають, что около этого времени онъ или умеръ, или нажился настолько, что могъ покинуть свои подмостки и удалиться въ купленное имѣніе, въ которомъ и дожилъ остатокъ дней своихъ въ довольствѣ и покоѣ.

Нельзя сказать, чтобы Таборѣнъ былъ послѣднимъ въ ряду шутовъ и шарлатановъ, которыхъ родъ непрерывно тянется, какъ мы видѣли, изъ глубокой древности—на забаву и потѣху человѣчества.

Театръ Таборѣна и Мондора на Новомъ мосту.

Современная намъ жизнь богата шарлатанствомъ всякаго рода, а ярмарки и провинціальныя захоlustья до сихъ поръ еще служатъ поприщемъ дѣйствія для разнаго рода шутовъ и скомороховъ. Мало того, на шумныхъ улицахъ Парижа, среди пестрой и вѣчно движущейся толпы, и въ новѣйшее время появлялись нерѣдко то веселые и забавные шуты, въ родѣ Жокрисса, то серьезные и сумрачные, въ родѣ Шодрюкъ-Дюклò, вѣчно бродившаго по улицамъ Парижа въ живописныхъ лохмотьяхъ и сандаляхъ на босу-ногу. Да едва ли и настанетъ когда-нибудь такое время, когда различный уровень образованности и разнообразныя условія жизни вполнѣ приравняются въ обществѣ и приведутъ людей къ одному знамени-

Жокрись.

телю, исключаящему возможность отступлений от обязательнаго и для всѣхъ одинаковаго теченія жизни!.. Тогда нечему будетъ смѣяться, не надѣ чѣмъ не окажется возможности изощрить свое остро-

Шдрюкъ-Дюклѣ въ Палэ-Ройялѣ.

уміе... А до тѣхъ поръ, живое и мѣткое слово, легкой каламбуръ, быстрая находчивость—всегда будутъ привлекать людей, и нерѣдко будутъ олицетворяться, какъ и во всѣ времена, въ образѣ шута и скомороха.

IX.

Шуты наемные и должностные.—Шутовскія общины.—«Общество шутовъ» въ г. Клевѣ.—«Мать шутовъ»—въ Дижонѣ.

Во всѣхъ предшествующихъ главахъ мы говорили о шутахъ домашнихъ, состоявшихъ на службѣ при дворахъ владѣтельныхъ особъ и вельможъ, а затѣмъ—о шутахъ народныхъ, потѣшавшихъ толпу на перекресткахъ улицъ, на базарныхъ площадяхъ и ярмаркахъ. Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разрядѣ шутовъ, о такъ называемыхъ шутахъ городскихъ, которые, съ одобренія или даже по специальному порученію мѣстныхъ властей, за опредѣленное вознагражденіе и хорошее угощеніе, принимали на себя роль шутовъ официальныхъ, какъ бы состоящихъ на службѣ городовъ или корпорацій.

Въ Лиллѣ, процессіи, обходившей городъ въ праздникъ «Тѣла Христова», обязательно предшествовалъ шутъ, который даже носилъ названіе «шута городского», такъ какъ городъ платилъ ему ежегодное жалованье. «Онъ и одѣтъ былъ сообразно своей должности»,—рассказываетъ одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ, — «и въ рукахъ держалъ шутовскій жезлъ, которымъ заигрывалъ съ толпою зрителей, позволяя себѣ всякія дурачества; иногда даже обливая толпу водой»... «Мнѣ случалось видѣть эту процессію много лѣтъ сряду, и я близко зналъ то лицо, которое принимало на себя выполненіе роли шута—это былъ человѣкъ весьма зажиточный, занимавшійся банковыми операціями. У него сынъ былъ каноникомъ въ одной изъ главныхъ церквей города, а онъ все же несъ на себѣ выполненіе добровольно принятой имъ обязанности, тѣмъ болѣе, что народъ не допускалъ даже возможности процессіи безъ обычно-сопровождавшаго ее шута».

Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что должность шута въ городѣ Лиллѣ считалась почти почетною; по понятіямъ городскихъ властей, онъ былъ «первымъ слугою города» (*le premier valet de la ville*). Онъ являлся въ странной одеждѣ, скроенной изъ матерій различныхъ цвѣтовъ, съ нашитыми на ней погремушками. Въ рукахъ у него былъ обычный шутовской жезлъ. Въ такой одеждѣ являлся онъ при церемоніяхъ. По преданію, образцемъ для цвѣтовъ и покроя этой одежды шута послужилъ нарядъ слугъ въ свитѣ Филиппа Добраго, герцога Бургонскаго; этотъ нарядъ и былъ пе-

ренять гражданами города Лилля и, въ угоду герцогу, дань «первому слугѣ города». Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти свѣдѣнія о шутѣ города Лилля относятся къ эпохѣ весьма неотдаленной, а именно къ 1724 году.

Случалось, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ у города не было официального или постоянного шута, что городъ нанималъ такого шута на время извѣстнаго праздника для увеселенія участвовавшей въ немъ толпы. Такъ, на примѣръ, въ городѣ Діеппѣ, ежегодно праздновалось, въ прежніе годы, торжественнымъ богослуженіемъ, въ церкви св. Іакова, и особыми процессіями воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной подъ стѣнами города надъ англичанами, 14-го августа 1443 года. Это народное празднество сливалось съ празд-

Шутъ.

никомъ Успенія, что придавало ему еще болѣе значенія и блеска. И вотъ, въ этотъ день, необходимымъ участникомъ процессій являлся наемный шутъ, потѣшавшій присутствующихъ не совсѣмъ приличными шутками и продѣлками: онъ то прикидывался мертвымъ, то показывалъ, будто онъ воскресаетъ изъ мертвыхъ, то обращался къ Богу, къ Пресвятой Дѣвѣ, или къ святымъ съ шутливыми прошеніями и возгласами, возбуждавшими громкій хохотъ толпы. Эти процессіи были воспрещены не ранѣе, какъ въ половинѣ XVII вѣка.

Обычай, по которому шуты должны были обязательно принимать видную долю участія въ церковныхъ и народныхъ празднествахъ, не вывелся еще изъ употребленія, даже и въ наши дни, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи и Люксембурга. И донинѣ еще,

въ день приходскаго праздника, молодые люди, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, выбираютъ изъ своей среды шута, которому дозволяются всякія шалости и дурачества на потѣху и увеселеніе односельчанъ.

Городскіе шуты были особенно распространены въ Германіи. Тамъ они также являлись обязательнымъ украшеніемъ и дополненіемъ всѣхъ празднествъ городскихъ и семейныхъ. На простонародныхъ свадьбахъ видимъ этихъ шутовъ въ качествѣ обязательныхъ ораторовъ, выступавшихъ въ своей роли за свадебнымъ столомъ. Едва гости усаживались за столъ, шутъ (Spruchspracher) приступалъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ пестромъ костюмѣ, увѣшанный медалями, держа въ рукахъ жезлъ, также обвѣшанный серебряными монетами, шутъ обращался къ жениху и невѣстѣ съ шутливымъ привѣтствіемъ и пожеланіемъ всѣхъ возможныхъ благъ, а затѣмъ въ цвѣтистой прозѣ, со всякими шутками и прибаутками восхвалялъ и новобрачныхъ, и ихъ родню. Когда онъ оканчивалъ эту длинную рацію, каждый изъ присутствующихъ имѣлъ право задать шуту вопросъ, на который шутъ долженъ былъ отвѣчать ловко и кстати. Чѣмъ рѣзче и остроумнѣе были отвѣты шута, тѣмъ болѣе было смѣха и веселья. Въ концѣ обѣда шутъ обходилъ всѣхъ присутствующихъ съ небольшою серебряною чашечкой, въ которую каждый изъ присутствующихъ опускалъ свою лепту.

Въ городѣ Нюренбергѣ, который особенно славится своею приверженностью къ старымъ обычаямъ, такіе свадебные шуты удержались даже до конца прошлаго вѣка. Изъ нихъ особенно прославился Вильгельмъ Веберъ. Обладая замѣчательною памятью, онъ наизусть зналъ всѣхъ древнихъ классическихъ поэтовъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ, и на каждый заданный ему вопросъ умѣлъ отвѣтить соответствующимъ мѣстомъ изъ классика или примѣнить его къ данному случаю.

И не только города имѣли на своемъ иждивеніи и содержаніи официальныхъ шутовъ: ихъ имѣли даже и отдѣльныя корпораціи. Эти шуты, при участіи корпораціи въ какихъ-нибудь празднествахъ, при различныхъ торжественныхъ случаяхъ, при «всерадостныхъ» пріемахъ новыхъ членовъ въ составъ корпораціи,—пускали въ ходъ все свое веселье и умѣнье.

Иногда не одинъ шутъ принималъ участіе отъ имени города или корпораціи въ увеселеніи толпы. Существовали цѣлыя кружки, цѣлыя общества шутовъ-охотниковъ, по собственной волѣ и почину принимавшіе на себя, въ заранѣе назначенные дни и числа, устройство процессій, зрѣлищъ и увеселеніе согражданъ.

Такіе шутовскіе кружки и общества набирались и составлялись изъ лучшихъ семействъ города, а иногда даже изъ знати. Они по собственной охотѣ записывались въ свою шутовскую слу-

жбу. Они приносили свою жертву веселью, отъ времени до времени, въ опредѣленные дни общественныхъ и частныхъ празднествъ. Въ числѣ этихъ кружковъ и обществъ особенно извѣстностью пользовались во Франціи — «веселое общество Коннардовъ», въ Эврѣ, «Рыцарскій орденъ шутовъ», въ Клэвѣ (Clèves), и, въ особенности, «Общество Матери Шутовъ», въ Дижонѣ. — «Коннарды» или «Конарды» составляли тѣсный кружокъ, собиравшійся повеселиться и посмѣяться, слагавшій пѣсенки и прибаутки, въ которыхъ остроуміе было направлено противъ различныхъ городскихъ событій и явленій городской общественной жизни, служившихъ поводомъ къ сатирѣ и злословію. Остроумныя измышленія ихъ собирались и списывались въ особые сборники, извѣстные подъ на-

Кавалеръ ордена Дураковъ, въ г. Клэвѣ.

званіемъ «Facetiae Conardorum» (шутки Конардовъ); они быстро расходились по рукамъ и пользовались большимъ значеніемъ. Главѣ кружка Конардовъ присвоенъ былъ титулъ аббата Конардовъ (abbas Conardorum). По общему средневѣковому обычаю, кружокъ Конардовъ пользовался особенными, исключительно ему принадлежавшими привилегіями. Такъ, на примѣръ, Конарды, во время своихъ ежегодныхъ празднествъ, получали право суда въ Эврѣ, и это право дано было имъ формальнымъ распоряженіемъ парижскаго парламента, подтвержденнымъ въ Руанскомъ парламентѣ. Въ эти льготные дни празднествъ, Конарды устраивали всякія увеселенія и шутовскія процессіи, при которыхъ аббатъ Конардовъ разѣзжалъ по всѣмъ улицамъ города и по всѣмъ ближайшимъ къ городу деревнямъ. Аббата везли Конарды на ослѣ, наряженнаго въ шутовскую одежду, при чемъ весь кружокъ въ честь

его распѣвалъ особыя шутовскія псалмы, сложенныя на смѣшанномъ французско-латинскомъ языкѣ.

Кружокъ Конардовъ просуществовалъ около полутора ста лѣтъ; но подѣ конецъ, шутовство кружка, задѣвавшее иногда весьма живыя струны и не щадившее всѣхъ гражданъ города, не понравилось высшему духовенству, и дѣятельность Конардовъ подверглась строгому осужденію. Послѣ нѣкоторой борьбы, кружокъ Конардовъ былъ уничтоженъ, въ первой половинѣ XV вѣка епископомъ города Эврѣ, Павломъ де-Капрані.

Въ Руанѣ также существовалъ кружокъ Конардовъ, которые назывались Коклюшниками (Coqueluchiers), вѣроятно, отъ того капюшона или коклюшона, т. е. дурацкаго колпака, которымъ они прикрывали себѣ голову. Этотъ кружокъ собирался въ церкви Богоматери благовѣстницы; но такъ какъ присутствіе Коклюшниковъ въ церкви нарушало благочиніе службы и отвлекало въ ихъ сторону вниманіе молящихся, то, съ теченіемъ времени, кружку руанскихъ Конардовъ разрѣшено было собираться въ этой церкви только во время масленицы.

Но, по свидѣтельству французскихъ мѣстныхъ археологовъ, отдѣльные кружки, подобныя кружку Конардовъ, существовали не въ одномъ Руанѣ, а почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ на сѣверѣ Франціи—въ Лиллѣ, въ Дуэ, въ Валансьенѣ и многихъ другихъ, и члены этихъ кружковъ принимали дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ народныхъ празднествахъ, и, конечно, въ празднествѣ «ословъ или дураковъ», съ которыми мы подробно ознакомили нашихъ читателей въ одной изъ предшествующихъ главъ.

«Рыцари Ордена Шутовъ», въ городѣ Клэвѣ, продержались еще дольше и, по всѣмъ вѣроятіямъ, породили, въ послѣдствіи, «Общество Матери Шутовъ» или такъ называемую «Дижонскую пѣхоту»—наиболѣе извѣстный изъ всѣхъ шутовскихъ кружковъ.

«Орденъ Шутовъ» былъ учрежденъ въ городѣ Клэвѣ, въ 1381 году, въ день св. Кунеберта, Адольфомъ, графомъ клэвскимъ и тридцатью пятью баронами, его пріятелями. Актъ самаго учрежденія ордена, снабженный тридцатью шестью печатами учредителей, существовалъ еще въ мѣстномъ городскомъ архивѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Всѣ печати были изъ зеленого воска, кромѣ печати графа Адольфа (изъ краснаго воска). Члены этого ордена собирались во время сбора винограда, въ первое или второе октябрьское воскресенье, въ помѣщеніи, специально приспособленномъ для этихъ собраний, и оставались въ немъ до слѣдующаго воскресенья. Во время этихъ собраний они и обѣдали и веселились сообща, послѣ того, какъ ими былъ избранъ король и шесть совѣтниковъ, которые должны были завѣдывать и руководить празднествами. Въ первый вторникъ послѣ воскресенья, назначеннаго для открытія сѣзда, всѣ члены ордена отправлялись *in corpore* въ собор-

ную церковь и тамъ служили заупокойную обѣдню за своихъ товарищей, скончавшихся въ текущемъ году. Въ ближайшую пятницу, тѣ члены ордена, которые въ теченіе года жили между собою несогласно или ссорились, обязаны были до восхода солнца явиться предъ лицо короля и его совѣтниковъ и непремѣнно примириться между собою до заката солнца того же дня. Само собою разумѣется, что на подобныхъ годовыхъ собраніяхъ должны были присутствовать всѣ члены кружка, безъ исключенія. Единственнымъ поводомъ и оправданіемъ отсутствія члена на общемъ собраніи, могла служить только болѣзнь его, надлежащимъ образомъ удостовѣренная, или же—дѣловая поѣздка въ мѣстность, отстоящую не менѣе какъ на шесть дней пути отъ Клэвъ. Тотъ, кто отсутствовалъ не по этимъ

Мать Дураковъ въ Дижонѣ (рѣзное на деревѣ изображеніе).

Шутовской жезль «Матери Дураковъ».

законнымъ поводамъ, бывалъ присуждаемъ къ уплатѣ пени въ три турецкихъ ливра, которые и раздавались бѣднымъ «во славу Божью».

Отличительнымъ признакомъ принадлежности къ ордену служило то, что члены его должны были носить на своемъ плащѣ вышитое изображеніе шута, на которомъ колпакъ былъ на половину красный и на половину серебряный и украшенъ погремушками. Шуть изображенъ былъ съ золотымъ блюдомъ въ рукахъ, а на блюдѣ томъ вышиты были различныя фрукты. Каждый членъ, который не носилъ ежедневно на своемъ плащѣ изображеніе шута, подвергался уплатѣ такой же точно пени, какая взималась за отсутствіе на годовыхъ собраніяхъ.

На основаніи вышеприведенныхъ подробностей, можно прийти къ тому заключенію, что орденъ клэвскихъ рыцарей не былъ, собственно говоря, собраніемъ шутовъ, а скорѣе чѣмъ-то въ родѣ дружественнаго братства, въ которомъ всѣ сословія и состоянія

были смѣшаны и приравнивались къ одному уровню. Члены кружка веселились въ своей средѣ, но не выносили своего веселья на показъ, на улицу. Главною и очевидною цѣлью ихъ стремленій, во время ихъ ежегодныхъ собраній, было желаніе пользоваться въ теченіе извѣстнаго времени полною свободою, которая и руководила всѣми дѣйствіями членовъ кружка на этихъ собраніяхъ. Тамъ не существовало никакого различія титуловъ или сословныхъ преимуществъ, никакого привилегированнаго положенія, никакого стѣсненія. Собравшись въ полномъ своемъ составѣ, кружокъ избавлялъ себя на нѣсколько дней отъ необходимости идти однообразною стезею обыденной жизни.

Полнѣйшее равенство царило въ этихъ собраніяхъ, гдѣ члены кружка, за столомъ, за чарой вина, вступали въ ту откровенную задушевную бесѣду, которая такъ свойственна человѣку, когда онъ не связанъ и не стѣсненъ общественными приличіями, когда онъ можетъ совершенно свободно предаться всѣмъ увлеченіямъ своей фантазіи.

Предполагають, что дижонское шутовское общество произошло именно отъ этого ордена клэвскихъ рыцарей. Дижонское общество уже существовало при герцогѣ Филиппѣ II Добромъ, правившемъ Бургундією съ 1419 по 1467 годъ. Оно было несомнѣнно основано Энгельбертомъ клэвскимъ, губернаторомъ герцогства бургундскаго, потомкомъ графа Адольфа, учредившаго шутовское клэвское общество. Впрочемъ, сношенія между принцами клэвскими и герцогами бургундскими, въ теченіе среднихъ вѣковъ, были такъ часты и близки, что въ Дижонѣ, вообще, легко могло явиться общество, подобное клэвскому.

Общество, названное «Матерью Шутовъ», состояло болѣе чѣмъ изъ пятисотъ лицъ всѣхъ чиновъ и сословій: тутъ были и члены дижонскаго парламента, и служащіе по финансовому управленію, и адвокаты, и прокуроры, и горожане, и купцы. Количество членовъ могло быть еще и значительно болѣе, потому что девизъ общества гласилъ: *Stultorum numerus est infinitus* (число глупцовъ бесконечно велико). Въ дни большихъ празднествъ, въ дни свадебъ или въ годовщины рожденій принцевъ, а также и при важнѣйшихъ церемоніяхъ, всѣ члены дижонскаго шутовскаго общества являлись наряженными въ шелковое платье трехъ цвѣтовъ, — зеленаго, краснаго и желтого — затканное серебромъ и золотомъ; на голову при этомъ они надѣвали дурацкій колпакъ тѣхъ же цвѣтовъ, съ двумя остріями или рожками, къ которымъ привѣшаны были бубенчики; въ рукѣ у каждаго былъ щеголеватый шутовской жезлъ, украшенный головою шута. Они проѣзжали по улицамъ верхами, и обязывались говорить не иначе, какъ въ стихотворной формѣ. Главною цѣлью общества было веселье и развлеченія. Особенно шумно веселились члены общества во время

карнавала, когда они разѣзжали по городу въ большихъ телѣгахъ, переряженные виноградарями и громко распѣвали шутливыя пѣсни, въ которыхъ очень безцеремонно осмѣивали своихъ согражданъ, не стѣняясь при этомъ въ выборѣ выражений и сравненій.

Учрежденіе дижонскаго общества было подтверждено стихотворнымъ указомъ Филиппа Добраго, выданнымъ въ пятницу, 27-го декабря 1454 г. Этотъ указъ получилъ еще подтвержденіе въ 1482 году, и подъ этимъ актомъ подписались: Жанъ д'Амбуазъ, епископъ и герцогъ Лангскій, пэръ Франціи, правившій Бургундію, и де-Водрикуръ, дижонскій намѣстникъ.

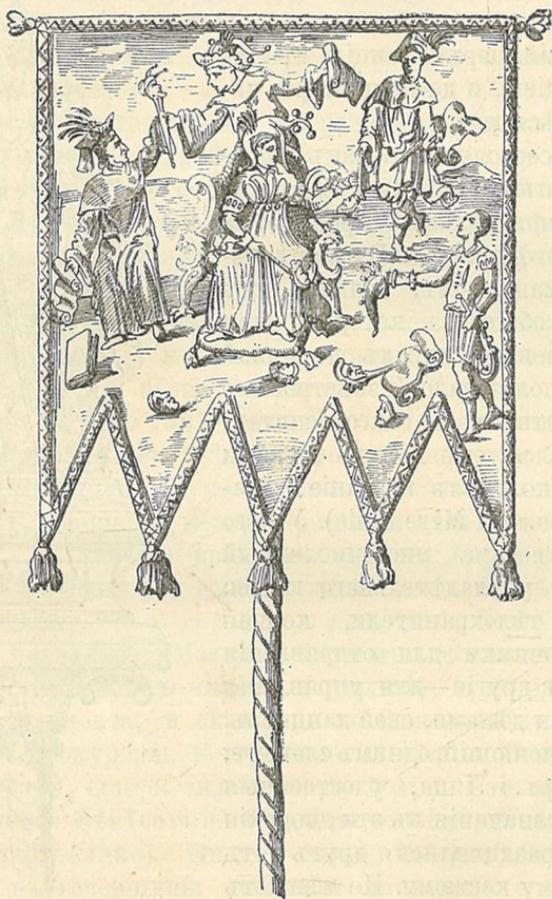
Общество состояло изъ такъ называемой «пѣхоты», которая собиралась по призыву «фискальнаго прокурора» или «зеленаго фискала». Во главѣ пѣхоты, ея командиромъ, являлся тотъ изъ членовъ общества, который, при внѣшнихъ преимуществахъ и видной наружности, пользовался извѣстностью человѣка честнаго и благовоспитаннаго. Избирался онъ всѣми членами общества и получалъ названіе «Матери Шутовъ» (la Mère Folle). У него былъ свой весьма многочисленный дворъ, какъ у владѣтельнаго князя: свои пѣшіе тѣлохранители, конная стража, чиновники для отправленія правосудія, и другіе—для управленія его домашними дѣлами, свой канцлеръ, свой великій конюшій, однимъ словомъ, большой дворъ. Лица, удостоенныя избранія и назначенія въ эти дворскія должности, различались другъ отъ друга по своему костюму. Не мѣшаетъ замѣтить, что судебныя рѣшенія «Матери Шутовъ» имѣли законный вѣсъ и значеніе, и многія изъ нихъ даже немедленно приводились въ исполненіе, если только не подвергались кассациі со стороны Дижонскаго парламента. Сохранилась еще резолюція этого парламента, отъ 6-го февраля 1579 года, подтверждающая одно изъ рѣшеній «Матери Шутовъ».

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что вся организація общества была чисто-военною. У общества былъ свой штандартъ, на которомъ было изображено множество головъ въ шутов-

Жезль Общества Матери Дураковъ.

скихъ колпакахъ съ золотыми перевязями и девизомъ: «Stultorum numerus est infinitus». Кромѣ штандарта, «Мать Шутовъ» имѣла еще двухъ-лопастное трехъ-цвѣтное знамя, состоявшее изъ полосъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ, по размѣрамъ одинаковое со знаменемъ герцоговъ Бургундскихъ. Среди этого знамени была изображена женщина, сидящая на роскошномъ креслѣ, одѣтая также въ платьѣ краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, съ шутовскимъ же-

Штандартъ Общества Матери Дураковъ.

зломъ въ рукахъ; на головѣ женщины написанъ былъ шутовской колпакъ съ побрякушками. Изъ-подъ ея платья выползали во множествѣ, во всѣ стороны, маленькіе шуты, наряженные въ такіе же колпаки. По одну сторону женщины изображенъ былъ на знамени пришедшій къ ней шутъ, очевидно, чего-то спрашивающій или о чемъ-то ходатайствующій. Позади женщины видна до половины фигура въ шутовскомъ костюмѣ, со свиткомъ въ одной

рукъ, и съ шутовскимъ жезломъ въ другой, очевидно, олицетворяющая власть «Матери Шутовъ», имѣющей право «вязать и рѣшить»; это символическая фигура подаетъ свой жезлъ человѣку въ костюмѣ судьи или адвоката, также держащему свитокъ въ другой рукѣ. У ногъ этого лица, облеченнаго въ судейскую мантию, лежитъ толстая книга. По лѣвую сторону женщины, въ глубинѣ, видна фигура пляшущаго шута.

Когда члены Дижонской пѣхоты собирались для пированія, каждый изъ нихъ приносилъ съ собою свое блюдо. Пятьдесятъ тѣлохранителей, избранныхъ изъ числа богатѣйшихъ ремесленниковъ города Дижона, охраняли входъ въ залу, а когда «Мать Шу-

Мать Дураковъ (предсѣдатель Общества Дураковъ).

товъ» изволила выходить изъ залы пиршества въ городъ, эти тѣлохранители сопровождали своего главу пѣшкомъ, и только начальствовавшій ими полковникъ ѣхалъ впереди шествія верхомъ.

Въ случаѣ какихъ-либо торжествъ, все общество проѣзжало по улицамъ города въ большихъ, ярко размалеванныхъ и раззолоченныхъ колесницахъ, запряженныхъ цугомъ въ шесть лошадей, покрытыхъ трехцвѣтными попонами. Кучеръ и фореиторъ были наряжены въ ливреи тѣхъ же цвѣтовъ. Эти колесницы обязательно должны были проѣхать по всѣмъ лучшимъ улицамъ города. Четыре герольда открывали шествіе; за ними слѣдовалъ начальникъ конной стражи, потомъ ѣхали колесницы, а за ними «Мать Шутовъ», на бѣломъ конѣ, предшествуемая двумя другими герольдами. За главою общества слѣдовали почетныя дамы, а за ними, гуськомъ, шесть пажей, двѣнадцать лакеевъ, знаменщикъ, шестьдесятъ долж-

ностныхъ лицъ, конюшіе, сокольничій, ловчіе и другіе лица, составлявшія свиту «Матери Шутовъ». Шествіе замыкалось пятидесятью всадниками, зеленымъ фискаломъ и пѣшими тѣлохранителями. Весь поѣздъ останавливался въ трехъ мѣстахъ: передъ домомъ губернатора, передъ домомъ перваго президента парламента и, наконецъ, передъ домомъ мэра, и при каждой остановкѣ, особое лицо, должно было произносить стихи, приспособленные къ данному случаю.

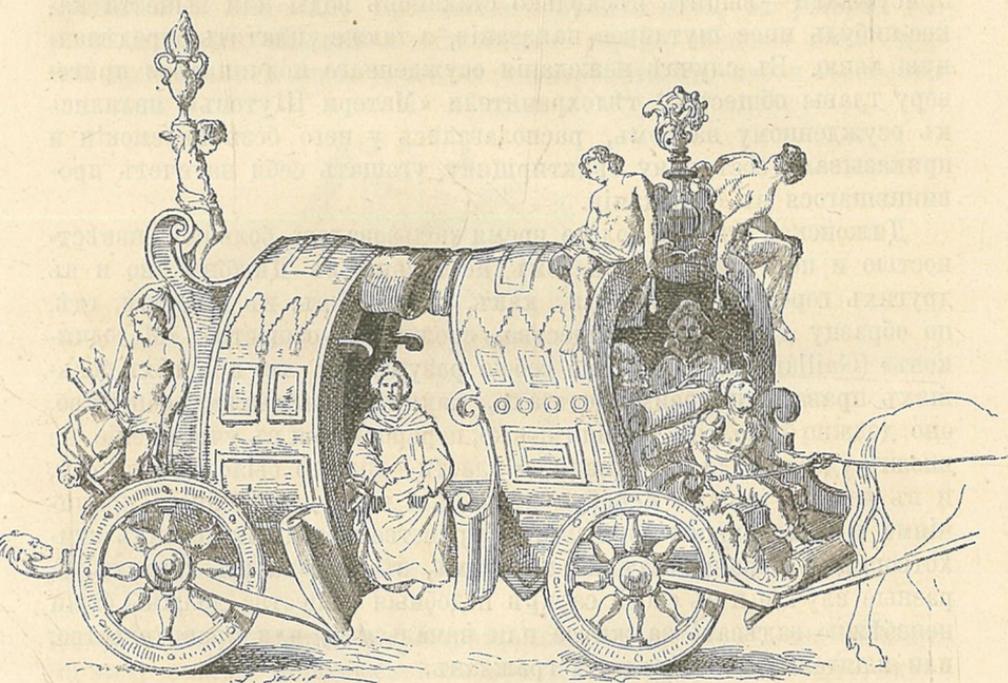
Когда случалось въ Дижонѣ какое-нибудь важное событіе—радостное или трагическое: какая-нибудь необычная свадьба, ловкое мошенничество, убійство, похищеніе—тотчасъ появлялись на улицахъ размалеванныя и раззолоченныя колесницы общества, окруженныя «всею пѣхотою», въ полномъ составѣ. Нѣкоторые изъ членовъ общества переряживались, такимъ образомъ, чтобы напомнить о событіи, взволновавшимъ наканунѣ весь городъ, и даже разыграть его въ лицахъ — и шествіе торжественно направлялось по улицамъ города.

Такъ, на примѣръ, въ современной брошюрѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Разсказъ о томъ, что происходило въ городѣ Дижонѣ по случаю благополучнаго рожденія Людовика XV въ 1638 году», мы читаемъ слѣдующія подробности: «Дижонская пѣхота, которой долгіи и благодѣтельный миръ далъ полную возможность и досугъ для подготовленія къ публичному увеселенію, по сему случаю явилась въ полномъ своемъ блескѣ и состояла изъ четырехсотъ человѣкъ всадниковъ, въ маскахъ, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ—и всѣ они, двигаясь торжественнымъ шествіемъ по городу, распѣвали по поводу благополучнаго рожденія наследнаго принца, приличные сему случаю стихи».

Послѣ всего вышеизложеннаго, ни для кого, конечно, не покажется, страннымъ, что самые важные сановники добивались, какъ особенной чести, возможности поступленія въ Дижонскую пѣхоту. Въ числѣ членовъ Дижонскаго шутовскаго общества видимъ принца де-Кондэ, перваго принца крови, поступившаго въ общество въ 1626 году; графа д'Аркура — одного изъ наиболѣе видныхъ военныхъ дѣятелей царствованія Людовика XIII, нанесшаго нѣсколько поражений испанцамъ (въ 1629 году); де-ла-Ривьера, епископа и герцога Лангрскаго, и много другихъ вельможъ и знатныхъ людей.

Когда кто-либо заявлялъ о желаніи поступить въ число членовъ дижонскаго общества, «зеленый фискаль» обращался къ нему въ вопросахъ, изложенныхъ въ формѣ рѣчованныхъ стиховъ. Принимаемый въ члены, стоя передъ лицомъ «Матери Шутовъ» и важнѣйшихъ изъ представителей дижонской пѣхоты, долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы также рѣчованными стихами «и съ великою простотою»; въ противномъ случаѣ, принятіе въ члены отлагалось. Если же бывало рѣшено принять въ члены

того, кто искалъ возможности вступленія въ общество, то ему надѣвали на голову трехцвѣтный шутовской колпакъ, и выдавали ему дипломъ, писанный на пергаментѣ буквами трехъ цвѣтовъ, съ печатью изъ сургуча, также трехцвѣтнаго. Весь дипломъ составленъ былъ въ шутовскомъ духѣ и написанъ языкомъ юридическихъ актовъ того времени. Въ дипломѣ значилось, что «высокопоставленные и досточтимые соучастники и содѣятели преславной дижонской пѣхоты, воспитанники Аполлона и музъ, законные дѣти почтеннаго отца Веселія, всѣмъ глупцамъ и архиглупцамъ какъ настоящимъ, такъ прошедшимъ и будущимъ, симъ возвѣщаемъ», что такой-то (имя рекъ съ титулами) «выразилъ желаніе нахо-

Колесница Матери Дураковъ, по рисунку Дю-Тиллю.

диться въ сообществѣ нашихъ развеселыхъ и достолюбезныхъ ребятъ нашей дижонской пѣхоты, и мы признали его способнымъ носить трехцвѣтный колпакъ и жезлъ премудрой глупости»... «а посему, послѣдую совѣту нашей высокочтимой и велемудрой матери, мы (такого-то) приняли и посвятили, принимаемъ и посвящаемъ въ вышепомянутую дижонскую пѣхоту, на все то время, пока будетъ глупость существовать на свѣтѣ, и даемъ ему право занять въ средѣ нашей и исправлять такую должность, какая будетъ соответствовать его природнымъ наклонностямъ, а также и тѣмъ почестямъ, привиллегіямъ, правамъ и преимуществамъ, какія небо

даровало ему, вмѣстѣ съ полною свободою рыскать по всему свѣту и упражняться въ проявленіяхъ глупости, увеличивая или уменьшая число ихъ по его собственной волѣ и расположенію... и т. д. Въ нѣкоторыхъ дипломахъ упоминалось и о томъ, что изъявившій желаніе поступить въ члены общества, основываетъ это желаніе, между прочимъ, на томъ, что онъ, сверхъ всѣхъ прочихъ титуловъ, носить еще «почетный титулъ человѣка, который уже и самъ по себѣ неразлученъ съ глупостью».

Если случалось, что кто-либо изъ числа лицъ, не принадлежащихъ къ обществу, наносилъ оскорбленіе обществу или кому-либо изъ его членовъ, его призывали на судъ къ «Матери Шутовъ» и присуждали—выпить нѣсколько стакановъ воды или вынести какое-нибудь иное шутовское наказаніе, а также уплатить опредѣленную пеню. Въ случаѣ нежеланія осужденнаго подчиниться приговору главы общества, тѣлохранители «Матери Шутовъ» являлись къ осужденному на домъ, располагались у него безъ церемоніи и приказывали сосѣднему трактирщику угощать себя на счетъ провинившагося въ послушаніи.

Дижонская пѣхота долгое время пользовалась большою извѣстностью и почетомъ, и при томъ не только въ Дижонѣ, но и въ другихъ городахъ Бургундіи, какъ, на примѣръ, въ Шалонѣ, гдѣ, по образцу дижонскаго общества, сложилось общество «Молодчиковъ» (Gaillardons). Но, само собою разумѣется, что при тѣхъ большихъ правахъ и преимуществахъ, какими пользовалось общество, оно должно было, раньше или позже, переродиться въ учрежденіе, не вполне удобное для предрѣшающей власти—должно было и въ шуткѣ, и въ весельѣ своемъ перейти предѣлы и мѣру дозволеннаго приличіями и обыденными понятіями о нравственности. Въ своихъ стихотворныхъ обращеніяхъ къ властямъ, въ шуточныхъ стихахъ на разные случаи и въ своей сатирѣ подобныя общества должны были неизбѣжно задѣвать за живое или начальство, или правительство, или вліятельныхъ мѣстныхъ гражданъ.

И вотъ, уже 31-го января 1626 года, шалонское общество дожило до формальнаго правительственнаго запрещенія «собираться въ какія-то ни было, публичныя или тайныя, сборища, толпою ходить по городу, — пѣшкомъ или верхами, — произносить или пѣть стихи, сатиры, прозу, діалоги или что-либо подобное иное». Начальство въ своемъ запрещеніи обращалось «къ отцамъ семейства, дабы они воздержали сыновей своихъ и слугъ отъ неповиновенія властямъ, подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ самихъ».

Однако же, нѣсколько дней спустя, «вслѣдствіе прошенія, представленнаго всею молодежью города Шалона», власти смягчились и допустили сборища подъ условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій. «Молодчикамъ» дозволялось собираться и устраивать различныя шествія и иного рода увеселенія, «но безъ всякаго шума и безчин-

ства», и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго магистрата, «которому они должны были представлять сочиненные ими стихи, прежде, чѣмъ ихъ читать въ публикѣ, во избѣжаніе всякихъ жалобъ, и съ непремѣннымъ обязательствомъ пользоваться этими привилегіями только въ теченіе дозволеннаго магистратомъ періода времени».

Но это послабленіе было только временнымъ: веселія бургундскія общества и послѣ него просуществовали недолго. Указомъ 21-го іюля 1630 года, дижонское общество было закрыто и лишено всѣхъ своихъ правъ, преимуществъ и полномочій. При этомъ выставались на видъ «тѣ беспорядки и безчинства, какіе общество произвело и постоянно продолжаетъ производить, въ ущербъ добрымъ нравамъ, тишинѣ и спокойствію города, подавая всѣмъ дурной примѣръ». А посему, желая «искоренить это зло и воспрепят-

Шутъ, по рисунку Кальло.

ствовать возможности его возрожденія въ будущемъ, мы рѣшили, въ силу нашей королевской власти...», прекратить и уничтожить общество дижонской пѣхоты и «Матери Шутовъ», и воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ города Дижона, а равно и другимъ, послѣ сего нашего указа собираться, составлять сообщество подъ названіемъ «Пѣхота» или «Матери Шутовъ», а равно и поступать въ его члены и участвовать въ пиршествахъ по этому поводу. Ослушники сего будутъ нами отрѣшены отъ выполненія какихъ-бы-то-ни было городскихъ должностей и, сверхъ того, подвергнутся взысканіямъ, какъ нарушители общественнаго порядка».

Но видно не легко было властямъ справиться съ горячимъ стремленіемъ бургундской молодежи къ шутливой сатирѣ и къ шумнымъ проявленіямъ веселости. Не смотря на королевскіе указы, дижонская «Пѣхота» продолжала собираться и устраивать свои шутовскія процессіи и пиры и послѣ 1630 года. Такъ, на примѣръ,

мы видѣли, какъ торжественно отпраздновано было дижонскимъ шутовскимъ обществомъ «всерадостное» событіе рожденія Людовика XV, въ 1638 году. «Пѣхота» собиралась и позже еще нѣсколько разъ, но на эти сборища уже испрашивалось каждый разъ специальное разрѣшеніе мѣстныхъ властей.

Общество распалось и постепенно исчезло, просто потому, что миновало время подобныхъ учрежденій, служившихъ живымъ отголоскомъ средневѣковой общественной жизни, все стремившейся укладывать въ опредѣленные рамки, возводить на степень учрежденія, цеха, корпораціи или общины, съ строго-выработанной организаціей, съ извѣстными правами и привилегіями. Наступающее новое время, допуская большую свободу личности во всѣхъ отношеніяхъ, заботилось уже не объ отдѣльныхъ обществахъ и корпораціяхъ, а объ всемъ обществѣ и потому именно не щадило никакихъ средневѣковыхъ учрежденій.

П. П.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I. (1688—1701).
Спб. 1888.

БЫ НЕ МОЖЕМЪ передать того пріятнаго чувства, которое овладѣло нами, когда мы развернули этотъ почтенный, объемистый томъ, когда мы стали вчитываться въ него, всматриваться ближе въ помѣщенные на его страницахъ матеріалы, пользоваться подробными примѣчаніями къ «Письмамъ» и образцовымъ указателемъ, приложеннымъ въ концѣ книги. И чѣмъ дальше мы углублялись въ чтеніе «Писемъ Петра Великаго» и всѣхъ тѣхъ историческихъ документовъ, которыми «Письма» обставлены, тѣмъ болѣе мы убѣждались въ томъ, что эта не та «*rudis indigestaque moles*», которую мы привыкли видѣть во множествѣ всякихъ сборниковъ архивнаго матеріала,—а стройное и прекрасное цѣлое, въ которомъ всѣ части связаны между собою неразрывно, всѣ—соразмѣрны, всѣ одинаково способствуютъ уясненію того великаго человѣка, ради котораго создано это классическое изданіе. Мы нисколько не преувеличимъ произведеннаго на насъ впечатлѣнія, если скажемъ, что явившееся нынѣ въ свѣтъ изданіе «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» достойно памяти Великаго Преобразователя.

Но и Троя, и стовратныя Оявы, не въ одинъ день созидались... И процессъ созиданія монументальнаго собранія «Писемъ» Петра Великаго былъ то же медленнымъ и постепеннымъ, и исторія этого изданія въ высокой степени поучительна.

Въ 1872 г., по случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія,

графъ Д. А. Толстой подалъ мысль о необходимости приступить къ изданію «такого собранія писемъ и бумагъ Петра Великаго, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха». Эта прекрасная мысль была удостоена высочайшаго одобренія и, съ высочайшаго соизволенія, 30 декабря 1872 г., была образована для собранія матеріаловъ къ предполагаемому изданію особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа Д. А. Толстого, изъ слѣдующихъ лицъ: профессоровъ русской исторіи — С. М. Соловьева и Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго, директора Московскаго архива министерства юстиціи, Н. В. Калачова и извѣстныхъ знатоковъ нашей рукописной литературы — А. Θ. Бычкова и А. Е. Викторова.

Коммисіею былъ выработанъ строгій и весьма опредѣленный планъ для собранія Петровскихъ бумагъ и писемъ, и на основаніи этого плана были самымъ тщательнымъ образомъ перерыты все казенные и частные архивы, и собрано все, что можно было собрать въ данную минуту въ Россіи и за границей для цѣли, положенной въ основу изданія⁴⁾. Въ составъ собраннаго коммисіею драгоцѣннаго матеріала введены: 1) Письма, указы, инструкции Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени; 3) трактаты и договоры, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, составлявшіеся по мысли и указаніямъ Петра Великаго; 4) учебныя его тетради, замѣтки для памяти и черновые наброски; 5) письма и бумаги Петра Великаго, не дошедшія до насъ въ подлинникѣ, но помѣщенные въ прежнихъ печатныхъ изданіяхъ; 6) указы дипломатическимъ агентамъ, если въ нихъ встрѣчаются поправки и дополненія, писанныя Петромъ Великимъ; 7) жалованныя грамоты Петра Великаго; 8) узаконенія, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя Петромъ Великимъ; и 9) исправленные Петромъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій.

Въ составъ этого обширнаго и разнообразнаго матеріала каждый изъ членовъ коммисіи внесъ свою весьма цѣнную лепту; но все же трудность задачи была такъ громадна, что ни личныхъ усилій коммисіи, ни тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя находились въ ея распоряженіи, было далеко не достаточно для выполненія задачи, тѣмъ болѣе, что каждый изъ членовъ коммисіи не могъ посвятить себя всецѣло дѣлу собранія писемъ и бумагъ Петра Великаго: у каждаго были свои дѣла и обязанности... При томъ и трудности дѣла были весьма значительны и не легко-преодолимы. Одною изъ главныхъ трудностей была невозможность найти достаточное количество лицъ, способныхъ свободно читать связный и неразборчивый почеркъ Петра Великаго, а затѣмъ — необходимость тщательной проверки переписаннаго по оригиналамъ. Но, не смотря на все эти трудности, графъ Д. А. Толстой уже 22 февраля 1875 г. могъ доложить государю императору,

⁴⁾ Въ предисловіи къ «Письмамъ» Петра Великаго, мы находимъ, вслѣдъ за благодарностью многимъ и многимъ лицамъ и учрежденіямъ, слѣдующее изумительное указаніе: «Къ сожалѣнію, не все успѣли внести свой вкладъ въ это дѣло, долженствующее быть памятникомъ, воздвигаемымъ благодарнымъ потомствомъ своему великому монарху. Нѣсколько лицъ, у которыхъ, какъ коммисіи положительно извѣстно, находятся письма Петра Великаго или прошли молчаніемъ сдѣланныя къ нимъ письменныя обращенія, или отвѣтили на нихъ прямымъ отказомъ». (См. стр. XI).

что «въ комиссіи имѣются болѣе 4,000 списанныхъ писемъ Петра Великаго и разныхъ бумагъ его руки»; а въ засѣданіи 23 апрѣля 1876 года комиссіею были уже составлены правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться при печатаніи писемъ и бумагъ Петра Великаго.

Въ апрѣлѣ 1878 года, министерствомъ финансовъ былъ разрѣшенъ послѣдній отпускъ изъ государственнаго казначейства денегъ на производство платы лицамъ, занимавшимся въ Москвѣ и Петербургѣ перепискою бумагъ и писемъ Петра Великаго; въ томъ же мѣсяцѣ, того же года, была высочайше утверждена смѣта расходовъ на напечатаніе перваго тома изданія въ двухъ видахъ¹⁾. Къ этому времени, количество собранныхъ Петровскихъ бумагъ и писемъ возросло уже до 10,000 номеровъ.

Затѣмъ, 27-го ноября 1879 года, графъ Толстой вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи къ отпуску высочайше утвержденной суммы на печатаніе перваго тома «Писемъ и бумагъ», а 21-го февраля 1880 года, послѣдовавшее по этому представленію мнѣніе государственнаго совѣта было высочайше утверждено.

Казалось—все дѣло ужъ совсѣмъ закончено, трудная работа выполнена въ возможно-краткій срокъ, и остается только выждать результатовъ, которые не могли замедлить... Но.. но исторія Петровской комиссіи повторила вѣчную исторію всѣхъ російскихъ комиссій! Какъ только изъ комиссіи выйдетъ то лицо, которое влагаетъ въ дѣло душу, которое ведетъ его неутомимо и смѣло впередъ—такъ и вся комиссія обращается въ мертвое тѣло и приходитъ въ состояніе полной неподвижности... То же самое произошло и въ данномъ случаѣ. Въ 1880 году, графъ Д. А. Толстой оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ этимъ комиссія разомъ пріостановила свою дѣятельность:—такъ прочно пріостановила, что даже «назначенная на изданіе сумма, за ея неизрасходованіемъ, поступила обратно въ ресурсы казны» (стр. XVII)!.. И ровно пять лѣтъ дѣло изданія Петровскихъ «Писемъ и бумагъ» не двигалось ни на шагъ впередъ, пока во главѣ дѣла не явился вновь графъ Д. А. Толстой (уже въ качествѣ президента Академіи Наукъ), «который, по своей любви къ исторіи Россіи», не отказался вновь руководить изданіемъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго».

Не имѣя, однако же, возможности лично выполнить это дѣло и привести его къ желанному концу, графъ Толстой зналъ, на кого возложить печатаніе перваго тома писемъ и бумагъ Петра Великаго. Для этого онъ выбралъ того члена комиссіи, который съ самаго начала этого дѣла неутомимо работалъ на пользу его, то «составляя на карточкахъ списки всѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ» (стр. V), то собственноручно переписывая «значительное число писемъ и бумагъ Петра Великаго», только потому, что «сумма на переписку ихъ оказывалась недостаточною» (стр. XV), то, наконецъ, даже и «во время бездѣятельности комиссіи», занимаясь въ архивахъ собираніемъ писемъ и бумагъ Великаго Преобразователя Россіи и ведя сношеніе съ разными лицами, доставлявшими въ комиссію письма государя» (стр. XVIII). Однимъ словомъ, графъ Толстой

¹⁾ Въ форматѣ больш. 8° и въ форматѣ больш. 4° (послѣднее въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ). Смѣта исчислена въ 7807 рублей 50 копѣекъ.

избралъ академика А. Θ. Бычкова, вѣроятно, въ той твердой увѣренности, что онъ также «по любви къ исторіи Россіи» не откажется отъ возлагаемаго на него тяжкаго труда. И вотъ, не прошло еще и трехъ лѣтъ, а этотъ трудъ завершеиъ и лежитъ передъ нами, и представляетъ собою истинный памятникъ Великому Петру. Честь и слава энѣргической инициативѣ графа Д. А. Толстого; честь и слава неутомимой дѣятельности, громаднѣмъ знаніямъ и самотверженной любви къ дѣлу, которыя новѣмъ трудомъ своимъ такъ блистательно доказалъ академикъ А. Θ. Бычковъ. Веѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго въ нынѣ изданномъ первомъ томѣ помѣщено 402 нумера; да, сверхъ того, въ примѣчаніяхъ къ письмамъ 362 отвѣтныхъ письма (отъ 50 разныхъ лицъ) на утраченныя письма Петра. Какъ велико число этихъ безвозвратно и безслѣдно погибшихъ писемъ Петра Великаго — въ этомъ можно было убѣдиться только при собираніи ихъ для нынѣшняго изданія; по тому, что удалось собрать, не трудно заключить, что утрачены не сотни, а тысячи писемъ и бумагъ, писанныхъ или исправленныхъ рукою Великаго Преобразователя!

Прочитывая все собранное въ первомъ томѣ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго», мы пришли къ тому убѣжденію, что если и остальные томы будутъ изданы такъ же, какъ первый, и все изданіе будетъ доведено до конца — исторію Петра Великаго придется писать сначала, поставивъ крестъ на всемъ, что было о немъ написано. Такой выводъ, въ правильности котораго едва ли можно сомнѣваться, служить лучшею похвалою вчинателямъ и исполнителямъ такого истинно-полезнаго дѣла, какъ изданіе Петровскихъ бумагъ и писемъ!

П. П.

Викентій Лаурео; Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574, 1578 гг., и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику Римской курии, въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ, по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ архивѣ и изданныя Федоромъ Вержбовскимъ, проф. Императорскаго Варшавскаго университета. Варшава. 1887.

Этотъ объемистый томъ очевидно предназначенъ для немногихъ специалистовъ и не столько въ Россіи, сколько за границей; 756 стр. его почти сплошь состоятъ изъ оригиналовъ (на италіанскомъ языкѣ), писемъ или, вѣрнѣе сказать, донесеній легата Лаурео въ Римскую курию, снабженныхъ двумя очень полезными указателями, а XIX стр. предисловія написаны на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, и заключаютъ въ себѣ только небольшую біографію Лаурео, съ немногими примѣчаніями къ ней; обслѣдованіе же этого огромнаго матеріала авторъ отлагаетъ до того времени, когда онъ окончитъ изданіе 2-хъ томовъ донесеній Андрея Дудича, императорскаго посла въ Польшѣ.

Викентій Лаурео родился въ Калабріи въ 1523 году. Раннюю молодость свою онъ провелъ при дворѣ Фердинанда Карафоры, гдѣ воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ своего принцпала Альфонса, подъ руководствомъ довольно извѣстнаго въ свое время гуманиста испанца Хуана Падильи, у котораго

онъ вѣручился полатыни и погречески. Потомъ онъ слушалъ лекціи въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ занимался одинаково усердно философіей, богословіемъ и медициной. По окончаніи образованія онъ уже въ духовномъ званіи служилъ при нѣсколькихъ кардиналахъ, и одинъ изъ нихъ Михаилъ Гизлери, кардиналъ александрійскій, взойдя на папскій престолъ подъ именемъ Пія V, сдѣлалъ Лаурео епископомъ Мондовскимъ и назначилъ его нунціемъ при шотландской королевѣ Маріи Стюартъ.

Пій V былъ одинъ изъ тѣхъ папъ, которые своей энергіей и преданностью дѣлу спасли разрушавшееся, поவிديوому, католичество и, оторвавъ на много столѣтій романскій югъ отъ германскаго сѣвера, начали съ послѣднимъ отчаянную борьбу, едва не кончившуюся гибелью до тѣхъ поръ побѣдоноснаго протестантизма. Не то, чтобы всѣ эти папы были люди геніальные и героически-сильные; между ними были и посредственности или по уму или по характеру; но всѣ они дѣйствовали во имя одной идеи и имъ помогало, а часто и направляло ихъ, большинство общества, которое съ своей стороны не сознавало, куда толкаетъ оно своихъ руководителей. Пій V, сдѣлавшій больше многихъ другихъ для «собиранія» католичества, вовсе не принадлежалъ къ числу людей съ широкими взглядами и политической дальновидностью; это былъ человекъ недалежнаго ума и скорѣй добраго сердца; но идея времени всецѣло овладѣла имъ, и онъ сталъ фанатикомъ-инквизиторомъ. Достигнувъ сана кардинала, онъ продолжалъ жить бѣднякомъ и аскетомъ. Вступивъ на престолъ папскій, онъ являлся босикомъ во всѣхъ процессіяхъ, доводилъ себя продолжительной молитвой до изступленія ума или полного изнуренія, давалъ аудіенціи всѣмъ безъ разбора, содержалъ на свой счетъ тысячи бѣдныхъ, а себѣ во всемъ отказывалъ и родныхъ своихъ не пускалъ въ Римъ. Этотъ образецъ христіанскаго смиренія былъ, однако, такого высокаго мнѣнія о папской власти и нравственной силѣ, что даже Филиппа II испанскаго раздражилъ своей притязательностью.

Легко понять, чего такой папа требовалъ отъ нунціевъ, ближайшихъ орудій своей воли: прежде всего безусловной и дѣятельной преданности той же идеѣ, какой онъ самъ служилъ всю жизнь—величію и единству католической вѣры и ненависти ко всему, что противорѣчило ей или ограничивало ее. Идея была настолько свята, что для проведенія ея допускались всѣ средства безъ исключенія.

Понятно, стало быть, въ какомъ направленіи Лаурео дѣйствовалъ при дворѣ несчастной королевы шотландской.

Въ 1572 г. на престолъ папскій вступилъ Григорій XIII, который также зналъ Лаурео, когда еще былъ кардиналомъ. Григорій XIII по характеру былъ человекъ совсѣмъ другого пошиба, нежели его предшественникъ, и чиновники папскаго двора надѣялись, что имъ теперь удастся вознагражить себя за невольный постъ и воздержаніе: Григорій любилъ пожить и умѣлъ пожить, и по первымъ шагамъ его казалось, что онъ на престолѣ останется такимъ же веселымъ полусвѣтскимъ кардиналомъ. Но идея времени оказалась сильнѣе личныхъ наклонностей государя: его быстро забрали въ руки, и онъ оказался такимъ же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ людей, ее проводившихъ, какъ и суровый Пій V; разница только въ томъ, что онъ употреблялъ нѣсколько иныхъ средства и привлекъ для той же цѣли науку и педагогику: извѣстно, какъ много работалъ онъ для учрежденія въ Римѣ коллегій, гдѣ воспитывались нѣмцы, англичане, греки и проч., по-

томъ посылаемые миссіонерами къ своимъ еретическимъ единоплеменникамъ.

Григорій XIII поспѣшилъ послать Лаурео въ Польшу, гдѣ въ то время пропганда протестантизма была пожалуй сильнѣе, нежели въ какой-либо другой католической странѣ и гдѣ къ тому же половина подданныхъ короны принадлежала къ старой схизмѣ—православію.

Извѣстно, какую блестящую побѣду одержало католичество въ Польшѣ и соединенной съ нею юго-западной Руси, благодаря неуклонной энергіи папскихъ нунціевъ и братьевъ ордена Іисуса; извѣстно, какъ эта побѣда погубила несчастную Польшу и возвеличила схизматическую Московію, что, конечно, не входило въ виды нунціевъ и іезуитовъ!

Однимъ изъ такихъ нунціевъ, безсознательно и противъ воли служившихъ будущему Россіи, былъ Викентій Лаурео. Когда онъ собирался ѣхать къ мѣсту своего назначенія, умеръ польскій король Августъ и наступило довольно продолжительное междуцарствіе. Лаурео дождался въ Римѣ избранія Генриха Валуа и потомъ поѣхалъ въ Парижъ, чтобы сопутствовать новому королю при его въѣздѣ; но недождавшись, пока Генрихъ двинется съ мѣста, Лаурео поѣхалъ одинъ, по дорогѣ получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія отъ своего предшественника, и въ январѣ 1574 г. былъ уже въ Краковѣ.

Первой его задачей было—уничтожить, такъ называемую, варшавскую конфедерацію, которая провозгласила религіозную свободу въ Польшѣ, и съ помощью партій, имъ же составленной, ему удалось устроить дѣло такъ, что король, не опасаясь восстанія, могъ отказаться утвердить своей присягой конфедерацію. На несчастіе куріи и Лаурео, ея ловкаго орудія, Генрихъ процарствовалъ всего четыре мѣсяца и тайкомъ бѣжалъ изъ своего королевства. Лаурео сперва старался помѣшать его отрѣшенію отъ престола, а когда это ему не удалось, сталъ интриговать въ пользу Габсбурговъ противъ партій Стефана Баторія и московскаго царя Ивана IV. Но онъ оказался побѣжденнымъ: Стефанъ Баторій былъ избранъ, и Лаурео, продолжавшій и послѣ этого интриговать противъ него, былъ принужденъ покинуть Польшу (іюнь 1576 г.).

Когда человѣкъ интригуетъ въ видахъ своей собственной пользы, самолюбіе помѣшаетъ ему покориться тому порядку вещей, противъ котораго онъ дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе тому человѣку, которому онъ старался подставить ногу.

Если же побѣжденный является цѣловать руку своего побѣдителя и рачотать передъ нимъ увѣренія въ преданности, мы чувствуемъ къ нему презрѣніе. Но совсѣмъ иначе бываетъ, если человѣкъ работаетъ не для себя, а для идеи, которую онъ считаетъ святою и непреложною истинной, передъ которой должно молчать всякое самолюбіе. Папскій нунція, работавшій для побѣды католичества, могъ всѣми мѣрами препятствовать тому кандидату на польскій престолъ, котораго онъ считалъ менѣе преданнымъ церкви, но если этотъ кандидатъ побѣждалъ, онъ могъ и даже долженъ былъ стараться войти къ нему въ милость, чтобы этимъ менѣе пригоднымъ орудіемъ работать для той же великой цѣли. Такъ и Лаурео, дождавшись утвержденія Баторія папою, поспѣшилъ назадъ въ Польшу и постарался заставить короля служить интересамъ церковнымъ. Это оказалось не такъ трудно потому, что Баторій, желавшій усилить королевскую власть въ Польшѣ, самъ хотѣлъ поближе сойтись съ католической партіей и хотя присягой подтвердилъ конфедерацію, допустилъ нунція устроить противъ нея протестъ и даже пре-

дать ее анаемѣ на провинціальному синодѣ въ Петроковѣ. Послѣ этого, постановленія Тридентскаго собора были съ полною готовностью приняты польскимъ духовенствомъ, которое съ этого времени начинаетъ дѣйствовать съ небывалой энергіей въ пользу единства вѣры въ предѣлахъ польскаго государства. Это было результатомъ дѣятельности Лаурео, который, такимъ образомъ, является виновникомъ ополяченія русскихъ пановъ, униі, казачкихъ возстаній и отпаденія Украйны отъ Польши.

Труды, подъятыя нунціемъ въ пользу уничтоженія вѣротерпимости, сильно истощили и ослабили его здоровье; онъ съ радостью встрѣтилъ извѣстіе о своемъ отозваніи и въ 1578 году вернулся въ родную Италію. Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Савойѣ, онъ отправился съ своимъ докладомъ въ Римъ. Григорій XIII назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи, которая исправляла календарь, а потомъ послалъ нунціемъ къ Карлу Эммануилу Савойскому. Позднѣе Лаурео былъ сдѣланъ кардиналомъ и въ 1590 г., говорятъ, имѣлъ виды на папскій престолъ, но ему помѣшала испанская партія. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1592 г.

Вполнѣ понимая увлеченіе почтеннаго издателя — какой же ученый не придаетъ найденнымъ имъ документамъ огромнаго значенія и интереса? — мы не можемъ, однако, согласиться съ г. Вержбовскимъ (стр. XVII), что донесенія Лаурео можно читать съ такимъ же интересомъ, какъ романъ; напротивъ, мы убѣждены, что для всякаго, кто не занимается спеціально исторіей Польши въ эту эпоху, чтеніе всѣхъ донесеній подрядъ будетъ въ достаточной степени скучно, и поэтому нельзя не поблагодарить г. Вержбовскаго за указатель, который даетъ возможность всякому отыскать интересное для него въ депешахъ нунція, написанныхъ, правда, толково, но переполненныхъ повтореніями. Для русскихъ читателей, конечно, интереснѣе всего то, что нунцій сообщаетъ о дѣлахъ московскихъ; они найдутъ это въ указателѣ подъ *Giovanni IV, gran duca di Moscovia*. Массу интересныхъ и, сколько мы можемъ судить, новыхъ подробностей сообщаетъ Лаурео о стараніяхъ Ивана IV получить польскую корону послѣ бѣгства Валуа и о силѣ и дѣйствіяхъ московской партіи (см. стр. 147, 201, 260, 289 и др.). Любопытно, что одно время не только архіепископъ Варшавскій, но и папскій нунцій, повидимому, склонялся въ пользу московскаго великаго князя, конечно, въ полной увѣренности, что онъ, попавъ въ Польшу, непременно приметъ католицизмъ (стр. 378, 379); любопытно, что и послѣ избранія Баторія, низшее литовское дворянство продолжало стоять за московскаго князя (стр. 606), и только ожесточенная война Грознаго съ Баторіемъ возбудила противъ Москвы національное чувство во всей странѣ. Интересна одна черта характера Ивана Грознаго, которую Лаурео счелъ достойнымъ занести въ депешу отъ 21-го октября 1577 г. (стр. 613). Одинъ мальтійскій кавалеръ, итальянецъ родомъ, начальствовавшій въ одной Ливонской крѣпости, принужденъ былъ сдать ее московскимъ войскамъ. Иванъ IV очень усиленно приглашалъ его вступить на московскую службу, но тотъ отвѣчалъ, что онъ прежде долженъ отдать королю отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; иначе его сочтутъ за измѣнника. «Тогда москвитъ сказалъ ему: чтобъ ты зналъ, что я христіанскій господинъ и императоръ, я возвращаю тебѣ свободу», и мальтійскій рыцарь былъ отправленъ подъ охраной москвитянъ до границъ литовскихъ.

Изъ культурно историческихъ чертъ отмѣтимъ рассказанную нунціемъ въ письмѣ 21-го января 1578 года исторію одной краковской дѣвушки, ко-

торая въ видѣніи посѣтила адъ, чистилище и рай. Любопытно, что нунцій не только не думаетъ воспользоваться для своихъ цѣлей слухомъ объ этомъ чудѣ, но напротивъ сильно возстаєтъ на его распространителей и обвиняєтъ ихъ въ легкомысліи: руководители католичества прекрасно умѣли отличать пригодныя средства отъ устарѣвшихъ.

Интересна исторія казака Подковы, много разъ останавливавшая на себѣ вниманіе нунція: этотъ безшабашный храбрець овладѣлъ частію Молдавіи и держался тамъ довольно долго. Когда онъ покинулъ свое завоеваніе и вернулся въ предѣлы Польши, турецкое правительство настойчиво потребовало его казни, но все польское войско ходатайствовало за удалца, и король былъ въ большомъ затрудненіи. Лаурео сообщаетъ (стр. 653), что при Сигизмундѣ Августѣ въ подобныхъ случаяхъ (стало быть, ихъ бывало не мало) польское правительство обманывало турокъ, казня вмѣсто того, кто оскорбилъ Порту, какого-нибудь несчастнаго поляка, осужденнаго на смерть за другое преступленіе, при чемъ его одѣвали въ богатое платье.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Польшѣ, Лаурео много усилій потратилъ на то, чтобы набрать для римской коллегіи нѣсколько православныхъ мальчиковъ изъ русскихъ, которыхъ надлежало воспитать въ католичествѣ и потомъ отправить на родину миссіонерами. Сперва это было довольно трудно, и епископъ Виленскій, котораго онъ просилъ о присылкѣ годныхъ субъектовъ, письменно извинялся: по его словамъ «русскіе (iruteni) до того преданы своей сектѣ, что скорѣй согласятся на смерть своихъ сыновей, нежели на отправку ихъ въ Римъ» (стр. 683); но потомъ нунцію удалось достать нѣсколько мальчиковъ и молодыхъ людей, между прочимъ, изъ числа военно-плѣнныхъ, и переправить ихъ въ Италію. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, которыя указали бы намъ на ихъ послѣдующую судьбу.

А. К.

Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изданъ подъ редакціей О. Э. Миллера. Рисунки К. А. Газенкамфа. Изданіе Спб. комитета грамотности. Спб. 1888.

При всей своей, такъ сказать, многослойности, нашъ народный эпосъ является объединеннымъ, потому что въ немъ имѣется единство внѣшнее (хотя и достигнутое своеобразнымъ путемъ) — мѣста (Кіевъ) и времени (героическая пора князя Владиміра), а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство внутреннее — содержанія, мысли, главнымъ образомъ, выразившейся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все въ одномъ направленіи, въ идеальномъ образѣ Ильи Муромца. Илья Муромецъ представляетъ собою живой, не искусственно сдѣланный, а воплощенный, вполне удавшийся народный идеаль. Это не рыцарь, любящій войну ради войны; если же онъ и опоясывается мечомъ, то для обороны земледѣльческаго труда. Если вся жизнь его проходитъ внѣ дома, на службѣ общественной, то по этому послѣднему роду службы мы можемъ судить о томъ, до какой степени личность его проникнута духомъ общины. Не зная стремленія ни къ личнымъ, ни къ семейнымъ цѣлямъ, онъ задается мыслью прочистить крещенному люду дорогу къ Кіеву, заложившую вѣковымъ разорителемъ (при чемъ по-пути спасаетъ городъ даже вопреки заповѣди отцовской), далѣе является стоятелемъ на заставѣ во главѣ богатырской общины побратанниковъ, съ тѣмъ, чтобы каждаго проѣзжаго

изъ русскихъ богатырей причислять къ своей братіи, а каждаго чужого нахвальщика удерживать отъ вторженія въ землю русскую. Болѣе всѣхъ побратениковъ подвизаясь за общее дѣло, онъ неустанно готовъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и каждому изъ этой своей не родной, а названной, крестовой братіи, узы съ которою важнѣе узъ крови. Оберегая ихъ отъ насилія, онъ и имъ не даетъ совершать насилія. Самъ добровольно служа другимъ и никого не держа въ услуженіи, постоянный труженикъ и за богатырей, такъ часто туляющихся, и за Владимира князя, никогда ничего не дѣлающаго,— онъ не ищетъ ни добычи, ни власти, ни даже личной славы: «Вы чините вездѣ такую славу»,—говоритъ онъ побѣжденнымъ татарскимъ царевичамъ,— «что святая Русь не пуста стоитъ, на святой Руси есть сильны могучи богатыри». Для себя онъ требуетъ лишь одного: чтобы признавалось его земское значеніе, — чтобы ему, крестьянскому сыну, было мѣсто не ниже бояръ за столомъ у князя. Неучествованный Владиміромъ, онъ проучилъ его, но при этомъ самъ опять не воспользовался ни малѣйшей выгодой, а только усадилъ голей за столъ Владиміровъ, ни мало не домогаясь у нихъ того мѣста почетнаго, котораго не хотѣлъ уступить боярамъ. Напомнивъ князю о томъ, что княжество—служба,—и что поставленіе на такую службу во власти его, Ильи, стоятеля за народъ и родную землю, муромскій мужичекъ-богатырь, убѣдившись, вѣроятно, въ невнимательности Владимира къ подобнаго рода напоминаніямъ, удаляется... Но при первой вѣсти о новыхъ насильникахъ, злыхъ татаровьяхъ, онъ, только переодѣтый, является опять, открываясь растерянному Владиміру, и сдается на призывъ княжескій— снова стать за сиротъ и вдовъ,—сдается собственно на такой призывъ, а вовсе не на битве ему челомъ князя, оставаясь нисколько не польщеннымъ этимъ признакомъ крайней почтительности. Вовсе не желая выслужиться у князя, Илья «не стремится выслужиться и у Бога»: ополчается ради самихъ сиротъ и вдовъ, а не ради награды, обѣщаемой за то церквами. Но хотя эти послѣднія, такимъ образомъ, не возбуждаютъ въ немъ вѣроисповѣдной корысти, онъ восстанавливаетъ и пѣнье церковное, и звоны колокольные, не только въ русской, но и въ цареградской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ восстанавливаетъ и проповѣдуемую въ нихъ милостыню. И самъ, наконецъ, строя церкви, онъ строитъ ихъ, хотя уже и подъ старость, не за собственную свою душу, а за тѣхъ, на чьи деньги онѣ воздвигаются. Словомъ, и на почвѣ вѣроисповѣдной, какъ истинный представитель общины, онъ постоянно заботится о самомъ себѣ.

Выразивъ, въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, свое идеальное представленіе о нравственно-свободномъ, вполне безкорыстномъ и безпредѣльно-усерднымъ служеніи міру-народу, народъ надѣлилъ своего любимаго богатыря и практическою мудростью, умѣньемъ разрѣшать то *collisio officiorum*, которое представляетъ иногда жизнь. Въ самомъ началѣ богатырскихъ походовъ Ильи, отецъ, отпуская его въ путь, даетъ ему благословеніе на дѣла добрыя, а на худыя дѣла не даетъ: «Не помысли зломъ на татарина, — не убей въ чистомъ полѣ христіанина». По другому варианту, онъ самъ даетъ себѣ слово «рукъ въ пути не кровавити». Но какъ сдержатъ эту заповѣдь, когда онъ подѣвжается къ Чернигову, а подъ Черниговомъ стоятъ «сила—смѣты нѣтъ, стоятъ три царевича, съ каждымъ силы сорокъ тысячей»—на погибель народу русскому? Не хочется Ильѣ нарушать отцовскую заповѣдь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ не помочь черниговцамъ? Видя, какъ татары насилуютъ,

Илья, нехотя, нарушаетъ отцовскій (и свой) завѣтъ. И это вполне сообразно съ свободою широтою общенароднаго нравственнаго чувства. Здѣсь мы видимъ ясное, быстрое проникновеніе въ сущность вопроса, вѣрное пониманіе его духа и вѣрность на дѣлѣ духу, а не буквѣ заповѣди. Не кровавить рукъ,—это для Ильи Муромца значитъ—удерживать ихъ отъ насилія; но не дать имъ воли противъ татаръ, это значило бы позволять татарамъ насилловать. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь народное рѣшеніе вопроса о сопротивленіи злу насиліемъ,—рѣшеніе вполне рациональное.

Такой взглядъ на главнаго представителя младшаго богатырства высказанъ почтеннымъ профессоромъ О. Э. Миллеромъ въ его извѣстныхъ сочиненіяхъ: «Опытъ историческаго обзорѣнія русской словесности» (2-е изд. 1866 г.), въ диссертациі «Илья Муромецъ и богатырство кіевское» (1869) и др. Теперь, подъ редакціей его является «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ», представляющій собою сводъ былинъ объ этомъ богатырѣ. «Былины о сильно могучихъ богатыряхъ кіевскихъ и о наибольшемъ ихъ Ильѣ Муромцѣ», — говорится въ предосланномъ «Сказу» «Объяснительномъ словѣ», принадлежащемъ перу редактора,—извѣстны въ настоящее время далеко не во всей Россіи. Помнятъ богатырей и умѣютъ про нихъ сказывать собственно на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ. Тамъ-то и записана большая часть былинъ, вошедшихъ въ изданные у насъ сборники. Но и самые умѣлые изъ народныхъ пѣвцовъ ве знаютъ уже теперь всѣхъ былинъ и не сознаютъ той связи, которая между ними существуетъ. Былины въ настоящее время — разрозненныя звенья большой и распавшейся цѣпи. Восстановить эту цѣпь можно было только при внимательномъ изученіи всѣхъ существующихъ сборниковъ и каждой изъ находящихся тутъ былинъ по различнымъ ея пересказамъ. Послѣ такой ученой работы стала возможною и другая — заключающаяся въ такомъ сводѣ главнѣйшихъ былинъ, въ которомъ онѣ бы являлись въ строгой послѣдовательности—такъ, чтобы получалась въ итогѣ цѣлая жизнь богатырскаго наибольшаго Ильи Муромца. Попытку такого свода лучшихъ былинъ и представляетъ настоящее изданіе. Это трудъ бывшей слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, О. Е. Крестьяновой, работавшей надъ былинами подъ нашимъ руководствомъ. Имѣя въ виду ту нить, которая дается нашею книгою объ «Ильѣ Муромцѣ и богатырствѣ кіевскомъ», она установила послѣдовательный порядокъ печатаемыхъ здѣсь былинъ, а въ каждой отдѣльной былинѣ собрала черты, заключающіяся въ лучшихъ ея пересказахъ. Такимъ-то образомъ всему грамотному русскому люду возвращается то, что составляетъ общее стародавнее добро его предковъ».

Относительно выбора былинъ (числомъ 12) считаемъ нужнымъ замѣтить, что редакторъ и составительница «Сказа» всегда имѣли въ виду высшія воззрѣнія, которыхъ достигъ народъ, и помѣстили въ своемъ «сводѣ» только былины смягченнаго характера, образовавшіяся въ періодъ общинной жизни. На этомъ основаніи, конечно, не вошли сюда былины въ родѣ той, въ которой рассказывается о боѣ Ильи съ сыномъ, и которая представляетъ собою остатокъ первобытной грубости, хотя впоследствии нѣсколько и смягченной, но смягченной не въ пользу Ильи Муромца: сынъ мститъ Ильѣ за «заугольную» связь съ его матерью.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что эта книжка, изданная очень тщательно, снабженная хорошими рисунками Газенкампа, составляетъ

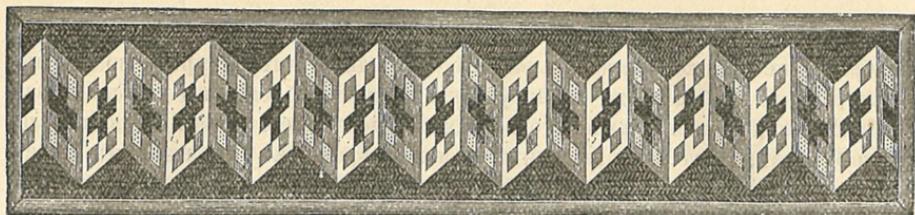
приобрѣтіе не только, такъ называемой, «народной литературы», но также и литературы учебной: она очень удобна для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, при изученіи русскаго народнаго эпоса, представляя собою цѣлый циклъ былинъ, тщательно выбранныхъ и провѣренныхъ по многимъ пере-сказамъ, чего мы не найдемъ, конечно, ни въ одной изъ существующихъ хрестоматій.

С.

Топографія Оренбургской губерніи. Сочиненіе П. И. Рычкова 1762 года. Оренбургъ. 1888.

Настоящее сочиненіе П. И. Рычкова было въ первый разъ издано еще въ прошломъ столѣтіи академикомъ Миллеромъ въ его ежемѣсячныхъ «Сочиненіяхъ и переводахъ». Книга эта весьма важна для этнографіи обширнаго Оренбургскаго края, въ ней сообщается много свѣдѣній о нашихъ восточныхъ инородцахъ: татарахъ, калмыкахъ, киргизахъ, башкирахъ, мордвѣ, чувашахъ, черемисахъ, каракалпакахъ, мещерякахъ и др. Кромѣ этнографическихъ данныхъ объ этихъ племенахъ, мы встрѣчаемъ у Рычкова не мало историческихъ извѣстій о русской колонизации края, о постепенномъ административномъ подчиненіи инородцевъ; подробно разсматривается самая «топографія» Оренбургской губерніи. Говорить много о достоинствахъ сочиненія Рычкова мы не будемъ, они уже давно оцѣнены критикою. Во многихъ отношеніяхъ сочиненіе это имѣетъ значеніе перво-источника; правда, нѣкоторыя историческія мнѣнія Рычкова теперь уже устарѣли, но тѣмъ не менѣе, не смотря на столѣтнее свое существованіе, его трудъ нисколько не утратилъ своего достоинства; можно безошибочно утверждать, что ни одинъ изслѣдователь Оренбургскаго края, не можетъ обойтись безъ того, чтобы не дочерпнуть чего-либо изъ «Топографіи». Такое важное значеніе «Топографіи», ставшей уже бібліографической рѣдкостью, побудило Оренбургскій отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго Общества издать ее вновь отдѣльной книгой. Мысль эта возникла еще въ 1871 году, по предложенію члена-сотрудника отдѣла Р. Г. Игнатъева, но осуществленіе этой мысли замедлилось по нѣсколькимъ причинамъ: во-первыхъ, по недостатку средствъ во-вторыхъ, потому что Отдѣлъ предполагалъ вмѣстѣ съ «Топографіей» издать рукописныя «Ландкарты», къ ней принадлежащія, и въ-третьихъ, Р. Г. Игнатъевъ намѣревался снабдить сочиненіе Рычкова комментаріями и дополненіями. Средства на изданіе даны были Э. И. Базилевскимъ, «Ландкарты» были напечатаны отдѣльно въ 1880 году, г. Игнатъевъ скончался въ 1886 г., такъ что исчезла надежда на полученіе отъ него комментаріевъ, и Отдѣлъ рѣшилъ издать «Топографію», какъ она есть. Съ внѣшней стороны это изданіе выполнено весьма удовлетворительно, но мы должны сдѣлать издателямъ одинъ очень существенный упрекъ: къ книгѣ нѣтъ указателя, между тѣмъ какъ онъ положительно необходимъ для такого сочиненія, въ которомъ на каждой страницѣ встрѣчается по нѣскольку собственныхъ именъ, личныхъ и географическихъ.

Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англія, опасаящаяся за свой флотъ. — Англійская брошюра нѣмецкаго происхожденія о невозможности союза Россіи съ Англіею. — Политико-стратегическіе планы Австріи въ географическомъ журналѣ. — Оригинальные и переводные англійскіе романы изъ русской жизни. — Драма Л. Н. Толстого на парижской сценѣ. — «Франко-русская жизнь». — Фельетонное сближеніе Россіи и Франціи. — Русская колонія въ Парижѣ. — Журналъ интенданта королевскихъ увеселеній. — Мемуары графа имперіи. — Переписка Маріи-Луизы. — Наполеонъ, какъ писатель. — Кто виновникъ наполеоновскихъ войнъ. — Гудсонъ Лоу и св. Елена. — Корреспонденція королевы Екатерины Вестфальской.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда континентальная Европа обезпечиваетъ миръ миллионными арміями и миллиардными вооруженіями, Англія начинаетъ сознаваться, что и ей пора бы заняться своими морскими силами, когда-то доставившими ей господство на водахъ цѣлаго міра, а теперь составляющими ея большое мѣсто по отзыву самихъ англичанъ, лордовъ адмиралтейства, членовъ кабинета и компетентныхъ лицъ. Можетъ быть, это собственное сознаніе въ упадкѣ ея флота, еще недавно превосходившаго численностью судовъ соединенные флоты главныхъ державъ, а теперь уступающаго морскимъ силамъ «лиги мира» и Франціи, — было причиною миролюбія консервативнаго министерства, не примкнувшаго къ союзу враговъ Россіи. Но это не мѣшаетъ англичанамъ подозрительно слѣдить за развитіемъ ея силъ, особенно морскихъ, и толковать о необходимости усиленія средствъ къ защитѣ береговъ и колоній Англіи. Немудрено, что общественное вниманіе страны обратила на себя брошюра подъ вычурнымъ названіемъ: «Надежда Россіи, или — Британіи не долго владѣть водами; съ указаніемъ, какъ московскій медвѣдь пойдетъ на британскаго кита. Переводъ съ русскаго оригинала» (The Russia's Hope, or Britannia no longer rules the waves: showing the muscovite bear got at the british whale. Translated from the original russian by Charles James Cooke). Это — фантастическая

исторія будущаго русскаго крейсера «Надежда Россіи», предназначеннаго, въ войнѣ съ Англіею, нанести такой же вредъ англійскимъ судамъ, какой нанесла «Алабама» въ междуособную войну Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Подвиги свои крейсеръ начинаетъ съ истребленія запасовъ англійскаго угля во всѣхъ нейтральныхъ гаваняхъ, какъ Ріо-Жанейро, Багіа, Монтевидео, Локотама. У Россіи, говоритъ авторъ, нѣтъ коммерческаго флота, тогда какъ подъ англійскимъ флагомъ, на всѣхъ моряхъ, ходятъ грузы товаровъ на милліарды фунтовъ стерлинговъ. Истребить или захватить ихъ, значитъ навсегда подорвать благосостояніе и силу Англіи. Для этого надо только отказаться отъ «Парижской деклараціи», 3-й параграфъ которой признаетъ неприкосновенность нейтральнаго, не военнаго груза даже подъ непріятельскимъ флагомъ. Уничтоженіе этого пункта уничтожить и англійскую торговлю. Авторъ уже слишкомъ пугаетъ англичанъ, заставляя «Надежду Россіи» захватить и англійскія военныя суда, отправленныя въ угольня станціи съ транспортомъ пушекъ, оружія, торпедо, обращая эти суда въ новыя «Алабамы», называя Владивостокъ крѣпостью, которую невозможно взять, и пр. Не обходится, конечно, и безъ завоеванія Индіи. Все это доказываетъ только, какъ сильно беспокоитъ британскаго кита русскій медвѣдь, и какъ трудно рассчитывать на то, чтобы китъ когда-нибудь рѣшился сдѣлаться съ медвѣдемъ, хотя бы и въ общицѣ съ разными орлами, изъ которыхъ одни «черные» дѣйствительно сильны, а другіе истрепаны и обципаны во всѣхъ стычкахъ, куда бы они только ни совались...

— Сближеніе Россіи съ Франціею и Англіею для противодѣйствія союзу, заключенному Германіею съ Австріею и Италіею, было бы, конечно, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ положить конецъ невыносимому нѣмецкому гнету, тяготѣющему надъ всею Европою. Поэтому понятно, что лица, желающія навязать намъ нѣмецкую дружбу, отъ которой мы отрекаться, сколько можемъ, желая оставить за собою свободу дѣйствій, — стараются всѣми силами оттолкнуть отъ насъ державы, съ которыми мы сближаемся по естественному ходу вещей и по политической необходимости. Въ «Revue des deux mondes» явилась статья, доказывающая, что не только союзъ, но простое сближеніе Россіи съ Франціею совершенно невозможно. Въ статьѣ думали видѣть мнѣніе монархической партіи и приписывали ее орлеанскимъ принципамъ, но оказалось, что писалъ ее консерваторъ Леруа-Болье, захотѣвшій выказать себя роялистомъ, болѣе рьянымъ, чѣмъ самъ король. Напротивъ, настоящій представитель орлеанской партіи, маркизъ де-Бретейль, произнесъ въ палатѣ политическую рѣчь, доказывавшую логичность и необходимость союза съ Россіею. Симпатіи къ ней въ общественной жизни Франціи такъ очевидны, что объ нихъ нечего распространяться. Англія относится къ намъ гораздо подозрительнѣе и сдержаннѣе, и чтобы подѣйствовать на нее, наши «друзья» стараются запугать ее старою угрозою: завоеваніемъ Индіи. Въ Германіи напечатана брошюра «Россія и англійская Индія» (Russia and the english India). Неизвѣстный авторъ обращается изъ Германіи къ Англіи съ самыми патетическими фразами: «неужели Англіи надобно еще разъяснять истинную цѣль стремленій Россіи въ Азію? Неужели Англія до сихъ поръ можетъ закрывать себѣ глаза передъ очевиднымъ для всѣхъ фактомъ — завоеванія Индіи, подготовляемаго Россіею съ изумительною быстротою и настойчивостью? Не думаетъ ли Англія отыскать почву для соглашенія съ Россіею и обезпеченія неприкосновенности индійской территоріи? Но вѣдь

это значило бы свести къ нулю всё колоссальныя усилія Россіи въ Азіи, признать игрушкою такую громадную жертву, какъ проведеніе одной изъ невозможнѣйшихъ въ мірѣ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ — Закаспійской. Какъ невозможно повернуть назадъ стремительный потокъ, такъ невозможно и полюбовное соглашеніе русскихъ и англійскихъ интересовъ въ Средней Азіи. Для этого нужно очень сильное давленіе извнѣ, нуженъ могущественный посредникъ, голосъ котораго были бы рѣшительнымъ въ спорѣ Англіи съ сѣвернымъ колоссомъ. Если Англія не хочетъ лишиться величайшихъ своихъ владѣній въ Азіи, не хочетъ потерять свое мѣсто среди великихъ державъ — еще не поздно: могущественнѣйшій въ Европѣ доброжелатель Англіи еще не отнялъ протянутой ей дружественной руки... но пусть Англія страшится того момента, когда рука эта отнимется отъ нея, съ тѣмъ, чтобы больше никогда не протягиваться къ ней». Послѣднія фразы англійской брошюры до того явно обнаруживаютъ ея нѣмецкое происхожденіе, что было бы странно полагать, будто англичане повѣряютъ этому доброжелателю, доказывающему, что русскіе не сегодня-завтра проглотятъ Индію. Какіе же это завоеватели, которые, пожертвовавъ сотни тысячъ жизней своихъ солдатъ и миллиарды рублей для освобожденія страны, оставляютъ эту страну въ жертву анархіи и беззаконія, и ждутъ, пока она сама образумится!.. И до Индіи ли намъ теперь, когда «могущественнѣйшій доброжелатель Англіи» заготовилъ полтора милліона войска на нашей западной границѣ, кромѣ такого же числа на другомъ фронтѣ, да кромѣ всёхъ явныхъ и тайныхъ его союзниковъ, на сторону которыхъ перейдетъ, конечно, и Англія при первой же нашей военной неудачѣ.

— Не меньше Англіи боится войны Австрія, хотя газеты ея отличаются задорнымъ тономъ и кричатъ о «законныхъ» правахъ ея на Балканскій полуостровъ. Даже такой скромный журналъ, какъ «Нѣмецкое обозрѣніе географіи и статистики», издающійся въ Вѣнѣ, помѣщаетъ «военно-географическій очеркъ — «Отъ Карпатъ до Нарева» (Von den Karpathen zum Narew. Ein militär-geographischen Umblick), съ двумя картами и рисунками. Карты изображаютъ: одна — пограничныя части Галиціи и Буковины, другая — южную часть царства Польскаго съ его желѣзными и другими дорогами. Даже бѣглый взглядъ на эти карты доказываетъ, какое множество стратегическихъ желѣзныхъ путей настроили австрійцы въ послѣднее время, особенно въ окрестностяхъ Львова и Кракова и, между тѣмъ, статья наполнена возгласами объ агрессивныхъ замыслахъ Россіи, о лозунгѣ панславистской партіи «дорога въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну». Этими лозунгомъ и начинается статья, рассматривающая, какія препятствія могутъ встрѣтиться на этой «Фадеевской дорогѣ». Первые столкновения должны произойти между Наревомъ и Бугомъ, и авторъ не рѣшается сказать, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ. Рассматривая дороги въ Карпатахъ и Галиціи, авторъ дѣлаетъ имъ оцѣнку съ военной точки зрѣнія и перечисляетъ препятствія, какія можетъ встрѣтить армія, двигающаяся по гористымъ и болотистымъ мѣстностямъ. Рѣки Припеть, Висла, Сань, Днѣстръ изслѣдуются въ этомъ же отношеніи, послѣдній признается сильною оборонительною линіею; указывается на сильныя оборонительныя средства городовъ Галиціи, но дѣлается вскользь намекъ, что составленъ давно планъ кампаніи наступательной, зрѣло обдуманной. Поэтому оцѣнивается стратегическое значеніе не только первоклассныхъ крѣпостей, какъ Брестъ-Литовскъ, Варшава, Иванъ-

городъ, Новогеоргиевскъ, но и второстепенныхъ укрѣпленныхъ позицій въ первой линіи, какъ Люблинъ, Замосць, Грубешовъ, Ковель, Луцкъ, Ровно и Дубно, затѣмъ Ченстоховъ, Кельцы, Радомъ, Пулавы, Бѣлостокъ, Пинскъ и др. Замѣчается объ отсутствіи хорошихъ грунтовыхъ дорогъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, а о желѣзныхъ дорогахъ говорится, что только отъ Варшавы до Границы ширина ихъ равна европейскимъ рельсовымъ путямъ. Вообще, относительно быстроты и удобства сообщеній отдается справедливо предположеніе австрійскимъ дорогамъ передъ русскими. Что же касается до населенія пограничныхъ мѣстностей, авторъ убѣжденъ, что Галиція и Буковина, какъ вся имперія, исполняя вѣрноподданнической долгъ, поднимутся на защиту престола и отечества.

— Англичане, какъ и французы, продолжаютъ переводить и сочинять романы изъ русской жизни. Оба критическіе журнала «Athenaeum» и «Academy» хвалятъ переводъ романа Р. Орловскаго «Надя» (*Nadia, from the russian of R. Orloffsky by the baroness Langenau*). Критикъ «Academy», Вильямъ Шарпъ, находитъ, что этотъ романъ написанъ «подъ аффектомъ вліянія безконечнаго пространства русскихъ степей», чего нѣтъ ни у Л. Толстого, ни у Достоевскаго, ни у Тургенева. У этихъ писателей нѣтъ избытка впечатлительности (*sensationalism*), высказывающейся только въ произведеніяхъ молодой школы. Романъ г. Орловскаго очень длиненъ (три части), а могъ быть сокращенъ на двѣ трети, и тогда получилъ бы болѣе интереса и психологическаго значенія. Это исторія восторженной и симпатичной дѣвушки, Нади Ольшевской, вступающей въ тайное общество подъ вліяніемъ нигилиста Нерадовича. Долгое время обсуждаетъ она въ Цюрихѣ со своими соотечественниками спорный вопросъ: слѣдуетъ ли, разрушивъ основы современнаго общества, устроить новыя, или, ничего не устраивая, только разрушать. Надя скоро, однако же, одумывается и вырывается изъ сѣтей Нерадовича, обрисованнаго въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Какъ контрастъ ея несчастной привязанности къ полусумасшедшему фанатику, выведена чистая любовь другой дѣвушки, Женни. Мрачныя картины не преобладаютъ въ этомъ романѣ, какъ въ другихъ произведеніяхъ русской фантазіи, и онъ оканчивается благополучно, не смотря на то, что Надя просидѣла 18 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Критикъ «Атенеума» прибавляетъ нѣсколько біографическихъ подробностей объ авторѣ, происходящемъ изъ хорошей фамилии и обладающемъ достаточными средствами; но онъ слабого здоровья, не можетъ принять участія въ дѣятельной жизни, и потому занялся литературою. Хорошо знакомый съ образованными классами общества и провинціальной жизнью своего отечества, онъ знаетъ также потребности крестьянскаго быта и сочувствуетъ улучшенію этого быта, хотя и принадлежитъ къ консервативной партіи.—Другой романъ, «Павель Патовъ» (*Paul Patoff*), принадлежитъ талантливому романисту Маріону Крауфорду и читается съ большимъ интересомъ. Во время одной религіозной церемоніи въ церкви св. Софіи, въ Константинополѣ, пропадаетъ молодой русскій офицеръ, Александръ Патовъ, и братъ его, Павель, отыскиваетъ его со своими друзьями, американцемъ Григсомъ и грекомъ Вальзамидесъ-беемъ. Рельефно очерчены характеры лицъ, дѣйствующихъ въ романѣ: сумасшедшей матери Патовыхъ, англичанки, ученаго Куттера, героини романа Герміоны, старой дѣвы Хризифразіи и др.

— Французы, усердно занимаєсь всіма отраслями русскої литературы, переводять «Княжну Тараканову», пишуть хвалебнїя біографїи бездарнаго музыканта и пристрастнаго критика Цезаря Кюи, наконецъ, сдѣлали смѣлую попытку, поставивъ на сцену «Власть тьмы» (*Puissance des ténèbres*), переведенную въ третій разъ Павловскимъ. Авторъ самъ исправляль переводъ и сдѣлалъ въ немъ самыя незначительныя измѣненїя, какъ говорятъ французскїя газеты, отъ которыхъ никогда не узнаєшь правды. Въ этомъ случаѣ ее еще труднѣе добиться, потому что настоящая парижская публика не присутствовала на этомъ представленїи, и драма была играна только одинъ разъ на «Свободномъ театрѣ», куда допускались только избранные зрители и журналисты, изъ которыхъ каждый высказалъ о пьесѣ только свое личное мнѣніе. Театральныя знаменитости, какъ Дюма, Ожье, Сарду, критикъ Сарсе были противъ постановки пьесы. За нее стояли Зола и вся школа реалистовъ. Дѣльнѣе другихъ оцѣнили драму прежнїй переводчикъ ея, Гальперинъ-Каминскїй. Французамъ слѣдовало бы съ большею осмотрительностью браться за постановку этой пьесы, — говоритъ онъ, — такъ какъ зрители могутъ вынести изъ нея весьма неблагоприятное впечатлѣніе о нравственной характеристикѣ народа и, по яркой реальности единичнаго факта, возвести его въ типическое явленїе. Въ прежнихъ произведенїяхъ Толстого, русскїй народный бытъ изображенъ художникомъ въ симпатичномъ видѣ, въ драмѣ же, авторъ, не заботясь о правдоподобїи сюжета, стремится лишь пропагандировать свои мнимо-философскїя тенденціи, для которыхъ пожертвовалъ своимъ талантомъ романиста. Сарду хвалить жесткую правду и яркость изображенїя характеровъ, но утверждаетъ, что драма можетъ только читаться, а не играться. Александръ Дюма находитъ драму слишкомъ грубой и грязной: ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не симпатично; языкъ, которымъ говоритъ Акимъ, положительно непонятенъ; Никита сначала наскучить, потомъ опротивѣть. Бездѣльность муже-и-дѣтоубїйства, излишнее варварство при совершенїи второго преступленїя, ничтожество психическихъ мотивовъ, положенныхъ въ основу звѣрскаго злодѣйства, вздорная болтовня дѣйствующихъ лицъ, безъ нужды растягивающая драму, — все это не можетъ содѣйствовать ея успѣху. Изъ любопытства всякій захочеть посмотрѣть ее, но, конечно, не пойдетъ уже на второе представленїе.

— Недовольствуясь помѣщенїемъ статей о Россїи во всѣхъ журналахъ, французы основали два спеціальныя изданїя — все съ тою же цѣлью — сближенїя двухъ націй: одно ежемѣсячное «*Revue de Paris et de Saint-Petersbourg*» подъ редакціей старика Арсена Гуссе, другое еженедѣльное, иллюстрированное «*Франко-русская жизнь*» (*La vie franco-russe*). Первый номеръ этой газеты полученъ уже здѣсь. На заглавномъ листкѣ — изъ саней съ русской упряжкой, дугою и бубенчиками, съ амуромъ на козлахъ и двуглавымъ орломъ на спинкѣ, выходитъ паренъ въ русской рубашкѣ съ косымъ воротомъ, въ фуражкѣ и штанахъ запущенныхъ въ сапоги съ высокими каблуками. На встрѣчу, въ объятїя парня бросается размазанная, полураздѣтая дама съ невозможнымъ турниромъ, въ уродливой шляпкѣ. Вверху, на пушкѣ гальскїй пѣтухъ, грозно смотритъ на каркающихъ воронъ, сидящихъ на пограничной заставѣ, за которой стоятъ нѣмецкїй солдатъ съ ружьемъ. Нельзя сказать, чтобы эта аллегорїя была особенно остроумна и выразительна. Во всякомъ случаѣ, для олицетворенїя Франціи можно было бы придумать что-нибудь попримѣннѣе полуголой кокотки. Виньетка передовой статьи «*premier*

Paris» еще непостижимѣе: тутъ и дама въ ложѣ, и сурки въ сугробахъ снѣга, и даже чья-то голова на пикѣ. Статья начинается разсказомъ о томъ, какъ «знаменитый генераль Миловатовичъ», получивъ андреевскую ленту, просить сдѣлать его нѣмцемъ. За этой старой исторіей слѣдуетъ новая: въ Галатѣ, въ одномъ кабацѣ, 15 матросовъ съ нѣмецкаго корабля «Лорелея» нападаютъ на четырехъ французскихъ матросовъ: ихъ выручаютъ три русскихъ матроса. Между двумя этими анекдотами прошло не много времени, но какъ измѣнилось народное настроеніе! Говоря о послѣднемъ балѣ французской колоніи въ Петербургѣ, хроникеръ замѣчаетъ, что громкій восторгъ вызвалъ костюмъ, половина котораго изображала русскаго мужика, а другая французскаго маркиза, съ девизомъ: «въ единеніи сила». Въ отдѣлѣ «Театръ», опять съ непостижимой виньеткой полуголой дамы и съ очень вѣрнымъ снимкомъ съ послѣдней сцены «Власти тьмы», разсказано содержаніе этой драмы. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ «Наши русскіе» (Nos russes) сообщаются любопытныя свѣдѣнія о жизни русскихъ въ Парижѣ, передается разсказъ философа Вырубова, перешедшаго изъ русскаго подданства во французское, о судьбѣ одного малоросса, завербованнаго комунарами и спокойно стоявшаго на часахъ у госпитала, въ то время, когда версальцы осыпали бомбами и ядрами улицы Парижа, покинутыя комунарами. Русская колонія въ Парижѣ очень не велика. Русскіе студенты живутъ отдѣльною жизнью и не сходятся ни съ нѣмцами, ни съ англійскими кружками Латинскаго квартала. Зиму проводятъ въ Парижѣ не болѣе 25-ти русскихъ семействъ. Авторъ называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но до того перевираетъ фамиліи и занятія ихъ, что становится даже страннымъ, какъ это франко-русскій журналъ не далъ даже себѣ труда навести справки у своихъ русскихъ друзей. Potiotkine — конечно, Потемкинъ, Pokiatonof — Похитоновъ, но почему «знаменитый романистъ Григоровичъ» является, какъ «général Grégorowitch, membre de la cour impériale»? и что это за чинъ—члена императорскаго двора? Здѣсь же разсказана исторія эмигранта Григорьева, обвинившаго Павловскаго въ томъ, что въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ корреспондентъ «Новаго Времени» приписалъ покойному романисту неблагопріятный отзывъ объ Альфонсѣ Доде. Григорьевъ вызвалъ на дуэль Павловскаго за его рѣзкій отвѣтъ, но тотъ не нашелъ возможнымъ принять вызовъ чловѣка, недавно выпущеннаго изъ дома умалишенныхъ. Хроникеръ замѣчаетъ, что и во французской журналистикѣ, прежде Тургенева, высказывались мнѣнія, что Доде—не болѣе какъ ничтожество. Это, конечно, мнѣніе несправедливое, но легко объяснимое враждою мелкой французской прессы къ большому таланту. Есть въ журналѣ также и разсказъ «За царя» (Pour le tzar), гдѣ молодой офицеръ съ нигилистическими наклонностями, Харитонъ Денисовъ, оставляетъ все-таки свою невѣсту, Лену Табурову, когда начинается война, и умираетъ подъ Плевной, съ крикомъ: «за царя!» Въ корреспонденціи изъ Петербурга описаны придворныя балы, спектакли, концерты, благотворительныя базары, процессъ Вильома противъ обвиненія его «Новымъ Временемъ» въ шпіонствѣ. Надъ всѣми свѣтскими новостями преобладаютъ, конечно, политическія описанія, говорится, съ какимъ пренебреженіемъ отнеслись въ Россіи къ опубликованію австро-германскаго договора, какъ громадному сосредоточенію нѣмецкихъ войскъ на границѣ противопоставляютъ легкіе кавалерійскіе отряды, назначаемые для разрушенія непріятельскихъ дорогъ, складовъ, телеграфовъ, пока армія успѣетъ мобилизоваться. И тутъ, конечно, не обходится

безъ такихъ русскихъ крѣпостей, какъ Novogritchva или безъ чисто французскихъ каламбуровъ, не встрѣчавшихся въ русской печати, о рѣкахъ Прутѣ и Серетѣ; но фельетонъ вообще очень бойкій. Номеръ оканчивается статьею о русскомъ народѣ (*Le peuple russe*) его пѣсняхъ и пляскахъ, съ хорошенными рисунками. Статья принадлежит самому редактору, Леону Сяхлеру, жившему долго въ Россіи и очевидно знающему русскую жизнь. Онъ написалъ «Исторію русской литературы» отъ начала ея до нашихъ дней, перевелъ «русскія сказки» и написалъ нѣсколько романовъ, въ духѣ натуралистичекой школы: «*Chair molle*», «*Soi*», «*La glébe*». Вообще, журналъ можетъ имѣть успѣхъ, если будетъ посерьезнѣе.

— Управление королевскими увеселеніями и хозяйствомъ въ до-революціонной Франціи составляло значительное вѣдомство, соотвѣтствующее нашимъ министерствамъ двора и находилось въ завѣдываніи первыхъ придворныхъ чиновъ. Изданъ въ свѣтъ журналъ «Папильона де ла Ферте, интенданта и контролера королевскихъ увеселеній, домашняго обихода и серебра, отъ 1756 по 1780 годъ» *L'administration des menus. Journal de Papillon de la Ferté, intendant et controleur de l'argenterie, menus-plaisirs et affaires de la chambre du roi*). На обязанности этого интенданта лежало приготовленіе всѣхъ церемоній, выходовъ и спектаклей, въ которыхъ участвовалъ король, свадьбы или похоронъ въ королевской семьѣ, придворныхъ праздниковъ и т. п. Онъ завѣдывалъ огромными магазинами, гдѣ хранились украшенія всякаго рода, декораціи, драпировки, костюмы, матеріи и др. Дѣла было не мало. Папильонъ де ла Ферте купилъ эту должность за 260,000 ливровъ, а жалованья получалъ всего 10,000, не считая, конечно, подарковъ, какъ знаковъ королевскаго благоволенія. Въ 1780 году онъ присоединилъ къ своему званію управленіе парижскою оперою и сохранилъ его до 1790 года. Арестованный въ 1794 году какъ «подозрительный», онъ былъ гильотинированъ 7 іюня, наканунѣ казни Робеспьера. Въ свой журналъ онъ вносилъ тщательно всѣ замѣчательные факты своего управленія. Чрезвычайно экономный, онъ заботился, однако, о томъ, чтобы все было не только прилично, но и роскошно. Упорную войну велъ онъ съ придворными подрядчиками и поставщиками, съ разными вельможами, вмѣшивавшимися въ его управленіе, но особенно съ актерами и пѣвицами, ладить съ которыми было всего труднѣе. Политическихъ и литературныхъ новостей въ журналѣ Папильона не много. Онъ отмѣчаетъ только дни парадныхъ спектаклей, сожалѣетъ о чрезвычайныхъ расходахъ на балы королевы и 96 придворныхъ спектаклей, данныхъ въ одномъ 1777 году. Его точность, порядочность и вѣжливость видны на каждой страницѣ его журнала. Часто изъ голыхъ цифръ, приводимыхъ имъ, можно сдѣлать любопытные выводы о расходахъ двора, беззаботно тратившаго громадныя суммы въ эпоху народнаго обнищанія.

— «Мемуары генерала Диркъ ван-Гогендорпа, графа имперіи» (*Mémoires du général Dirk van Hogendorp, comte de l'empire*), опубликованные его внукомъ, переносятъ насъ въ другую эпоху. Голандецъ старой патриціанской фамиліи, Диркъ былъ сначала въ прусской службѣ и сдѣлалъ кампанію 1778 года, потомъ служилъ въ войскахъ голандскихъ колоній и два года былъ посланникомъ Голандіи въ Петербургѣ, оставивъ этотъ постъ при разрывѣ съ Франціей въ 1805 году. Вступивъ въ совѣтъ голандскаго короля Людовика, онъ назначенъ былъ военнымъ министромъ, потомъ посланникомъ

въ Вѣну. Послѣ отреченія Людовика онъ былъ сдѣланъ адъютантомъ Наполеона I и, въ 1812 году, президентомъ литовской комиссіи, на долю которой выпала тяжелая обязанность — организовать остатки великой арміи, послѣ ея перехода черезъ Березину. Въ слѣдующемъ году онъ былъ губернаторомъ Гамбурга, въ 1814 г. перешелъ на сторону Оранскаго дома, во время Ста Дней присоединился опять къ Наполеону, но послѣ Ватерло долженъ былъ оставить отечество и Европу и умеръ въ Бразиліи, въ 1822 году, терпя большія лишения. Мемуары свои онъ написалъ для того, чтобы опровергнуть возведенныя на него обвиненія въ томъ, что въ своихъ поступкахъ онъ руководствовался только личными выгодами, а не благомъ отечества. Нельзя сказать, чтобы ему удалось оправдать себя особенно въ жестокихъ поступкахъ съ жителями Гамбурга въ 1813—1814 гг., хотя онъ сваливаетъ въ этомъ случаѣ всю вину на маршала Даву; слѣпой поклонникъ Наполеона, онъ оправдываетъ его во всемъ, но представляетъ довольно вѣрную характеристику окружающихъ его лицъ. Вообще, въ мемуарахъ много любопытнаго.

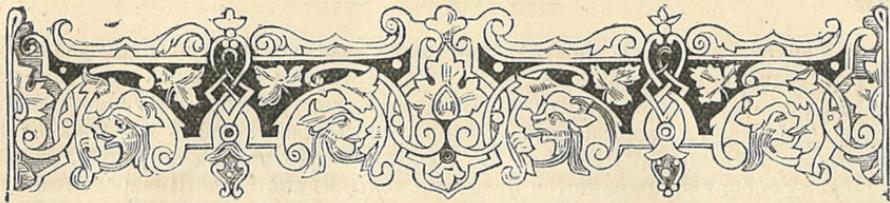
— Не большую услугу оказали второй женѣ Наполеона обнаруженіемъ ея переписки (*Correspondance de Marie-Louise*). Въ этой перепискѣ видно все ничтожество этой далеко не развитой и не умной женщины. Бонапартисты выставляютъ ее какой-то мученицей, жертвой политики, особенно когда ей не позволили слѣдовать за своимъ мужемъ въ изгнаніе. Но эта мученица очень скоро утѣшилась, выйдя замужъ сначала за Нейперга, потомъ за Бомбелля. Сначала она считала Наполеона антихристомъ, потомъ полюбила его, какъ впоследствии и двухъ другихъ мужей. Она была четыре года императрицею французовъ и не высказываетъ объ нихъ никакого сужденія. Ея письма къ своимъ подругамъ, графинѣ Колоредо и графинѣ Креневиль, въ 1810 году, изумительны по своей пустотѣ и пошлости. Въ ней не было никогда ничего не только поэтического или привлекательнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, но и ничего женственнаго.

— О Наполеонѣ, съ легкой руки Тэна, появилось много книгъ. Танкредъ Мартель издалъ въ трехъ томахъ «Литературныя произведенія Наполеона» (*Oeuvres littéraires de Napoléon*). Тутъ помѣщены сочиненія его молодыхъ лѣтъ, избранныя письма, прокламаціи, рѣчи, замѣтки, писанныя имъ на св. Еленѣ. Въ первомъ томѣ помѣщены преимущественно письма его къ Жозефинѣ, восторженныя и страстныя по формѣ, но очевидно неискреннія и дѣланныя, также какъ и всѣ его воззванія къ свободѣ и республиканскому духу, котораго и въ поминѣ не было у этого прирожденнаго деспота. Мартель старается всѣми силами доказать, что Наполеонъ великій писатель, но это ему, конечно, не удается. Въ прокламаціяхъ полководца и императора встрѣчаются мѣткія выраженія, бойко округленные фразы, но нѣтъ ни художественнаго, ни литературнаго значенія. 82-х-лѣтній Ниваръ явился на помощь къ принцу Наполеону-Жерому и, подъ названіемъ «Разсужденія о французской революціи и о Наполеонѣ» (*Considerations sur la révolution française et Napoléon I*) написалъ апологію императору, не такую явную, какъ у автора книги «*Napoléon et ses détracteurs*», но болѣе тонкую и литературную. Достается тутъ не только врагамъ Наполеона, но и его панегиристамъ, Тьеру, Баранту и др. Академическій критикъ приводитъ, между прочимъ, парадоксальную, но остроумно поддержанную мысль, что главнымъ виновникомъ всѣхъ наполеоновскихъ войнъ былъ не самъ императоръ, а Англія. Сен-Серъ далъ подъ названіемъ «Наполеонъ на св. Еленѣ» (*Napo-*

l'éon à Sainte Héléne) переводъ рапортовъ барона Штюмера, австрійскаго комиссара на островѣ отъ 1815 по 1818 годъ. Нѣмецкій подлинникъ этихъ рапортовъ былъ уже напечатанъ въ Вѣнѣ. Это самый безпристрастный рассказъ о заточеніи Наполеона и самое жестокое обвиненіе его тюремщика. Признавая честность и неподкупность Гудсона Лоу, Штюмеръ находитъ, что англійскій генераль былъ самый непріятный, тяжелый и мелочной человѣкъ, способный вывести изъ терпѣнія всякаго, не только такую эгоистическую и деспотическую натуру, какъ Наполеонъ, объ участи котораго не стоило, впрочемъ, сожалѣть. Любопытно, что Штюмеру не разрѣшено было видѣть узника и только каждый день до комиссаровъ доходили рассказы о ссорахъ экс-императора со своими тюремщиками и мелочныхъ придиракахъ Гудсона Лоу.

— Самою важною изъ книгъ наполеоновской эпохи является «Корреспонденція королевы Екатерины Вестфальской» (*Correspondance de la reine Catherine de Westphalie*). На тронѣ и послѣ его потери, женщина эта выказала столько твердости духа и благородства характера, что даже Наполеонъ сказалъ: «она будетъ украшеніемъ исторіи». Королева испытала жестока преслѣдованія отъ своей семьи. Отецъ, принудившій ее выйти за Жерома Бонапарте, требовалъ, чтобы она бросила его въ 1814 году. Но не смотря на то, что Жеромъ былъ жалкій король и мужъ, она, изъ чувства собственнаго достоинства, не хотѣла разойтись съ нимъ и долгіе годы провела въ Германіи почти въ затворничествѣ, преслѣдуемая своимъ отцомъ и братомъ. Въ письмахъ ея къ отцу много горькой правды, благородныхъ чувствъ и вѣрной оцѣнки фактовъ и политическихъ дѣятелей. Особенно важны въ этомъ отношеніи ея отвѣты на письма Наполеона, послѣ русской кампаніи. Въ числѣ документовъ, приведено любопытное письмо императора, 1813 года, къ виртембергскому королю Фридриху и отвѣтъ короля. Интересенъ также дневникъ королевы, въ которомъ приведено много политическихъ бесѣдъ ея съ Наполеономъ, своимъ мужемъ и другими историческими лицами.

С М Ъ С Ъ.

ВЯТИСОТЛѢТІЕ крещенія Руси. Синодъ опредѣлилъ слѣдующій порядокъ празднованія девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ городѣ Кіевѣ, опубликованный въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». 1) 11-го іюля, въ день кончины княгини Ольги, имѣеть быть отслужена торжественная литургія въ Десятинной церкви, у гробницъ ея и князя Владиміра, съ молитвою объ упокоеніи благовѣрныхъ князей его племени, 1-го періода русской исторіи, которые погребены въ Десятинной церкви, и въ церквахъ, ближайшихъ къ ней;

по окончаніи литургіи и панихиды, крестный ходъ, съ духовенствомъ Старо-Кіевскихъ церквей, направится изъ Десятинной церкви въ Трехсвятительскую, построенную на мѣстѣ главнаго идольскаго жертвенника, и здѣсь будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ за избавленіе Кіева и всей русской земли отъ тьмы язычества и идольскаго суевѣрія; 2) 12-го іюля, въ день памяти святыхъ Θεодора и Іоанна, мученически скончавшихся незадолго до крещенія кіевлянъ, торжественная литургія будетъ совершена у гробницы перваго митрополита кіевскаго Михаила, въ великой церкви Кіево-Печерской лавры и, по окончаніи литургіи, панихида по всѣмъ митрополитамъ кіевскимъ перваго періода исторіи русской церкви, содѣйствовавшимъ распространенію и утвержденію христіанской вѣры въ Россіи. Въ тотъ же день, настоятель Кіево-Николаевскаго монастыря, по окончаніи литургіи, совершитъ съ монашествующими и духовенствомъ Николаевскаго военнаго собора крестный ходъ на Аскольдову могилу, гдѣ погребенъ обладатель Кіева Аскольдъ, принявшій крещеніе въ Царьградѣ съ дружиной своей за 100 лѣтъ до св. Владиміра и тѣмъ содѣйствовавшій началу христіанской вѣры въ Кіевѣ. По прибытіи сюда крестнаго хода, имѣеть быть совершена панихида по всѣмъ скончавшимся въ истинной вѣрѣ и по всѣмъ православнымъ воинамъ, положившимъ свой животъ за вѣру и отечество. 3) Наканунѣ 15-го іюля, имѣеть быть отслужено торжественное всенощное бдѣніе въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. Въ то же время, одинъ изъ преосвященныхъ викаріевъ, по назначенію преосвященнаго митрополита, совершитъ въ Кіево-Андреев-

свой церкви, на мѣстѣ апостольской проповѣди св. Андрея Первозваннаго, торжественную всенощную съ литією на паперти, при крестномъ ходѣ вокругъ церкви. 15-го, въ день памяти св. Владимира, литургія будетъ совершена въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, какъ древнѣйшемъ и ближайшемъ ко времени крещенія Руси при св. Владимірѣ. До начала литургіи, къ Софійскому собору направляются крестные ходы: а) изъ Кіево-Печерской лавры, Кіево-Николаевского монастыря и Печерскихъ церквей съ главою князя Владимира, съ иконами Печерской Божіей Матери и св. Михаила, митрополита киевскаго; б) изъ церквей: Андреевской, Трехсвятительской и Десятинной съ иконами св. Андрея Первозваннаго и св. князя Владимира; в) изъ церквей Срѣтенской, съ иконою Скорбящей Божіей Матери, Златоустовской, Вознесенской и Лукьяновской-Ѳеодоровской, по предварительномъ соединеніи крестныхъ ходовъ въ Срѣтенской церкви, и г) изъ церквей: Троицкой, съ иконою Божіей Матери, находящейся въ этой церкви и именуемой «Златоворотская», Владимірской и Деміевской-Вознесенской, по предварительномъ соединеніи ихъ въ Троицкой церкви. Предъ окончаніемъ литургіи въ Софійскомъ соборѣ, крестный ходъ изъ Михайловскаго монастыря, съ настоятелемъ во главѣ, прослѣдуетъ съ иконами великомученицы Варвары и Архистратига Михаила, къ памятнику св. Владимира. Преосвященный, окропивъ памятникъ святою водою и по освѣненіи предстоящихъ крестомъ, сойдетъ на Александровскій спускъ для соединенія съ главнымъ ходомъ изъ Софійскаго собора. Главный крестный ходъ, по окончаніи литургіи въ Софійскомъ соборѣ, направится изъ него чрезъ Софійскую площадь, по Малой Житомирской улицѣ, Крещатику и Александровскому спуску, гдѣ соединится сначала съ крестнымъ ходомъ Михайловскаго монастыря, а потомъ, у Христо-Рождественской церкви, съ крестнымъ ходомъ Кіево-Подольскихъ церквей и Кіево-Братскаго монастыря, имѣющимъ выйти съ чудотворною Братскою иконою Божіей Матери изъ Кіево-Подольской Ильинской церкви, по совершеніи въ ней литургіи преосвященнымъ настоятелемъ Братскаго монастыря, въ воспоминаніе бывшей на этомъ мѣстѣ первой христіанской церкви еще за 77 лѣтъ до крещенія св. Владимира. Отъ Христо-Рождественской церкви общій крестный ходъ направится по набережной Днѣпра для освященія воды противъ Борисоглѣбской церкви».

Кромѣ того, Синодъ постановилъ: 14-го іюля, во всѣхъ церквахъ имперіи соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ, а также церквахъ придворнаго и военнаго вѣдомствъ, и во всѣхъ домовыхъ, имѣющихъ особые причты, совершить всенощное бдѣніе по чину богослуженія, положеннаго уставомъ на храмовые праздники; въ самый же день празднованія, 15-го іюля, божественную литургію въ кафедральныхъ соборахъ еперхіальнымъ преосвященнымъ, а, въ отсутствіи ихъ, викаріямъ, въ прочихъ церквахъ настоятелямъ, въ служеніи остальныхъ священнослужителей, съ произнесеніемъ соответствующихъ воспоминаемому событію поученій; по окончаніи же литургіи—благодарственное молебствіе съ крестнымъ ходомъ на рѣку или источникъ для водосвященія по чину, положенному на 1-е августа. Чтеніе акаѳиста святому и равноапостольному князю Владиміру можетъ быть отнесено и къ всенощному бдѣнію и къ самому дню празднества, въ который разрѣшается цѣлодневный звонъ. Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ въ этотъ день торжественныхъ собраний съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ празднуемому событію. Выѣстъ съ тѣмъ, для запечатлѣнія навсегда въ памяти православныхъ имени просвѣтителя русскаго народа, Синодъ признаетъ необходимымъ установить: а) чтобы въ молитвахъ на литіи, по евангеліи на утрени передъ канономъ, равно на тѣхъ отпустяхъ и молитвахъ, въ коихъ поминаются имена святителей вселенскихъ и русской церкви, имя св. и равноапостольнаго князя Владимира поминалось непосредственно послѣ именъ равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, учите-

лей словенскихъ, и б) чтобы день празднованія памяти св. и равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля, былъ отнесенъ къ числу среднихъ церковныхъ праздниковъ и для того въ печатныхъ мѣсяцесловахъ число это означалось, какъ принято, крестомъ въ полукругѣ.

Празднованіе девятисотлѣтія христіанства на Руси, въ которомъ примуть участіе представители разныхъ областей славянства, г. Линниченко въ «Кіевлянинѣ» предлагаетъ ознаменовать и увѣковѣчить основаніемъ научно-литературнаго общеславянскаго органа на русскомъ языкѣ. Доводы его въ пользу такого проекта заслуживаютъ вниманія: «Извѣстно, что въ настоящее время мы не имѣемъ не только печатнаго органа, посвященнаго дѣламъ всего славянства (исключеніе составляютъ лишь «Извѣстія славянскаго Общества» въ Петербургѣ), но что, къ великому прискорбію всѣхъ славянъ, международнымъ языкомъ общенія всѣхъ славянскихъ племенъ является пока чуждый языкъ — языкъ самаго враждебнаго славянскому племени — нѣмцевъ. Ненормальность подобнаго явленія давно уже сознается всеми славянами. Въ послѣднее время опять возникла среди славянства значительная агитація противъ языка нѣмецкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе принять въ качествѣ междуславянскаго языка одинъ изъ своихъ языковъ. Въ настоящее время болшинство славянъ склоняется въ этомъ отношеніи въ пользу языка русскаго, имѣющаго наиболѣе богатую литературу изъ всѣхъ славянскихъ — языка, которымъ говоритъ самое могущественное славянское племя». Для поддержанія этого культурнаго движенія и могъ бы служить предлагаемый органъ. Въ сочувствіи къ нему «всѣхъ славянъ» г. Линниченко не сомнѣвается. Онъ полагаетъ, что «присылаемыя со всѣхъ концовъ славянства статьи можно даже печатать и на другихъ славянскихъ языкахъ (прилагая къ каждой краткое ея резюме порусски), пока самъ русскій языкъ не будетъ уже настолько усвоенъ славянами, что писать порусски имъ будетъ, по крайней мѣрѣ, такъ же легко, какъ теперь понѣмски. Конечно, только можно желать, чтобы это предложеніе не осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынь».

Отчетъ литературно-драматическаго Общества за 1886—1887 годъ. За неимѣніемъ у насъ русскаго литературнаго Общества, которому, право, пора бы и народиться, въ Петербургѣ, составлялись въ послѣднее время разные литературные кружки, пытавшіеся создать что-то цѣлое изъ нашихъ писателей. Къ такимъ кружкамъ принадлежить и «Литературно-драматическое Общество», преобразовавшееся въ 1886 году изъ Общества любителей сценическаго искусства, основаннаго въ октябрѣ 1879 года. Дѣйствуя въ теченіе восьми лѣтъ, эти любители не разъ мѣняли свои задачи и самый характеръ своей дѣятельности. Сначала они только устраивали спектакли, въ которыхъ принимали участіе всѣ члены Общества, затѣмъ распорядительный комитетъ выработалъ проектъ драматическихъ классовъ при Обществѣ съ цѣлью положить основаніе рациональному, систематическому образованію русскихъ сценическихъ дѣятелей по образцу западно-европейскихъ театральныхъ школъ и драматическихъ консерваторій. Составились собранія, на которыхъ члены Общества выступали съ сообщеніями и докладами по различнымъ вопросамъ сцены и репертуара, наконецъ, публичныя чтенія, предметомъ которыхъ служили тѣ же вопросы драматической поэзіи и искусства, разработкой которыхъ было занято Общество. Такихъ лекцій въ 1885—1886 году было семь, — изъ нихъ три, о современномъ репертуарѣ русской сцены, были прочтены П. Д. Боборыкинымъ, одна кн. Д. Н. Цертелевымъ — объ идеальномъ и реальномъ на сценѣ, одна Ө. Н. Бергомъ о зрѣлищахъ въ Россіи въ XVII и XVIII в., и по одной П. П. Гнѣдичемъ и кн. А. И. Урусовымъ о Гамлетѣ и Маріи Стюартъ. Въ концѣ 1886 г., комитетъ приступилъ къ пересмотру дѣйствующаго устава. Остановившись на опредѣленіи будущихъ цѣлей и задачъ Общества, онъ, оставляя все то, что непосредственно относилось къ драматическому искусству, безъ измѣненія, предположилъ дополнить первы

параграфъ устава указаніемъ на введеніе въ сферу дѣятельности Общества—распространенія литературныхъ познаній и изученіе литературы во всѣхъ ея отдѣльныхъ родахъ и формахъ.—Соотвѣтственно такому измѣненію явилась необходимость замѣнить прежнее названіе Общества новымъ, которое бы давало возможно точное представленіе о новыхъ, болѣе обширныхъ, задачахъ и цѣляхъ Общества. Понятіе Литературно-драматическаго представилось болѣе полно обнимающимъ собою новую программу дѣятельности Общества, и было принято комитетомъ. Онъ подраздѣлилъ также всѣхъ членовъ Общества на двѣ категоріи: членовъ дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ. Ограничивъ число первыхъ—пятидесятью и обставивъ предложеніе ихъ и въ особенности баллотировку весьма строгими условіями, комитетъ полагалъ этой именно категоріи лицъ, совмѣстно съ почетными членами, предоставить право веденія дѣлъ Общества. Что касается членовъ-сотрудниковъ, число которыхъ опредѣлялось въ двѣсти человекъ, то они, участвуя наравнѣ съ дѣйствительными членами во всѣхъ засѣданіяхъ и трудахъ Общества, пользовались бы во всѣхъ отношеніяхъ одинаковыми съ ними правами, за исключеніемъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Это нѣсколько не рациональное ограниченіе числа заправилъ пятидесятью «бессмертными», а число русскихъ писателей двумя сотнями, вошло въ силу въ концѣ 1866 года. Къ 1-му февраля 1888 года почетныхъ членовъ въ Обществѣ было 10, дѣйствительныхъ 49, сотрудниковъ 17. Къ сожалѣнію, между этими членами встрѣчаются имена не имѣющія никакого «прикасательства» къ литературѣ.

Юбилей Федора Григорьевича Солнцева. 24-го февраля исполнилось тридцать лѣтъ, какъ заслуженный профессоръ археологической живописи, Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ, принялъ попечительство и надзоръ за обучающимися въ Академіи Художествъ государственными крестьянами. Въ 12 часовъ дня, въ квартирѣ почетнаго профессора собрались бывшіе его ученики поздравить своего попечителя-отца и руководителя съ 30-лѣтнею годовщиною его служенія. Домашнее торжество началось поднесеніемъ профессору альбома съ фотографическими карточками, при чемъ, бывший ученикъ его г. Котырло (нынѣ бібліотекаръ Академіи Художествъ) прочиталъ адресъ, написанный на пергаментѣ древнимъ стилемъ XIV вѣка. Затѣмъ, директоръ археологическаго института, г. Андріевскій, поздравляя заслуженнаго профессора съ торжественнымъ для него днемъ, передалъ ему бумагу объ избраніи его почетнымъ членомъ археологическаго института. Кромѣ того, профессоромъ были получены поздравительныя телеграммы отъ общества художниковъ и письма отъ многихъ учениковъ. Съ 1858 года, Ф. Г. явился попечителемъ, руководителемъ учениковъ-художниковъ изъ крестьянъ и за это время, двадцать два даровитыхъ художника изъ низшаго слоя русскаго народа, при томъ, изъ двѣнадцати, выдвинуто непосредственными его заботами. Ф. Г. выбираетъ ежегодно изъ толпы крестьянъ, являющихся учиться въ академію, достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ художествамъ; представляетъ ихъ къ выдачѣ имъ ежемѣсячной, въ размѣрѣ 25 рублей, стипендіи, представляетъ къ пособіямъ денежнымъ къ праздникамъ; иногда къ пособіямъ на заграничную поѣздку (такъ было, напр., по отношенію къ знаменитому нынѣ граверу на мѣди И. Н. Пожалостину). Ф. Г. Солнцевъ въ теченіе тридцати лѣтъ (съ 1858 по 1888 г.) несъ и продолжаетъ нести возложенное на него дѣло съ тою добросовѣстностью, съ какою служить этотъ маститый труженикъ русскому художеству въ теченіе почти семидесяти лѣтъ. Родился онъ въ 1801 году. Уже въ 1876 году исполнилось пятидесятилѣтіе художественно-археологической дѣятельности этого академика исторической живописи и археолога. Въ тотъ юбилей Солнцевъ получилъ отъ Академіи Художествъ званіе профессора, а отъ археологическаго Общества—большую золотую медаль. Прошло болѣе 60 лѣтъ со дня назначенія его академикомъ (27-го сентября 1836 года). 4-го ноября 1886 года, Академія Художествъ, въ день своего годичнаго

собранія, привѣтствовала своего старѣйшаго питомца съ безпримѣрнымъ, вообще, въ жизни художниковъ долготѣнымъ и неутомимымъ служеніемъ на художественно-археологическомъ поприщѣ. Маститый 87-лѣтній юбиляръ, единственный живой представитель академическаго выпуска 1824 года, въ теченіе своей жизни изготовилъ больше 7,000 рисунковъ съ предметовъ древне-русскаго искусства и быта, изъ которыхъ издалъ въ свѣтъ только 700; большинство ихъ помѣщено въ «Древностяхъ Россійскаго государства» — роскошномъ изданіи, напечатанномъ въ краскахъ, на счетъ археологической коммисіи; издалъ рисунки ковчеговъ для храненія государственныхъ грамотъ въ Москвѣ и Петербургѣ (1852 г.), иллюстраціи книгъ для высочайшихъ особъ: 1) каноны Богоматери и ангелу хранителю съ 20 рисунками (1860—64), 2) избранные святые и чудотворная икона Богоматери съ 100 рисунками, въ 12-ти частяхъ (1860—62 г.), 3) праздники въ домѣ наслѣдника православнаго царя русскаго (1861—63), 4) жизнь Сергія Радонежскаго съ 30 рисунками (1862 г.), 5) служба св. Маріи Магдалинѣ съ 30 рисунками (1871 г.), рисунки складней для е. и. в. Маріи Ѳеодоровны (1866 г.), рисунки русскіихъ святыхъ, молящихся за царя, поднесенные Александру II (1880 г.), рисунки образовъ и церковныхъ принадлежностей для разныхъ учрежденій, частныхъ лицъ и магазиновъ. Особенно много Ѳ. Г. потрудился для духовнаго вѣдомства: по порученію Синода, онъ обозрѣвалъ древнюю стѣнную живопись въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ (1842 г.), писалъ антимансы, вѣнчики, украшенія къ разнымъ грамотамъ, сочинялъ прохиты для образовъ и иконостасовъ въ разные церкви, приготовилъ лицевые святцы въ 12 листахъ, на основаніи рукописныхъ подлинниковъ XIV и XV столѣтій, наблюдалъ за живописными работами въ разныхъ церквахъ, сочинялъ рисунки для различной утвари въ древне-русскомъ стилѣ, для молитвенниковъ и церковныхъ книгъ и т. п. Въ 1858—1866 гг., подъ его наблюденіемъ было изготовлено болѣе 200 иконостасовъ для церквей западныхъ губерній. Въ 1830 г., онъ былъ командированъ съ художественно-археологическою цѣлью въ различныя мѣста имперіи и привезъ богатое собраніе чертежей и рисунковъ, знакомящихъ съ памятниками русскаго стариннаго искусства. Въ 1837 г., по конкурсу, избранъ въ завѣдующіе возобновленіемъ царскихъ теремовъ въ Москвѣ, и этотъ трудъ исполненъ по его рисункамъ; въ 1843 г., въ Кіевѣ, при реставраціи Успенскаго собора въ тамошней лаврѣ, открылъ знаменитыя фрески и мозаику XI вѣка въ Софійскомъ соборѣ, надъ возобновленіемъ которыхъ трудился до 1853 г., посѣщая въ то же время разные города и монастыри, замѣчательные по остаткамъ древности, а въ зимніе мѣсяцы преподавалъ иконописаніе въ здѣшней духовной семинаріи (1844—1867 гг.). Рисунки Солнцевскіе хранились сперва въ Публичной Библіотекѣ, потомъ переданы въ московскую оружейную палату. Перечислить всѣ многоворные труды Ѳ. Г. вѣтъ возможности — ихъ слишкомъ много. По его почину у насъ стали заботиться объ археологической вѣрности въ передачѣ историческихъ памятниковъ, съ него начались у насъ новыя открытія въ области древне-русскаго искусства; за нимъ остается та важная для мирной науки археологіи заслуга, что онъ первый сталъ работать у насъ въ этомъ направленіи и только благодаря ему сохранились многіе важные историческіе предметы. Больше 70 лѣтъ онъ съ большимъ усѣхомъ трудится надъ исполненіемъ рисунковъ съ памятниковъ древне-русскаго искусства, съ матеріаловъ бытовой исторіи русскаго народа, и въ этой области считается инициаторомъ-родоначальникомъ. Онъ изготовилъ больше 5,000 такихъ, въ большинствѣ акварельныхъ, рисунковъ, изъ которыхъ большинство (3,000) хранится въ московской оружейной палатѣ. Ѳ. Г. Солнцевъ — сынъ крестьянина Ярославской губерніи, ученикомъ академіи (1817—1824 гг.) онъ, по заказу императрицы Маріи Ѳеодоровны, дѣлалъ рисунки съ хранящихся въ Эрмитажѣ произведеній Рембрандта и Вандика; получилъ малую и большую золотыя медали за программы: «Кре-

стьянское семейство предъ обѣдомъ», «Спаситель съ фарисеями». По окончаніи курса академіи, въ 1824 году, преданъ изученію древностей, преимущественно, отечественныхъ. Въ 1876 году, Ѳ. Г. получилъ отъ академіи званіе профессора, отъ археологическаго Общества—большую золотую медаль и отъ покойнаго императора—денежную награду.

† 3-го февраля предсѣдатель ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ Егоръ Андреевичъ Петерсонъ. Покойный получилъ образованіе въ Лѣсномъ институтѣ, въ которомъ окончилъ курсъ еще въ 1828 г.; затѣмъ занималъ послѣдовательно должности директора бывшаго петербургскаго земледѣльческаго института, члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и, наконецъ, съ 1873 года до самой смерти былъ предсѣдательствующимъ въ этомъ комитетѣ. Е. А. обладалъ обширною эрудиціею не только спеціальнаго, но и общаго характера; это былъ одинъ изъ людей, которымъ въ сферѣ умственной дѣятельности ничто не было чуждо. Литературная дѣятельность покойнаго была довольно скромная; имъ, однако, написано не мало спеціальныхъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ. Покойный Е. А. былъ большою библиофилъ и хорошій лингвистъ, а потому собралъ обширную бібліотеку.

† 12-го февраля, скоропостижно артистъ императорскихъ театровъ и либретто Александръ Трофимовичъ Трофимовъ. Покойному было всего 44 года. Наканунѣ онъ участвовалъ на сценѣ Александринскаго театра въ гоголевскихъ «Игрокахъ» и былъ совершенно здоровъ. Настоящая фамилія Трофимова—Ивановъ. Окончивъ курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, онъ поступилъ на службу въ контору театровъ, гдѣ служилъ маленькимъ чиновникомъ въ театральномъ конторѣ при выдачѣ жалованья, т. е. при казначейскомъ отдѣленіи. Уже и тогда онъ обладалъ недюжиннымъ юморомъ, но и тогда, какъ и впослѣдствіи, совершенно невѣрно понималъ свое назначеніе. Ему хотѣлось писать трагедіи и играть высокодраматическія роли. Первая его драма: «Родитель» была осмѣяна въ тогдашнемъ маленькомъ театральномъ кружкѣ и его натолкнули на попытки писать небольшія сценки. Первая по времени написанная имъ сценка была «Честная компанія», которую тогда же, тотъ же кружокъ, поставилъ на домашнемъ спектаклѣ, заставивъ играть Трофимова роль дьячка, въ которой онъ и проявилъ свое комическое дарованіе. Трофимовъ началъ свою дѣятельность на сценѣ Лѣснаго театра, существовавшаго при клубѣ «о-ва вспоможенія частному служебному труду», играя драматическія роли не особенно удачно. Такъ онъ игралъ Курчаева въ «Испорченной жизни» и Сбоева въ «Подругѣ жизни». Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Артистическая его карьера всегда стояла ниже карьеры писателя. Въ числѣ его маленькихъ сенокъ есть замѣчательныя вещи, каковы: «На Пескахъ», «Честная компанія», «Первый чинъ», «Горемыки», «Ищейка» и др. Всѣ эти пьесы пользовались успѣхомъ на сценѣ. Въ послѣднее время Трофимовъ пробовалъ писать большія пьесы. Опыты оказались не вполне удачны. Кромѣ пьесъ покойный написалъ много рассказовъ, нѣкоторые изъ нихъ печатались въ «Новомъ Времени». Покойный былъ любимъ товарищами, какъ остроумный, веселый собесѣдникъ.

† 23-го февраля, сотрудникъ многихъ столичныхъ журналовъ и газетъ Владиміръ Николаевичъ Майновъ. Онъ родился 26-го октября 1845 г. въ Петербургѣ. Воспитаніе получилъ въ Александровскомъ лицей; по окончаніи курса, былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Отъ географическаго Общества покойный получилъ двѣ золотыя медали за свои прекрасныя изслѣдованія о бытѣ мордвы. Состоялъ преподавателемъ французскаго языка въ гельсингфорской гимназій, а съ 1886 года преподавалъ французскій языкъ во 2 кадетскомъ корпусѣ.

† 23-го февраля, въ Петербургѣ, почти скоропостижно, проболѣвъ около сутокъ грудной жабой, сотрудница политическихъ изданій, Настасья Васильевна Каирова. Она была корреспондентомъ «Новаго Времени» во время сербской войны 1876 г., работала въ «Вирж. Вѣдомост.» и «Молвѣ», потомъ долгое время состояла корреспондентомъ съ Балканскаго полуострова, изъ Вѣны и изъ Берлина (во время константинопольской конференціи 1877 года, войны съ турками и Берлинскаго конгресса) въ «Голосѣ», гдѣ описала и свою поѣздку по Болгаріи послѣ русско-турецкой войны, а въ послѣднее время работала въ «Дѣлѣ» и «Русской Мысли» (по части обзорной нашей политики на Востокѣ) и переводила историческіе документы для «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Ея же статьи помѣщались и въ «Вѣстникѣ Европы». Литературная работа была ея единственнымъ средствомъ къ жизни и подрывала ея силы. Организмъ не выдержалъ перваго натиска серьезной и острой болѣзни. Покойная обладала безспорнымъ литературнымъ талантомъ и замѣчательною для женщины энергіей. Какъ корреспондентъ, она исполняла многотрудныя эти обязанности такъ честно и такъ талантливо, что не уступала въ этомъ лучшимъ корреспондентамъ-мужчинамъ. Въ качествѣ корреспондента, она изучила и наши отношенія на Востокѣ, изучила ихъ наглядно и по книгамъ, свободно читая и говоря на нѣсколькихъ языкахъ. Ей было всего 44 года.

† 25-го февраля, молодой писатель Евстафій Савельевичъ Федоровъ-Чмыховъ. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ Москвѣ еще въ пору студенчества. Родившійся въ 1861 г. въ Вильнѣ и получившій въ виленской гимназіи среднее образованіе, онъ высшее получилъ въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1883 г. по юридическому факультету. Имъ помѣщенъ съ 1881 г. рядъ большихъ фельетоновъ, сценъ, рассказовъ и передовыхъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Стрекозѣ» и «Сынѣ Отечества». Въ послѣднее время года два онъ исключительно работалъ въ «Петербургскомъ Листкѣ». Одно время, въ 1884 г., онъ состоялъ негласнымъ редакторомъ журнала «Развлеченіе».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Поправка къ „Семейной хроникѣ“ г. Павлицева.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», Л. Н. Павлицевъ, въ своей «Семейной хроникѣ», на стр. 296, между прочимъ, коснулся отношеній Александра Сергѣевича Пушкина къ Н. В. Гоголю и при этомъ рассказываетъ эпизодъ, слышанный имъ отъ матери и отъ жены брата Александра Сергѣевича, о томъ, какимъ образомъ сюжетъ «Мертвыхъ душъ» заимствованъ Гоголемъ у Пушкина. Рассказъ этотъ не особенно лестно рисуетъ намъ личность Н. В. Гоголя и я, съ вѣдома и съ согласія родной его сестры, Анны Васильевны Гоголь, позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на рассказѣ г. Павлицева и въ интересахъ правды возстановить свѣтлый образъ почившаго писателя.

Л. Н. Павлицевъ, между прочимъ, рассказываетъ: «Александръ Сергѣевичъ очень благоволилъ къ нему (Н. В. Гоголю), и только разъ, какъ передала моей матери Наталья Николаевна ¹⁾, попенялъ ему, при появленіи

¹⁾ Жена брата Александра Сергѣевича Пушкина.

въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ». Думая напечатать въ стихахъ правдивый рассказъ о скупавшемъ мертвыя души псковскомъ помѣщикѣ, Пушкинъ сообщилъ объ этомъ сюжетѣ Николаю Васильевичу въ разговорѣ; Николай Васильевичъ и предупредилъ его, создавъ Чичикова. «Хитрый, хитрый малороссъ,—говорилъ Пушкинъ женѣ,—перебилъ мнѣ поэму; впрочемъ, Богъ съ нимъ; хорошо сдѣлалъ: ни за что бы мнѣ не удалось такъ изобразить «Похожденія Чичикова», какъ онъ».

Въ 1837 году, умеръ А. С. Пушкинъ, первое же изданіе «Мертвыхъ душъ» Н. В. Гоголя вышло въ свѣтъ въ 1845 году. Г. Павлицевъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» оговариваетъ эту ошибку и объясняетъ, что Пушкинъ читалъ «Мертвыя души» въ рукописи.

Ошибка, сдѣланная г. Павлицевымъ въ февральской книжкѣ и оговоренная въ мартовской, даетъ намъ поводъ думать, что и въ передачѣ отзыва А. С. Пушкина о Н. В. Гоголѣ и о томъ, что хитрый малороссъ перебилъ у Пушкина поэму, г. Павлицевъ впалъ также въ ошибку, можетъ быть, и невольную, но которая крайне нежелательна, такъ какъ бросаетъ незаслуженную тѣнь на память Н. В. Гоголя, дорогую, какъ всеѣмъ русскимъ, вообще, такъ и его роднымъ въ частности.

Въ этой ошибкѣ г. Павлицева мы убѣждаемся, читая слѣдующее мѣсто изъ авторской исповѣди Н. В. Гоголя: «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, на которое, однакожь, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ душъ» (мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). Пушкинъ находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу извѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ».

Такимъ образомъ, г. Павлицевъ, со словъ матери своей, которой передала жена брата А. С. Пушкина, рассказываетъ, что будто бы А. С. Пушкинъ былъ недоволенъ Гоголемъ, который, познакомившись изъ случайнаго разговора съ сюжетомъ «Мертвыхъ душъ» предупредилъ Пушкина, создавъ «Похожденіе Чичикова» и перебилъ у него сюжетъ поэмы. Гоголь же, въ своей исповѣди, открыто заявляетъ, что Пушкинъ самъ отдалъ ему свой собственный сюжетъ «Мертвыхъ душъ». Сомнѣваться въ искренности и правдивости словъ Н. В. Гоголя нѣтъ никакого основанія, такъ какъ вся исповѣдь проникнута искреннимъ, христіанскимъ смиреніемъ. Говорилъ ли вышеупомянутыя слова А. С. Пушкинъ своей женѣ или нѣтъ—не знаемъ, но,

очевидно, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» не похищенъ Н. В. Гоголемъ у А. С. Пушкина, а добровольно отданъ этимъ послѣднимъ Николаю Васильевичу. Въ оговоркѣ своей, въ мартовской книжкѣ, г. Павлицевъ утверждаетъ, что авторъ «Мертвыхъ душъ» читалъ свое произведеніе Александру Сергѣевичу въ рукописи. Этотъ фактъ, если считать его справедливымъ, говоритъ, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» былъ обработанъ Н. В. Гоголемъ съ вѣдома А. С. Пушкина, слѣдовательно, также опровергаетъ мысль, проведенную въ разсказѣ г. Павлицева, о заимствованіи сюжета безъ согласія А. С. Пушкина.

Д. Вородинъ.

II.

Къ воспоминаніямъ г-жи Яковлевой.

Бывшая камеръ-юнгфера г-жа Яковлева, печатающая свои воспоминанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», рассказываетъ, между прочимъ (см. февральскую книжку, стр. 395), будто, однажды, въ Петергофѣ, императрица Александра Ѳеодоровна предложила своимъ фрейлинамъ состязаніе, а именно, ввѣжать на гору, по уступамъ коей струится вода, направляющаяся къ фонтану Самсона. «Графиня Тизенгаузенъ, говоритъ г-жа Яковлева, первая достигла вершины горы, но при этомъ упала и повредила себѣ бокъ».

Графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ просить насъ заявить, что сообщеніе это не вѣрно, что никогда императрица Александра Ѳеодоровна съ подобными предложеніями къ своимъ фрейлинамъ не обращалась.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ И КНИЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ 1887 ГОДУ.

I.

Періодическая печать.

В НАСТОЯЩЕЙ статьѣ, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами въ прошломъ году ¹⁾, мы дадимъ перечень только тѣхъ новыхъ періодическихъ изданій, которыя разрѣшены въ 1887 году и коснемся прежнихъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ произошли какія-либо перемѣны.

Всѣхъ вновь разрѣшенныхъ въ 1887 году періодическихъ изданій было 35; изъ нихъ на языкахъ: русскомъ—28; русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ—1; на нѣмецкомъ—3; польскомъ—1; эстонскомъ—1 и грузинскомъ—1;

по программамъ: литературныхъ и политическихъ—8, педагогическихъ, медицинскихъ, музыкальныхъ и другихъ специальныхъ—16, духовныхъ—5, дѣтскихъ—1 и справочныхъ—5; изъ общаго числа всѣхъ журналовъ—5 иллюстрированныхъ. По времени выхода, всѣ вновь разрѣшенные изданія распредѣляются такъ: ежедневныхъ—6, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—1, еженедѣльныхъ—13, выходящихъ отъ 2—3 разъ въ мѣсяць—6, ежемѣсячныхъ—5 и выходящихъ неопредѣленно—4; въ числѣ послѣднихъ одно изданіе («Екатеринославскій Юбилейный Листокъ») выходило только временно, а изъ числа разрѣшенныхъ одно изданіе («Солнце») совершенно не состоялось. Новые журналы должны были издаваться: подъ цензурою—32 и безъ предварительной цензуры—3 и, наконецъ, выходить: въ Петербургѣ—14, въ Москвѣ—4 и въ провинціальныхъ городахъ—17. Редакторами изданій состояли: привилегированнаго сословія—32 лица, мѣщанъ—1 и иностранцевъ—2, а издателями: привилегированныхъ лицъ—30, купцовъ—2, мѣщанъ—1 и иностранцевъ—2.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1887 годъ, т. XXVII, стр. 723.

Что же касается изданій прежнихъ, то въ отношеніи ихъ можно отмѣтить слѣдующіе факты, происшедшіе въ теченіе 1887 года: измѣнившихъ первоначальное свое названіе было—5 изданій, расширившихъ или измѣнившихъ свою программу—11, перемѣнились редакторы или издатели въ 33-хъ изданіяхъ, объявлены окончательно прекратившимися — 18, измѣнили сроки выхода—8, измѣнили подписную цѣну—17, получили право издавать особія приложенія или давать преміи—6, изъ безцензурныхъ стали издаваться съ предварительною цензурою—1, перемѣнили мѣсто изданія — 3; изъ этихъ послѣднихъ 2 перешли изъ провинцій въ Петербургъ, а одно — въ провинцію. Въ теченіе минувшаго года главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати было дано періодическимъ изданіямъ предостереженій и разныхъ видовъ запрещеній—8 и снято запрещеній — 5. Ниже слѣдуютъ болѣе подробныя свѣдѣнія для приведенныхъ статистическихъ данныхъ.

І. Изданія вновь разрѣшенныя въ 1887 году:

«Бакинскій Торгово-промышленный Листокъ». Газета специально-промышленная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Баку; во время ярмарки выдаются особія приложенія; редакторъ и издатель надв. совѣт. Василій Васильевичъ Неручевъ.

«Баянъ». Музыкальный журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ С.-Петербургѣ; редакторъ и издатель кол. секр. Александръ Адриановичъ Астафьевъ.

«Gazeta Informacyjna». Справочная медицинская газета, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Варшавѣ; редакторъ и издатель Юліанъ Бернардовичъ Гурановскій.

«Горнозаводскій Листокъ». Специальный журналъ горнаго дѣла, подцензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ г. Харьковѣ; редакторъ и издатель кол. ас. Сергій Николаевичъ Сучковъ.

«Гражданинъ». Газета литературно-политическая, безцензурная, выходитъ ежедневно, въ С.-Петербургѣ; редакторъ и издатель кн. Владиміръ Петровичъ Мещерскій. Собственно это не новое изданіе, такъ какъ газета «Гражданинъ» выходила и ранѣе, но только еженедѣльно.

«Dünazeitung». Газета политическая, общественная и литературная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Ригѣ; редакторы и издатели: учитель гимназіи Густавъ Пиширехъ и мѣщанинъ Иванъ Корфъ.

«Екатеринославскій Юбилейный Листокъ». Газета, посвященная памяти празднованія столѣтія города Екатеринослава, подцензурная. Выходъ этого изданія былъ разрѣшенъ на срокъ съ 1-го апрѣля по 1-е июня отъ 3—6 разъ въ недѣлю, въ г. Екатеринославлѣ, подъ редакціей городского головы.

«Земскій Врачъ». Газета специально-медицинская, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Черниговѣ; редакторъ и издатель д-ръ медицины Евгений Владиміровичъ Святловскій.

«Коннозаводство и Коневодство». Журналъ специальный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель дѣйст. ст. сов. Сергій Павловичъ Яковлевъ.

«Крымъ». Журналъ литературно-музыкальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Севастополѣ; редакторъ и издатель директоръ мѣстной музыкальной школы Юліанъ Норбертовичъ Крейгманъ.

«Крымскій Вѣстникъ». Газета политическая и литературная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Севастополѣ; редакторъ и издатель кол. ас. Николай Лукьяновичъ Пшерадскій.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1888 г., т. xxxii.

«Linda». Журналъ литературно-воспитательный, иллюстрированный, на эстонскомъ языкѣ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ г. Феллинѣ; издательница учительница Каролина Зубургъ, редакторъ кандидатъ богословія Гуго Траффнеръ.

«Листокъ Спорта». Газета справочная, подцензурная, выходитъ въ дни бѣговъ и скачекъ, въ Москвѣ; редакторъ и издатель, корреспондентъ государ. коннозавод., кн. Сергѣй Петровичъ Урусовъ.

«Лифляндскій Листокъ Объявленій». Газета справочная, съ литературнымъ отдѣломъ, подцензурная, на русскомъ, нѣмецкомъ и литовскомъ языкахъ, выходитъ еженедѣльно, въ г. Ригѣ; редакторъ и издатель губер. секр. Артуръ фонъ-Гротіусъ.

«Мэурн» (Сельское-Хозяйство). Газета специально-сельско-хозяйственная, иллюстрированная, на грузинскомъ языкѣ, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, выдаетъ художественныя преміи, издается въ г. Тифлисѣ; редакторъ и издатель дворянинъ Василій Александровичъ Сулхановъ.

«Наставленіе и утѣшеніе св. вѣры христіанской». Газета духовная, подцензурная, выходитъ неопредѣленно, въ г. Орлѣ; редакторъ ректоръ и инспекторъ духовной семинаріи Василій Анисимовъ.

«Nimm und lies». Сборникъ духовный, подцензурный, выходитъ выпусками около 60-ти въ годъ, въ г. Саратовѣ; редакторъ и издатель пасторъ Гуго Гюнттеръ.

«Охотникъ». Журналъ охоты, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель ангальтъ-дессаускій подданный Морицъ Ив. Нейбюргеръ.

«Охотничья Газета». Газета литературная и специальная, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ. Изданіе этой газеты начинается съ 1888 года.

«Оффиціальная катировка Московской биржи». Газета специально-торговая, безцензурная, выходитъ въ биржевые дни, въ Москвѣ; редакторъ и издатель гофъ-маклеръ Антонъ Николаевичъ Алафузовъ.

«Пантеонъ Литературы». Журналъ литературный, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; редакторъ и издатель ст. сов. Александръ Николаевичъ Чудиновъ.

«Periagh-humoristische Marre». Журналъ юмористическій, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ и издатель германскій подданный Бертольдъ Адольфовичъ Гуттманъ.

«Почаевскій Листокъ». Журналъ духовный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ г. Кіевѣ; редакторы іеромонахи Христофоръ и Софроній.

«Правда». Журналъ политическій и литературный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ и издатель дворянинъ Михаилъ Михайловичъ Кояловичъ.

«Русскій». Газета литературно-политическая, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ Спб.; редакторъ и издатель кн. Владиміръ Петровичъ Мещерскій.

«Русскій Лѣсопромышленникъ». Газета специальная, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Кіевѣ; издатель 2-й гильдіи купецъ Казиміръ Ивановичъ Маерскій, редакторъ мѣщанинъ Станиславъ Ивановичъ Маерскій.

«Русскій Винодѣль». Журналъ спеціальныи, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; редакторъ и издатель лаборантъ 2-го Спб. реальнаго училища Александръ Альмедингенъ.

«Солнце». Журналъ литературный, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; редакторъ и издательница дворянка Марья Михайловна Уварова. Изданіе этого журнала не состоялось.

«Справочная книжка по общей физикѣ А. А. Ильина». Журналъ спеціальныи, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; редакторъ и издатель Аркадій Александровичъ Ильинъ.

«Счетоводство». Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяць, въ Спб.; редакторъ и издатель учитель бухгалтеріи Адольфъ Марковичъ Вольфъ.

«Фотографическій Вѣстникъ». Журналъ спеціально посвященный фотографическому дѣлу, подцензурный, выходитъ въ Спб.; издатель 2-й гильдіи купецъ Бруно Ѳедоровичъ Зенгеръ, редакторъ-врачъ Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ.

«Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости». Газета духовная, подцензурная, выходитъ 2 раза въ мѣсяць, въ г. Харьковѣ. Изданіе этой газеты должно начинаться съ 1888 года.

«Церковныя Вѣдомости, издаваемые при Святѣйшемъ Синодѣ». Журналъ духовно-богословскаго содержанія, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ протоіерей Петръ Смирновъ. Изданіе этого журнала началось съ 1888 года.

«Церковно-приходская Школа». Журналъ спеціально педагогическій, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Кіевѣ; редакторы: бывший инспекторъ духовной семинаріи Павелъ Игнатовичъ и преподаватели—Павелъ Петрушевскій и Георгій Булашевъ.

«Читальня Народной Школы». Журналъ дѣтскій, для учениковъ народной школы, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; издательница жена ст. сов. Екатерина Алексѣевна Сысоева и соредакторъ штабсъ-капитанъ Алексѣй Альмедингенъ.

II. Измѣнили названія слѣдующія изданія:

«Еженедѣльное Обзорѣніе»—въ «День»;—«День»—«Еженедѣльное Обзорѣніе литературы, науки и искусства»; «Писчая бумага и ея потребление»—«Графическія искусства и бумажная промышленность»; «Родина»—первый листъ подъ заглавіемъ—«Родина, иллюстрированный еженедѣльный литературный журналъ для семейнаго чтенія», а второй листъ—«Родина, еженедѣльная политическая, общественная и литературная газета»; «Сборникъ распоряженій по главному управленію почтъ и телеграфовъ»—въ «Почтово-Телеграфный журналъ» и «Сотрудникъ Народа»—«Сотрудникъ Народа, общедоступное научно-литературное изданіе».

III. Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися:

«Библиотека для Чтенія», «Волна», «Востокъ», «Всеобщая Газета», «Ежегодникъ, газета объявленій», «Еженедѣльный обзоръ» (приложеніе къ журналу «Прогрессивное Сельское хозяйство»), «Изящная Литература», «Казачій Вѣстникъ», «Медицинская Библиотека», «Межевой Вѣстникъ», «Московская Лѣтопись», «Нева», «Our children», «Прогрессивное Сельское хозяйство», «Романистъ», «Revue mensuelle d'entomologie», «Сборникъ видовъ, намятниковъ, типовъ Россіи и копій картинъ и портретовъ русской исторіи», «Суфлеръ, газета театральная, литературная и художественная», «Тарифы и фрахты».

IV. Утверждены новыя лица издателями или редакторами:

а) Издателями: жур. «Wędrowiec»—и редакт. магистръ естеств. наукъ Вацлавъ Голевинскій; газ. «Гамелець»—потом. поч. граж. Александръ Цедербаумъ; газ. «Gazeta Lubelska»—Болеславъ Осиповичъ Дружур. «Дѣтскій Отдыхъ»—вдова кол. секр. Елена Владиміровна Саранчева и купеч. дочь Евгенія Викторовна Напалкова; газ. «Еженедѣль
1/216*

ное Обзорѣніе» съ приложеніемъ жур. «День» — кол. секр. Александръ Адольфовичъ Грече; жур. «Другъ Дѣтей» — Евгеній и Михайлъ Вернеръ; жур. «Дѣтское Чтеніе» — кол. асес. Сигизмундъ Флорентьевичъ Яздовскій; жур. «Дѣло» — вдова штабсъ-кап. Наталья Ив. Дурново; газ. «Dorpater Annomenblatt» — Карлъ Лаакманъ; «Eesti Postimees chr Naddaleht» — кандидатъ богослов. Гуго Треффнеръ; жур. «Zorka» — и редакт. Максимилянъ Станиславовичъ Мильгуй; жур. «Земледѣліе» (въ аренду) — куп. Степанъ Васильевичъ Кульженко; газ. «Каспій» — учитель Владиміръ Павловичъ Личкусъ-Хомутовъ; жур. «Kronika Iekarska» — врачъ Константинъ Феликсовичъ Серпинскій; газ. «Kurjer Warszawski» — двор. Вацлавъ Шимановскій и губер. секр. Антонъ Петкевичъ; газ. «Kurjer Codzienny» — книгопр. Густавъ Губетнеръ и Робертъ Вольфъ; жур. «Mahjas Weesis» — докт. философіи Арнольдъ Плательсъ; жур. «Новѣйшія моды мужскихъ платьевъ» — Іоанна Пеливаръ; жур. «Nordische Rundschau» — д-ръ Георгій Эдуардовичъ Фонтъ-Фалькъ; газ. «Новое Обзорѣніе» — кн. Захарій Ревазовичъ Тумановъ; жур. «Писчая бумага и ея потребление» — Спб. куп. 1-й гильдіи Исидоръ Гольдбергъ; газ. «Rigaer Tageblatt и Feuerwehr-Nachrichten» — Вильгельмъ Шефферсъ; газ. «Самарскій Справочный Листокъ» — двор. Иванъ Петровичъ Новиковъ; газ. «Сибирская Газета» — потом. почет. гражд. Петръ Иван. Макушинъ; газ. «Сибирскій Вѣстникъ» — жена дѣйствит. студ. Марья Ѳеод. Картамышева; газ. «Театръ» — артистъ Александръ Ефимовичъ Неберидзе; газ. «Тифлисскій Листокъ» — лич. почет. гражд. Христофоръ Григор. Хачатуровъ; б) Редакторами: жур. «Дѣтское Чтеніе» — дѣйс. ст. сов. Дмитрій Дмитр. Семеновъ; жур. «Земледѣліе» — приватъ-доц. Сергѣй Мих. Богдановъ; «Вокругъ Свѣта» — (временно) Евгеній Вернеръ; «Gazeta Swiateczna» — Копрадъ Прушинскій; газ. «Głos» — дѣйс. студ. Осипъ Александровичъ Потоцкій; газ. «Dorpater Annoncenblatt» — Лаакманъ; жур. «Ежегодникъ Спб. Лѣснаго Института» — проф. д. с. с. Петръ Николаевичъ Вереха и Шафрановъ; газ. «Eesti Postimees» — канд. богосл. Гуго Треффнеръ; жур. «Живописное Обзорѣніе» — (временно) Сергѣй Емельянов. Добродѣевъ; жур. «Записки Импер. Рус. Техническаго Общ. и сводъ привилегій, выдаваемыхъ по д-ту Торговли и Мануфактуръ» — ст. сов. Вячеславъ Измайловичъ Срезневскій; «Извѣстія Спб. Славянскаго благотворительнаго Общества» — профес. Спб. унив. д. с. с. Владиміръ Ив. Ламанскій; жур. «Извѣстія Спб. Городской Думы» — кол. ас. Инокентій Дмитр. Зубаревъ; жур. «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей сообщенія» — инженер. кол. сов. Аркадій Илларионовичъ Звягинцевъ; «Костромскій Епархіальный Вѣдомости» — архим. Сергій; газ. «Kurjer Warszawski» — дѣйс. студ. Францъ Станислав. Ольшевскій; жур. «Лѣтописи Хирургическаго Общ. въ Москвѣ» — д-ръ медиц. Павелъ Тимоеевъ. Склифасовскій; «Лѣсной Журналъ» — тит. сов. Владиміръ Андреевичъ Тихоновъ; газ. «Минскій Листокъ» — двор. Иванъ Петров. Фотинскій; жур. «Новгородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности» — двор. Яковъ Яковл. Лазаревъ (вторымъ редакт.); газ. «Новое Обзорѣніе» — отстав. капит. Михайлъ Алексѣев. Успенскій; жур. «Niwa» — магистръ правъ Станиславъ Ксавьеревичъ Островскій; газ. «Псковскій Городской Листокъ» — надв. сов. Дмитрій Николаев. Лазаревъ; жур. «Развлечение» — (временно) Ив. Морозовъ; жур. «Русскій Вѣстникъ» — кн. Дмитрій Николаев. Цертелевъ (это утвержденіе состоялось 6-го октября 1887 г., нынѣ ред. Ѳеодоръ Никол. Бергъ); жур. «St. Petersburger Medicinische Vochenschrift» — д-ръ медиц. Ѳеодоръ Юліевичъ Шредеръ; газ. «Slowo» — магистръ правъ Местиславъ Годлевскій; «Судебная Газета» — архитект. Фердинандъ Викентьевичъ де-Вюки; газ. «Сынъ Отечества» — (временно) кол. сов. Михайлъ Архиповичъ Куплетскій; газ. «Тифлисскій Листокъ» — подпор. Кон-

стантинъ Николаевъ. Вѣгичевъ; жур. «Юная Россія» — жена стат. сов. Екатерина Алексѣевна Сысоева и штабсъ-кап. Алексѣй Николаев. Альмедингенъ; газ. «Judisches Volksblatt» — д-ръ Левъ Канторъ; газ. «Ялтинскій Справочный Листокъ» — купеч. сынъ Веніаминъ Залкиндъ.

V. Въ теченіе 1887 года послѣдовали относительно періодическихъ изданій слѣдующія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: приостановлено изд. газеты «Русское Дѣло» на 3 мѣс. за нарушение въ № 9 распоряженія, объявленнаго безцензурнымъ изданіямъ; приостановлено на 8 мѣс. изд. «Газеты А. Гатцука»; тоже «Сибирской Газеты»; воспрещена розничная продажа №№ газетъ: «Русскій Курьеръ», «Минута», «Сынъ Отечества» и журнала «Пчелка»; приостановлено на мѣсяць изданіе газеты «Виржевыя Вѣдомости» за нарушение въ № 155 распоряженій, объявленныхъ безцензурнымъ изд., по распоряженію это было отмѣнено черезъ 18-ть дней. Запрещеніе розничной продажи снято было съ газеты «Современныя Извѣстія» — черезъ мѣсяць и 10 дней; съ газеты «Русскія Вѣдомости» — черезъ 4 мѣсяца, по запрещенію послѣдовавшему въ 1886 году, а затѣмъ этой газетѣ дано было новое запрещеніе, которое продолжалось три мѣсяца.

Отмѣтимъ еще слѣдующія перемѣны: 1) «Газета А. Гатцука», съ 26 февраля 1887 г. стала выходить съ предварительной цензурой; 2) нѣсколько измѣнена и расширена программа: жур. «Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ», газ. «Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», жур. «Русскій Винодѣль», «Экономическаго журнала», газ. «Смоленскій Вѣстникъ», газ. «Московская Биржа», газ. «Кіевское Слово», добавленіемъ судебного отдѣла и жур. «Лучъ», добавленіемъ отдѣла моды, рукодѣлья, нотъ, игръ и полезныхъ занятій; 3) Разрѣшено выдавать приложенія: къ жур. «Лучъ» — олеограф. картины, къ газ. «Родина» — тоже, къ газ. «Гражданинъ» — особое изд. «Романы и Повѣсти» и къ газ. «Ваянъ» — ноты; 4) разрѣшено помѣщать рисунки въ журналахъ: «Колосья» и «Русскій Спортъ»; 5) изданіе газеты «Восточное Обзорѣніе» переведено изъ Спб. въ г. Иркутскъ, духовнаго жур. «Благовѣсть» изъ г. Харькова въ Спб. и жур. на армянскомъ яз. «Манкаваржанацъ» (Учительская школа) изъ г. Тифлиса въ Спб.; 6) измѣнили сроки выхода слѣдующія изданія: газ. «День» (бывш. «Еженедѣльное Обзорѣніе») вмѣсто одного — 3 раза въ недѣлю, газ. «Kindja» — одинъ разъ въ мѣс. вмѣсто 4-хъ, газ. «Tellus» вмѣсто ежемѣсячн. — еженедѣльно, газ. «Цискари» (Заря) вмѣсто 2-хъ — одинъ разъ въ недѣлю, жур. «Воскресный День» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс. — еженедѣльно, жур. «Русское Судоходство» вмѣсто 1-го раза въ мѣсяць — 4, жур. «Русскій Спортъ» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс. — еженедѣльно, газ. «Волынь» вмѣсто 3-хъ разъ въ недѣлю — ежедневно, жур. «Книжный Вѣстникъ» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс. — 1 и газ. «Екатеринбургская Недѣля» былъ увеличенъ выпускъ только на время выставки и 7) измѣнили стоимость подписки 16 изданій.

II.

Книжное дѣло.

Приведенныя ниже цифровыя данныя книжнаго дѣла въ Россіи, относящіяся къ прошлому 1887 году, едва ли не представляютъ собою перваго опыта въ этомъ отношеніи, а потому и требуютъ небольшого предварительнаго объясненія. Полагая и на будущее время дѣлать такіе же выводы, мы думаемъ, что дадимъ этимъ матеріалъ, на основаніи котораго, впоследствии, можно будетъ сдѣлать весьма интересные выводы. Не намѣчая этихъ выводовъ заранее и находя ихъ возможными только въ будущемъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить теперь же, что наши данныя почти близки къ дѣйствитель-

ности. Говоримъ такъ утвердительно потому, что въ источникѣ, который служилъ намъ основаніемъ для настоящей замѣтки, мы не встрѣчали свѣдѣній о количествѣ выпущенныхъ экземпляровъ лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ официальныхъ и полуофициальныхъ изданій (какъ наприм. отчетовъ) и, за весьма, впрочемъ, рѣдкими исключеніями, по изданіямъ частнымъ; въ послѣднемъ случаѣ такой недочетъ преимущественно касается сочиненій богословскаго содержания и медицинскихъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ указаній только о количествѣ экземпляровъ отчетовъ засѣданій разныхъ медицинскихъ обществъ. Кромѣ того, не лишнимъ будетъ пояснить, во 1-хъ, что принятая здѣсь классификація сочиненій представляетъ лишь незначительное отступленіе отъ классификаціи существующей въ книжныхъ каталогахъ; во 2-хъ, что подъ рубрику «лубочныхъ» отнесены нами исключительно изданія московскаго николевскаго книжнаго рынка книгопродавческихъ фирмъ Сытина, О. Лузиной, Манухина и другихъ, при чемъ имѣлись въ виду такого рода сочиненія, какъ наприм., «Битва русскихъ съ Кабардинцами» и имъ подобныя, и, наконецъ, что къ отдѣлу беллетристическихъ сочиненій, строго говоря, должны также относиться разнаго рода рассказы и повѣсти для дѣтей, но мы показали ихъ въ отдѣлѣ «дѣтскихъ книгъ» для того, чтобы имѣть возможность составить понятіе о степени развитія и потребности у насъ этого рода литературы.

Всѣхъ вообще сочиненій изданныхъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, въ 1887 году было 7,366, сочиненія эти вышли въ количествѣ 24.403,242 экземпляровъ. Для полученія болѣе точной цифры можно прибавить отъ 20—40 тысячъ экземпляровъ, которыя совершенно восполняютъ тотъ недочетъ, о которомъ мы упомянули выше. Изъ общаго числа изданныхъ сочиненій было: на русскомъ языкѣ—5,442, въ количествѣ 18.540,390 экземпляровъ и на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—1,924, въ количествѣ 5.862,852 экземпляровъ. Послѣднія сочиненія по языкамъ, на которыхъ они были отпечатаны, въ нисходящемъ порядкѣ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число соч.	Кол. экземп.		Число соч.	Кол. экземп.
На польскомъ яз.	628	1,533,837	На гольдскомъ яз.	5	?
» нѣмецкомъ	297	494,125	» алтайскомъ	4	?
» еврейскомъ	295	874,300	» мордовскомъ	3	?
» эстонскомъ	222	1,121,510	» персидскомъ	2	11,400
» латышскомъ	184	885,175	» финскомъ	2	11,000
» грузинскомъ	61	60,885	» якутскомъ	2	?
» французскомъ	54	87,686	» киргизскомъ	2	?
» армянскомъ	50	88,600	» вотяцкомъ	2	?
» арабскомъ	37	470,500	» калмыцкомъ	1	2,040
» татарскомъ	36	206,640	» жмудскомъ	1	600
» латин., русск. и			» турецкомъ	1	1,200
польск.	9	5,230	» греческомъ	1	1,000
» чувашскомъ	9	?	» литовскомъ	1	1,040
» латинскомъ	8	5,584	» итал. и рус.	1	500
» черемисскомъ	6	?			

Изъ этихъ данныхъ видно, что наибольшее число сочиненій и экземпляровъ принадлежатъ первымъ пяти языкамъ, при чемъ на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ первенствуютъ проповѣди и вообще сочиненія духовнаго содержания; еще достойно замѣчанія и то обстоятельство, что въ общей массѣ издаваемыхъ у насъ сочиненій на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ почти не встрѣчается переводовъ русскихъ авторовъ.

Обращаясь затѣмъ къ сочиненіямъ изданнымъ на русскомъ языкѣ и распредѣляя ихъ по содержанію, также въ нисходящемъ порядкѣ, приходимъ къ слѣдующему выводу:

Число соч.	Кол. экзempl.	Число соч.	Кол. экзempl.		
Беллетристическ.	782	3.242,615	Математическ.	119	155,289
Духовно-богосл.	697	2.703,482	Разн. брошюры	115	106,868
Справочныхъ	687	3.253,546	Географ. и путеш.	107	84,179
Учебниковъ	512	3.622,181	Дѣтскія	105	345,379
Медицинскихъ	453	414,331	Юридическія	104	92,564
Историческихъ	364	372,358	Педагогическія	83	118,675
Лубочныхъ изд.	190	1.689,400	Естествознаніе	69	42,159
Технологія	182	143,965	Полит. и общ. вопр.	50	51,402
Словесность	175	177,878	Философскія	35	31,603
Сельское хозяйств.	153	160,600	Исторія искуc.	22	14,780
Политич. эконом.	147	136,699	Счетоводство	22	39,222
Народ. изданія	146	1.360,500			
Военное дѣло	123	180,915			
			Всего	5,442	18.540,390

При распредѣленіи же означенныхъ сочиненій по количеству выпущенныхъ экземпляровъ, которымъ отчасти можетъ быть опредѣленъ спросъ на книгу, приведенный выше порядокъ значительно измѣняется; такъ на первое мѣсто становятся книги учебныя, а затѣмъ будутъ слѣдовать изданія: справочнаго характера; романы, повѣсти и другія беллетристическія произведенія; духовно-богословскія; лубочныя; народныя медицинскія, историческія, дѣтскія, военное дѣло, словесность, сельское хозяйство, математическ., технологія, политическая экономія, педагогическія, разн. брошюры, юридическія, географія и путешествія, политическ. и общественные вопросы, естествознаніе, счетоводство, философскія и, наконецъ, по исторіи искусства. Но основывать какіе-либо положительные выводы на данныхъ одного года было бы ошибочно, а потому мы и не будемъ пока касаться этого предмета.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній, которыя будутъ служить не лишнимъ дополненіемъ къ приведеннымъ выше цифрамъ. Разсматривая книжное дѣло въ Россіи за минувшій годъ, нельзя пройти молчаніемъ и не отмѣтить такой важный фактъ, какъ истеченіе срока правъ литературной собственности на произведенія нашего великаго писателя А. С. Пушкина. До этого времени, т. е. до 29 января 1887 года, сочиненія Пушкина, если не составляли библиографической рѣдкости, то ихъ было настолько мало, что по своей цѣнѣ они были недоступны для массы. Между тѣмъ, общественная потребность имѣть эти сочиненія была очень значительная, о чемъ убѣдительно всего свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя о количествахъ выпущенныхъ въ продажу экземпляровъ разныхъ сочиненій Пушкина, т. е. какъ въ полномъ ихъ объемѣ, такъ и отдѣльныхъ произведеній. Вотъ эти данныя, распредѣленные по мѣсячно:

Мѣсяцы.	Наименов.	Количество экзempl.	Мѣсяцы.	Наименов.	Количество экзempl.
Въ январѣ	19	122,500	Въ іюлѣ	11	150,175
» февралѣ	27	168,600	» августѣ	15	248,000
» мартѣ	25	225,000	» сентябрѣ	13	215,200
» апрѣлѣ	8	74,900	» октябрѣ	8	82,600
» маѣ	7	68,800	» ноябрѣ	6	28,000
» іюнѣ	15	65,800	» декабрѣ	9	31,800

Такимъ образомъ, въ продолженіе года было издано 163 разныхъ сочиненій Пушкина въ количествѣ 1.481,375 экземпляровъ; большинство этихъ сочиненій было выпущено 2-мъ и даже 3-мъ изданіемъ. Коснувшись указанія объ изданіи сочиненій Пушкина, приводимъ, кстаті, данныя о сочиненіяхъ и другихъ извѣстныхъ авторовъ: соч. гр. Толстого были изданы въ количествѣ 677,600 экзempl., Лермонтова—15,000, Гоголя—40,000, Тургенева—16,000, Крылова—50,000, Григоровича и Грибоѣдова—по 10,000 экзempl. Изъ числа

сочиненій гр. Толстого необходимо отдѣлить его драму «Власть Тьмы», которая вышла въ 93,600 экзempl. и разошлась вся, при чемъ въ февралѣ мѣсяцѣ выдержала два изданія и въ мартѣ—три; въ то же время его сочиненія предназначенныя для народнаго чтенія были выпущены въ количествѣ 397,000 экзemplаровъ.

Въ отдѣлѣ книгъ учебныхъ, по значительности изданій останавливаются на себѣ вниманіе руководства по древнимъ языкамъ, ариметическіе задачки Евтушевскаго и азбуки; нѣкоторыя изъ названныхъ учебныхъ книгъ выдержали уже болѣе 30-ти изданій. Но изъ всѣхъ учебныхъ книгъ особенно рѣзко выдѣляется «Родное Слово» Ушинскаго, предназначенное для класснаго чтенія. Книга эта, издающаяся каждый разъ въ 50,000 экзemplарахъ, вышла въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года 74-мъ изданіемъ, въ мартѣ—75-мъ, но и затѣмъ потребовались еще новыя изданія, которыя и были выпущены въ іюнѣ, августѣ, сентябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; слѣдовательно въ теченіе года потребовалось шесть изданій и выпускъ ихъ составилъ 400,000 экзemplаровъ.

Въ отдѣлѣ справочныхъ книгъ, между прочими, показаны и календари. Около двадцати лѣтъ тому назадъ изданіе календарей принадлежало Академіи Наукъ и составляло какъ бы ее монопольное право и лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться частныя изданія, въ настоящее же время ихъ такъ много, что, едва ли, предложеніе не превышаетъ спроса: такъ въ 1887 году было издано разныхъ наименованій календарей 166, въ количествѣ 1,828,160 экзemplаровъ, не считая въ томъ числѣ такихъ же изданій на иностранныхъ языкахъ.

Кромѣ книгъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ изданіи географическихъ картъ, разныхъ атласовъ, картинъ и т. п.; всѣхъ этихъ изданій было 145 и выпущены они, въ общей сложности, въ 287,934 экзemplарахъ.

Наибольшее число изъ всѣхъ вообще книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, было отпечатано въ типографіяхъ Петербурга и Москвы, изданія же на языкахъ иностранныхъ печатались преимущественно въ городахъ: въ Ригѣ и Ревелѣ—на нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ, въ Казани—на татарскомъ, въ Варшавѣ—на польскомъ.

Въ заключеніе еще два вывода. Если принять общее число существующихъ въ европейской и азиатской Россіи типографій равнымъ 1,500 (въ 1885 г. въ европейской Россіи было типографій и типо-литографій 899)¹⁾ и взять общее количество отпечатанныхъ въ 1887 году экзemplаровъ книгъ, то, въ среднемъ, на каждую типографію придется до 16,270 экзemplаровъ. Далѣе, принимая населеніе Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, какъ не входящей въ настоящій обзоръ, въ 106.610,814²⁾ душъ обоого пола и взявъ все количество вышедшихъ въ 1887 году экзemplаровъ книгъ, получимъ, въ среднемъ выводѣ, по 0,23 книги на человѣка.

Л. Н. Павленковъ.

¹⁾ «Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884 и 1885 гг.»

²⁾ Ibid.

представлялись имъ чародѣями, которые запаслись союзомъ съ нечистой силой. И вотъ, заколебались ряды датчанъ и обратили тылъ ганзейцамъ! Нѣкоторое время ихъ еще умѣль сдержать храбрый сынъ аттердага, принцъ Кристофъ, принявшій на себя начальствованіе однимъ изъ отрядовъ;—но не надолго... Едва только подошли ганзейцы на разстояніе выстрѣла, едва успѣли сдѣлать залпъ по укрѣпленіямъ, какъ все наемное датское войско было охвачено новой паникой и снова побѣжало въ разсыпную, покинувъ королевскаго принца на произволъ судьбы. Насилу-насилу успѣлъ несчастный принцъ Кристофъ, тяжело раненый камнемъ изъ бомбарды, избѣжать плѣна и спрятаться въ какомъ-то скрытомъ убѣжищѣ, въ которомъ онъ чуть не истекъ кровью.

Тогда уже неудержимо двинулись впередъ побѣдители, и грозно раздались ихъ крики: «Местъ за Визби!» — и они бурными потоками ворвались въ улицы Копенгагена.

Городъ былъ разграбленъ жестоко; всѣ сокровища и все, самое цѣнное, движимое имущество было изъ города вывезено, и даже колокола съ колоколенъ были сняты и свезены на корабль, специально-приготовленный для нагрузки добычи, и въ тотъ же день отплывшій обратно въ Любекъ.

Теплая іюньская ночь спустилась надъ городомъ и широко кругомъ запылали по всему берегу огни побѣдоноснаго войска ганзейцевъ. Всѣ они веселились кругомъ этихъ огней, между тѣмъ какъ наемныя дружины ганзейцевъ угощались изъ награбленнаго въ Копенгагенѣ запаса вина и пива.

Костры еще не совсѣмъ погасли, какъ уже отданъ былъ приказъ всѣмъ садиться на суда и готовиться къ отплытію. Восходящее солнце застало уже ганзейскій флотъ величаво-направляющимъ къ Гельсингборгу.

XVI.

Аттердагъ.

Вѣтеръ былъ попутный и потому, немного времени спустя, грозныя башни датской крѣпости вскорѣ стали подниматься изъ воды, а затѣмъ и вся эта твердыня, унизанная по стѣнамъ и башнямъ бойницами и большими стѣнными метательными орудіями, выступила во всей красѣ своихъ неприступныхъ стѣнъ передъ глазами ганзейцевъ.

Готшалькъ фонъ-Аттендорпъ, стоявшій на рулѣ своего корабля, мрачно смотрѣлъ на Гельсингборгъ, скрестивъ руки на груди:

— Ну, покуда мы возьмемъ приступомъ эту твердыню, — сказалъ онъ нѣсколькимъ стоявшимъ около него матросамъ, — наши волосы успѣютъ посѣдѣть. Кто знаетъ, увидитъ ли хоть кто-нибудь

изъ насъ родину: — нашъ адмиралъ рѣшается на слишкомъ смѣлое и рискованное дѣло.

Эти слова, конечно, не способствовали тому, чтобы особенно возвысить духъ экипажа, и Ганнеке, услышавъ ихъ, вернулся на свой постъ очень опечаленнымъ. Смутныя предчувствія закралась въ душу честнаго рыбака, и онъ съ щемящею сердечною болью вспомнилъ о своихъ дорогихъ и милыхъ...

Въ первое время осады, датчане попытались сдѣлать вылазку, которая, однако же, закончилась для нихъ неблагопріятно, потому что и здѣсь датскія войска дрогнули, перепугавшись необычнаго дѣйствія пороха и огнестрѣльнаго оружія. Въ свою очередь и нападающіе сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ, но тщетныхъ попытокъ, такъ какъ стѣны Гельсингборга, чрезвычайно толстыя и высокія, способны были выдержать какое угодно нападеніе. Однако же, гарнизонъ Гельсингборга замѣтилъ, къ крайнему своему изумленію, что снаряды, выпускаемые изъ ганзейскихъ бомбардъ, ударялись въ стѣны съ такой силой, что даже дробили и разбивали камень и образовали трещины въ каменной кладкѣ.

Не безъ тревоги смотрѣлъ изъ своей твердыни датскій король-аттердагъ на работы осаждающихъ и съ безпокойствомъ ожидалъ вѣстей, которыя могли проникать въ Гельсингборгъ лишь съ величайшими затрудненіями. Къ тому же и съѣстные припасы въ Гельсингборгѣ шли уже къ концу, а вскорѣ въ двухъ мѣстахъ крѣпостныхъ стѣнъ оказались большія бреши, которыми непріятель могъ смѣло воспользоваться, чтобы штурмовать Гельсингборгъ. Съ другой стороны, пришла вѣсть о томъ, что шведы уже готовятся къ выступленію въ походъ и собираются напасть на датскую крѣпость съ тыла. Дошли до Вольдемара извѣстія и еще болѣе тревожнаго свойства: многіе изъ нѣмецкихъ князей, враждебныхъ Даніи, ободренные успѣхомъ ганзейцевъ, собирались также вооружиться и соединить свои войска съ войсками ганзейскихъ городовъ, противъ Вольдемара.

Съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бродилъ аттердагъ по саду своего замка, и невеселыя мысли, одна другой чернѣе, носились въ головѣ его. Онъ правилъ своею страной твердо и умно; онъ съумѣлъ подавить безсмысленную сумятицу, которую вызывала въ Даніи борьба враждебныхъ партій; онъ отвоевалъ и вернулъ родному краю отторгнутыя отъ него богатыя области; онъ достигъ славы и могущества, которыя доставили ему громкую извѣстность во всей Европѣ. И теперь, всѣ эти труды и усилія должны были разомъ потерять всякое значеніе. Онъ собралъ всѣ свои силы для борьбы съ ганзейцами, но всѣ его планы рушились въ тотъ день, когда палъ Копенгагенъ. Его единственная надежда, въ данную минуту, основывалась на небольшой датской флотиліи, которая могла врасплохъ напасть на корабли ганзейцевъ и на томъ, что

Гельсингборгъ выдержать осаду. Но и этимъ надеждамъ—увы!—грозила страшная опасность...

— Такъ значить мнѣ остается еще одно средство, — рѣшилъ аттердагъ мрачно и съ выраженіемъ дикаго отчаянія, — мнѣ остается прибѣгнуть къ помощи людей, которыхъ я презираю отъ глубины души. Знаю, что собираюсь вызвать демоновъ, которые, подобно фуріямъ, будутъ меня преслѣдовать по пятамъ, и не перестанутъ меня мучить всю жизнь! Но—не могу избѣжать этого. О!—воскликнулъ онъ съ горечью, — еслибы только знали народы къ какимъ жертвамъ бываетъ иногда вынужденъ владыка страны изъ любви къ своимъ подданнымъ и въ тяжкой тревогѣ о своей странѣ!

Медленно, но твердо вернулся онъ въ замокъ. Тамъ позвалъ онъ къ себѣ слугу и отдалъ ему какое-то приказаніе, и затѣмъ вошелъ въ комнату, увѣшанную коврами, гдѣ на мягкомъ пуховикѣ лежалъ его раненый сынъ, незадолго передъ тѣмъ перенесенный со-страдательными людьми на носилкахъ въ Эльсиноръ.

— Ты теперь [скоро оправившись, — тихо сказалъ аттердагъ принцу.—Этотъ противный гулъ, который доносится къ намъ изъ Зунда, вскорѣ долженъ будетъ смолкнуть.

Блѣдный принцъ поднялъ голову съ изголовья и вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Удовольствуйся покамѣстъ тѣмъ, что я тебѣ говорю, — сказалъ отецъ и затѣмъ ушелъ въ одинъ изъ многочисленныхъ и отдаленныхъ покоевъ замка.

Слуга, между тѣмъ, исполнилъ приказаніе короля, и тотъ уже нашелъ въ этомъ отдаленномъ покоѣ челоуѣка, съ которымъ онъ желалъ переговорить.

Вольдемаръ прошелъ мимо него, какъ бы его не замѣтивъ и въ раздумьи перебирая пальцами правой руки свою густую и длинную бороду. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ:

— Твои ищейки, какъ я слышалъ, выслѣдили, что уже въ слѣдующую ночь ганзейцы думаютъ штурмовать Гельсингборгъ?

Шпіонъ Нильсъ наклоненіемъ головы выразилъ утверженіе.

— Чтожь?—они надѣются на успѣхъ?—продолжалъ разспрашивать монархъ.

— Ихъ новый «огневои нарядъ» облегчаетъ имъ многое,—отвѣчалъ Нильсъ.

Аттердагъ тяжело вздохнулъ. Онъ перешелъ къ другому вопросу, но не рѣшился высказать его вполне, а удовольствовался только намекомъ.

— Ну, а тѣ? — все еще выжидаютъ со своими кораблями въ Скельдерики?

— Да, укрытые за лѣсистыми берегами, — отвѣчалъ Нильсъ,—на высшемъ пунктѣ этого берега они устроили сторожевой постъ,

для наблюденія за ганзейцами. Какъ только они увидятъ оттуда условленный знакъ на зубцахъ Эльсинорской башни, они снимутся съ якоря.

Послѣдовало долгое молчаніе. Аттердагъ переживалъ послѣднюю нравственную борьбу.

— И они все же настаиваютъ на своемъ прежнемъ требованіи? — мрачно спросилъ онъ Нильса.

Нильсъ отвѣчалъ утвердительно.

Аттердагъ сдѣлалъ знакъ шпиону, чтобы тотъ удалился; затѣмъ онъ погрузился въ глубокое и мрачное раздумье...

Наступила знойная июльская ночь, и, вмѣстѣ съ ночными облаками, небо заволокло тучами, въ которыхъ сверкали изрѣдка отдаленныя молніи. Вѣтеръ засвисталъ въ снастяхъ кораблей и волны Зунда стали шумно плескаться...

Густая тьма покрыла и море, и берега. Только на Эльсинорской башнѣ мерцалъ красноватый огонекъ смоляныхъ факеловъ. Этотъ знакъ былъ замѣченъ съ борта небольшой датской флотиліи, которая собралась у острова Амагера.

Вдоль Гельсингборгскаго берега собирались въ это время штурмовыя колонны, которыя были предназначены Иоганномъ Виттенборгомъ для ночного нападенія на Гельсингборгъ. На самыхъ корабляхъ оставлены были только матросы — въ томъ числѣ и Ганнеке. Онъ не вѣдалъ никакого страха, и охотно бы пошелъ вмѣстѣ съ другими противъ ненавистныхъ датчанъ, но мысль о Марикѣ и Янѣ вынудила его остаться на кораблѣ. А когда онъ о нихъ, въ послѣднее время начиналъ думать, то забывалъ все, что его окружало. Такъ и теперь — онъ не слыхалъ ни плеска волнъ, ни свиста вѣтра; не обратилъ даже вниманія на тѣ громкіе голоса людей, очевидно о чемъ-то спорившихъ, которые доносились съ адмиральскаго корабля. Наконецъ, ужъ товарищъ вывелъ его изъ задумчивости, рванулъ за рукавъ и сказалъ съ досадою:

— Да что же ты, оглохъ, что ли? Или тебѣ дѣла нѣтъ до того, что наши начальники между собою грызутся? И дѣйствительно, споръ, происходившій въ это время между Аттендорпомъ и Виттенборгомъ, грозилъ привести къ очень дурнымъ послѣдствіямъ.

— Вы должны исполнить то, что я вамъ прикажу! — гнѣвно кричалъ Иоганнъ Виттенборгъ. — Не забывайте, что вы состоите у меня подъ командой!

— Не могу подчиниться и не подчинюсь приказанію бессмысленному, — рѣзко отвѣчалъ Аттендорпъ. — А я не могу иначе, какъ бессмысленнымъ, назвать ваше приказаніе идти на штурмъ Гельсингборна въ такую ночь, когда мы можемъ ожидать, что на морѣ разразится буря и разбросаетъ наши корабли, какъ щепки.

— Вы вѣроятно забыли, — горячо возразилъ главнокомандующій, — что шведы именно въ нынѣшнюю ночь намѣревались напасть съ тыла на датскій гарнизонъ.

Аттендорпъ ничего не могъ возразить противъ этого, и Виттенборгъ продолжалъ:

— Мы и безъ того уже достаточно долго простояли въ бездѣйствіи подъ стѣнами этой крѣпости, и хотя можно дѣйствительно опасаться шторма, но мы все же можемъ до нѣкоторой степени положиться на умѣнье и расторопность нашихъ корабельныхъ экипажей. Когда возьмемъ Гельсингборгъ, тогда дадимъ нашему войску возможность отдохнуть. А мы должны воспользоваться благоприятной минутой, такъ какъ одновременное со шведами нападеніе одно только и можетъ облегчить намъ взятіе Гельсингборга...

— Ну, хорошо!—отвѣчалъ Аттендорпъ, нѣсколько болѣе спокойнымъ тономъ,—въ такомъ случаѣ, я готовъ не противорѣчить вамъ; однако же, я считаю неизбѣжнымъ условіемъ наступленія то, чтобы извѣстная часть нашихъ силъ непременно осталась на судахъ. Счастье, а въ особенности счастье военное, переменчиво, а потому, каждый хорошій полководецъ долженъ непременно озаботиться обезпеченіемъ, на всякій случай, своего тыла.

— Да развѣ же флотъ нашъ не представляетъ самъ по себѣ лучшее обезпеченіе нашего тыла? Корабли такъ плотно причалены къ берегу, что мы во всякое время можемъ на нихъ убраться. За чѣмъ же мы будемъ излишнею осторожностью уменьшать число нашихъ военныхъ силъ?

— Да вы развѣ не слышите, какъ начинаетъ завывать вѣтеръ?—сказала внушительно Аттендорпъ.—Развѣ не слышите, какая бьетъ волна? Кто можетъ знать, кто поручится, что въ такую ночь наши корабли не отгонитъ далеко отъ берега? Да и помимо всего этого, необходимо оставить охрану на судахъ уже потому, что этотъ сигнальный огонь не даромъ зажженъ тамъ, на Эльсинорской башнѣ.

— Смѣлымъ Богъ владѣть!—возразилъ Виттенборгъ.—Воину нельзя руководствоваться такою мелочною предусмотрительностью, какую вы теперь высказываете. Я отъ души желалъ бы, чтобы вы могли продолжать въ настоящее время занятія въ вашей конторѣ... И вамъ было бы лучше, и у меня руки не были бы связаны.

Аттендорпъ съ величайшимъ трудомъ воздержался отъ рѣзкаго возраженія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—поступайте по вашимъ соображеніямъ; но за то ужъ извольте принять на себя и всю отвѣтственность за дурныя послѣдствія.

— Не безпокойтесь!—смѣясь сказалъ Виттенборгъ,—любекскій городской совѣтъ будетъ поставленъ въ извѣстность о томъ, что вы совершенно непричастны къ той побѣдѣ, которую мы одержимъ нынѣшнею ночью. И я надѣюсь доставить вамъ возможность вскорѣ опять приняться за ваши книги и вычисленія.

Затѣмъ онъ обратился къ начальникамъ отдѣльныхъ судовъ и отдалъ имъ приказаніе — предоставить охрану кораблей исключительно однимъ матросамъ, спустивъ всѣ остальные команды съ судовъ на берегъ.

Вскорѣ послѣ того, всѣ военныя силы были высажены на берегъ, всѣ блиды и «огневый нарядъ» направлены на стѣны Гельсингборга—и Виттенборгъ далъ знакъ къ атакѣ.

XVII.

Гибельный приступъ.

Грозно загремѣли бомбарды и затрещалъ частый пищальный огонь, освѣщая мракъ ночи и вторя плеску волнъ и реву поднимающейся бури. Вѣтеръ, правда, разогналъ тучи, но за то молніи такъ и опоясывали весь горизонтъ. Волны стали усиленно биться и плескаться въ суда ганзейцевъ, и матросамъ, оставшимся на судахъ, было весьма не легко бороться съ волненіемъ, такъ какъ приходилось оберегать суда отъ прибоа, выкачивать заливавшюся въ нихъ воду и охранять ихъ отъ взаимныхъ столкновеній и ударовъ о берегъ.

Мужественно бились ганзейцы подъ стѣнами крѣпости; но не менѣе мужества выказывалъ и непріятель, защищавшійся отчаянно. Виттенборгъ вынужденъ былъ вводить въ дѣло все новыя и новыя подкрѣпленія, которыя бились съ датчанами на широкихъ брешахъ, бились и умирали спокойно, но не могли сломить упорнаго врага.

Главнокомандующій ежеминутно ожидалъ, что вотъ-вотъ въ отдаленіи раздастся трубный звукъ подходящаго свѣжаго шведскаго войска. Но среди ночной темноты раздавались только возгласы сражающихся, трескъ и гулъ выстрѣловъ, плескъ разъяившихся волнъ и ревъ все крѣпчавшей и возрастающей бури.

Но вдругъ, ко всѣмъ этимъ звукамъ прибавился со стороны моря еще какой-то новый, странный шумъ. Шумъ одновременно послышался съ сѣверной и съ южной стороны, а затѣмъ на волнахъ Норезунда замелькало и заколыхалось множество какихъ-то блуждающихъ огоньковъ. Напрасно старались матросы сообразить, какого рода опасность имъ угрожаетъ, и только тогда, когда чуть-чуть стало брезжить и утро, на всѣхъ корабляхъ раздался одинъ общій вопль ужаса: «Непріятель въ виду! Всѣ къ бою готовься!» Но сражавшіеся на сушѣ не могли услышать этого крика и только уже люди, бѣжавшіе съ кораблей, успѣли извѣстить ихъ о грозившей имъ опасности. Виттенборгъ тотчасъ же долженъ былъ прекратить наступленіе на Гельсингборгъ. Всѣ команды, въ величайшемъ

безпорядкѣ бросились бѣжать къ берегу, и тамъ, при первомъ свѣтѣ зари, увидѣли горестную картину. Военный флотъ ганзейцевъ былъ съ сѣвера атакованъ значительной флотиліей пиратскихъ судовъ. Пираты успѣли уже овладѣть семью самыми большими ганзейскими шнеками и поспѣшно уходили вмѣстѣ съ ними на всѣхъ парусахъ. Въ числѣ этихъ кораблей находился и тотъ, которымъ командовалъ Аттендорпъ, и громко раздавались на морѣ вопли и стоны уводимыхъ въ плѣнъ матросовъ.

— Горе тому, кто понесетъ на себѣ отвѣтственность за это страшное бѣдствіе!— гнѣвно закричалъ Аттендорпъ, быстро устремляясь со своею командою на палубу адмиральскаго корабля, которымъ тоже пытались овладѣть шайки морскихъ разбойниковъ. Тамъ уже работалъ мечемъ Виттенборгъ, окруженный отборнымъ отрядомъ ганзейцевъ. Пираты были прогнаны съ корабля и большая часть ихъ успѣла бѣжать на свои легкія суда.

Невыразимая сумятица еще болѣе увеличилась, когда гарнизонъ Гельсингборга сдѣлалъ вылазку, овладѣлъ оставленными на берегу метательными снарядами ганзейцевъ и обратилъ ихъ противъ ганзейскаго флота.

Оставалось только одно: поскорѣе поднять паруса и удалиться отъ берега въ южномъ направленіи. Но тутъ еще разъ ужасъ овладѣлъ ганзейцами, такъ какъ они увидали, что датскіе корабли, собравшіеся ночью близъ острова Амагера, теперь заграждали имъ путь. Король Вольдемаръ самолично руководилъ нападеніемъ. Въ блистающемъ вооруженіи, на палубѣ наибольшаго изъ датскихъ судовъ и съ торжествомъ крикнулъ онъ Виттенборгу: «Кланяйтесь вашему городу и всему ганзейскому союзу, и скажите имъ, что король - аттердагъ приказываетъ ихъ благодарить за доставленную ему богатую добычу!»

При той путаницѣ и суматохѣ, которая господствовала на ганзейскихъ корабляхъ, при томъ безпорядкѣ, въ которомъ они совершали свое отступленіе отъ берега, не трудно понять, что датчанамъ было очень легко окружить и отрѣзать отъ ганзейскаго флота пять большихъ судовъ и много мелкихъ... Остальные съ величайшимъ трудомъ избѣгли позора и плѣна.

Тогда горе и отчаяніе овладѣли сердцами ганзейцевъ, неожиданныхъ такого печальнаго исхода своихъ подвиговъ, и Виттенборгу пришлось выслушать много тяжкихъ упрековъ, а въ лицѣ Аттендорпа ему явился теперь мощный соперникъ, который относился къ нему безъ малѣйшей пощады.

Когда, наконецъ, подъ вечеръ, ганзейскіе корабли собрались въ открытомъ морѣ, то имъ выяснился вполнѣ тотъ страшный уронъ, который былъ понесенъ ганзейскимъ военнымъ флотомъ. Изъ большой и прекрасной эскадры возвращалась теперь въ отчизну лишь небольшая и незначительная часть ея,—и какъ возвращалась? Ли-

шенною всѣхъ силъ и средствъ, утратившею лучшую красу и силу своихъ защитниковъ; да и въ тѣхъ, которые не были пощажены смертию и избѣгли плѣна, не было ни мужества, ни бодрости духа...

Юганнъ Виттенборгъ неподвижно сидѣлъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ около руля. Взоръ его былъ недвижимо устремленъ въ одну точку и лишь изрѣдка тяжелый вздохъ вырывался изъ его глубоко-взволнованной груди. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, что Аттендорпъ приказалъ одному изъ мелкихъ судовъ, сопровождавшихъ флотъ, идти впередъ и заранѣе извѣстить любечанъ о страшномъ пораженіи, постигнувшемъ ихъ флотъ.

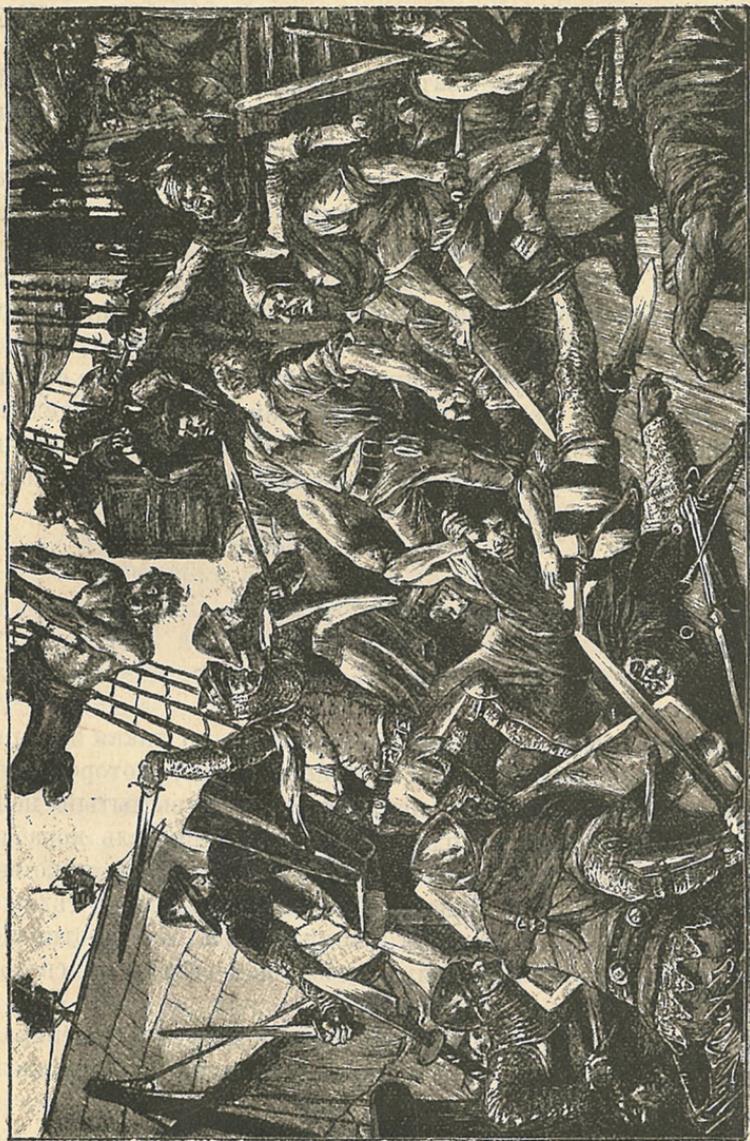
Виттенборгъ совершилъ все отъ него зависѣвшее, и если бы король Ганонъ сдержалъ свое слово, то, конечно, побѣда увѣнчала бы усилія ганзейцовъ. Но судьба рѣшила иначе:— вмѣсто чести и славы она посылала ему позоръ и посрамленіе.

— Ну, что жъ!— бормоталъ про себя Виттенборгъ,— я исполнилъ свою обязанность, и надѣюсь на то, что Богъ, въ другой разъ, счастливѣе направитъ мою руку.

При этихъ мысляхъ въ немъ вновь оживилась бодрость духа; онъ поднялся съ того мѣста, на которомъ сидѣлъ и обошелъ всѣ свои команды. Въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, онъ старался ихъ утѣшить, ободрить ихъ,— но всѣ его старанія были тщетны. Рѣзкія порицанія Аттендорпа все еще звучали у нихъ въ ушахъ, и всѣ весьма подозрительно поглядывали на своего главнокомандующаго.

Общее настроеніе становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ по мѣрѣ приближенія къ Любеку, и когда вдали показались стройные шпили башенъ Маріинской церкви, словно чугунная плита опустилась и придавила сердце всѣхъ, возвращавшихся на родину, участниковъ жестокаго пораженія.

И Юганнъ Виттенборгъ опять смутился духомъ. Его воображенію возвращеніе въ Любенъ рисовалось иначе: не такъ, какъ оно теперь происходило въ дѣйствительности. Онъ думалъ нѣкогда, что войдетъ въ гавань Любека при громѣ залповъ изъ всѣхъ бывшихъ на флотѣ бомбардъ, что этотъ громъ будетъ возвѣщать всѣмъ согражданамъ одержанную имъ побѣду,— а теперь у него въ распоряженіи оказывалась только одна бомбарда! Всѣ остальные достались въ руки датчанъ. Плаваніе продолжалось еще нѣсколько времени— и вотъ, наконецъ, суда подплыли къ городу. На набережной, около гавани, тѣснилась громадная толпа народа, и мрачно, грозно глядѣла она на корабли, бросавшіе якорь. Въ особенности противъ того мѣста, гдѣ долженъ былъ причалить адмиральскій корабль, толпа народа сбилась въ такую кучу, что городскимъ стражникамъ пришлось усиленно разгонять зѣвакъ своими бѣлыми тростями, чтобы очистить въ толпѣ мѣсто для высаживавшихся на берегъ солдатъ и матросовъ.

— «Вперед! За мною!» — гремѣлъ голосъ Виттенборга.

Виттенборгъ почувствовалъ легкій трепеть, когда приготовился вступить на берегъ. Но онъ тотчасъ же оправился, такъ какъ сознание исполненнаго долга его поддерживало и ободряло. Эта бодрость духа не оставила его и тогда, когда тысячная толпа полѣзла къ нему съ кулаками и въ одинъ голосъ заревѣла ему на встрѣчу:

— Гдѣ наши мужья, наши сыновья, наши братья?

Виттенборгъ не могъ принимать на себя отвѣтственность за вѣроломство шведовъ, а потому его не тревожили укору и грозныя рѣчи толпы, призывавшей его къ отвѣту. Спокойно шель онъ впередъ. Но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, увидавъ, что къ нему на встрѣчу вышелъ его сотоварищъ по городской думѣ, Варендорпъ, коснулся его бѣлымъ жезломъ своимъ и произнесъ роковыя слова:

— Отъ имени городского совѣта и всего города Любека я васъ арестую и одновременно объявляю васъ лишеннымъ достоинства бургомистра!

Тогда силы оставили мужественнаго Виттенборга, и двое стражниковъ подхватили его подъ руки. Толпа заревѣла одобрительно; шапки полетѣли на воздухъ и громко раздался одинъ общій крикъ:

— Такъ слѣдуетъ поступать со всѣми измѣнниками! На плаху Иоганна Виттенборга, на плаху!

XVIII.

Горькая разлука.

...Простенькая комнатка, бѣдно обставленная, но такая же привѣтливая и свѣтленькая, какъ то весеннее солнце, которое свѣтитъ въ открытое окошко этой комнатки. Чисто-вымытый полъ посыпанъ бѣлымъ пескомъ; на одной изъ стѣнъ — модель корабля, а рядомъ повѣшены сѣти. Около самаго очага полка съ ярко-вычищенной блестящей кухонной посудой, а выше надъ нею мѣдный, также ярко-блестящій котель для варки рыбы. Въ противоположномъ углу распятіе и подъ нимъ небольшой сосудъ съ святою водою.

На сундукѣ, выкрашенномъ синею краскою, сидитъ маленькая, кругленькая женщина, съ заплаканными, опухшими отъ слезъ глазами.

Это — Марика, вѣрная жена Ганнеке, а бѣлокурый юноша, который печально и задумчиво стоитъ около нея, это — Янъ, ея сынъ.

— Такъ-то лучше, сынокъ, — сказала Марика, утирая глаза. — Прощаться, конечно, больно, и разлучаться тяжело, да что дѣлать-то? Мы всѣ, люди, должны привыкать ко всему. Вѣдь вотъ пришлось же перенести такое горе, — лишиться мужа, дорогого нашего Ганнеке! Ахъ, Янъ, — съ грустью воскликнула она, между тѣмъ,

какъ слезы такъ и текли у нея по щекамъ,—наша разлука даже и не тягостна, потому что съ тобою-то мы вѣдь еще свидимся; а его-то, голубчика нашего, увидимъ развѣ ужъ на томъ свѣтѣ!

И Марика громко зарыдала.

— Нѣтъ, матушка, — возразилъ Янъ, стараясь всѣми силами бороться противъ слезъ, — мы съ тобою не можемъ разстаться; ты вотъ и теперь совладать съ собою не можешь; каково же это будетъ тамъ-то, на пустынномъ Шоненѣ?

— Не обращай на это вниманія, голубчикъ, — перебила Марика, стараясь улыбнуться сквозь слезы. — Когда я буду у брата, я ужъ навѣрно буду спокойнѣе, чѣмъ здѣсь! — А затѣмъ прибавила опять сквозь слезы: — Да тамъ, мнѣ кажется, и къ дорогому нашему отцу все же буду поближе!..

Янъ старался утѣшить свою мать, возбудить въ ея сердцѣ надежду на то, что отецъ скоро вернется изъ плѣна, но она не слишкомъ довѣряла этимъ утѣшеніямъ; она знала, что мало было надежды на выкупъ плѣнниковъ у датскаго короля. Города Ганзейскаго союза подсчитали свои убытки отъ пораженія, нанесеннаго въ Норезундѣ, и оказалось, что они равнялись 258,000 марокъ, изъ которыхъ на долю одного Любека выпадало около 78,000 марокъ. Ганзейцы, при этомъ должны были ограничиться только выкупомъ тѣхъ наемныхъ воиновъ, которыхъ доставили имъ нѣмецкіе князья, чтобы еще какъ-нибудь не впутаться въ распрю съ этими князьями.

Благодаря подобному положенію дѣлъ, многія семейства рыбаковъ и корабельщиковъ впали въ тяжкую нужду, и городской совѣтъ никакъ не могъ имъ помочь, потому что и самъ городъ находился въ положеніи очень стѣсненномъ. Сверхъ всего этого, прошелъ еще слухъ, что король Вольдемаръ намѣренъ ввести новый и тяжкій налогъ на торговлю, такъ называемую «зундскую пошлину», которую каждый нѣмецкій купецъ-мореходъ, плившій отъ Каттегата, долженъ былъ платить въ Норезундѣ.

При такихъ грустныхъ видахъ на будущее, ничего болѣе не оставалось семействамъ томившихся въ плѣну отцовъ и сыновей, какъ изъ своихъ собственныхъ средствъ хлопотать о выкупѣ ихъ. Но это было не легко, а для многихъ, лишившихся въ плѣнникѣй главной поддержки семейства, даже и совсѣмъ невозможно.

Марика перепробовала всѣ средства для того, чтобы выкупить своего Ганнеке изъ плѣна. Она перебывала у всѣхъ членовъ городского совѣта, и подъ конецъ у самаго Госвина Стеена. Но всюду она встрѣчала только сожалѣнія: всѣ пожимали плечами и говорили, что помочь ничѣмъ не могутъ. Госвинъ Стеенъ сказалъ ей:

— Вашъ мужъ былъ мнѣ милъ и дорогъ, какъ честный и надежный человекъ; будь теперь другое время, то я бы, конечно, ни на минуту не задумался надъ тѣмъ, чтобы ссудить вамъ сумму, необходимую для выкупа его. Но, дѣло въ томъ, что настоящее

наше смутно, а будущее — не обѣщаетъ (ничего хорошаго. Я самъ страдаю отъ тяжкихъ потерь, а потому, единственное, что я могу сдѣлать, это — увеличить жалованье вашему сыну, служащему у меня въ приказчикахъ.

Съ тѣмъ онъ ее и отпустилъ. Тогда она рѣшилась еще на одно, послѣднее средство: пошла къ Детмару, другу своего мужа. Тотъ высоко поднялъ брови, почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, что я бы охотно уплатилъ вамъ сумму и четверо болѣе той, которая для выкупа потребна — еслибы это было въ моей власти. Но теперь время очень тяжелое: торговля и промышленность въ застоѣ. У меня въ подвалѣ лежитъ болѣе 1,000 разныхъ кожъ, а покушника на нихъ нѣтъ, потому что вездѣ страшный недостатокъ въ деньгахъ. До чего это еще дойдетъ — одинъ Богъ вѣдаетъ! Но чтобы вы могли видѣть, что я желаю вамъ помочь отъ души, то я вамъ сдѣлаю такое предложеніе: отдайте ко мнѣ вашего Яна на мое полное иждивеніе. Я съ васъ за это гроша не возьму, и если вы рѣшитесь отправиться къ вашему брату на Шонень, то можете уже отложить вполнѣ все жалованье, какое Янъ получаетъ отъ своего хозяина. Вотъ такъ-то и соберется, спустя нѣкоторое время, полностью, вся сумма, необходимая для выкупа бѣднаго Ганнеке.

Конечно, это былъ хоть какой-нибудь исходъ, хоть и весьма неутѣшительный, такъ какъ много лѣтъ должны были пройти прежде, нежели изъ сбереженныхъ грошей образовалась бы необходимая для выкупа сумма. Однако, человекъ такъ устроенъ Богомъ, что свыкается со всѣми ударами судьбы и со всякими положеніями, а потому и Марика приняла предложеніе Детмара. Черезъ одного рыбака-пріятеля, ежемѣсячно посѣщавшаго Шонень, она справилась у брата, согласится ли онъ принять ее къ себѣ на житье? Получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, она быстро приняла окончательное рѣшеніе: объявила о томъ, что отдаетъ свою лачужку въ наймы; — и вотъ наступилъ день ея отъѣзда. Горе, съ которымъ она храбро боролась, при укладкѣ вещей, нѣсколько разъ одолевало ее и приводило къ тому, что она присаживалась на свой синій сундукъ и плакала. Мало-по-малу и вся посуда со стѣны была снята и уложена въ сундукъ, а за нею туда же былъ уложенъ и рыбный котель; а такъ какъ каждая вещь пробуждала въ душѣ ея цѣлый рой воспоминаній, то и слезы бѣдной женщины почти не просыхали.

Наконецъ, все уже было прибрано — оставалось только модель корабля, висѣвшая на стѣнѣ.

— Это ужъ ты возьми себѣ, — тихонько шепнула мать Яну. — Храни какъ святыню, потому вѣдь это онъ самъ рѣзалъ. Это былъ его первый подарокъ мнѣ. Тогда я была еще молода и счастлива — невѣстой его была! Оба мы были бѣдны, но довольны своей

судьбой; а главное—были вмѣстѣ, тогда какъ теперь онъ такъ далеко, среди злыхъ чужихъ людей, гдѣ онъ и добраго слова-то не услышитъ... Бѣдный, бѣдный Ганнеке!

И опять лились слезы, тѣ чистыя, прекрасныя слезы любящей души, которымъ, по народному повѣрью, — Богъ ведетъ счетъ на небѣ...

А время, между тѣмъ, шло да шло, и наступила, наконецъ, такая минута, когда въ маленькой комнаткѣ явился сосѣдь-рыбакъ, чтобы помочь перенести въ гавань сундукъ и другіе бѣдные пожитки Марики и ея дорогого Ганнеке. Но и съ маленькой, бѣдной комнатой не легко было разстаться: нѣсколько разъ возвращалась она въ нее, и то въ этомъ, то въ томъ уголку—постоять, поплачетъ и руками разведетъ. Ужъ слишкомъ тяжело было разстаться съ многолѣтними, дорогими воспоминаніями, со своимъ прошлымъ...

Яну не малаго труда стоило оторвать добрую Марику отъ этихъ воспоминаній—увести ее, наконецъ, изъ ея бѣдной лачужки. И на пути къ гавани, она все еще оборачивалась, чтобы еще хоть разокъ взглянуть на свое пепелище... Такъ шла она рядомъ съ сыномъ, пока домикъ не скрылся изъ глазъ ея. Тогда она еще разъ глубоко вздохнула, осушила слезы и мужественно пошла впередъ. Прийдя на торговую площадь, она пожелала проститься съ мейстеромъ Детмаромъ.

Она нашла Детмара въ сообществѣ съ думскимъ писцомъ Бееромъ. Тотъ уже давно успѣлъ оправиться отъ своего испуга и позабылъ о выговорѣ, который былъ когда-то имъ полученъ отъ Іоганна Виттенборга. А теперь ужъ онъ и прямо могъ относиться съ пренебреженіемъ къ строгому бюргермейстеру, какъ къ падшему величію.

— Да, да!—сказалъ онъ, покачивая озабоченно головою, когда узналъ отъ Детмара, по какому поводу ффрау Ганнеке покидаетъ Любекъ.—Да, много еще найдется добрыхъ людей, которыхъ высокоумный Виттенборгъ лишилъ отцовъ и супруговъ, и всѣ они одинаково плачутъ теперь кровавыми слезами, и терпятъ голодъ и всякія лишенія. Но утѣштесь, моя дорогая ффрау Ганнеке, — добавилъ онъ, понижая голосъ и дружелюбно похлопывая маленькую женщину по плечу,—вы скоро получите полное удовлетвореніе, потому,—изволите ли вы видѣть всѣхъ этихъ ратсгеровъ, которые спѣшатъ въ думу, въ своихъ черныхъ одѣяніяхъ?.. Они всѣ идутъ туда, чтобы произнести приговоръ надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, и весьма легко можетъ быть, что онъ и...

Онъ не окончилъ своей ффразы и весьма выразительнымъ жестомъ указалъ себѣ на шею.

— Господи Боже мой!—печально вздохнула Марика,—если даже и такъ дурно окончится дѣло съ г. бургмейстеромъ, такъ какая же

мнѣ-то будетъ польза: мнѣ вѣдь все же не вернуть моего Ганнеке. Да при томъ, чѣмъ же тутъ виноватъ г. Виттенборгъ, коли датчане его перехитрили? На то была, видно, Божья воля, и мы всѣ должны ей подчиниться.

Сказавъ эти слова, она коротко, но сердечно простилась съ Детмаромъ, еще разъ поручила его попеченіямъ своего Яна и затѣмъ направилась съ сыномъ въ гавань.

— Очень недалекая женщина,—сказалъ писецъ вслѣдъ ушедшей Марикѣ.

— Ну, вотъ еще! — замѣтилъ Детмаръ,—не всѣмъ же умными быть. Она, по своему, совершенно права, а ужъ что она честная, славная женщина—это могу завѣрить.

— Хе, хе, хе! Конечно, и это чего-нибудь стоитъ! — отозвался Бееръ, почесывая кончикъ своего носа, и, помолчавши, вдругъ спросилъ:

— А тотъ? мальчуганъ-то ея? У васъ, что ли будетъ жить?

— Вы это о комъ говорите?—отвѣчалъ мейстеръ Детмаръ.

— О комъ? Конечно, о Янѣ.

— И о немъ-то вы изволите отзываться съ такимъ пренебреженіемъ? Ужъ не потому ли, что отецъ его простой рыбакъ? Такъ не забывайте же, что и всѣ ваши ратсгеры на томъ нажили свои богатства, что отцы ихъ сельдей ловили!

— Ахъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать! Вы не такъ меня поняли... Не сердитесь, пожалуйста, за это на меня, г. Детмаръ.

— Что тутъ толковать! Ганнеке мнѣ—другъ; и кто смѣетъ о немъ или о его семействѣ отзываться непочтительно, тотъ меня оскорбляетъ!

— Хорошо, хорошо! такъ и буду знать и помнить. Только вы ужъ не сердитесь на меня, дорогой пріятель! А то я, право, все объ этомъ буду думать во время засѣданія суда, да пожалуй еще и ошибокъ какихъ-нибудь въ протоколѣ надѣлаю...

— Ну, да ужъ ладно, ладно, — сухо [отвѣчалъ Детмаръ. — Не смѣю васъ теперь задерживать, потому вамъ въ должность пора. А на прощанье долженъ вамъ сказать, что мнѣ было бы очень больно, если бы на долю Виттенборга выпалъ строгій приговоръ; потому что это былъ все же человѣкъ вполне честный, и городу нашему доброжелательный.

Бееръ равнодушно посмотрѣлъ по сторонамъ, вертя въ рукахъ свою трость съ большимъ наболдашникомъ, потомъ раскланялся съ Детмаромъ и вышелъ изъ его склада.

— Ишь, какая, подумаешь, важная персона!—бормоталъ про себя писецъ, шагая по улицѣ.—Я бы его давно отправилъ къ чорту, кабы у него не было столько денегъ да еще и...—и онъ не досказалъ своей мысли, и только, немного спустя, продолжалъ говорить про себя:—а этотъ мальчуганъ поплатится мнѣ за грубость своего

хозяина! Погоди, дружокъ, не долго я тебѣ дамъ усидѣть въ твоёмъ тепломъ гнѣздышкѣ!

И онъ ускорилъ шаги, видя, что ужь тюремные сторожа ведутъ Виттенборга въ ратушу.

XIX.

Приговоръ.

И дѣйствительно, бывшій бюргермейстеръ, закованный въ цѣпи, какъ тяжкій преступникъ, шелъ по Гольстенской улицѣ, сопровождаемый толпою черни.

Эта замѣчательная грубость земнаго правосудія, которая до нѣкоторой степени внушила народу страсть къ кровавымъ и варварскимъ зрѣлищамъ, и шла наперекоръ всякому болѣе утонченному нравственному чувству—составляла характеристическую особенность среднихъ вѣковъ. Уголовные суды вендскихъ городовъ превосходили безчеловѣчною жестокостью своихъ приговоровъ всѣ остальные нѣмецкіе города, и такъ какъ смертная казнь назначалась даже и за весьма незначительныя преступленія, то должность палача и его помощниковъ оказывалась здѣсь весьма доходною и прибыльною. Палачъ и его помощники работали очень усердно и мечемъ и топоромъ, вѣшали, жгли, колесовали, пытали и мучали несчастныхъ преступниковъ на всѣ возможные лады. По старому любекскому обычаю, даже за ничтожное воровство, дѣвушка или женщина, совершившая его, закапывалась живьемъ въ землю. Однимъ словомъ, въ то самое время, когда наступленіе новой эры сказывалось всюду лучами свѣта, проникавшими во мракъ, сказывалось новыми и утѣшительными явленіями въ области литературы и искусства, въ торговлѣ и промышленности,—сквозь новую жизнь, осязательно и грубо, проступала суровая основа дикихъ нравовъ и варварскихъ обычаевъ.

Общее собраніе городской думы, которому предстояло произнести приговоръ надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, должно было происходить подъ предсѣдательствомъ Варендорпа, назначеннаго старшимъ бюргермейстеромъ.

Послѣ того, какъ узникъ занялъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, Аттендорпъ открылъ засѣданіе обвинительною рѣчью противъ Виттенборга, на котораго онъ сваливалъ всю вину пораженія, понесеннаго ганзейцами въ Норезундѣ. Ораторъ повторилъ въ своей рѣчи только то, что онъ уже много разъ успѣлъ высказать въ различныхъ собраніяхъ, при объѣздѣ Стральзунда, Роштока, Висмара, гдѣ обсуждался вопросъ о норезундской неудачѣ. Тщетно старались его тамъ убѣдить друзья Виттенборга въ томъ, что главная вина неудачи падаетъ на вѣроломнаго Ганона, а никакъ не на Вит-

тенборга. Мало того: всѣ ганзейскія города, кромѣ Любека, пришли къ тому рѣшенію, что Виттенборга вовсе даже не слѣдуетъ привлекать къ судебной отвѣтственности, а только сдѣлать ему выговоръ. Но городъ Любекъ хотѣлъ именно на немъ показать примѣръ строгости своего правосудія и полного безпристрастія къ своимъ гражданамъ, и потому именно подвергъ Виттенборга, въ качествѣ адмирала военнаго ганзейскаго флота—уголовному процессу.

Любекскіе ратсгеры были не слишкомъ благосклонно расположены къ несчастному Виттенборгу. Они забыли о многихъ его заслугахъ по отношенію къ городу; при томъ ихъ озлобляла и двойная неудача, понесенная союзомъ въ видѣ утраты Бойской флотиліи и затѣмъ, въ несчастномъ исходѣ войны противъ Вольдемара.

Іоганнъ Виттенборгъ защищался въ блестящей рѣчи, ясно указывавшей на его полную невиновность, и закончилъ эту рѣчь словами:

«Вы можете произнести надо мною какой угодно приговоръ: признаніе, что я честно исполнилъ мой долгъ, не покинетъ меня до послѣдней минуты. Знаю, что будущіе граждане города Любека будутъ судить обо мнѣ снисходительнѣе, нежели вы, для блага и процвѣтанія которыхъ я пожертвовалъ собою. Я долженъ покориться вашему приговору, и какъ бы онъ ни былъ жестокъ, знайте заранее—я вамъ его прощаю. Мы всѣ люди—и всѣ можемъ заблуждаться. На себѣ испыталъ я это, повѣривъ на слово шведамъ. Да, это была съ моей стороны большая ошибка, но никакъ не преступленіе. Прошу васъ объ этомъ именно подумать.»

Шопоть совѣщавшихся членовъ собранія послышался въ залѣ ратуши. Аттендорпъ озабоченно перебѣгалъ отъ одного къ другому, пока двое служителей не внесли урны для голосованія и не роздали всѣмъ присутствующимъ членамъ черные и бѣлые шары.

Тогда наступило такое мучительное молчаніе, что, кажется, можно было слышать, какъ муха пролетитъ.

Началось собираніе голосовъ. Но одинъ изъ ратсгеровъ, державшій въ рукѣ бѣлый шаръ (его поколебала рѣчь Виттенборга), вдругъ громко воскликнулъ:

— Собираніе не полно; между нами нѣтъ Госвина Стеена!

Тогда всѣ громко стали выражать свое недовольство. Никто и не замѣтилъ отсутствія Стеена, такъ какъ онъ въ послѣднее время не баловалъ ратсгеровъ своимъ присутствіемъ на ихъ собраніяхъ.

— Это непростительное невниманіе съ его стороны!—закричали разомъ многіе изъ членовъ совѣта.

— Слѣдовало бы подвергнуть его строгому взысканію!—заявили другіе.

Варендорпъ приказалъ одному изъ служителей ратуши немедленно отправиться къ Стеену на домъ и озаботиться о его приводѣ въ собраніе.

Около получаса спустя (а эти полчаса жестоко измучили того, кто ожидалъ своего приговора), неисправный членъ собранія думы вошелъ, наконецъ, въ залу.

Всѣ члены собранія громко выразили ему неудовольствіе, вызванное его способомъ дѣйствій, и Варендорнъ счелъ долгомъ сдѣлать ему замѣчаніе.

Онъ спокойно все это выслушалъ, и сказалъ:

— Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы вы дозволили мнѣ въ настоящую минуту воздержаться отъ голосованія.

— Приговоръ только тогда пріобрѣтаетъ законную силу, когда всѣ члены совѣта участвуютъ въ подачѣ голосовъ, — возразилъ Стеену Варендорпъ.

Стеенъ тревожно потерябилъ себѣ бороду, беспомощно мотнулъ головою и сказалъ:

— Такъ я долженъ покориться этой обязанности, какъ она ни тяжела мнѣ. Дайте сюда шары.

Служитель поднесъ ему шары. Стеенъ на глазахъ у всѣхъ схватилъ черный шаръ и всѣ слышали, какъ шаръ упалъ на дно урны.

Варендорпъ высыпалъ все содержимое урны на серебряный подносъ, при чемъ ближайшіе къ нему сочлены отдѣлили черные шары отъ бѣлыхъ. Варендорпъ пересчиталъ ихъ дважды, и затѣмъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Семнадцать шаровъ бѣлыхъ и восемнадцать черныхъ. Слѣдовательно, надъ Іоганномъ Виттенборгомъ мы должны произнести:—виновенъ!

Тогда всѣ взоры обратились на обвиненнаго, который принялъ приговоръ съ геройскимъ мужествомъ. Онъ сказалъ:

— Вы, конечно, въ тѣсномъ кружкѣ уже и до нынѣшняго собранія рѣшили, какое наказаніе долженъ я буду понести, въ случаѣ, если буду признанъ виновнымъ. Теперь я виновнымъ признанъ. Скажите же скорѣе, какому роду наказанія я подлежу?—спокойно заключилъ Виттенборгъ.

— Іоганнъ Виттенборгъ!—обратился къ нему бюргермейстеръ,— ты головою своею долженъ поплатиться за вину свою, и палачъ долженъ будетъ исполнить надъ тобою этотъ приговоръ на торговой площади, при всенародномъ множествѣ.

— Слышите ли вы, господинъ Госвинъ Стеенъ?—воскликнулъ несчастный осужденный. — Вамъ стоило только опустить бѣлый шаръ въ урну, и жизнь моя была бы пощажена. Признаюсь, отъ васъ-то именно я менѣ всего могъ ожидать такой суровости! Подумайте, каково было бы вамъ, если бы, послѣ утраты Бойскаго флота, здѣсь было бы также строго поступлено съ вашимъ сыномъ? А, между тѣмъ, я не виновнѣе его. И онъ также заблуждался, черезчуръ довѣряясь своимъ воинскимъ способностямъ. Вы очень хорошо знаете, г. Стеенъ, какъ всѣ здѣсь въ Любекѣ были возму-

щены въ ту пору постигнувшей насъ неудачей; извѣстно вамъ также и то, какъ мнѣ тогда было трудно избавить вашего сына отъ привлеченія его къ судебной отвѣтственности. И вотъ теперь, когда я самъ попалъ въ такое же дурное положеніе, и также безвинно, какъ могъ бы попасть и вашъ сынъ! — у васъ хватаетъ духа бросить въ урну черный шаръ и тѣмъ меня погубить. Не забудьте же этого часа, Госвинъ Стеенъ, и дай Богъ, чтобы это воспоминаніе не оказалось для васъ слишкомъ тягостнымъ. Но я прощаю вамъ!

Послѣ этой краткой рѣчи, обвиняемый отвернулся и вышелъ изъ залы, вслѣдъ за окружавшей его стражей, которая отвела его обратно въ тюрьму.

А, между тѣмъ, въ залѣ ратуши царило глубокое молчаніе.

Госвинъ Стеенъ неподвижно стоялъ на томъ же мѣстѣ, вперивъ взоръ въ землю. Правая рука его все также нервно теребила борю, а лѣвая—висѣла недвижимо и бессильно.

Тогда раздался голосъ Варендорпа:

— Считаете ли вы вашего сына также виновнымъ, г. Стеенъ?

Старый купецъ дрогнулъ. Его чувство справедливости было задѣто въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ—рана проникла въ самую глубину сердца, гдѣ еще продолжало втайнѣ тлѣть отцовское чувство къ сыну, не смотря на внѣшній разрывъ всякихъ отношеній съ нимъ. Госвину Стеену въ теченіе одного долгаго мгновенія пришлось выдержать страшную борьбу. Наконецъ, онъ поднялся со своего мѣста, подошелъ къ зеленому столу, за которымъ сидѣлъ бюргермейстеръ, и, выпрямившись во весь ростъ, проговорилъ отчетливо и ясно:

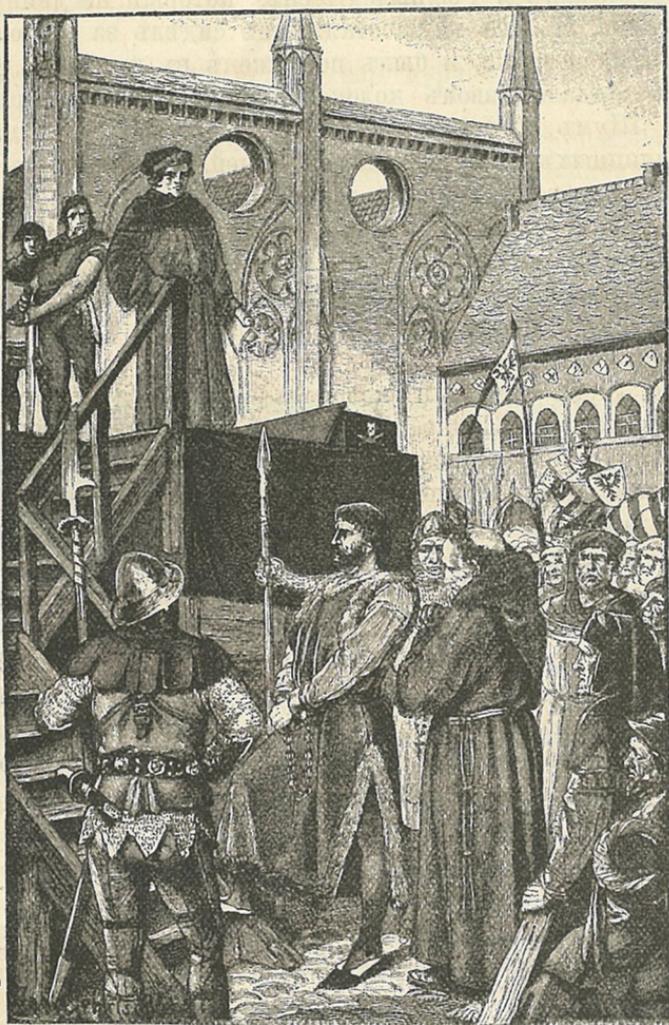
— Бываютъ такія вины и такія искупленія ихъ, которыя не могутъ подлежать общественному мнѣнію, потому что только отецъ можетъ быть, въ данномъ случаѣ, судьей своего сына. Удовольствуйтесь этимъ!

Варендорпъ хотѣлъ что-то возразить, но купецъ продолжалъ:

— Я положилъ черный шаръ противъ Іоганна Виттенборга. И если бы вы, господинъ бюргермейстеръ, задумали мнѣ задать тотъ вопросъ прежде голосованія, то я бы, конечно, воздержался отъ подачи моего голоса. Но теперь дѣло сдѣлано, и судъ долженъ свершиться. Но знайте, что я не буду присутствовать при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, если бы даже мнѣ самому пришлось за это отвѣчать головою. Такъ и знайте, и затѣмъ, Богъ съ вами!

И, гордо выпрямившись, твердою поступью направился онъ изъ зала къ выходу. Никто не осмѣлился произнести ни слова, и только тогда, когда дверь захлопнулась за Стееномъ, всѣ заговорили разомъ, шумно выражая самыя противоположныя мнѣнія и воззрѣнія.

Въ тотъ же самый день, на любекской торговой площади воздвигнутъ былъ черный роковой помостъ, на которомъ несчастному

Онъ твердо вступилъ на ступени рокового помоста.

Виттенборгу предстояло сложить голову. Когда, на слѣдующій день, солнце стало клониться къ западу, осужденный выведенъ былъ на казнь. Пестрая, разнообразная толпа заполняла всѣ улицы, по которымъ слѣдовало проходить печальному шествію...

Немногіе въ этотъ день сидѣли дома. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Госвинъ Стеенъ, который не двинулся изъ своей конторы. Но онъ не работалъ: онъ сидѣлъ за столомъ, опершись головою на руки, и былъ погруженъ въ глубокое раздумье.

Вдругъ раздался звонъ колоколовъ и загудѣлъ, печальный и унылый... Шумъ и говоръ на улицѣ все возросталъ; масса какихъ-то длинныхъ и безобразныхъ тѣней, отражаемыхъ косыми лучами заходящаго солнца на задней стѣнѣ конторы, пронеслась, спѣшно и трепетно, подобно привидѣніямъ. Шествіе, сопровождавшее осужденнаго на казнь, проходило мимо, по улицѣ. Затѣмъ, шумъ и говоръ постепенно затихли: — шествіе достигло торговой площади. Госвину стало душно въ комнатѣ, онъ открылъ окно и оперся о подоконникъ.

И вотъ снова загудѣли колокола — рѣзко и мѣрно отбивая похоронный звонъ... Земное правосудіе было удовлетворено. Но Стеену слышался — въ ухахъ его все еще раздавался голосъ, повторявшій ему непрестанно: «Не забудьте же этого часа, Госвинъ Стеенъ, и дай Богъ, чтобы это воспоминаніе не оказалось для васъ слишкомъ тягостнымъ. Но я прощаю вамъ!»

И этотъ твердый, сильный мужчина затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и въ отчаяннѣе сталъ ломать себѣ руки. И взоръ его еще разъ упалъ на ярко освѣщаемый солнцемъ выступъ входной двери. Было ли то утѣшеніе, посылаемое ему скорбною душею невинно-казненнаго, или то былъ перстъ Божій, указывавшій заблудшему путь спасенія, — но Госвинъ Стеенъ могъ совершенно свободно прочесть на стѣнѣ крупно-изсѣченную надпись:

«Живъ еще старый Богъ!»

XX.

Вѣдствія любечанъ.

Суровый приговоръ, произнесенный любечанами надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, какъ будто проклятіемъ какимъ-нибудь тяготѣлъ надъ всѣмъ городомъ. Лѣто и осень были непогодливы и неурожайны; за неурожаями, естественно, наступила страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Всѣ дѣла были въ застоѣ торговли послѣ неудачнаго исхода войны съ Вольдемаромъ и масса рабочихъ, и въ особенности рыбаковъ, была отпущена хозяевами. Страшный призракъ голода явился на улицахъ города Любека, покрытыхъ толстымъ слоемъ снѣга; слѣдомъ за голодомъ пришли гибель и от-

чаянье. Сволочи всякаго рода въ большомъ городѣ всегда бываетъ довольно, а тутъ вдругъ развелось ея въ Любекѣ столько, что отъ воровъ честнымъ людямъ житья не стало. Ни какая стража, ни какой дозоръ не могли отъ нихъ уберечь, такъ что число торговцевъ на городской площади стало постепенно уменьшаться—никто не хотѣлъ выѣзжать для торга даже и на обычные, еженедѣльные базары.

Ко всему этому прибавилось еще дурное положеніе политическихъ дѣлъ.

Король Ганонъ Норвежскій былъ обрученъ съ принцессой Елисаветой, сестрой Гейнриха Желѣзнаго, герцога Голштинскаго. Благодаря какой-то несчастной случайности невѣста Ганона попала въ плѣнъ къ аттердагу, который такъ ловко сѣумѣлъ обойти Ганона, что тотъ рѣшился избрать себѣ въ супруги принцессу Маргариту, младшую дочь Вольдемара. Этимъ самымъ уже обезпечивался союзъ Даніи съ Норвегією. Ганзейцы оставались совершенно покинутыми, потому что и на шведовъ тоже нечего было рассчитывать, пока Швецією правилъ слабодушный Магнусъ. Правда, что порвавъ связи съ скандинавскимъ государствомъ, ганзейцы сблизились съ ихъ соперниками и противниками, Голштинскимъ и Мекленбургскимъ герцогами, и это сближеніе привело вскорѣ къ прочному союзу; но тѣмъ не менѣе ганзейскіе города съ великою тревогою ожидали конца перемирія съ королемъ Вольдемаромъ и очень опасались того, что онъ пожалуй вздумаетъ пойти противъ нихъ войною, въ союзъ съ Норвегією и Швеціей.

Въ довершеніе бѣдствія появилась въ Любекѣ опустошительная черная смерть, завезенная изъ Азіи въ Европу въ 1348 году. Для страшной заразной болѣзни въ Любекѣ нашлась удобная почва, подготовленная нуждою, голодомъ и всякими лишеніями, среди которыхъ владели свое бѣдственное существованіе низшіе классы населенія. Дикія раздирающія сцены стали ежедневнымъ обычнымъ явленіемъ любекской городской жизни. Безкормица и безработица вынуждала несчастныхъ мастеровыхъ и незанятыхъ рабочихъ къ тому, что они и послѣднее пропивали, стараясь хоть на минуту себя отуманить. Смерть пожинала обильную жатву и уносила жертву за жертвой, обозначая путь свой гробами, за которыми слѣдомъ, вопя и ломая руки, шли брошенные на произволъ судьбы сироты и бездомники. Голодъ—страшный, едва прикрытый лохмотьями, выражался на лицахъ всѣхъ несчастныхъ, словно тѣни бродившихъ по улицамъ города. И только дерзкое преступленіе, неостанавливавшееся ни передъ грабежомъ, ни передъ убійствомъ—смѣло поднимало голову и всѣмъ глядѣло грозно въ очи.. Вотъ что представлялъ въ описываемое нами время несчастный городъ Любекъ, недавно еще цвѣтущій и богатый!

И въ домѣ мастера Детмара тоже было мало утѣшительнаго.

Плохое положеніе дѣлъ вынудило хозяина распустить всѣхъ своихъ рабочихъ, и тамъ, гдѣ еще недавно жизнь текла такъ легко и весело—водворились мракъ и тишина. Всѣ со страхомъ и трепетомъ ежеминутно ожидали того, что вотъ-вотъ и къ нимъ также заглянетъ страшная гостья безошадно вырветъ одного изъ членовъ тѣснаго семейнаго кружка.

Самого мейстера Детмара, прежде столь веселаго и бодрого,— узнать было невозможно. Тревожный и праздный, онъ бродилъ изъ угла въ уголь по опустѣлому дому, постоянно озираясь и пугаясь каждаго пороха. Уже два дня его жена лежала въ постели, больная, а не далѣе какъ съ нынѣшняго утра и дочь его Елисавета не могла встать съ постели...

Истиннымъ благополучіемъ для Детмара было то, что Янъ жилъ у него въ домѣ. Если онъ и не могъ его надлежащимъ образомъ утѣшить и разсѣять, за то онъ готовъ былъ на всякую помощь по хозяйству и управленію домашнимъ порядкомъ, такъ какъ все это обрушилось на Детмара. Послѣдняя служанка сбѣжала изъ дома, когда увидила, что господа заболѣли. Вѣсть, разнесенная ею въ околodкѣ о болѣзни фрау Детмаръ, побудила всѣхъ сосѣдей даже не подходить къ ихъ дому: никто уже не сомнѣвался въ томъ, что они должны были ожидать къ себѣ посѣщенія черной смерти.

— Ну, и Богъ съ ними,—заявилъ Янъ хозяину,— пусть обѣгаютъ насъ: я около васъ останусь, и вы не будете нуждаться ни въ чьей помощи.

— Спасибо тебѣ,—отвѣчалъ ему Детмаръ плаксивымъ тономъ, тревожно прислушиваясь у дверей жениной спальни. — Что это? какъ будто чихнулъ кто-то изъ нихъ?— боязливо спросилъ онъ (первымъ признакомъ заболѣванія черною смертью было усиленное чиханье).

— Нѣтъ! я ничего подобнаго не слышалъ,—сказалъ Янъ.— Да и зачѣмъ вы это сейчасъ все дурное предполагаете?

— Ахъ, да и то правда! Но вѣдь поневолѣ натерпѣшься страха! Ой, батюшки... Кажется, и у меня теперь начинается... Чхи!..

Янъ невольно разсмѣялся; но Детмаръ не обратилъ на это никакого вниманія, и еще тревожиѣе прежняго спросилъ его:

— А что? посмотри-ка! Лицо-то у меня еще не почернѣло?

Янъ увѣрилъ его, что ничего подобнаго нѣтъ.

Вскорѣ послѣ того жена кликнула мейстера Детмара въ спальню. Детмаръ ожидалъ всякихъ ужасовъ, не могъ говорить отъ волненія— и какъ же былъ онъ удивленъ, когда она ему заявила, что она чувствуетъ себя гораздо лучше.

— А наша Лизочка? — шепнулъ онъ ей. Фрау Детмаръ взглянула на дочь.

— Она спитъ совершенно спокойно,—сказала она,— и я даже думаю, что мы всѣ переболѣли только отъ страха.

— Дай-то Богъ!—проговорилъ Детмаръ съ глубокимъ вздохомъ.

— А гдѣ же Янъ? —спросила супруга.

— А здѣсь же. Этотъ добрый малый большая для меня подмога.

— Но только ты распорядись, чтобы онъ не выходилъ на улицу, чтобы какъ-нибудь не занести къ намъ въ домъ эту страшную болѣзнь. Если мы сьумѣемъ оберечь себя отъ всѣхъ сношеній съ зараженными, то черная немочь, можетъ быть и не переступить нашего порога. По счастью, у насъ въ кладовой еще довольно есть запасовъ.

Мейстеръ Детмаръ молчаливымъ кивкомъ головы на все изъявилъ полнѣйшее согласіе, и еще разъ порадовался тому, что жена у него такая умная да разумная.

Когда, въ теченіе дня, оказалось, что и фрейлейнъ Елисавета тоже оправилась отъ своего внезапнаго нездоровья, то Детмаръ даже расправилъ на лбу морщины и какъ будто повеселѣлъ.

Мирно и тихо потекла послѣ этого жизнь семьи, добровольно уединившей себя отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. И если на хозяевъ даже это уединеніе дѣйствовало иногда довольно неприятно, нагоняя на нихъ тоску, то никакъ нельзя было сказать того же о Янѣ и Елисаветѣ, которые умѣли разнообразить свое уединеніе нескончаемыми разговорами, шутками, рассказами и пересмѣшками. Ихъ веселое настроеніе, конечно, воздѣйствовало и на родителей, и въ пустыхъ комнатахъ чаще и чаще стали раздаваться звонкій, залихватый смѣхъ молодежи, къ которому часто примѣшивались густыя басовыя ноты смѣха самого мейстера Детмара. Онъ теперь ужъ и самъ начиналъ подтрунивать надъ своимъ страхомъ и опасеніями, которыя пережилъ въ теченіе вышеописаннаго нами утра, и не зналъ, какъ возблагодарить Бога за то, что Онъ избавилъ его самого и семью его отъ страшной заразы.

Когда домъ мейстера Детмара опять прозрѣлъ, т. е. вновь открылись его окна и двери и возстановились сношенія съ внѣшнимъ міромъ, въ окна уже свѣтило первыми теплыми лучами весеннее солнце, еще разъ одолѣвшее суровую зиму, а съ нею вмѣстѣ какъ бы разомъ изгнавшее изъ Любека всѣ нахлынувшія на него бѣды. Зараза миновала. Городской совѣтъ озаботился объ обильномъ подвозѣ зернового хлѣба, при чемъ и голоду въ низшихъ классахъ былъ положенъ предѣлъ; а тамъ, мало-по-малу стала вновь оживляться и торговая, и промышленная дѣятельность города, и безработица тоже прекратилась.

Когда Янъ снова, послѣ долгаго отсутствія, явился въ контору Госвина Стеена, тотъ не выказалъ никакого особеннаго изумленія,

никакой особенной пріязни къ юношѣ. Тяжелый періодъ, въ теченіе котораго зараза свирѣпствовала въ Любекѣ, удивительно притупилъ всякія чувства. Гораздо менѣе удивлялись тому, что сегодня видѣли въ гробу человѣка, вчера еще свѣжаго, живого и здороваго, нежели тому, что человѣкъ успѣлъ ускользнуть изъ когтей злой судьбины. Яну даже не пришлось извиняться передъ хозяиномъ въ своемъ долгомъ отсутствіи, тѣмъ болѣе, что во время эпидеміи и дѣла было немного.

XXI.

Подъ личиною честности.

Первымъ постороннимъ посѣтителемъ дома Детмаровъ былъ думскій писецъ Бееръ. Само собою разумѣется, онъ весьма сожалѣлъ о томъ, что такъ долго лишень былъ возможности видѣть почтенное семейство мастера Детмара.

— Пытался, многократно пытался,—увѣрялъ Бееръ,—даже въ двери стучался какъ-то однажды. Но все совершенно напрасно... Мои опасенія и безпокойство о васъ—доходили донельзя. И какъ это вы, почтенная фрау Детмаръ, были въ состояніи такъ надолго прервать всякія сношенія съ городомъ?

— О!—отозвалась Елисавета, вмѣсто своей матери,—это время не показалось намъ такимъ долгимъ: мы умѣли себя и позабавить. Не правда ли, Янъ?—добавила она, плутовски подмигивая юношѣ.

— Ахъ, да, да! Я было и забылъ,—подакнулъ Елисаветѣ писецъ, съ злобной улыбкой,—вѣдь молодой Ганнеке былъ тутъ же, въ домъ съ вами. Ну, понятное дѣло, что для веселой-то молодежи время пролетѣло, конечно, незамѣтно; а вотъ каково-то почтеннымъ родителямъ было? Ну, да о нихъ въ нынѣшнее время, не жалуй, что никто и не спрашиваетъ.

— Ошибаетесь, г. Бееръ,—рѣзко отозвалась Елисавета.—И отецъ, и матушка принимали участіе въ нашемъ весельи и забавахъ.

— Ну, ужъ, конечно,—добавила фрау Детмаръ въ примирительномъ тонѣ,—стараешься, поневолѣ, какъ-нибудь украсить свое существованіе. Жаль, что зотъ мужа-то моего нѣтъ дома, а то онъ бы, вѣроятно, былъ очень радъ г. Бееру. Да неужто ли вамъ будетъ присѣсть?

И она при этомъ указала на одинъ изъ стульевъ у стола.

— Вы очень добры, почтеннѣйшая фрау Детмаръ,—съ нижайшимъ поклономъ проговорилъ думскій писецъ,—но я долго не могу у васъ остаться...

— Развѣ у васъ на рукахъ такія спѣшныя служебныя занятія?

— Не то, чтобы...—пробормоталъ писецъ,—но напала на меня такая тревога, что вотъ на мѣстѣ усидѣть не могу...

— Такъ что же это съ вами? Въ родѣ нездоровья, что ли?

— Да, я не очень-то расположенъ къ веселью, ф́рау Детмарь! И, правду сказать, даже принялъ н́которое р́шение...

— Ужъ вы не руки ли на себя наложить вздумали!—смѣясь, подхватила Елисавета.—Въ такомъ случаѣ, вамъ мѣшать не слѣдуетъ.

И при этомъ шалунья ухватила Яна за руку и чуть не въ прыжку пустилась съ нимъ изъ комнаты.

— Ужъ вы не прогнѣвайтесь на шалунью,—замѣтила супруга Детмара.—Она вѣдь часто такое сболтнетъ, о чемъ и не думаетъ...

— Будто бы?—съ язвительной усмѣшкой спросилъ Бееръ.

— Само собой! Вѣдь она еще почти ребенокъ.

— Ну, для ребенка-то она немножко ужъ перерзѣла. Но вы мнѣ позволите опять вернуться къ тому, что я уже говорилъ...

— Да, да, конечно. Вы сказали, что приняли какое-то р́шение...

— Да, точно такъ-съ. Принялъ...—и говоря это онъ старательно рисовалъ палкою на полу какіе-то гіероглифы.—Я теперь, видите ли, мужчина въ самыхъ настоящихъ лѣтахъ...

— Да, конечно, въ самыхъ настоящихъ.

— Мѣсто у меня доходное; вотъ я и задумалъ жениться.

— Чтожъ? Весьма благоразумно съ вашей стороны.

— И я также смотрю на это дѣло. Вопросъ только въ томъ, найду ли я жену по себѣ?

— О, помилуйте!—воскликнула ф́рау Детмарь,—да вѣдь вы таковой женихъ, что въ любыя двери постучаться можете.

— Полно, такъ ли?—спросилъ съ усмѣшкой Бееръ, и начертилъ на полу тростью огромное Е, наклонилъ голову на бокъ, и продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ:—А что, если бы я, примѣрно, за вашу дочку вздумалъ бы посвататься, хотя бы теперь-то я бы не р́шился...

— Отчего же нѣтъ?—съ удивленіемъ спросила ф́рау Детмарь.

— А оттого, что она, повидимому, собирается идти подъ вѣнецъ съ этимъ Яномъ.

— Что такое!?—воскликнула въ изумленіи ф́рау Детмарь,—съ Яномъ, съ этимъ бѣднымъ юношей, у котораго ни положенія нѣтъ никакого, ни гроша за душою не имѣется. Вы изволите, конечно, шутить, г. Бееръ?

— Ничуть не бывало. Я на этотъ счетъ очень примѣтливъ, почтеннѣйшая ф́рау Детмарь. Эти молодые люди, очевидно, нравятся другъ другу.

— Ну, изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что они ужъ такъ непремѣнно и повѣнчаются.

Бееръ пожалъ плечами весьма выразительно.

— Чего же вы тутъ сомнѣваетесь?—съ нескрываемымъ вол-

неньемъ спросила фѣрау Детмаръ.—Янъ—прекрасный юноша, но онъ нищій. Уже ради этого одного какое же можетъ быть у него будущее? Какъ же это вы можете думать, чтобы я свою дочку рѣшила выдать за такого голяка! Или вы думаете, что я ее не люблю? Ну такъ ужъ вы очень, въ такомъ случаѣ, ошибаетесь!

— Посмотримъ, посмотримъ,—отвѣчалъ ей Бееръ, приподнимаясь, чтобы поклониться входившему мейстеру Детмару.

Затѣмъ, онъ посидѣлъ очень недолго и не возвращался къ затронутому имъ вопросу, хотя фѣрау Детмаръ нѣсколько разъ давала ему поводъ къ этому. По удаленіи его супруги о чемъ-то очень долго и серьезно судили и рядили, но сущность ихъ бесѣды, на первыхъ порахъ, осталась тайною для всѣхъ остальныхъ членовъ семейства.

Однако же, Янъ уже вскорѣ послѣ того замѣтилъ, что его хозяйка стали къ нему далеко не такъ ласковы, какъ прежде. Они стали относиться къ нему съ нѣкоторою сдержанностью. Елисавета очень часто выходила къ нему съ заплаканными глазами, и какъ ни старался Янъ развлечь ее, онъ ничего не могъ добиться; онъ сталъ даже замѣчать, что она начала его избѣгать, и это его очень опечалило, потому что ему всегда было такъ пріятно и весело съ этой милой шалуньей.

Думскій писецъ сталъ чаще и чаще являться въ домъ Детмара. Онъ постоянно бывалъ очень любезенъ по отношенію къ Яну, но тотъ все же терпѣть его не могъ. Бееръ въ своемъ черномъ служебномъ одѣяніи постоянно представлялся ему чернымъ вѣрономъ, вѣщуномъ какого-то несчастія.

Странно, что иногда намъ случается чаще всего встрѣчаться именно съ тѣмъ, кого мы стараемся избѣжать. Какъ ни старался Янъ избѣжать встрѣчи съ противнымъ для него Бееромъ,—тотъ все же безпрестанно попадался ему на встрѣчу. Такъ вотъ и въ описываемый нами день, въ то время какъ Янъ направился изъ главной конторы Госвина Стеена въ городъ для исполненія различныхъ порученій,—онъ носомъ къ носу повстрѣчался съ писцомъ у самаго выхода изъ дома. Они повстрѣчались въ самыхъ входныхъ дверяхъ, и Бееръ раскланялся съ нимъ чрезвычайно любезно, а минутой спустя обратился къ старому Даніэлю уже съ покорнѣйшею просьбою доложить о себѣ г. Госвину Стеену.

XXII.

Низкая клевета.

Думскій писецъ засталъ Госвина Стеена въ очень тревожномъ настроеніи. Срокъ, въ который Кнутъ Торсенъ долженъ былъ вернуть ему полученныя въ ссуду деньги, давно уже истекъ, а между

тѣмъ датчанинъ, видимо, и не думалъ о выполненіи своего обязательства. Нѣсколько разъ письменно напоминалъ ему объ этомъ Стеенъ; но никакого отвѣта на письма получено не было, такъ что оставалось только одно: — начать противъ неисправнаго должника искъ, на основаніи долгового документа, записаннаго въ книгѣ ратуши. Стеенъ рѣшался на это очень неохотно, зная заранѣе, что его жалоба опять подниметь старыя дразги. Къ тому же онъ съ Варендорпомъ стоялъ не въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ; а между тѣмъ именно бюргермейстеру и предстояло быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Судебное разбирательство могло легко дать поводъ къ неприятнымъ разслѣдованіямъ, которыхъ Стеенъ, во всякомъ случаѣ, желалъ бы избѣгать. Не смотря на все это, онъ долженъ былъ выступить съ жалобой противъ Кнута Торсена, такъ какъ послѣднія смутныя времена и общій упадокъ дѣлъ отозвались на Госвинѣ Стеенѣ крупными убытками. Къ выплатѣ крупной суммы въ 150,000 марокъ, которую Госвинъ роздалъ сочленамъ своимъ по городскому совѣту, чтобы замаять дѣло о гибели Бойскаго флота, прибавились убытки въ смыслѣ потери той части товара, которая предназначалась на этомъ флотѣ торговому дому Стеена; а затѣмъ шли затраты на военныя издержки,—затраты очень значительныя уже и потому, что самая фирма Госвина Стеена была одною изъ самыхъ значительныхъ въ городѣ. И вотъ, въ первый разъ въ жизни богатому купцу пришлось испытать тягостныя заботы о деньгахъ. Время было такое, что о доходахъ нечего было и думать, а расходовъ, да при томъ еще непредвидѣнныхъ, было болѣе, чѣмъ достаточно. Оказывалось, что громадныя сундуки, стоявшіе въ конторѣ, были совсѣмъ пусты, и для нѣкотораго пополненія ихъ требовалась именно та сумма, которою Госвинъ Стеенъ ссудилъ Кнута Торсена.

Все утро Стеенъ занятъ былъ обдумываньемъ вопроса, какъ слѣдуетъ ему поступить—еще разъ потребовать отъ датчанина немедленной уплаты, или же прямо подать жалобу на неплатежъ и начать формальный искъ. Онъ не успѣлъ еще прийти ни къ какому рѣшенію, когда Даніэль возвѣстилъ ему о приходѣ думскаго писца. Это посѣщеніе нѣсколько удивило Стеена, такъ какъ онъ зналъ это лицо только по его присутствію на совѣтскихъ засѣданіяхъ, и внѣ ихъ никогда еще нигдѣ съ нимъ не встрѣчался.

Понятно, что купецъ принялъ нежданнаго посѣтителя весьма сдержанно. Тотъ, конечно, началъ съ тысячи всякихъ извиненій и при этомъ выказалъ себя въ такой степени способнымъ принижаться, что Госвинъ Стеенъ сразу потерялъ къ нему всякое уваженіе.

— Пожалуйста, извиняйтесь покороче,—сухо замѣтилъ Стеенъ писцу, —вѣдь у насъ, купцовъ, время подороже, нежели у васъ, чиновниковъ. Чего вы собственно отъ меня желаете?

— Ничего рѣшительно, — утверждалъ думскій писецъ съ противной своей улыбочкой. — Я, напротивъ того, имѣю въ виду вамъ оказать нѣкоторую услугу.

Купецъ посмотрѣлъ на него и удивленно, и гнѣвно.

— Я, конечно, червякъ въ сравненіи съ вами, г. Стеенъ, — продолжалъ писецъ, — я, такъ сказать, былинка незамѣтная, а все же и «мое убожество» можетъ быть вамъ до нѣкоторой степени полезно.

— Человѣкъ человѣку помогать обязанъ, — проговорилъ Госвинъ Стеенъ. — Но, пожалуйста, къ дѣлу скорѣе...

— Какъ прикажете, — униженно пояснилъ Бееръ. — Изволите, я полагаю, знать, какъ всѣ въ ганзейскихъ городахъ дурно настроены по отношенію къ датчанамъ? Всюду вѣдь опять ужъ и объ войнѣ поговаривать начинаютъ. Къ тому же и жалобы противъ аттердага и его насилій каждый день возрастаютъ...

— Позвольте, вы все мнѣ рассказываете вещи давно уже мнѣ извѣстныя, — съ досадою перебилъ писца Госвинъ. — Не забывайте, пожалуйста, что я вѣдь тоже членъ городского совѣта и въ послѣднее время всего этого наслушался въ засѣданіяхъ.

— Я позволилъ себѣ это маленькое предисловіе только для того, чтобы на немъ основать дальнѣйшую мою рѣчь. Я велъ къ тому выводу, что нынѣшнее время, менѣе, чѣмъ всякое другое, можетъ благопріятствовать дружественнымъ отношеніямъ къ датчанамъ.

— Опять-таки вы все рассказываете мнѣ такое, что само собою разумѣется. Ни ганзейцу, ни кому бы то ни было изъ честныхъ нѣмецкихъ гражданъ не подобаешь теперь заигрывать и дружить съ общимъ врагомъ.

— Весьма естественно, — подтвердилъ Бееръ, съ видимымъ удовольствіемъ, — и ужъ, конечно, менѣе всего можно было бы ожидать чего-нибудь подобнаго отъ васъ... Хе, хе, хе!.. Не такъ ли, г. Стеенъ?

Купецъ бросилъ на говорившаго очень проницательный взглядъ, который говорилъ ясно: «Я, право, не понимаю, какъ это вы рѣшаетесь говорить со мною о подобныхъ вещахъ?»

— Кто васъ ближе знаетъ, — продолжалъ, ни мало не смущаясь, Бееръ, — тотъ, конечно, не повѣритъ, и если даже ему это скажутъ, станетъ положительно отрицать. Но вѣдь здѣсь, въ нашемъ добромъ городѣ Любекѣ, жителей много, и раны, нанесенныя послѣднею войною не зажили и вскрываются легко, при одномъ имени аттердага. Если, поэтому, пройдетъ по городу тотъ слухъ, что вы изволите дружить съ датчанами, то вѣдь, согласитесь, это можетъ сильно подорвать добрую славу вашей старой фирмы?

Госвинъ Стеенъ поднялся со своего мѣста. Онъ оперся рукою на столъ и, мрачно взглянувъ на писца, сказалъ:

— Господинъ секретарь, или ваша рѣчь есть не болѣе, какъ пустая болтовня, которую я васъ прошу прекратить, или вы подтвердите ваши слова существенными доказательствами.

— Я бы, конечно, не осмѣлился беспокоить столь именитаго и столь уважаемаго всѣми купца, если бы не имѣлъ въ виду оказать ему дѣйствительную услугу. А потому-то я и позволю себѣ сообщить вамъ слѣдующее.

И секретарь думы, говоря это, также поднялся со своего мѣста. Онъ оправился, откашлялся и, ударяя себя по ладони правой руки наболдашникомъ трости, началъ такъ:

— Во всѣхъ здѣшнихъ тавернахъ только и рѣчи теперь, что объ одномъ датчанинѣ—чуть ли его не Кнудомъ Торсеномъ зовутъ—котораго будто бы вы изволили снабдить весьма значительною суммою денегъ; и всѣ, видите ли, говорятъ, что этотъ датчанинъ состоитъ въ непосредственныхъ связяхъ съ извѣстнымъ шпіономъ аттердага, ювелиромъ Нильсомъ. Гѣловы-то, знаете ли, въ низшемъ слоѣ населенія, у всѣхъ очень разгорячены, а потому и неудивительно, что мнѣ уже не разъ приходилось слышать возгласы въ родѣ того: «Госвинъ Стеенъ—предатель по отношенію къ своему родному городу и ко всему Ганзейскому Союзу, а потому его бы слѣдовало отдать подъ судъ»... Подобные толки очень легко находятъ себѣ отголосокъ и могутъ быть весьма опасны для васъ, г. Стеенъ; а потому я и счелъ своимъ долгомъ обратить на эти толки ваше вниманіе.

Стеенъ, видимо, не зналъ, что слѣдуетъ ему отвѣчать. Онъ не могъ никакъ рѣшить даже и такого вопроса: благодарить ли ему г. секретаря за его сообщенія, или просто, безъ церемоніи, немедленно выгнать изъ палаты? Только послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Если бы даже я и ссудилъ кого-нибудь деньгами, то это рѣшительно никого не касается, хотя бы даже должникъ мой былъ и датчанинъ. Да при томъ же мнѣ кажется очень страннымъ, почему именно это дѣло проникаетъ въ публику? Это дѣло могло получить извѣстность только благодаря кому-нибудь изъ лицъ, близко стоящихъ къ городскому совѣту.—И при этомъ купецъ пронизалъ взглядомъ своего гостя. Тотъ на мгновенье принялъ равнодушный видъ, взглянулъ въ потолокъ, покачалъ головою и, наконецъ, сказалъ:

— То есть, какъ же это, — г. Стеенъ?—Я васъ не совсѣмъ понимаю...

— Не понимаете? — нетерпѣливо перебилъ его купецъ. — Да какъ же могли узнать въ городѣ? въ народѣ? о такомъ документѣ, который занесенъ въ книгу городского совѣта?

— А! такъ значить такой документъ точно имѣется въ книгѣ городского совѣта?

— Это вамъ лучше должно быть извѣстно.

— Не имѣю объ этомъ никакихъ свѣдѣній, хотя господинъ бургмейстеръ Варендорпъ изготовляетъ всѣ подобные документы не иначе какъ при моемъ посредствѣ.

— Тотъ документъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ написанъ еще при бургмейстерѣ Виттенборгѣ,—мрачно произнесъ Стеенъ.

— А! если такъ, то я вовсе и не удивлюсь тому, что подобнаго документа не знаю. Когда поименованное вами лицо управляло городскими дѣлами, нашего брата частенько обходили при подобныхъ дѣлахъ.

— Я самъ ходотайствовалъ о томъ, чтобы Виттенборгъ лично изготовилъ этотъ документъ,—заявилъ Стеенъ,—а потому именно я еще вдвойнѣ удивляюсь слухамъ, которые вы мнѣ сообщаете.

— Вы, можетъ быть, еще болѣе удивитесь, когда узнаете, кто именно является главнымъ виновникомъ распространенія этихъ слуховъ?—сказалъ Бееръ съ плутоватою улыбкой.

— Такъ онъ вамъ извѣстенъ?—съ изумленіемъ вскричалъ Стеенъ.—Кто же это?

Секретарь хихикнулъ...

— Не велика птица!—сказалъ онъ, многозначительно помолчавъ и поигрывая съ набалдашникомъ своей трости.

— Такъ назовите же мнѣ его!—нетерпѣливо крикнулъ купецъ.

— Это одинъ изъ вашихъ приказчикъ, по имени Янъ Ганнеке, кажется. Онъ утверждаетъ, будто бы слышалъ это отъ своего отца, что ужъ, конечно, не болѣе, какъ наглая ложь... Потому, какъ же могъ бы простой рыбакъ узнать о такомъ важномъ и при томъ тайномъ дѣлѣ?..

Госвинъ Стеенъ такъ и замеръ, услыхавъ это; послѣдній остатокъ вѣры въ человѣка, въ это мгновеніе, разлетѣлся въ немъ прахомъ. Какъ!? Ганнеке, которому онъ вполнѣ довѣрился и, благодаря этому довѣрью, приблизилъ его къ себѣ,—Ганнеке измѣнилъ своему слову! Всѣ его клятвы оказывались дѣтскою ложью, потому что онъ способенъ былъ разболтать о дѣлѣ и нарушить его тайну!..

— Весьма сожалѣю, что навелъ на васъ такое дурное настроеніе,—извинялся между тѣмъ секретарь,—но я, право, только изъ желанія добра...

— Примите мою благодарность,—сказалъ Госвинъ Стеенъ.— Я постараюсь воспользоваться вашимъ предостереженіемъ. Очень мало тревожусь о томъ, что станетъ говорить обо мнѣ простонародье; но я обязанъ, во всякомъ случаѣ, охранять честь моей старинной фирмы. А если васъ станутъ спрашивать, г. секретарь, о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, то скажите всѣмъ только одно: Госвинъ Стеенъ — самый вѣрный и самый преданный защитникъ Ганзы и ганзейскихъ интересовъ, и если бы отъ него зависѣло дѣло, то онъ бы ужъ давно заставилъ аттердага поплатиться за тотъ вредъ, который онъ Ганзѣ нанесъ.

— Будьте увѣрены, что всему городу это передамъ!—отвѣчалъ секретарь, низѣхонько раскланиваясь, и не переставая кланяться исчезъ за дверью конторы.

Часа два спустя, когда Янь вернулся из города в контору, исполнивъ данныя ему порученія, и собирався занять свое обычное мѣсто, онъ увидилъ, что его товарищи посматриваютъ на него какъ-то странно... Немного спустя къ нему подошелъ старшій приказчикъ, завѣдывавшій конторой, и сказалъ:

— Вы можете не начинать вашей работы, такъ какъ фирма не нуждается болѣе въ вашихъ услугахъ.

Янь не вполнѣ разслышалъ то, что ему было сказано; но говорившій продолжалъ:

— Мнѣ поручено передать вамъ ваше жалованье за текущую четверть года.—И при этомъ онъ полностью отсчиталъ Яну на его столѣ слѣдовавшую ему маленькую сумму.

— Да что же я такое сдѣлалъ?—сказалъ, наконецъ, Янь, который все еще никакъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія.— Чѣмъ я провинился, что г. Стеенъ такъ внезапно отказываетъ мнѣ отъ мѣста?

— Этого я и самъ не знаю, и только выполняю по отношенію къ вамъ возложенное на меня порученіе.

— Такъ я пойду къ самому г. Стеену,—воскликнулъ Янь, пораженный случившимся,—и спрошу у него, на какомъ основаніи...

— Господинъ Стеенъ вовсе не желаетъ съ вами видѣться,—отвѣчалъ старшій приказчикъ.—И вы только напрасно потеряете время, если даже и повидаетесь съ нимъ:—онъ своего рѣшенія не измѣнитъ.

— Да если бы я только могъ узнать, что именно побуждаетъ его къ такому странному способу дѣйствій? Или, можетъ быть, вы не были довольны мною? Можетъ быть, вы жаловались на недостатокъ старанія съ моей стороны или на мое обхожденіе?

— Никогда ни на что не жаловался.

— Такъ вѣрно же кто-нибудь оклеветалъ меня предъ г. Стеенномъ?

— Кому это въ голову прійдетъ? Всѣ здѣсь—честные работники. Можетъ быть, онъ вамъ отказываетъ просто такъ, потому что времена вообще тяжелыя... Вы младшій изъ насъ, а ему вздумалось сократить число приказчиковъ; ну, вотъ онъ съ младшаго и началъ.

— Такъ почему же онъ не допускаетъ меня къ себѣ и даже не дозволяетъ съ собою проститься.

— Развѣ вы не знаете, какъ онъ цѣнитъ время, и какой онъ врагъ всякихъ излишнихъ формальностей? Полагаю, что и ему не легко съ вами разстаться, а потому онъ и желаетъ, какъ васъ, такъ и себя оберечь отъ такого неприятнаго свиданія.

Тутъ ужъ потрясеніе, вызванное этимъ событіемъ въ душѣ Яна, разразилось слезами. Не въ силахъ будучи удержаться, Янь раз-

рыдался, и, сунувъ деньги въ карманъ, сталъ поочередно прощаться со своими товарищами. Затѣмъ, онъ вышелъ на улицу, и ему все еще не вѣрилось. Онъ оглянулся въ послѣдній разъ на хозяйскій домъ и увидѣлъ самого хозяина у окна его конторы. Онъ готовъ былъ вернуться, подойти къ нему и спросить: «да что же я вамъ такое сдѣлалъ, что вы такъ вдругъ рѣшились отпустить меня, бѣдняка, на всѣ четыре стороны»?! Но мрачный и суровый взглядъ, брошенный въ его сторону хозяиномъ, приковалъ его къ мѣсту. Минуту спустя, Госвинъ Стеенъ уже отошелъ отъ окошка.

XXIII.

Еще одно испытаніе.

Глубоко и тяжело вздыхая, направился бѣдный юноша къ дому Детмара. «Что они обо мнѣ подумаютъ!»— вотъ что прежде всего вертѣлось у него въ головѣ. Особенно мучило его то, что, пожалуй, фрейленъ Елисавета усомнится въ его способности быть со временемъ толковымъ и дѣльнымъ купцомъ, и, пожалуй, подумаетъ, что онъ какой-нибудь лѣнтяй, котораго прогнали со службы за ненадобность!.. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ дому Детмаровъ, но все не рѣшался въ него войти. Наконецъ, онъ задумалъ сначала попытаться поискать себѣ мѣсто у другихъ хозяевъ, а потому принялся бродить по городу.

А между тѣмъ, въ семьѣ Детмаровъ уже давно знали о томъ, что отъ мѣста ему отказано. Секретарь, черезъ одного изъ своихъ племянниковъ, служившаго въ конторѣ Стеена, узналъ о случившемся съ Яномъ и уже успѣлъ довести это извѣстіе до свѣдѣнія фрау Детмаръ и фрейлейнъ Елисаветы.

Елисавета тотчасъ же вышла изъ комнаты, чтобы скрыть свои слезы. Ненавистный ей секретарь не долженъ былъ видѣть, какое сердечное участіе она принимала въ несчастіи постигнувшемъ Яна.

— Какъ же это такъ скоро могло случиться?—спросила Беера хозяйка дома.

Тотъ только усмѣхался да плечами пожималъ.

— Да что же это?—съ досадою проговорила фрау Детмаръ,— не мучьте, пожалуйста, а просто скажите, что вамъ объ этомъ извѣстно?

Секретарь многозначительно поднялъ брови и, наклонясь къ уху почтенной женщины, произнесъ съ разстановкой:

— И знаю; а сказать не могу—это большая тайна!

— А почему же не сказать?—возразила фрау Детмаръ, подстрекаемая любопытствомъ.—Право, странно: сами называете себя нашимъ другомъ, собираетесь даже войти съ нами въ родственныя отношенія; а между тѣмъ отказываете мнѣ въ довѣрїи?

У ИЗДАТЕЛЯ
И. А. ГОЛЫШЕВА

(Слобода Мстера, Владимірской губерніи)

продаются слѣдующія, оставшіяся въ весьма ограниченномъ количествѣ
экземпляровъ, изданія:

АЛЬБОМЫ:

- I. Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ
XVII вѣка, съ 20 листами рисунковъ, 1870 г. 2 р. 50 к.
Тоже изданіе на простой бумагѣ 1 " — "
- II. Памятники старинной русской рѣзбы по дереву, съ
20 листами рисунковъ, 1877 г. 2 " 50 "
- III. Памятники деревянныхъ церковныхъ сооружений, съ
21 листомъ рисунковъ, 1879 г. 2 " 50 "
- IV. Альбомъ русскихъ древностей, съ 40 листами рисун-
ковъ, 1881 г. 4 " 50 "
- V. Памятники русской старины, съ 17 листами рисунковъ
и 3 оттисками большихъ лубочныхъ картинъ, 1882 г. 2 " 50 "
- VI. Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651,
1679 и 1686 гг., съ 30 лист. рисунковъ, 1885 г. 7 " 50 "

КНИГИ И БРОШЮРЫ:

1. Богоявленская слобода Мстера, 1865 г. 1 р. — к.
2. Лубочныя народныя картинки, 1870 г., съ оттискомъ 1 " — "
3. Образцы старинной рѣзбы по дереву, 1877 г., съ 3
оттисками — " 50 "
4. Лубочная народная картинка „Мыши kota погребаютъ“,
1878 г., съ оттискомъ 1 " — "
5. Распятіе Христово и Христосъ въ багряницѣ, 1879 г.,
съ 2 оттисками — " 50 "
6. Мѣсто земного упокоенія князя Д. М. Пожарскаго,
1885 г., съ 5 листами рисунковъ 1 " — "
7. К. Н. Тихонравовъ, 1887 г., съ портретомъ — " 50 "

Съ требованіями обращаться къ **Ивану Александровичу
Голышеву**, Мстерское почтовое отдѣленіе Владимірской
губерніи.

Цѣны назначены съ пересылкой.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

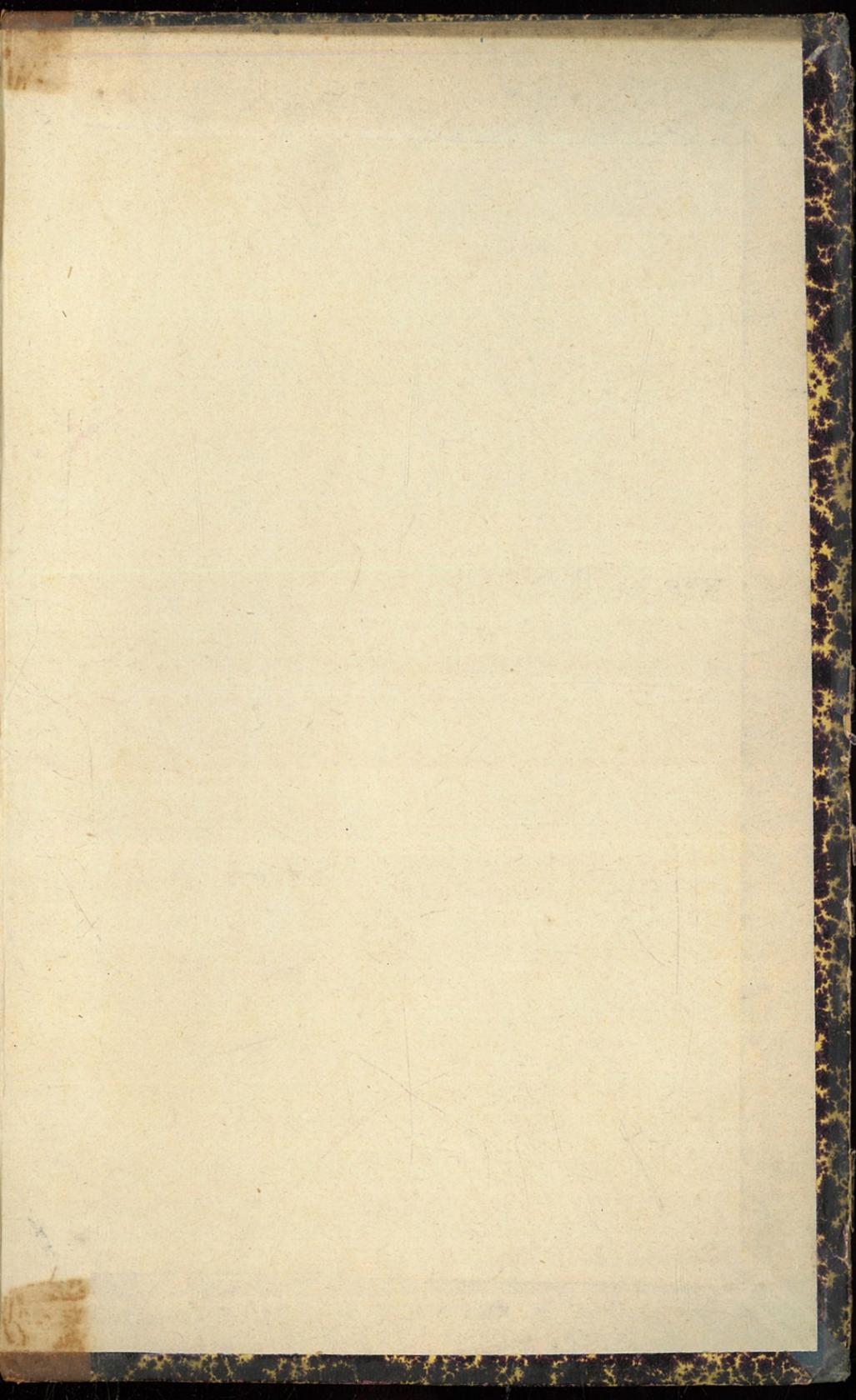
Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I Ма 139

1888, Т. 32, № 4

Антиреволюционное отделение
Гос. Публичной Б-ки в Л-де